

ISSN 2413-6182

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Communication
Studies**

2018 № 4 (18)

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2018 * № 4 (18)

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Вена, Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. V.E. Chernyavskaya
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Kronhaus
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lassan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Vienna, Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

Dr. M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2018 * № 4 (18)

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Издается в рамках научного сотрудничества с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Редактор Д.С. Нерозник
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Дизайн обложки З.Н. Образова
Переводчики
В.А. Харюшина, А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72190 от 15 января 2018 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

«Коммуникативные исследования» –
рецензируемый научный журнал,
в котором представлены исследования
в области коммуникативистики.

К публикации принимаются статьи
на русском и английском языках

Включен в перечень ВАК.

Включен в Международную базу журналов ERIH PLUS.

Включен в Международную базу журналов ULRICH WEB.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, 2 корпус ОмГУ, каб. 221
Тел.: +7(3812)22-98-15
Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>

Дата выхода: 29.12.2018.
Ризографическая печать.
Формат 60×84 1/8.
Заказ 344. Тираж 60 экз.
Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94243.
Свободная цена

Отпечатано в типографии Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

Founded in 2014

Published four times a year

Founded by Dostoevsky Omsk State University

The journal is published within the framework of scientific cooperation with Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science (RAS)

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva
Design of cover Z.N. Obrazova
Interpreters
V.A. Kharyushina, A.Yu. Enareva

Journal Registration Certificate
ПИ No. ФС77-72190 of January 15, 2018.
Given by The Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

ISSN 2413-6182

"Communication Studies" is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
communication science.

The Journal publishes articles in Russian
and English

Included in VAC list.

Included in ERIH PLUS.

Included in ULRICH WEB.

Included in Russian Science Citation Index.

Address of editorial office
office 221, 2nd OmSU corpus, 55a, Mira pr.,
Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7(3812)22-98-15
Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>

Date of publication: December 29, 2018.
Risograph printing.
Format 60×84 1/8.
Order 344. Circulation of 60 copies
United subscription catalog "The Russian
Press". Index 94243.
Free price

Published by Dostoevsky Omsk State
University

Address of publisher and printing house
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077,
Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел I. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I. THEORY OF COMMUNICATION

<i>Азараков Л.В.</i> Толерантный дискурс как дискурс ценностно-ориентированного типа.....	<i>Azarakov L.V.</i> Tolerant discourse as a value-oriented discourse.....	7	<i>Галич Г.Г.</i> Категориальная интерпретация содержания профессионального дискурса.....	<i>Galich G.G.</i> Categorical interpretation of the professional discourse content.....	22
<i>Титаренко Е.Я.</i> Русский язык в поликультурном регионе.....	<i>Titarenko E.Ya.</i> Russian language in a multicultural region.....	35	<i>Шпильная Н.Н.</i> Тематическая структура устного обыденного педагогического дискурса.....	<i>Shpilnaya N.N.</i> Thematic structure of everyday pedagogical speech discourse.....	45

Раздел II. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part II. MODERN DISCOURSE PRACTICES

<i>Белая Е.Н.</i> Национально-культурная специфика английских, французских, русских фразеологических единиц.....	<i>Belaia E.N.</i> National and cultural particularities of English, French, and Russian phraseological units.....	61	<i>Дорофеев Ю.В.</i> О функционировании регионально маркированных номинативных единиц.....	<i>Dorofeev Yu.V.</i> Functioning of regionally marked nominative units.....	82
<i>Иссерс О.С.</i> Представления о речевом идеале, речевых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического эксперимента).....	<i>Issers O.S.</i> Representations of speech ideal, speech decency and language taste (on the material of the pilot sociolinguistic experiment).....	95	<i>Оводова С.Н., Жигунов А.Ю.</i> Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе.....	<i>Ovodova S.N., Zhigunov A.Yu.</i> War of communities: representation of the conflict in urban discourse.....	112
<i>Орлова Н.В.</i> Телефонная реплика <i>Удобно говорить?</i> в рефлексии носителей современной речевой культуры.....	<i>Orlova N.V.</i> Telephone phrase <i>Is it convenient to talk?</i> in the reflection of modern speech culture representatives.....	128	<i>Солопова О.А., Ворошилова М.Б.</i> Эмотивный потенциал прогностического текста (на материале британского политического дискурса XIX в.).....	<i>Solopova O.A., Voroshilova M.B.</i> Emotive potential of political forecast (based on British political discourse of the 19th century).....	141
<i>Чэнь Пэйцзюнь.</i> Лингвистическое комментирование как один из способов этнографического описания в трудах о. Иакинфа (Бичурина).....	<i>Chen Peijun.</i> Linguistic commenting as a way of ethnographic descriptions in the works of Fr. Iakinf (Bichurin).....	157	<i>Шашкова Е.В.</i> Специфика реплики как жанра современного телевидения.....	<i>Shashkova E.V.</i> Specific features of utterance as a genre of modern television.....	165

Раздел III. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕКЛАМЫ И СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Part III. COMMUNICATIVE PRACTICES OF ADVERTISING AND PR

<i>Векслер А.Ф.</i> Взгляды российских PR-практиков на PR, маркетинг и интегрированные коммуникации (по результатам опроса 2017 г.).....	<i>Veksler A.F.</i> Russian PR practitioners: views of PR, marketing and integrated communications (according to the survey conducted in 2017).....	179
--	---	-----

Радина Н.К. Онлайн-петиция в междисциплинарных полях и на теоретических перекрестках: политология и лингвистика.....193

Radina N.K. Online-petition in interdisciplinary fields and theoretical cross-roads: political science and linguistics..... 193

**Раздел IV. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

**Part IV. ACTUAL DIRECTIONS
IN FICTION AND POETRY TEXTS RESEARCH**

Кадырова У.Р. Ольфакторная образность и ее коммуникативный потенциал в любовном дискурсе Ашык Умера.....211
Петрова Л.А., Лиходедова А.А. Коммуникативные черты трикстера в фольклорных образах героя-дурака222

Kadyrova U.R. Olfactory image and its communicative potential in love discourse of Ashyk Umer..... 211
Petrova L.A., Likhodedova A.A. Communicative features of the Trickster in folklore images of the Hero the Fool..... 222

**Раздел V. КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА
Part V. COMMUNICATIVE DIDACTICS**

Карнюшина В.В., Иванова Е.А., Вариасова Е.В. Синтаксические и фонетические средства формирования эмоционального настроения и интимизации общения в лекциях TED: тактики речевого воздействия235

Karnyushina V.V., Ivanova E.A., Variasova E.V. Syntactic and phonetic means used to form emotional state and intimate communication with the audience in TED lectures: linguistic manipulation tactics..... 235

**Раздел VI. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА
Part VI. REVIEWS. CHRONICLE**

Колесов В.В. О значении метафоры для концептологии: рецензия на цикл монографий Л.В. Балашовой «Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.» (М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica)); «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее» (М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica))255

Kolesov V.V. On the significance of metaphors for conceptology: review of the cycle of monographs by L.V. Balashova 'Russian metaphor system in development: 11th-20th centuries' (Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., Znak Publ., 2014. 632 p. (Studia Philologica)); 'Russian metaphor: past, present, future' (Moscow, Yazyki Slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 496 p. (Studia Philologica))..... 255

Бутакова Л.О. Лингвистика креатива: юбилей уральской креативной лингвистики и психолингвистики282

Butakova L.O. Linguistics of creativity: anniversary of the Ural creative linguistics and psycholinguistics 282

Картышева М.С. Заседание Орфографической комиссии РАН (20 мая 2018 г., Санкт-Петербург, Россия): хроника и основные решения288

Kartysheva M.S. The meeting of the Spelling Commission of the RAS (May 20, 2018, St. Petersburg, Russia): the chronicle and main decisions 288

Титаренко Е.Я. Хроника II международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 8–12 июня 2018 г.)293

Titarenko E.Ya. Chronicle of the 2nd International Symposium "Russian Language in the Multicultural World" (Yalta, June 8-12, 2018)..... 293

Информация для авторов301

Information for authors 301

Раздел I

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I

THEORY OF COMMUNICATION

ТОЛЕРАНТНЫЙ ДИСКУРС КАК ДИСКУРС ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ТИПА

Л.В. Азараков

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия)

Аннотация: Исследуется толерантный дискурс как дискурс ценностно-ориентированного типа и его формирование на стыке противоположных по ценностным установкам мировоззрений. Выявляется понятийная сущность категории толерантности, определяются особенности толерантного дискурса. Ситуация возникновения толерантного дискурса анализируется на материале англоязычной статьи *Tolerance for belief*, опубликованной в журнале *The Sentinel-Record* и содержащей языковые маркеры, указывающие на развитие толерантного дискурса. При проведении исследования используются описательный метод, метод критической лингвистики и интерпретативный метод. Описывается методика выявления оценочных контекстов и способ актуализации оценки субъектом. Объясняется функция оценочного высказывания в процессе коммуникативного взаимодействия в толерантном дискурсе. Отмечается, что отдельный вид дискурса имеет свою иерархию ценностей. Дается интерпретация категории толерантности с позиции отечественных и зарубежных исследователей. Описываются формирование толерантного дискурса, его характерные признаки, условия его успешного функционирования и назначение. Дается определение толерантному дискурсу и интерпретируется стратегия построения текста данного дискурса, имеющего столкновение ценностных установок религиозного и научного сообществ. Делается вывод, что толерантный дискурс имеет место в случае столкновения ценностных установок различных сторон, которые стремятся достичь взаимопонимания, а в процессе развертывания толерантного дискурса возможны проявления толерантного и интолерантного отношения, связанные с поиском точек соприкосновения с целью достижения взаимопонимания.

Ключевые слова: толерантность, толерантный дискурс, научный дискурс, религиозный дискурс, оценочное высказывание, ценность, оценка.

Для цитирования:

Азараков Л.В. Толерантный дискурс как дискурс ценностно-ориентированного типа // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 7–21. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.7-21.

Сведения об авторе:

Азараков Леонид Викторович, аспирант

Контактная информация:

Почтовый адрес: 655017, Россия, Абакан, ул. Ленина, 90

E-mail: lazarakov@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.02.2018

В современных лингвистических исследованиях большое внимание уделяется дискурсивным исследованиям. Одно из направлений данных исследований посвящено различным ценностно-ориентированным дискурсам. В свете того, что в современных условиях происходит взаимопроникновение культур, возникает необходимость исследования толерантного дискурса, так как толерантность служит нормой построения отношений представителей разнообразных культур, групп, религий, сообществ и т. д.

Целью данной статьи является рассмотрение статуса толерантного дискурса как дискурса ценностно-ориентированного типа, а также ценностных оснований формирования данного дискурса на стыке противоположных по ценностным компонентам дискурсов.

Ценностная ориентация толерантного дискурса теоретически определяется, с одной стороны, логикой рассуждения о формировании оценочных контекстов дискурса независимо от его типа, а с другой стороны – самой сутью толерантного дискурса, описанной подробно И.И. Ждановой, Е.А. Кожемякиным, Б.Р. Могилевичем, О.Н. Иванищевой.

Анализ ценностно-ориентированного дискурса основывается на выявлении оценочных контекстов дискурса. А это, в первую очередь, исходит из того, что значимость какого-либо предмета или явления выступает неизменным условием определения субъектом его ценности. Выражение коммуникантом своего ценностного отношения происходит посредством различного вида оценочных высказываний, которые могут выражаться вербально или подразумеваться контекстуально. Чем значимее объект оценки для субъекта высказывания, тем очевиднее и ярче актуализация оценочных контекстов в дискурсе.

Наиболее частотным типом высказывания является оценочное высказывание, выражающее аксиологическую оценку, т. е. отношение субъекта к объекту по критерию «хорошо / плохо». Аксиологическая оценка актуализируется в языке высказыванием, которое представлено его дескриптивным содержанием и модальным значением. Дескриптивный компонент характеризует определенные черты предмета, а модальный компонент определяет отношение к этому предмету. Вербальная актуализация оценки представляет собой общность межличностного опыта и закреплена в процессах коммуникации [Вольф 2002: 19].

В процессе коммуникативного взаимодействия представителей определенного дискурса оценочное высказывание функционирует как ориентир, раскрывающий отношение к проблеме (объекту оценки) с точ-

ки зрения системы ценностей, принятой этим дискурсивным сообществом. Таким образом, принятая институтом система ценностей выступает основой оценочного действия (оценки) в рамках определенного дискурса. В свою очередь, оценочные высказывания выступают языковыми формулами, иными словами, инструментами формирования ценностно-ориентированного дискурса в рамках другого дискурса.

Формирование ценностно-ориентированного дискурса происходит в ситуациях развития разных видов персонального и институционального дискурсов. При этом аксиологические компоненты данных дискурсов выступают ориентиром для участников дискурса в регулировании взаимодействия между ними. Каждый тип дискурса выстраивает свой ценностно-ориентированный дискурс исходя из свойственной именно этому дискурсу системы ценностей.

Например, в англоязычном политическом дискурсе наблюдается актуализация свойственных данному дискурсу правовых ценностей (*human rights* 'права человека', *equality* 'равенство', *right to property* 'право на собственность'), а также аксиологических (*peace* 'мир', *well-being* 'благополучие', *fortune* 'богатство', *justice* 'справедливость') и толерантных ценностей (*freedom of convictions* 'свобода взглядов', *freedom of worship* 'свобода совести'). Данному виду дискурса свойственна и актуализация ценностей, функционирующих только в рамках этого дискурса (*rule* 'власть', *constitutionalism* 'конституционализм', *law-bound state* 'правовое государство', *separation of powers* 'разделение властей').

Из этого следует, что ценностно-ориентированный дискурс имеет свою иерархию, соответствующую ценностной иерархии дискурса, в которой он и определяется. Речь идет о компонентах иерархии, которые, с одной стороны, могут репрезентировать универсальные ценности, составляющие основу многих статусно- и личностно-ориентированных дискурсов (*love* 'любовь', *beauty* 'красота', *honesty* 'честность', *kindness* 'добро'), а с другой – являют ценности, составляющие уникальную часть определенного статусно- и/или личностно-ориентированного дискурса.

Категория толерантности как компонент ценностной иерархии дискурса представляет одну из универсальных ценностей практически любого дискурса, так как является одним из основных ценностных ориентиров современного общества. При этом толерантность понимается как правильное понимание, принятие и уважение различных культур, различных способов самовыражения индивида. К данной категории относится терпимое отношение к другим, их языку, национальности, религии и т. д. Это такое нравственное качество, которое характеризуется стремлением личности достичь доброжелательного и согласованного отношения к лицам, имеющим свои интересы, убеждения, привычки и поведения. Толерантность предполагает достижение понимания без применения мер давления, используя приемы убеждения и разъяснения [Бессчетнова 2011].

Такое понимание толерантности прослеживается и в иностранных источниках. Так, Х. Юсуф определяет толерантность как положительное отношение к разнообразию и способность жить и давать возможность жить другим. Это способность проявлять справедливое и объективное отношение к тем, у кого точки зрения, деятельность, религиозная принадлежность, национальность и иные подобные характеристики отличаются от собственных. Это не просто соглашение друг с другом, а проявление уважения к неотъемлемым человеческим качествам каждой личности [Yusuf 2013].

В Кембриджском словаре, фиксирующем общепринятое понимание, толерантность определяется как готовность принимать поведение и веру, которые отличаются от собственных, хотя индивид может не соглашаться или не одобрять их (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/tolerance>).

Толерантность рассматривается как постулат цивилизованного сосуществования всех участников социальных отношений с их разнообразными мнениями, убеждениями, верованиями, точками зрения и другими признаками. Данный феномен культивирует гармоничное, устойчивое, прочное и неизменное существование общественной жизни во всём его многообразии. В первую очередь, толерантность подразумевает то, что все индивидуумы, так же как и группы, имеют равные права. Во-вторых, каждый индивидуум и группа признают и принимают право других сторон иметь различные мнения, мысли, желания и поведение. По данному представлению толерантность – это уважение, принятие и сохранение разнообразия мировых культур и способов самовыражения человека [Agius, Ambrosewicz 2003: 11–17].

Категория толерантности – это минимальное обязательное качество общественных отношений, которое предполагает отказ от применения силы и принуждения. Толерантность характеризуется равенством людей, взаимным уважением человеческого достоинства, равенством возможностей меньшинств, мужчин и женщин и свободой вероисповедания [Mauro 1994: 15–20; Омелаенко 2011; Жданова 2013; Иванищева 2015: 13–17; Михайлова 2015: 76–77; Плаксина 2016: 22–33]. К тому же толерантность предполагает отказ от стремления изменить коммуниканта в соответствии с собственными представлениями, не вторгаться в его систему ценностных ориентиров [Касьянова 2009: 110–111].

Толерантность также означает толерантное отношение к отвергаемым верованиям и деятельности, даже если есть возможность относиться нетерпимо. Данная возможность рассматривается не как что-то забытое или упущенное, а как сознательный отказ от применения силы. Объектом толерантного отношения могут быть индивидуальная совесть, вера, чья-либо совместная деятельность, а также группы, определяемые верованиями и деятельностью [Dobbernack 2011: 9–11].

Понимание толерантности может предполагать и контексты негативных отношений, когда речь идет скорее о смирении с тем, что нам не нравится, или даже к чему мы испытываем ненависть [Witenberg 2014]. Иными словами, это означает смирение с тем, что не нравится, часто для того, чтобы поладить лучше с другими. Толерантность возникает в свете неприязни, расхождения и неодобрения. При этом отсутствие неприязни некоторыми осознаётся не как толерантное отношение, а как понимание существующих различий или как «простая» симпатия [Van Doorn 2014: 4–5].

Представленные выше ситуации возникновения и развития толерантных отношений позволяют исследователю интерпретировать контексты толерантного дискурса во всём разнообразии их проявления, включая контексты, где центральным звеном ценностной нагрузки толерантности выступают уважение человека как индивида, его права и свободы [Иванова 2011], а также те, где проявление толерантности воспринимается носителем культуры как смирение с иным миром. Толерантный дискурс возникает только в ситуациях несовпадения культурных ценностей, мнений, мировоззрений, национальностей, расовых признаков, привычек, образа жизни и иного участников дискурса. В любой ситуации толерантного дискурса его участники, независимо от степени «добровольности» проявления толерантности, стремятся найти способы мирного сосуществования, не пытаясь насильственно навязать свои ориентиры.

Данная трактовка развития толерантного дискурса согласуется с представленным в ряде гуманитарных работ, где исследуются особенности толерантного дискурса. В своем диссертационном исследовании И.И. Жданова определяет толерантный газетный дискурс как совокупность письменных текстов по теме «Толерантность», раскрывающих отношения между различными субъектами, основанные на взаимопонимании, способствующие формированию толерантного сознания, воспитывающие уважение к иному, побуждающие к взаимодействию [Жданова 2015: 30–35]. Целью толерантного дискурса СМИ является формирование культуры толерантности, проявляющейся в уважении других культур и национальностей, признании прав отдельных народов на выбор и развитии своих политических, социальных и культурных систем, а также в признании прав личности на свободу и взгляды [Жданова 2012].

Формирование толерантного дискурса происходит путем введения понятий, составляющих основу концептосферы толерантного дискурса. Например, О.Н. Иванищева выявила установку журналистских текстов на формирование терпимого отношения к иной культуре и демонстрацию единства при многообразии форм, используя понятия, составляющие основу концептов [Иванищева 2008].

В отличие от лингвистических работ, в которых акцент делается на текстовой реализации толерантного дискурса, исследования с позиции

философии, социологии, политологии и прочего акцентируют внимание на социальном характере деятельности в рамках данного дискурса. Согласно определению Е.А. Кожемякина и Е.А. Кроткова, толерантный дискурс представляет сферу деятельности субъектов коммуникации, добровольно признающих фундаментальные права и свободы других лиц, которые также не нарушают права и свободы по отношению к другим [Кожемякин, Кротков 2009].

Для успешного толерантного дискурса немаловажное значение имеет тематический репертуар, который обуславливается контекстуальными стратегиями коммуникантов, которые складываются под воздействием социокультурных норм, особенностей ситуации коммуникации, социальных ролей коммуникантов и их личных характеристик. Тематический репертуар определяется также общекультурной информацией о деятельности социальной группы и социокультурной ситуацией [Могилевич 2016].

Из этого следует, что толерантный дискурс – это социальное взаимодействие коммуникантов, целью которого является достижение взаимопонимания по поводу спорных вопросов, разделяющих участников данного дискурса на иные стороны по отношению друг к другу. Данные вопросы связаны с признанием права на существование и пониманием других ориентаций, верований, мнений, убеждений, мировоззрений. Толерантный дискурс относится к ценностно-ориентированному типу и возникает в контекстах как институционального, так и персонального характера. Результатом взаимодействия в рамках данного дискурса являются тексты, отражающие ситуации толерантного отношения к иным культурам и традициям и направленные на формирование толерантного сознания.

Рассмотрим пример толерантного дискурса, представленного в тексте статьи массмедийного дискурса, репрезентирующей взаимодействие представителей различных мировоззренческих установок о происхождении мира. Статья *Tolerance for belief*, вышедшая в журнале *The Sentinel-Record*, представляет письмо редактору, в котором автор призывает к своему оппоненту, представителю науки, проявлять взаимную толерантность к вере. В данном толерантном дискурсе происходит столкновение контекстов научного и религиозного дискурсов.

В тексте выстраивается стратегия, направленная на убеждение адресата в проявлении толерантности к теории о божественном происхождении нашей планеты и людей, посредством введения контекстов религиозного дискурса. Письмо является ответной реакцией автора на убеждения оппонента о научном объяснении происхождения мира – автор требует от противоположной стороны быть толерантным к точке зрения об участии божественной силы в сотворении мира. На основании вышеизложенного, можно утверждать, что данная статья, представленная в форме письма-реакции, имеет непосредственное отношение к толерантному дискурсу.

Примечательным является то, что непосредственными источниками данного толерантного дискурса выступают научный и религиозный дискурсы. Ценностные установки представителей данных дискурсов создают предпосылки появления толерантного дискурса в рамках анализируемого дискурсивного взаимодействия. Следующий ниже пример иллюстрирует «столкновение» оценочных контекстов научного и религиозного дискурсов.

Hundreds of years before Mr. Nunn's "Researchers proved scientifically that we are all one people," the great Apostle Paul told the crowd at Mars Hill that God made of one blood all nations of men to dwell on the earth. Mr. Nunn complains that we Christians react in a "fundamental" way. "Fundamental" means foundational. Serious belief needs a strong foundation to build upon.

Представленный пример содержит оценочное высказывание, характеризующее определенным образом мир ценностей научного дискурса – *Researchers proved scientifically that we are all one people*. В этом высказывании прослеживается гносеологическая ценность о соответствии высказывания действительности, т. е. об истинности этого высказывания. На это указывает оценочный предикат, несущий ценностный смысл (*proved* ‘доказали’). Последний означает, что доказательство подразумевает соответствие какой-либо теории или точки зрения реальности. Таким образом, ценностным основанием для возникновения данного оценочного высказывания выступает правило истинности, являющееся одним из центральных компонентов систем ценностей научного дискурса.

Данный текст актуализирует также элементы системы ценностей религиозного дискурса – *the great Apostle Paul told the crowd at Mars Hill that God made of one blood all nations of men to dwell on the earth*. Более того, ценностные элементы религиозного дискурса сопоставляются и противопоставляются высшей ценности научного дискурса – истинности утверждения. Данное противопоставление происходит через отсылку к высшим ценностным ориентирам религиозного дискурса (*Apostle Paul* ‘Апостол Павел’ и *God* ‘Бог’), которые являются значимыми для коммуникантов, вовлеченных в данный дискурс. Оценочным критерием в анализируемом религиозном дискурсе выступает непоколебимая вера в события, описанные в Библии. Ценность данного высказывания приобретает опору на критерий веры, т. е. высказывание признаётся как событие, имевшее место, не за счет доказательной базы, как в научном дискурсе, а за счет принятого на веру слова (высказывания). Значимость данного высказывания объясняется священной верой субъектов религиозного дискурса, подкрепленной письменной фиксацией в Библии. На непоколебимость этой веры указывает также оценочный предикат *great* ‘великий’, характеризующий отношение говорящего к Апостолу Павлу (*Apostle Paul*), который является почитаемым проповедником Иисуса в христианском религиозном дискурсе. Данный оценочный предикат (*great*) представляет

сферу аксиологических ценностей и выражает ценности социума по критерию желаемости.

Далее в этом же примере актуализация оценочных контекстов указывает на попытку субъекта оценки подвести оценку аксиологического характера под гносеологические основания – *Serious belief needs a strong foundation to build upon*. В приведенном высказывании оценочный предикат *serious* ‘серьезный’ характеризует веру как признаваемую, т. е. важную для большинства. Приписывание вере такого ценностного качества, как «признание», выступает причиной рассмотрения анализируемого высказывания в контексте аксиологической оценки. Другая актуализированная оценка усиливает аксиологический контекст гносеологическим признаком «неопровержимости» (*strong* ‘сильный’). Качество непоколебимости или неопровержимости расценивается как то, что нельзя опровергнуть или поставить под сомнение. Данная характеристика интерпретируется как истинностное или реальное качество и выступает основой гносеологической оценки.

В статье автор, с одной стороны, пытается согласовать точки зрения, т. е. найти точки соприкосновения ценностей религиозного дискурса и научного дискурса. А, с другой стороны, данное «согласование» выступает отправной точкой к высказыванию точки зрения о соответствии устройства мира системе ценностей религиозного дискурса.

I like his reference to the "pale blue dot" which is our Earth – and he admits to a "beginning" which many atheists do not. There was a place in eternity behind us when there was no universe to be held up by the word of His power, no earth to engage His attention, no angels singing His praises, only God "from everlasting." We can loosely comprehend "forever" out in front of us – we all hope to live "forever." But we cannot understand "forever" behind us.

However, we are told that God is "from everlasting." There are even believers who seem to think that God was twiddling his fingers all those eons. But King David said that by the word of God the heavens were made – by the breath of His mouth. God, in His plurality, looked down at this "little blue dot" and said "Let's do something special with this little blue planet" – blue because it was covered with water. Read on in Genesis how the waters were divided, and plant life began on the "dry land" right up until He said, "Let's make man in our image," and male and female God created man.

Первой попыткой найти точки соприкосновения ценностей научного и религиозного дискурсов выступает оценка автора, высказанная относительно используемого Наном описания планеты: “*pale blue dot*” ‘тусклая голубая планета’. Высказывание *I like his reference to the "pale blue dot"* актуализирует аксиологическую оценку, на что указывает предикат (*like* ‘нравится’). Данная оценка подразумевает, что объект или явление по отношению к субъекту высказывания несет ценностное значение, т. е. ценностью в данном случае для субъекта высказывания высту-

пает планета Земля как творение Бога. При этом автор статьи вкладывает метафорический смысл в сугубо качественное описание планеты из космоса, предложенное изначально Наном.

Далее оценочное высказывание – *he admits to a "beginning" which many atheists do not*, восходящее к ценностной категории религиозного дискурса. Категория религиозного дискурса актуализируется ценностью *beginning* 'начало'. Под этим подразумевается зарождение мира и всего живого в интерпретации христианства. Данная теория имеет большое значение для субъектов религиозного дискурса как основание происхождения мира. Она имеет письменное отражение в священном писании, т. е. основывается на вере. Исходя из этого, данная категория рассматривается как ценность религиозного дискурса. Однако, автор статьи использует термин *"beginning"* как средство согласования точек зрения, представляющих позиции двух разных дискурсов. На это указывает предикат *admit* 'признавать', который автор высказывания использует для создания контекста толерантного дискурса. Допущение или признание чего-то с позиции толерантного дискурса интерпретируется как терпимое и признаваемое отношение. Таким образом, в рамках данного высказывания автор фактически навязывает право теории начала на признание представителями других теорий или взглядов. На этом основании актуализированная категория относится к сфере толерантности. Именно высказанное автором требование к толерантному отношению к теории начала дает ему основание привести аргументы в пользу божественного происхождения мира. Его аргументы фактически являются аргументами к авторитету, что указывает на ценностные ориентиры религиозного дискурса – Веру в слова Бога, зафиксированные в Библии (*God* 'Бог', *His plurality* 'Его вездесущность', *His mouth* 'Его уста'). Следует отметить, что в религиозном дискурсе ценность приобретают любые приукрашенные объекты, имеющие священное значение с позиции истории становления веры. С позиции вышесказанного, теория начала выступает ценностью только религиозного дискурса, являясь институциональной ценностью.

Далее автор статьи в целях укрепления своей позиции, требующей признания толерантного отношения, переходит к иллюстрации возможности совершения наукой ошибок при интерпретации окружающего мира. Таким образом, автор подводит адресата к возможным недочётам научного видения происхождения мира.

Science also tells us, Mr. Nunn, that a living system must do three things: process energy, store information and replicate. All living things do that. Think about the human cell. The stars do not have the intelligence to create a human cell. Scientists of the Darwinian era thought of the living cells as being "homogeneous globules of plasm" (Hackel, 1905). But the truth is that a one-cell organism is more complicated than anything we've been able to recreate through super-computers.

One person says: "A single-cell organism may be described as a high-tech factory, complete with artificial languages and decoding systems; central memory banks that store and retrieve impressive amounts of information; precision control systems that regulate the automatic assembly of components; proofreading and quality control mechanisms that safeguard against errors; assembly systems that use principles of prefabrication and modular construction; and a complete replication system that allows the organism to duplicate itself at bewildering speeds." All this is just the beginning.

Акцентирование внимания на возможных упущениях начинается с указания автора на сложность системы живой природы – *living system must do three things: process energy, store information and replicate*. Данное замечание выступает предпосылкой к опровержению научного объяснения происхождения мира. В качестве основания отрицания научной интерпретации мира приводится пример ошибочного представления о живых клетках в эпоху Дарвина – *Scientists of the Darwinian era thought of the living cells as being "homogeneous globules of plasm"*. Вышесказанному дается оценочный итог – *But the truth is that a one-cell organism is more complicated than anything we've been able to recreate through supercomputers*. Гносеологическая оценка *truth* 'правда' указывает на истинность высказывания об ошибочном научном представлении о клетке, а также на невозможность воссоздания чего-либо подобного. В подтверждение вышесказанного приводятся факты: *A single-cell organism*, – показывающие, насколько сложна система одноклеточных организмов.

На основании всего вышесказанного автор приходит к выводу, что сторонник научной точки зрения, требующий проявлять толерантность к научной интерпретации происхождения мира, и со своей стороны должен проявить данное стремление к религиозной позиции:

There is no star which can reproduce the human cell. Surely, Mr. Nunn, in your own demand for tolerance, you can offer me the same tolerance in my firm belief that it takes an all-powerful God to accomplish the creation of the beautiful blue dot and fill it with amazing humans made of all those incredible cells He designed.

Требование начинается с отсылке запроса Нана на толерантность – *in your own demand for tolerance, you can offer me the same tolerance* – по отношению к научной позиции, если тот хочет толерантности, то и он в свою очередь должен проявить данное стремление по отношению к религиозному взгляду. И в подтверждение данного требования вводится оценочное высказывание, показывающее неотступность его позиции – *it takes an all-powerful God to accomplish the creation of the beautiful blue dot and fill it with amazing humans made of all those incredible cells*. Оценочные предикаты, используемые автором для своего высказывания, подчеркивают величие Бога и неповторимость его творения. В целях убедительности раскрываются аксиологические контексты, т. е. такие контексты, которые

опираются на критерии веры, желаемости и пользы (*all-powerful God* 'Бог всемогущий', *beautiful* 'красивый', *amazing* 'изумительный', *incredible* 'невероятный').

Проанализированный выше пример показывает проявления как толерантного, так и интолерантного отношения, связанного с поиском точек соприкосновения участниками дискурса и направленного в конечном итоге на достижение взаимопонимания и положительное принятие противоположной точки зрения. В этом смысле анализ текста показывает столкновение мировоззренческих установок религиозного дискурса и научного дискурса, что создает условия для возникновения толерантного дискурса. В контекст толерантного дискурса нас выводит позиция автора статьи, что религиозное мировоззрение, равно как и научное мировоззрение, может рассчитывать на понимание со стороны научного сообщества, т. е. на его толерантное отношение. В поддержку своей позиции автор вводит в текст статьи как религиозные ценностные контексты (аксиологические), так и ценностные контексты научного сообщества (гносеологические). В комплексе актуализация ценностных контекстов, направленная на достижение взаимопонимания сторон, и свидетельствует о развитии ситуации толерантного дискурса.

Таким образом, толерантный дискурс имеет место в случаях несоответствия ценностных установок и других предпочтений взаимодействующих сторон. При этом противоположные стороны стремятся к взаимопониманию и признанию предпочтений других участников данного дискурса, показывая терпимое и уважительное отношение, но они не принимают чужие ориентации как свои собственные. В процессе взаимодействия участников толерантного дискурса возможны проявления «интолерантного» отношения к иным предпочтениям, возникающие из-за желания участников данного дискурса добиться толерантного отношения к собственным ценностным ориентациям. В таких случаях толерантный дискурс – это дискурс не сложившихся толерантных отношений, а дискурс, формирующий толерантные отношения пока еще на уровне интенциональных горизонтов его участников.

Список литературы

- Бессчетнова О.В.* Толерантность как объект изучения гуманитарных наук: опыт междисциплинарных научных исследований // Толерантность в современном обществе: сб. науч. ст. Ярославль, 2011. С. 42–44.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 2002. 280 с.
- Жданова И.И.* Толерантный газетный дискурс: дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2015. 258 с.
- Жданова И.И.* Коммуникативные стратегии толерантного газетного дискурса русскоязычных зарубежных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. С. 71–74.

- Жданова И.И.* Понятие «сотрудничество» в толерантном дискурсе русскоязычных зарубежных СМИ // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2012. № 3(2). С. 20–24.
- Иванищев О.Н.* Толерантный дискурс в современном обществе: учебное пособие. Мурманск: Мурман. гос. гуманитар. ун-т, 2015. 135 с.
- Иванищев О.Н.* Толерантный дискурс в региональной прессе (на примере СМИ Мурманской области) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 5 (19). С. 101–110.
- Иванова С.Ю.* Аксиологические аспекты толерантности в современном мире // Толерантность в современном мире: опыт междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 54–57.
- Касьянова Е.И.* Социально-философские основания толерантности: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2009. 338 с.
- Кожемякин Е.А.* Дискурс // Международная академия дискурс исследований: сайт. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=137%3Adiscurs (дата обращения: 19.11.2017).
- Михайлова О.А.* Лингвокультурологические аспекты толерантности. Екатеринбург: Изд-во Ур. федер. ун-та, 2015. 124 с.
- Могилевич Б.Р.* Дискурс коммуникативной толерантности // Социология и политология. 2016. № 3. С. 193–199.
- Омелаенко Н.В.* Толерантность: научно-теоретический дискурс // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22617> (дата обращения: 19.11.2017).
- Плакшина Н.А.* Воспитание толерантности младших школьников к детям с особыми образовательными потребностями: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2016. 180 с.
- Agius E., Ambrosewicz J.* Towards a culture of tolerance and peace. Montreal, 2003. 65 p.
- Dobbernack J.* Accept pluralism. Bristol: University of Bristol, 2011. 37 p.
- Doorn Van M.* Tolerance. Amsterdam: VU University, 2014. 38 p.
- Witenberg T. Rivka.* Tolerance is more than putting up with things – it's a moral virtue. // The conversation. September 16, 2014. URL: <https://theconversation.com/tolerance-is-more-than-putting-up-with-things-its-a-moral-virtue-31507> (дата обращения: 14.05.2018).
- Yusuf H.O.* Promoting Peaceful Co-Existence and Religious Tolerance through Supplementary Readers and Reading Comprehension Passages in Basic Education Curriculum // International Journal of Humanities and Social Science. 2013. № 8. P. 224 – 232.

Источник

Tolerance for belief // The Sentinel-Record. April 3, 2017. URL: <http://www.hotsr.com/news/2017/apr/03/tolerance-for-belief-20170403/> (дата обращения: 25.04.2017).

References

Agius, E., Ambrosewicz, J. (2003), *Towards a culture of tolerance and peace*, Saint-Mathieu, Montreal, Quebec, Canada, 65 p.

- Besschetnova, O.V. (2011), Tolerantnost' kak obyekt izucheniya gumanitarnykh nauk: [Tolerance as an object of studies of the humanities]. *Tolerantnost' v sovremen- nom obshchestve: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Tolerance in a modern society: Interdisciplinary research experience], collection of articles, Yaroslavl', pp. 42-44. (in Russian)
- Dobbernack, J. (2011), *Accept pluralism*, Bristol, University of Bristol Press, 37 p.
- Doorn, Van M. (2014), *Tolerance*, Amsterdam, VU University Press, 38 p.
- Ivanischeva, O.N. (2015), *Tolerantnyi diskurs v sovremennom obshchestve* [Tolerant discourse in a modern society], Textbook, Murmansk, Murmansk State University for the Humanities Publ., 258 p. (in Russian)
- Ivanischeva, O.N. (2008), Tolerantnyi diskurs v regional'noi presse (na primere SMI Murmanskoi oblasti) [Tolerant discourse in regional press (example of mass media in the Murmansk region)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Herald of Pushkin Leningrad State University], No. 5 (19), pp. 101-110. (in Russian)
- Ivanova, S.Y. (2011), Aksiologicheskie aspekty tolerantnosti v sovremennom mire [Axiological aspects of tolerance in the modern world]. Novikov, M.V., Nizhegorodtseva, N.V. (Eds.) *Tolerantnost' v sovremennom mire: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Tolerance in the modern world: experience of interdisciplinary research], Proceedings of the 1st International Scientific Conference, Yaroslavl, YaGPU Publ., pp. 54-57. (in Russian)
- Kas'yanova, E.I. (2009), *Sotsial'no-filosofskie osnovaniya tolerantnosti* [Social and philosophical foundations of tolerance], Dissertation, Chita, 338 p. (in Russian)
- Kozhemyakin, E.A. (2009), Diskurs [Discourse]. *Mezhdunarodnaya akademiya diskurs issledovaniy* [International academy of discourse studies], available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=137%3Adiscur (accessed date: November 11, 2017). (in Russian)
- Mikhailova, O.A. (2015), *Linguokul'turologicheskie aspekty tolerantnosti* [Linguocul- turological aspects of tolerance], Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 124 p. (in Russian)
- Mogilevich, B.R. (2016), Diskurs komunikativnoi tolerantnosti [Discourse of commu- nicative tolerance], *Sotsiologiya i politologiya* [Sociology and Political Sci- ences], No. 3, pp. 193-199. (in Russian)
- Omelayenko, N.V. (2015), Tolerantnost': nauchno-teoreticheskii diskurs [Tolerance: scientific and theoretical discourse]. *Sovremennye problemy nauki i obrazova- niya* [Modern problems of science and education], Iss. 2, part 2, available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22617> (accessed date: No- vember 11, 2017). (in Russian)
- Plaksina N.A. (2016), *Vospitanie tolerantnosti mladshikh shkol'nikov k detyam s osobymi obrazovatel'nymi potrebnyami* [Educating elementary school chil- dren to tolerate children with special educational needs], Dissertation, Volgo- grad, 180 p. (in Russian)
- Volf, E.M. (2002), *Funktional'naya semantika otsenki* [The functional semantics of valuation], Moscow, Nauka Publ., 280 p. (in Russian)
- Witenberg, T. Rivka (2014), Tolerance is more than putting up with things – it's a moral virtue. *The conversation*, available at: <https://theconversation.com/tolerance->

- is-more-than-putting-up-with-things-its-a-moral-virtue-31507 (accessed date: May 14, 2018).
- Yusuf, H.O. (2013), Promoting Peaceful Co-Existence and Religious Tolerance through Supplementary Readers and Reading Comprehension Passages in Basic Education Curriculum. *International Journal of Humanities and Social Science*, No. 8, pp. 224-232.
- Zhdanova, I.I. (2015), *Tolerantnyi gazetnyi diskurs [The tolerant newspaper discourse]*, Dissertation, Murmansk, 258 p. (in Russian)
- Zhdanova, I.I. (2013), Kommunikativnye strategii tolerantnogo gazetnogo diskursa russkoyazychnykh zarubezhnykh SMI [Communicative strategies of tolerant newspaper discourse of Russian-speaking foreign mass media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]*, 2013, No. 3, pp. 71-74. (in Russian)
- Zhdanova, I.I. (2012), Ponyatie 'sotrudnichestvo' v tolerantnom diskurse russkoyazychnykh zarubezhnykh SMI [The definition of 'collaboration' in a tolerant discourse of Russian-speaking foreign mass media]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie [Herald of Vyatka State Humanitarian University. Philology and fine art research]*, 2012, No. 3(2), pp. 20-24. (in Russian)

Source

Tolerance for belief. *The Sentinel-Record*, April 3, 2017, available at: <http://www.hotsr.com/news/2017/apr/03/tolerance-for-belief-20170403/> (accessed date: April 25, 2017).

TOLERANT DISCOURSE AS A VALUE-ORIENTED DISCOURSE

L.V. Azarakov

Katanov State University of Khakassia (Abakan, Russia)

Abstract: The objective of the article is to study tolerant discourse as a value-oriented discourse and its forming at the junction of worldviews with opposite value systems. To achieve the goal, it is necessary to identify the notional essence of the category of tolerance, to define the features of tolerant discourse and to analyze the emergence of tolerant discourse on linguistic material. The latter is the English-language article "Tolerance for belief", published in the journal "The Sentinel-Record", which contains language markers indicating on the development of tolerant discourse. The study uses the descriptive method, method of critical linguistics, and interpretive method. The technique of revealing the evaluative contexts and the method of actualizing the assessment by the subject are described. The function of the evaluative utterance in the process of communicative interaction in tolerant discourse is explained. It is noted that a separate type of discourse has its own hierarchy of values. The interpretation of the category of tolerance is given from the perspective of national and foreign researchers. The formation of tolerant discourse, its characteristic features, the conditions for its successful functioning and purpose are described. The definition of tolerant discourse is

given and the strategy of composing of the text of the given discourse is interpreted, which has a confrontation of values of the religious and scientific communities. In conclusion, it may be said that tolerant discourse takes place in case of confrontation of values of various parties that seek to achieve mutual understanding. In the process of unfolding tolerant discourse, manifestations of tolerant and intolerant attitudes are possible, connected with the search for common ground to achieve mutual understanding.

Key words: tolerance, tolerant discourse, scientific discourse, religious discourse, evaluative utterance, value, valuation.

For citation:

Azarakov, L.V. (2018), Tolerant discourse as a value-oriented discourse. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 7-21. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.7-21. (in Russian)

About the author:

Azarakov Leonid Victorovich, postgraduate student

Corresponding author:

Postal address: 90, Lenina ul., Abakan, 655017, Russia

E-mail: lazarakov@mail.ru

Received: February 12, 2018

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Г.Г. Галич

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Рассматриваются категории мышления и языка в структуре профессионального дискурса. Делается акцент на том, что изучение категориального содержания человеческого мышления и обнаружение его объективаций в языке относится к важным задачам современной когнитивной лингвистики, оно касается организации знаний внутри языковой картины мира, но набор таких категорий еще не определен, некоторые из них требуют предварительной разработки. С опорой на исследовательский опыт отечественной философии и менталистического языкознания отстаивается идея поступательного развития лингвистики от ономазиологии к когнитивизму, приводятся сохраняющие актуальность высказывания ученых середины XX в. Профессиональный дискурс рассматривается как коммуникативная среда для функционирования когнитивных и языковых категорий разных типов, используемых согласно целеполаганию его участников. Предлагается первичная группировка категорий дискурсивного содержания. Описываются отдельные онтологические и гносеологические категории, представленные в немецком и русском языках словами разных частей речи, словообразовательными элементами и фрагментами дискурса. Приводятся примеры экспонентов из области категорий качества, свойства, признака, процесса, деятельности, познания и вербализации его результатов. Утверждается, что такие категории тесно взаимосвязаны и представляют интерес для лингвиста как средство доступа к межкатегориальным отношениям в речевом мышлении.

Ключевые слова: категории мышления и языка, содержание, профессиональный дискурс.

Для цитирования:

Галич Г.Г. Категориальная интерпретация содержания профессионального дискурса // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 22–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.22-34.

Сведения об авторе:

Галич Галина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков и культуры

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ggalich.2014@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.02.2018

Одной из насущных задач современной комплексной коммуникативной и когнитивной лингвистики можно считать систематизацию накопленных в ней сведений о единицах концептуализации, категоризации и вербализации бытия. Глобальной целью этой систематизации, достижимой в перспективе, может быть построение целостной архитектуры когниции [Панкрац 1996], т. е. установление смысловых переходов от частных единиц (концептов и их языковых репрезентантов) через их фреймовые и категориальные связи к содержательной структуре лежащей в основе речевой коммуникации концептуальной системы или языковой картины мира. Единицами этой структуры могут быть признаны категории разного уровня обобщенности.

При постановке новых задач возникает вопрос о подходах и методах, которые позволят получить новые решения. Этот вопрос касается диалектики эволюции и традиции, иногда уходящей корнями в глубокое прошлое. Так, Л.В. Щерба в качестве эпиграфа к своей известной статье «О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» использует латинское изречение *Nihil est in dicendo, quod non inhaereat grammaticae vel hominum actioni. Nihil est in grammatica, quod non fuerit in dicto*¹ [Щерба 1974: 24]. С сегодняшних позиций «сказанное» можно определить как дискурсивный фрагмент, фрагмент человеческого общения.

Это изречение отсылает нас к вполне современным словам Е.С. Кубряковой: «Лингвист может заниматься репрезентацией тех или иных категорий и концептов в сознании (ментальных мирах) человека исключительно только после того, как он обнаружил их в естественном языке путем лингвистического анализа представленных в нем языковых форм» [Кубрякова 2006: 29]. Главной здесь представляется мысль о том, что структурирование знаний говорящего о мире возможно посредством анализа форм естественного языка.

Одним из путей, позволяющих приблизиться к достижению этой глобальной цели, можно считать комплексное исследование содержания дискурса в аспекте выявления в нем элементов категориальной системы языковой картины мира. Иными словами, речь идет о попытке выяснения того, какие категории формируют категориальную сетку познания, которую, говоря словами Дж. Макшейна и З. Пылишина, язык «набрасы-

¹ «В сказанном нет ничего, что не включало бы как грамматику (в современном понимании – языковые единицы. – Г. Г.), так и человеческую деятельность. И в грамматике нет ничего, чего не было бы в сказанном» (пер. мой. – Г. Г.).

вает» на познаваемый мир [Панкрац 1996: 13], и какие из них могут быть обнаружены в вербальной коммуникации. Пока еще речь не идет о составлении полного набора этих категорий именно из-за глобальности задачи, но некоторые типы поддаются описанию в процессе направленной категориальной интерпретации реального текста / дискурса, осуществляемой не произвольно, но в системе установленных координат.

Материалом для такой интерпретации был избран профессиональный текст / дискурс. Его особенности, касающиеся точного обмена информацией, выраженного стремления автора к определенной референции терминов, к избеганию индивидуальных авторских образов и реминисценций, создают благоприятные условия для объективного прочтения семантики представленных в тексте номинаций отдельных объектов и их группировок, имеющих в ряде случаев категориальный характер. Соответственно, речь в статье идет о том, какие познавательные категории могут быть обнаружены в профессиональном общении.

Профессиональный дискурс рассматривается как специальная, большей частью – институциональная, реже – личностная сфера коммуникации в понимании В.И. Карасика, Л.С. Бейлинсон, Е.И. Головановой и других авторов [Карасик 2004; Бейлинсон 2009; Голованова 2013]. Для получения результатов, представленных в данной статье, обследовались прежде всего письменные формы фиксации дискурса: тексты научных статей, монографий, учебников, отраслевых энциклопедий и справочников, записи интервью.

Особенность применяемого подхода заключается в том, что при всей своей специфичности дискурс может быть рассмотрен как особая коммуникативная среда, включающая в себя некоторое когнитивное содержание. Как особая среда профессиональный дискурс порождается целями субъектов-специалистов, оформляется в соответствии с условиями специального общения и наполнен некоторыми комбинациями языковых знаков. Для поставленных задач особенно важно, что в этом наполнении присутствуют языковые единицы с значениями разного уровня обобщенности.

Комплексное когнитивно-дискурсивное рассмотрение продуктов профессионального общения позволяет обнаружить в них не только специальные терминологические единицы, вербализующие элементы научного знания, но и необходимые для порождения текста, интегрирующие его общенаучные и общезыковые средства. Из этого следует, что изучение категориального содержания профессионального дискурса должно быть комплексным и охватывать значения общезыковых лексико-грамматических структур, воплощающих естественные категории языка, и терминов, несущих специальное знание о категориях науки. В тексте их рассмотрение может носить сочетанный характер и быть направлено на учет одновременного присутствия в дискурсе категорий научного знания и

обыденного мышления. Последние могут быть модифицированы соответственно сфере общения.

Понятие и термин «категории» имеют мультидисциплинарный характер, в языкознании они наиболее закрепились в версиях «грамматические» и «понятийные» категории. В когнитивной лингвистике широко используется процессуальный дериват – «категоризация». Субстанциональная версия принимается неоднозначно, особенно в зарубежных работах, под влиянием восходящей к Л. Витгенштейну развернутой критики традиционной логико-философской теории категорий, ставящей под сомнение обоснованность, принципы и методы их выделения. В последние годы понятие категории стало постепенно преодолевать это сомнение и отвоевывать заслуженный статус наиболее общей структуры познания (см.: [Лакофф 2004; Кубрякова 1996, 2006; Болдырев 2006]).

В научной литературе можно найти множество страниц о происхождении понятия «категория», истории его изучения в лингвистике и смежных науках, о тонкостях дефиниций, номенклатуре категорий и т. д. (обзор см.: [Шафиков 2007]). Здесь представляется уместным лишь сослаться на наличие таких работ и отметить высокий уровень абстракции, который вызывает значительные трудности определения и описания категории как феномена. Важно, что она наиболее достоверно проявляет себя в вербализованной форме в речи, тексте / дискурсе.

В данной статье в прикладных целях принимается наиболее широкое определение понятия категории как **обобщения в логическом смысле** [Уемов 2013; Эйхбаум 1996]. Такое определение позволяет заниматься именно категориями в языке и тексте, не сбиваясь на решение вопроса о том, что есть категория, и путем индуктивного анализа фактического материала получать конкретные результаты о дискурсивных содержательных единицах разного уровня обобщения, т. е. двигаться в сторону выявления имеющихся видов категорий, категориальных признаков, их систем и подсистем, играющих те или иные роли в речевой коммуникации.

Выделение в профессиональном дискурсе категорий и их описание коррелирует с выделяемыми в науке разными видами категорий, в практике порождения и восприятия дискурса они могут быть комплексными, нести на себе рефлекс объективно комплексных языковых единиц. Так, иногда оказывается затруднительным отнесение вербализованных категорий к концептуальной или языковой картине мира, особенно – если их разграничение не входит в целеустановку автора, занятого изложением конкретной – обычно, внеязыковой – проблемы в контексте соответствующей науки. Если языковая форма изложения не дает убедительных данных в пользу разграничения концептуальных и языковых знаний, едва ли оправдано жесткое проведение такого разграничения. Практика показывает, что в содержании профессионального дискурса могут быть выявлены категории мышления и категории языка в их реальном взаи-

модействии. Комплексны известные из истории отечественного языкознания понятийные категории, речемыслительные категории [Кацнельсон 1972] и элементы единого уровня, на котором языковое содержание является одновременно и мыслительным [Jackendoff 1985: 50–56].

Одной из побудительных причин для написания данной статьи послужило следующее положение. В 1980 г. известный философ С.А. Васильев, рассуждая о том, что мышление человека лучше всего доступно анализу в текстах, писал, что не существует (на тот момент. – Г. Г.) никакого эффективного метода, с помощью которого можно было бы выявить все категории мышления, реализованные в семантике данного текста, хотя они там, несомненно, наличествуют, «у нас нет полного списка категорий и неизвестно даже, возможно ли в принципе его составить» [Васильев 1980: 50].

Далее он конкретизирует тезис о наличии: «...они несомненно присутствуют, именно в речи, в функционировании языка – в словах, их частях, синтаксических структурах» [Васильев 1980: 98–99]. На основе этих рассуждений можно наметить контуры программы дальнейших исследований категорий в речи / тексте.

За прошедшие годы в лингвистике появились предпосылки для оформления возможных «эффективных методов». Выработаны новые определения понятия «категория»: «...одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [Кубрякова 1996: 45]. В новых подходах речь идет «о пересмотре самого процесса классификации явлений действительности в том виде, в котором он происходит в повседневной человеческой жизни», ставится «вопрос о том, на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное множество своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики... классы, разряды, группировки, множества, категории» [Кубрякова 1996: 45–46].

Некоторые новые выводы можно сделать на основе современного прочтения давних, незаслуженно забытых работ. Так, В.Ф. Асмус в книге «Античная философия» пишет: «Неразработанность вопроса об отношениях и связях категорий, логических и лингвистических, привела к тому, что найденные Аристотелем категории выступают у него то как категории бытия и познания, то как категории языка» [Асмус 2009: 352–353]. Не это ли различие отчасти стирается в учении о понятийных категориях? И не оно ли говорит о возможности комплексного рассмотрения категорий содержания в речевом материале? Видимо, речь здесь не только о неразработанности.

Приведенные факты свидетельствуют о несомненной объективной сложности проблемы выделения категорий и ее сохраненной актуальности для когнитивной науки и лингвистики.

Постулируемая общность разных видов содержания в реальном опыте коммуникантов не означает правомерности смешения объектов исследования. Например, экспонентный план когнитивной категории качества никоим образом не сводится к лексико-грамматической категории имен прилагательных, и одна не подменяет другую. Достаточно вспомнить о наличии в языке имен и глаголов качества как субстанциональных и процессуальных их номинаций, прямых и косвенных, а также фразеологизмов и свободных синтаксических построений аналогичной семантики. Представляется корректным говорить здесь о глобальной категории качества (видимо, с подкатегориями свойства и признака) и бесконечном множестве ее языковых / речевых объективаций.

Прежде чем перейти к краткому изложению некоторых практических результатов поиска содержательных категорий в письменных фиксациях дискурса следует отметить, что даже далеко не полное описание присутствующих в дискурсе категорий потребовало бы многотомного труда. В зависимости от предметного содержания анализируемых текстов и способов его дискурсивной репрезентации существенными для истолкования этого содержания могут быть признаны самые разнообразные и многочисленные категории.

В процессе анализа дискурсивного произведения в первую очередь определялись его прагматические характеристики – цель общения, его субъекты, предметная сфера общения. Далее текст членился по содержанию на дискурсивные фрагменты. Объем таких фрагментов стремится к минимальному, но достаточному для когнитивной и прагматической интерпретации [Сусов 1988: 11]. Когнитивная интерпретация в этом смысле – интерпретация относительно структур знания коммуникантов, прагматическая – относительно структур деятельности (действия, интенции относительно вербализации этих действий). Как правило, содержание фрагмента должно позволять реконструировать обсуждаемую предметно-познавательную ситуацию или ее часть. На уровне материальной языковой формы использовались приемы компонентного анализа, а также экспериментальные методы, предложенные Л.В. Щербой: трансформации, подстановки, замены [Щерба 1974].

Выявление категориальной структуры содержания дискурсивных фрагментов и речевого произведения в целом производилась в опоре на утверждение Бертрана Рассела: «Выявить структуру объекта – значит упомянуть его части и способы, с помощью которых они вступают во взаимоотношения» [Рассел 2001: 8]. Пожалуй, ключевое слово здесь – отношения, особенно существенными из которых следует признать частное и общее.

Многообразие выделенных категорий, первично определяемых как языковые в широком смысле, включающие когнитивное и прагматическое содержание, может быть предварительно сведено к четырем типам.

Во-первых, это **собственно языковые**, системно-структурные категории, наиболее изученные в традиционной лингвистике: части речи как лексико-грамматическая суперкатегория, обеспечивающая кодирование / декодирование смыслов и их сложение в потоке речи, лексические (терминологические), грамматические (морфологические, синтаксические), словообразовательные категории, обеспечивающие ту или иную форму экспонирования предметного содержания дискурса.

Во-вторых, **речевые, прагматические** категории: участники коммуникации, интенции субъекта и ожидания реципиента / реципиентов, учет фонда знаний адресата / адресатов, модусы изложения, описания, предписания и другие речевые жанры и практики.

В-третьих, **текстовые**, интенционально и композиционно значимые **информационно-смысловые** категории: введение, заключение, смысловое членение, определение основных понятий, описание процессов, объектов и результатов исследования, его преимуществ и недостатков, выводы, перспективы, элементы скрытой рекламы, минимальные смысловые отрезки – дискурсивные фрагменты, вводимые метатекстовыми операторами типа *исходить из предположения, что..., прийти к мнению, что..., выразить сомнение в том, что...* и т. п.

В-четвертых, **когнитивные** категории, наиболее тесно связанные с понятиями общей или профессиональной картины мира и присутствующие в дискурсе в тех или иных экспонентных формах. В большинстве случаев когнитивные категории удастся разделить на глобальные онтологические – вещи, свойства, отношения, процессы, количество и др. – и гносеологические – познание, релевантность, модальность и др.

Могут быть выделены в отдельную группу социокультурные категории, которые влияют, например, на членение сферы той или иной науки в разных странах: в России содержание инженерной психологии сводится к триаде «Человек–Машина–Среда», а в Германии – "Mensch-Maschine-Kommunikation", т. е. определяется по-разному. Это различие закреплено социально и его причины нуждаются в специальном исследовании.

Приведенное перечисление не претендует на статус классификации, это всего лишь попытка показать объективное многообразие обобщенных содержаний дискурсивных единиц, которое еще только подлежит анализу и группировке.

Элементы всех выделенных типов в потоке речи / текста образуют сложные комбинации, взаимосвязаны и взаимодействуют между собой.

Выявляемые в текстах глобальные онтологические категории могут быть выражены специальными словами, представляющими собой категориальные номинации: *вещи, свойства, отношения, признаки, качества* и т. д. Экспонентно они могут совпадать с ядерными содержательными сферами соответствующих частей речи. Под аналогичные категории могут быть подведены также значения словообразовательных элементов –

вплоть до аффиксов с устойчивыми значениями. Например, категории свойство / качество / признак регулярно выражаются в русском языке не только именами прилагательными, но и существительными с суффиксами *-ость / -ность*: *сложность, надежность, беспечность* и т. п. – и далеко не только с этими. Категории процессов вербализуются глаголами и именами с суффиксами *-ание, -ение, -ство*: *дыхание, поведение, руководство*. В немецком языке также есть специальные суффиксы, еще более тесно, чем в русском, связанные с выражением категориального значения, например, качества: *-heit, -keit*: *Sicherheit (безопасность), Barmherzigkeit (доброта, милосердие)*, процесса / действия и деятеля: *-ung*: *Bearbeitung (обработка), -er, -erin*: *Lehrer, Lehrerin (учитель, учительница)*. Могут быть рассмотрены как экспоненты когнитивных категорий некоторые префиксы: *об-*: *обрабатывать* (воздействие снаружи), *про-*: *проработать* (воздействие изнутри), *раз-*: *разработать* (получить новое), *до-*: *доработать* (закончить) и др.

Как показывает фактический материал, тонкое разграничение некоторых категорий, например таких, как свойство / качество / признак, может быть несущественным для мышления рядовых коммуникантов: все три категории не имеют экспонентных различий в именах прилагательных, однако они могут различаться в значениях субстантивов. Сравнительный анализ дискурсивного функционирования немецких лексем *Eigenschaft (свойство)* и *Merkmal (признак)* показывает, что первая тяготеет к сфере онтологии – обозначает нечто, свойственное вещам в их объективном бытии, а вторая – к гносеологии: *это свойство составляет (отличительный) признак вещи*, т. е. по нему познающие субъекты отличают эту вещь от других. Первая чаще встречается в сочетании *иметь свойство*, вторая – *быть признаком*.

В структуре профессионального общения прагматически очень важны глаголы, практически ускользающие от внимания исследователя при терминологическом анализе, ориентированном преимущественно на субстантивные термины. Например, в случаях реализации в дискурсивном фрагменте интенции на дефинирование основных понятий в немецком языке типичным языковым средством выражения когнитивной операции отнесения определяемого объекта к некоторой категории выступает глагольная форма *ist – есть, является* (в русском переводе это обычно местоимение *это*): *Der Elektromotor ist eine Maschine zur Umwandlung von elektrischer Energie in mechanische Arbeit (Электромотор – это машина для преобразования электрической энергии в механическую работу)*.

Фрагменты с формой множественного числа того же глагола и перечислением дефинируемых объектов включают в свое содержание категориальные обобщения для той науки, к которой относится предметная (референтная) ситуация анализируемого дискурса. Следующий пример заимствован из дискурса инженерной психологии: *Geräte, Aggregate,*

Fahrzeuge, Rechner oder deren Kombination sind Maschinen, die den Menschen zum Mensch-Maschine-System ergänzen (Приборы, агрегаты, транспортные средства, вычислительные машины или их комбинации – это машины, которые дополняют человека в системе «человек–машина»).

На основе фрагментов-дефиниций типа «отнесение к классу» (*пульт – это устройство...*) могут быть построены гипо-гиперонимические цепочки лексем, представляющих подведение объектов под некоторые рубрики – от конкретных до высшей степени обобщения: *принтер (станок, автомобиль, электромотор и т. п.) – устройство, прибор, средство передвижения – машина – артефактный объект для выполнения некоторой работы / действия – материальный объект – вещь*. Названия газов в холодильной технике: *гелий (азот, фреон) – хладагент (газ, используемый для получения низких температур) – газ (вообще) – вещество – субстанция*. Более абстрактная цепочка: *энергетика – область техники – деятельность человека*. Наиболее общие категории, к которым приводят названные цепочки – элементы онтологии бытия *вещь, субстанция, деятельность*. Категория *деятельность* широко присутствует в разных цепочках, представляющих элементы занятости человека. Так, в приведенных выше примерах она входит в содержание звеньев *передвижение, выполнение, работа, действие, использование и получение*.

Подобные цепочки могут эксплицировать структуру мышления коммуникантов как в энциклопедических словарях, так и в ситуативно привязанном профессиональном дискурсе. В дискурсе возникают разнообразные сложные переплетения гипо-гиперонимических связей, что требует учета в его содержательной структуре не только собственно категорий, но и отношений между ними. Эти отношения также могут иметь категориальный статус разного уровня обобщения.

Категориальные номинации онтологического характера коррелируют с онтологией науки. В профессиональном дискурсе холодильной техники численно преобладают номинации процессов: *охлаждение, испарение, конденсация, сжатие, процесс*, – а также свойств и состояний: *тепло / теплота, холод, температура, объем, давление*. В дискурсе инженерной психологии наиболее частотны различные номинации человека, прямые и косвенные – по профессии, функциям в процессе производства, соматическим и физиологическим характеристикам, проявлениям интеллектуальной и эмоционально-волевой сферы. В дискурсе лингвистики преобладают категории языка и науки о языке, т. е., как и в общем случае, категории онтологические и гносеологические.

Гносеологические категории (парадигмальные, формирующие парадигму познания) наиболее сложны для анализа, фрагменты с ними требуют когнитивной и/или прагматической интерпретации. К этой группе относятся способы, стратегии познания, «точка зрения» и др. Это, прежде всего, дескрипция и оценка (*десять и много, мобильный и удобный и т. п.*),

результаты чувственного восприятия и абстрактного осмысления, утверждение и отрицание, сравнение, метафора, метонимия, субстантивация, местоименная репрезентация, модальность в широком и узком смыслах.

Динамический характер гносеологических категорий, включающих стратегии познания, наиболее ярко проявляется в дискурсе в сфере их глагольной экспликации и производных от глаголов формально и содержательно субстантивов – имен действия: *познавать – познание, открывать – открытие, воспринимать – восприятие, констатировать – констатация, оценивать – оценка* и т. п.

Гносеологические категории чаще оказываются общими для разных предметных сфер общения: разные науки одинаково имеют целью получение нового знания и сообщение его научной общественности посредством специального дискурса.

В заключение следует подчеркнуть, что комплексное многоаспектное рассмотрение содержательной структуры реального профессионального дискурса позволяет выявить в нем вербализации элементов категориальной сетки знаний человека и его речевых намерений и в перспективе встроить системные элементы выявляемых категорий в когнитивно-дискурсивную парадигму языка.

Список литературы

- Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2009. 400 с.
- Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы. Волгоград: Перемена, 2009. 339 с.
- Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- Васильев С.А. Категории мышления в языке и тексте // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев: Наукова думка, 1980. С. 66–105.
- Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского университета. 2013. № 1. Вып. 73. С. 32–35.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.
- Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2006. С. 26–31.
- Кубрякова Е.С. Категория // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Русские словари, 1996. С. 44–47.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Панкрац Ю.Г. Архитектура когниции и/или разума // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Русские словари, 1996. С. 12–13.

- Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М.: Ин-т общегуманитар. исслед.; Киев: Ника-Центр., 2001. 150 с.
- Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение. Процессы и единицы. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та 1988. С. 7–13.
- Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: Книга по Требованию, 2013. 184 с.
- Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.
- Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
- Эйхбаум Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1996. 275 с.
- Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge; Massachusetts: MIT Press, 1985. 283 p.

References

- Asmus, V.F. (2009), *Antichnaya filosofiya [Antique philosophy]*, Moscow, Vysshaya shkola Publ., 400 p. (in Russian).
- Beilinson, L.S. (2009), *Professionalnyi diskurs: priznaki, funktsii, normy [Professional discourse: characteristics, functions, norms]*, Volgograd, Peremena Publ., 339 p. (in Russian).
- Boldyrev, N.N. (2006), *Yazykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic categories as knowledge]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Challenges of cognitive linguistics]*, No. 2, pp. 5-22. (in Russian).
- Eichbaum, G.N. (1996), *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka [Theoretical Grammar of German]*, St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 275 p. (in Russian).
- Golovanova, E.I. (2013), *Professionalnyi diskurs, subdiskurs, zhanr professionalnoi kommunikatsii: sootnoshenie ponyatii [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: the correlation of notions]. Vestnik Chelyabinskogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk university]*, Vol. 73, Iss. 1, pp. 32-35. (in Russian).
- Jackendoff, R. (1986), *Semantics and Cognition*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 283 p.
- Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]*, Moscow, Gnozis Publ., 390 p. (in Russian)
- Katsnelson, S.D. (1972), *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie [Language typology and speech thinking]*, Leningrad, Nauka Publ., 213 p. (in Russian).
- Kubryakova, E.S. (2006), *Chto mozhet dat' kognitivnaya lingvistika issledovaniyu soznaniya i razuma cheloveka [What can cognitive linguistic do for the study of human consciousness and mind]. Mezhdunarodnyi kongress po kognitivnoi lingvistike [International congress in cognitive linguistics]*, collection of materials, Tambov, pp. 26-31. (in Russian).
- Kubryakova, E.S. (1996), *Kategoriya [Category]. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Concise dictionary of cognitive terms]*, Moscow, Faculty of Philology of the MSU Publ., pp. 44-47. (in Russian).

- Lacoff, G. (2004), *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi* [*Women, fire and dangerous things*], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 792 p. (in Russian).
- Pankrats, Yu.G. (1996), *Arkhitektura kognitsii i/ili razuma* [*Architectonic of cognition and/or mind*]. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [*Concise dictionary of cognitive terms*], Moscow, Faculty of Philology of the MSU Publ., pp. 12-13. (in Russian).
- Russel, B. (2001), *Chelovecheskoe poznanie, ego sfera i granitsy* [*Human Knowledge: its Scope and Limits*], Moscow, Russkie slovari Publ., 150 p. (in Russian).
- Shafikov, S.G. (2007), *Kategorii i kontsepty v lingvistike* [*Categories and concepts in linguistics*]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Issues of linguistics*], Iss. 2, pp. 3-17. (in Russian).
- Shcherba, L.V. (1974), *O troyakom aspekte yazykovykh yavlenii i ob eksperimente v yazykoznanii* [*About the triple aspect of language phenomena and about the experiment in linguistics*]. Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [*Language system and speech action*], Leningrad, Nauka Publ., pp. 24-39. (in Russian).
- Susov, I.P. (1988), *Deyatel'nost', soznanie, diskurs i yazykovaya sistema* [*Action, consciousness, discourse and language system*]. *Yazykovoie obshchenie: protsessy i edinitsy* [*Verbal communication: processes and units*], Kalinin, Kalinin State University Publ., pp. 7-13. (in Russian).
- Uemov, A.I. (2013), *Veshchi, svoistva i otноsheniya* [*Things, qualities and relations*], Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 184 p. (in Russian).
- Vasil'ev, S.A. (1980), *Kategorii myshleniya v yazyke i tekste* [*Categories of thought in language and text*]. *Logiko-gnoseologicheskie issledovaniya kategorialnoi struktury myshleniya* [*Logical and gnoseological studies of the categorial structure of thought*], Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 66-105. (in Russian)

CATEGORIAL INTERPRETATION OF THE PROFESSIONAL DISCOURSE CONTENT

G.G. Galich

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article deals with the thinking and linguistic categories in the structure of professional discourse. The study of major categories of human thinking and finding its objectivation in language is one of the important challenges of modern cognitive linguistics. This is related to their role in the organizing knowledge in the area of the linguistic world view. The set of these categories is still not worked out, some of them must be preliminary researched. Basing upon the research experience of Russian philosophy and mentalistic linguistics the author defends the idea of progressive development from onomasiology to cognitive linguistics, puts forward utterances of scientists from the 20th century, which are still actual. The professional discourse is regarded as a communicative environment where various cognitive and linguistic categories function according to the aims of its participants. A primary grouping of such categories is proposed in the article. Some ontological and epistemological categories, represented in German

and Russian by various parts of speech, some derivative components and discursive fragments are described. Examples are presented to illustrate the verbalized categories of quality, property, mark, process, activity, cognition and others. Such categories are deep interconnected and enable the scientist to understand intercategory relations in speech way of thinking.

Key words: thinking and linguistic categories, content, professional discourse.

For citation:

Galich, G.G. (2018), Categorical interpretation of the professional discourse content. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 22-34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.22-34. (in Russian)

About the author:

Galich Galina Georgievna, Prof., Professor of the Chair of Roman and German Languages and Cultures

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: ggalich.2014@mail.ru

Received: February 1, 2018

RUSSIAN LANGUAGE IN A MULTICULTURAL REGION

E.Ya. Titarenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Abstract: There are problems of interaction between languages and of multicultural communication in a multicultural region with a glance to the changes in linguistic situation and state language policy considered in this article. The purpose of this study is to study and describe the interaction of Russian and Ukrainian languages in Crimea before and after 2014, as well as the evolution of value regulations in the linguistic consciousness, intercultural communication and behaviour of native speakers of Russian and Ukrainian languages in Crimea after 2014. The relevance of the study influenced by the fact that throughout its history Crimea has changed the jurisdiction and, accordingly, fallen under different state language policy, while in recent decades the Constitution of Crimea formally legalized three languages: Russian, Ukrainian and Crimean Tatar. As a multicultural and polylingual region, Crimea is subject to a huge influence of the state language (Ukrainian or Russian) on the language situation in general. As a result of the analysis we consider it possible to characterize the language situation in Crimea now as polylinguacultural (multi-component) with a predominance of one – state – language (Russian). This situation is unbalanced due to demographic and communicative capacity of components of the languages. Significant changes in the Crimea language situation are associated with the reduction of functions of the Ukrainian language, which has lost its communicative power, lost its former positions in education, and moved to the level of home language. Main languages spoken in Crimea are Russian (for all residents) and Crimean Tatar (representing nearly 10 % of the population).

Key words: Russian language, national language, language policy, multicultural region.

For citation:

Titarenko, E.Ya. (2018), Russian language in a multicultural region. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 35-44. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.35-44.

About the author:

Titarenko Elena Yakovlevna, Prof., Head of the Chair of Methods of Teaching Philological Disciplines

Corresponding author:

Postal address: 20, Yaltinskaya ul., Simferopol, 295007, Russia

E-mail: rusforlan@yandex.ru

Acknowledgments:

This work was supported by the 2014-2015 Program for the Development of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V.I. Vernadsky Crimean Federal University" in the framework of academic mobility implementation according to the "V.I. Vernadsky CFU" project "Application-Based Support of Academic Mobility of the University Employees – PMR" at Peoples' Friendship University of Russia

Received: May 21, 2018

1. Introduction

It is known that when choosing a language policy in a multinational state, one must take into account such factors as "the role of individual languages and their speakers in public life" [Yartseva 1990: 616]. *Language policy* is a set of ideological principles and practices to address language issues in the society, the state. When determining the language policy, the government should take into account the linguistic situation both in the whole country and in specific regions. Crimea is a complex cultural and linguistic space inhabited by representatives of 120 nationalities, among which Russians, Ukrainians and Crimean Tatars are the most numerous ones, i.e. it is a historically multicultural region.

In the 20th – 21st centuries. Crimea repeatedly changed its jurisdiction and, therefore, fell under different state language policies. However, in recent decades, three languages (Russian, Ukrainian and Crimean Tatar) were formally legalized in the Crimea Constitution. The influence of the *state language* (Ukrainian or Russian) on the linguistic situation in the region is quite considerable.

In scientific literature [Bogdanovich 2002, 2004; Titarenko 2003; Shvets 2003], the linguistic situation in Crimea is generally referred to as ***multilinguocultural***. A *multilinguocultural situation* is a multidimensional phenomenon with a set of feature characteristics of sociolinguistic, psycholinguistic, ethno-linguistic attributes that determine the functional and communicative status of the language of communication [Bogdanovich 2002]. G. Bogdanovich highlights the *multilinguocultural phenomenon* (MLCP) as a set of traits of the linguistic and cultural character, which is formed in the overall spatial distribution of cultures, where the "adhesion" of cultures, their mutual influence and interpenetration occur, resulting in the acquisition of an adaptive psychological attitude by a linguistic personality [Bogdanovich 2004: 85]. "The MLCP represents the diversity of cultural expressions, and hence a special (tolerant, conflict, etc.) attitude to them" [Bogdanovich 2004: 86]. According to experts, multi-ethnic societies are marked by a particularly complicated linguistic situation, so the government needs to carry out not only the language policy, but also engage in language planning, implying "deliberate, concrete activities on influencing the linguistic behavior of the speakers of language, change of the languages' functioning (status planning), regulation of the language structure

(corpus-based planning), creating conditions for language acquisition (acquisition planning)" [Vusik 2016: 614].

The research goal is to study and describe the interaction of the Russian and Ukrainian languages in Crimea before and after 2014, as well as the evolution of the value regulators in linguistic consciousness, intercultural communication and behavior of Russian and Ukrainian native speakers in Crimea after 2014.

2. The state language and linguistic situation in Crimea

The independent Ukraine inherited bilingualism, characterized by real universal proficiency in one of the *international* languages – Russian, from the Soviet totalitarian regime. It should be recognized that the USSR language policy did have consequences such as the functional repression of national languages by Russian. However, due to this policy, Ukrainian native speakers were (and still are, if we are talking about the middle and older generations,) fluent in Russian along with their native Ukrainian. At the same time, Russian speakers living in the country are roughly divided into 3 groups:

- those speaking Ukrainian fluently and actively using it in all kinds of speech activity;
- those having a passive command (understand, read, but do not speak);
- those not speaking Ukrainian.

During the years of independence, the generation of Ukrainians who do not have full command of Russian (mostly young people) has increased, and the number of Russians, constituting the third group, has significantly reduced – those are mostly elderly people. It should be noted that one can't fail to understand such closely related languages at the everyday conversation level. In Crimea, the first group (fluent in and actively using the Ukrainian language) were significantly less numerous than on average in Ukraine, while the majority of the Russian-speaking population had (and still has) a passive command of Ukrainian. However, until 2014, all the paperwork had been conducted in the Ukrainian language, which contributed to the development of the written form of the official style of Ukrainian speech with Russian-speaking Crimean citizens.

The Ukrainian-Russian bilingualism problems are constantly in the focus of linguists (see, e.g. [Savchenko 2003; Titarenko 2003; Dubchinskii 2005]). Up until 2014, the question of the common state (Ukrainian) language in the country had been very acute, many scientists and public figures being in favor of recognizing Russian as the second language. De jure there was one national language in the country – Ukrainian, de facto bilingualism existed, but Russian had the status of a national minority language.

In Soviet times, the concept of "national language" was treated negatively, as it was believed to be contradicting the principle of language equality. The *state language* was used as an instrument of pressure only "in bourgeois multi-national countries" [Pradid 2002: 7]. By definition, *state language* is the

main language, approved by the Constitution for use in legislation, official records, proceedings, education, etc. The state Ukrainian language is considered as the "backbone factor in maintaining the integrity of Ukraine, as an instrument for expressing the will of the people ... as a national sign in international legal relations" [Dubchinskii 2005: 6]. In the Russian Federation, the state language is Russian, which also serves as a language of international communication, is supported by the Constitution, laws of the Russian Federation, Federal target programs, which, however, according to researchers, still have a number of unsolved language policy issues [Usacheva 2016].

In addition to state, sociolinguistics highlights the concept of "*national language*" as a socio-historical category, defining the language, which is a nation's means of communication and acts in two forms, oral and written. "The desire of the people, who present the national society, to have their own national language other than that of other nations belongs to the sphere of feelings and passions, which, despite being caused by objective cultural and historical, political, psychological, social reasons, often bear the imprint of subjective value orientations, frequently contradicting the real linguistic situation. (...) The legal equality of languages can be combined with the actual prevalence of one of them" [Yartseva 1990: 326].

In 2000s, the linguistic situation in Ukraine in general, in our opinion, could be characterized as two-component (the Ukrainian and Russian languages), equilibrium (having equicardinal idioms), homogeneous and homomorphic (represented by related languages), disharmonious (languages have a different status). Until 2014, the linguistic situation in Crimea had been somewhat different: three-component (the Russian, Ukrainian, Crimean Tatar language), non-equilibrium (the prevalence of Russian native speakers – the so-called "demographic capacity"), disharmonious.

Sociolinguistics distinguishes the concepts of *first language*, *mother tongue*, *home*, *main* and *native language*. The language in which the child begins to speak, is called first language. As a rule, it is the language the mother speaks. Mother tongue may be different from father due to mixed marriages. There are cases, when the child uses the language of each parent when talking to them. Home language is the one spoken at home. The main language is considered to be the one in which a person thinks or, according to other criteria, the language used in oral speech and writing in all the breadth of the functional and stylistic registers [Afanasiadi 2006]. It is believed in Europe that the native language is the one in which a person thinks, speaks and writes. It is known that even "in an ethnically homogeneous communication environment it is not the native but the second language that can perform the functions of the main language" [Belikov, Krysin 2001: 21].

According to the 2001 census, in Crimea 79.11 % of the population called *Russian* their native language, 9.63 % called *Crimean Tatar*, 9.55 % called *Ukrainian* their native language. In 2014, according to the new census in the

Republic of Crimea, 81.68 % of the region's population who indicated their native language called *Russian*; 9.32 % *Crimean Tatar*, 4.33 % *Tatar*; 3.52 % Ukrainian their native language. These data are, in our opinion, is not fully representative, however, clearly indicate the changes of the linguistic situation in the region.

The state language policy of Ukraine in Crimea was aimed at bringing Russian to the home language level and placing Ukrainian on the position of the main language followed by its conversion into the native language of all Crimean citizens. However, this policy sparked rejection of a significant part of the Russian-speaking population due to their lack of "language loyalty". The concept of language loyalty is related to evaluative traits that concern the "evaluation of the language by speakers of other languages and native speakers in terms of its communicative suitability, aesthetics, cultural prestige etc. The totality of internal evaluations determines the degree of the so-called "linguistic loyalty" of a given speech community, i.e., the extent of its commitment to the native language" [Yartseva 1990: 617]. The Russian and Crimean Tartar population of Crimea showed greater commitment to the native language.

3. Linguistic situation in education

Under the administration of President Viktor Yushchenko, the Crimea Ukrainization, which had started back in the 90s of the 20th century, was enhanced. Nevertheless, until 2014 more than 93% of schools in Crimea had been Russian-speaking, one Ukrainian school was opened in Simferopol, in some schools with Russian being the language of instruction, Ukrainian and Crimean Tatar classes were created. At a meeting with the OSCE Representative for National Minorities Knut Vollebaek in 2007 V. Konstantinov cited the following statistics: only in Crimea, 330 schools with Russian as the language of instruction, 7 with Ukrainian, 15 with Crimean Tatar, 171 with Russian and Ukrainian, 1 with Crimean Tatar and Ukrainian, 27 with Russian and Crimean Tatar, 38 with Russian, Ukrainian and Crimean Tatar as the languages of instruction are functioning. Besides, 5 Armenian, 4 Bulgarian and 2 German Sunday schools work in the autonomy (<http://www.milli-firka.org/content/8388>).

In 2015, the Minister of Education of the Republic of Crimea Natalia Goncharova said that before the school year, not a single request expressing the desire to educate the child in Ukrainian had been received from any of the first-graders' parents. According to the Minister, Crimea has no schools with Ukrainian as the language of instruction. *"We still have a network of 17 classes with Ukrainian as the language of instruction, including Simferopol Academic Gymnasium, she specified. No requests for education in Ukrainian were received in the process of enrollment in the 1st grade"* (<http://reeana.ru/12439>). According to the Ministry of Education, the network of schools with Crimean Tatar as the language of instruction in Crimea remains at the 15-school level. As of September 1st, three classes of the 1st parallel will be added to the 29 classes

with instruction in Crimean Tatar. It should be emphasized that learning all the three languages (except Russian, of course) is not mandatory in Crimea.

In Linguistics, two types of multilingualism are distinguished, dominant and equitable. "The dominant type of multilingualism, in which one of the languages is main, initial, determining, is internally conflict for the Slavs living in Crimea", wrote A. Shvets in 2004 [Shvets 2003: 247]. At present, the conflict has been resolved in favor of the Russian language as Ukrainian is being expelled from the Crimea educational space.

4. Value regulators evolution

As noted by researchers, at the beginning of the 21st century, the problem of linguistic strategy of Slavic languages development in Crimea was extremely politicized [Shvets 2003]. The authors referred to it as to the coexistence of the terms "competition" [Shvets 2003], "doom" to dialogue [Bogdanovich 2004], etc. The same events – for example, the results of the previously mentioned Ukrainian national census in 2001 – were assessed by representatives of different political camps in totally opposite ways. Thus, "Krimaska Svitlitsya" (then the only newspaper in Crimea, published in Ukrainian in scanty circulation) was pleased to note that 2/3 of the citizens of Ukraine called Ukrainian their native language, which should put an end to the speculation on giving the Russian language the "official" or the "second state" language status. At the same time, the newspaper "Krymskaya Pravda" stated on behalf of the doctor of sociological sciences Pavel Khrienko, "The All-Ukrainian census reconfirmed the fact that in terms of cultural and national identity, Crimea is primarily Russian. The official census data should help Crimea residents to protect themselves from linguistic aggression, up to the European Court of Human Rights and other human rights structures" (Krymskaya Pravda. 11.01.2003).

Dual identity of the Crimea Slavs labels, to some extent, the social protest of the regional community of a certain region against some Center's attempts to impose its territory development standard (including that of linguistic development) on the region. In this protest, the regional community may be falsely-oriented or simply opportunistic [Shvets 2003: 247]. Thus, the status of the state language, which Ukrainian had had in Crimea until 2014, with the Russian language being a minority one (legally), but a majority one (in fact), allowed the speakers of Ukrainian and those fluent in this language in all fields of speech activity to hold high-ranking positions and posts, have jobs in state institutions, feel their prestige and some competitive advantage.

After 2014 the situation changed for the opposite – Russian became the state language and legally consolidated its status, actually existing in Crimea, the Ukrainian language got the minority language status both legally and factually. The politicized nature of the situation persisted. For example, on September 1st, 2016, the following message from a 5th-grader's mother appeared in one of the social networks: *"Hello everyone! Well, we have remained faithful to our*

rules). Wearing a vyshyvanka for the first and last bell ceremonies. The only person in class and throughout the school. The kid went to the 5th grade. And it turned out that our class teacher is the chairwoman of the city branch of the well-known party with a bear on its logo. The question was, "Is this a protest?" The answer was, "This is a tradition"). Vyshyvanka – an embroidered Ukrainian shirt – was perceived by the teacher not as a national identity manifestation, a tribute to the national tradition, but as a form of protest. It is obvious that the teacher did have some grounds for such a reaction, the wearing of vyshyvankas, just like the wearing of Muslim headscarves to school, having its hidden meanings.

In our view, the "mutual misunderstanding" between native speakers of two closely related languages also occurs for some intralinguistic reasons. Thus, the Ukrainian language does not have a distinction between the words **русский** /*russkii*/ "Russian" and **российский** /*rossiiskii*/ "Russia's, of Russia", so Ukrainian native speakers call both Russian citizens of Ukraine and citizens of the Russian Federation (of any nationality) **росіяни** /*rosiyani*/. The thesis on the adoption of Russian as the second state language in Ukrainian sounds like a requirement to legalize **російська мова** /*rosiiska mova*/ "the Russian language", i.e. the language of another country, Russia. At the same time, for Russian native speakers, these words are filled with deep meaning and enable to distinguish between citizens of Russia – **россияне** /*rossiyane*/ and people belonging to the Russian nation – **русские** /*russkie*/. On the other hand, in Ukrainian, the same word is used to refer both to people belonging to the Ukrainian nation and to citizens of the country. That is why the Russian **громадяне України** /*grazhdane Ukrainy*/ "Ukrainian citizens" (living in Crimea), which were to be called **українці** /*ukraïntsi*/ "Ukrainians" in Ukrainian, internally resisted to this as to a denial of their nationality, something that naturally causes a negative reaction.

Some lexical units functioning in both languages, differ stylistically – being literary in the Ukrainian language, they are colloquial and vernacular in Russian. For example, these are such words as **брехати** /*brekhati*/ "to lie", **брехня** /*brekhnya*/ "nonsense", **нехай** /*nekhai*/ "let it, let them etc.", **чи** /*chi*/, **хиба** /*khiba*/ "or", **свекруха** /*svekrukha*/ "mother-in-law on the husband's side", **яблуко** /*yabluko*/ "apple" and others. Word forms – imperatives **біжи** /*bizhi*/ "run", **заходь** /*zahod*/ "come in, 2nd person sg", **заходьте** /*zakhod'te*/ "come in, 2nd person pl"; personal verb forms **хочете** /*khochete*/ "(you) want, 2nd person pl", **хочу** /*khóchu*/ "(I) want"; case forms of nouns: **пальта** /*pál'ta*/ "pl nominative case of coat", **відкрій рота** /*vidkrii rota*/ "open your mouth", etc. When these ukrainisms appear in the speech of Russian speakers as the result of cross-language interference, Russian native speakers tend to have unwanted connotations (the interlocutor is considered to be an uneducated person).

Thus, there are both extra- and intralinguistic reasons of communication failures in the intercultural communication between speakers of closely related languages.

5. Research results

Currently, we consider it possible to characterize the linguistic situation in Crimea as **multilinguocultural** (*multicomponent*) with the predominance of one – state – language (Russian); by demographic and communicative capacity of the languages' components, the linguistic situation is **nonequilibrium**; by its qualitative characteristics, the linguistic situation is **homogeneous** and **heteromorphic, disharmonious, nondiglossic**. Significant changes in the linguistic situation of Crimea are associated with reduced functions of the Ukrainian language, which has lost its communicative power, its former positions in the field of education, has shifted down to the home language level. The main languages spoken in Crimea are Russian (for all residents) and Crimean Tatar (for representatives of almost 10% of the population). At the same time, the state language policy of the Republic of Crimea is aimed at supporting the three languages (Russian, Ukrainian and Crimean Tatar), and preservation of all national languages of the peoples inhabiting the peninsula, especially such as Krymchaks, Karaites and others.

The state language policy in the modern world is often at the forefront of the ideological struggle. Sociolinguistic and political aspects stand out in this issue. In further studies, we hope to find answers to the following questions, among others: Is equal co-existence of several state languages possible on the same territory? Can a multicultural region do without a compulsory state language? How to avoid conflicts between speakers of closely related native languages and representatives of the respective cultures in cross-cultural communication?

References

- Afanasiadi, M. (2006), Russkii yazyk v Gretsii: problemy i perspektivy [Russian language in Greece: problems and prospects]. *Vestnik LNPУ imeni Tarasa Shevchenko* [Bulletin of Taras Shevchenko LNPУ], Lugansk, pp. 5-8. (in Russian)
- Belikov, V., Krysin, L. (2001), *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], Textbook, Moscow, RSHU Publ., 439 p. (in Russian)
- Bogdanovich, G. (2004), O lingvokul'turnoi situatsii v polietnichnoi srede [On the linguistic and cultural situation in a multiethnic environment]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Black Sea Region], 2004, No. 49, Vol. 1, pp. 83-87. (in Russian)
- Bogdanovich, G. (2002), *Russkii yazyk v aspekte problem lingvokul'turologii* [Russian in the aspect of problems of linguistic and cultural studies], Simferopol, Dolya Publ., 392 p. (in Russian)
- Dubichinskii, V. (2005), Dvuyazychie v Ukraine? [Bilingualism in Ukraine?]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Black Sea Region Peoples], May 2005, No. 60, Vol. 3, pp. 6-9. (in Russian)
- Pradid, Y. (2002), Derzhavna mova i/chi ofitsiina mova? *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye komunikatsii* [Scientific notes of Taurida National University. Series: Philology. Social communications], Vol. 15 (54), No. 2, pp. 6-9. (in Ukrainian)

- Savchenko, L. (2003), Mizhmovni komunikatsii: Problemi bilingvizmu v Ukraini. Interlingual communications: problems of bilingualism in Ukraine. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Black Sea Region Peoples], 2003, No. 37, pp. 62-65. (in Ukrainian)
- Shvets, A. (2003), *Osobennosti lingvisticheskikh vzaimodejstvij osnovnykh slavyanskikh narodov Kryma* [Features of linguistic interactions of the major Slavic peoples of Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Black Sea Region Peoples], 2003, No. 37, pp. 244-248. (in Russian)
- Titarenko, E. (2003), Russkaya rech' v Krymu i Ukraine segodnya [Russian speech in Crimea and Ukraine today]. *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture* [Russian word in world culture], Proceedings of the 10th MAPRYAL Congress, Plenary sessions, collection of reports, in 2 volumes, St. Petersburg, Politekhnik Publ., Vol. 2, pp. 530-535. (in Russian)
- Usacheva, O. (2016), Nekotorye aktual'nye voprosy funktsionirovaniya russkogo yazyka v kachestve gosudarstvennogo [Some topical issues of the Russian language functioning as the state language]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world], Proceedings and materials of the 3rd International Scientific Symposium (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, May 23-26, 2016), Moscow, MAKS Press, pp. 623-626. (in Russian)
- Vusik, A. (2016), Osnovnye faktory formirovaniya yazykovo situatsii [The main factors of forming linguistic situation]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world], Proceedings and materials of the 3rd International Scientific Symposium (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, May 23-26, 2016), Moscow, MAKS Press, pp. 613-615. (in Russian)
- Yartseva, V. (Ed.) (1990), *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary], Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 685 p. (in Russian)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ*

Е.Я. Титаренко

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

Аннотация: Рассматриваются проблемы взаимодействия языков и межкультурной коммуникации в поликультурном регионе с учетом изменений языковой ситуации и государственной языковой политики. Цель исследования – изучение и описание взаимодействия русского и украинского языков в Кры-

* Настоящая работа выполнена при поддержке Программы развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» на 2015–2024 годы в рамках реализации академической мобильности по проекту ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» «Поддержка академической мобильности работников университета на заявительной основе – ПМР» в РУДН.

му до и после 2014 г., а также эволюции ценностных регулятивов в языковом сознании, межкультурной коммуникации и поведении носителей русского и украинского языков в Крыму после 2014 г. Актуальность исследования обусловлена тем, что за свою историю Крым неоднократно менял юрисдикцию и, соответственно, подпадал под разную государственную языковую политику, при этом в последние десятилетия в Конституции Крыма были официально узаконены три языка: русский, украинский и крымскотатарский. Будучи поликультурным и полилингвальным регионом, Крым подвергается весьма большому влиянию государственного языка (украинского либо русского) на языковую ситуацию в целом. В результате анализа считаем возможным охарактеризовать языковую ситуацию в Крыму в настоящее время как полилингвокультурную (поликомпонентную) с преобладанием одного – государственного – языка (русского). По демографической и коммуникативной мощности составляющих языков – ситуация неравновесная. Существенные изменения в языковой ситуации Крыма связаны с сокращением функций украинского языка, который утратил свою коммуникативную мощь, потерял прежние позиции в образовательной сфере, переместился на уровень домашнего языка. Основными языками общения в Крыму являются русский (для всех жителей) и крымскотатарский (для представителей почти 10 % населения).

Ключевые слова: русский язык, государственный язык, языковая политика, поликультурный регион.

Для цитирования:

Титаренко Е.Я. Русский язык в поликультурном регионе // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 35–44. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.35-44. (На англ. яз.).

Сведения об авторе:

Титаренко Елена Яковлевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин

Контактная информация:

Почтовый адрес: 295007, Россия, Симферополь, ул. Ялтинская, 20

E-mail: rusforlan@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.05.2018

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА УСТНОГО ОБЫДЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Н.Н. Шпильная

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Аннотация: Исследуется представленная референтными событиями тематическая структура устного обыденного педагогического дискурса. На основе анализа записей устной речи педагогов гимназии № 85 г. Барнаула (70 диалогов в различных ситуациях общения – на перемене в учительской, в столовой и пр.) выделяются и характеризуются две разновидности обыденного педагогического дискурса – профессионально-ориентированный и личностно-ориентированный, – в основе выделения которых лежит критерий институциональности: первый прямо связан с обсуждением профессиональной деятельности педагога и носит преимущественно институциональный характер, а второй связан со сферой интересов педагога к личности и носит неинституциональный характер. Выделяются такие референтные события профессионально-ориентированного педагогического дискурса, как ученики, документы, аттестация, материальные и организационные вопросы школы, педагог, школа. Основными референтными событиями личностно-ориентированной разновидности педагогического дискурса являются питание (еда), здоровье, семейные и личные дела, дом (недвижимость), времяпрепровождение, деньги (зарплата). В качестве единицы анализа рассматривается диалогическое единство, маркером границы которого становится смена темы.

Ключевые слова: диалог, обыденный педагогический дискурс, повседневный дискурс, тематическая структура, референтное событие.

Для цитирования:

Шпильная Н.Н. Тематическая структура устного обыденного педагогического дискурса // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 45–58. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.45-58.

Сведения об авторе:

Шпильная Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55

E-mail: venata85@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.04.2018

Статья вписывается в русло неолингвистики, или лингвистики повседневности, – формирующейся отрасли лингвистики, изучающей функционирование языка в личностно-ориентированных форматах коммуникации. Как известно, предметом изучения лингвистики повседневности являются повседневные дискурсы, противопоставляемые дискурсам институциональным по принципу официальности / неофициальности общения [Карасик 2004]. Особенностью дискурсов повседневности является их неофициальность, спонтанность, сиюминутность как отражение «в речи непосредственно происходящих событий» [Харченко 2012: 25]. И.В. Тубалова, анализируя, специфику организации дискурсов повседневности, отмечает, что дискурсы повседневности характеризуются неинституциональными принципами объединения участников, локальностью целей, ценностями внеинституционального единения и осознанием своей личностной позиции в мини-группе, открытостью тематической структуры, универсальностью хронотопа, наличием свободных от институциональных рамок общения психологических установок участников дискурса, первичностью коммуникативных стратегий и жанров речевого общения, функционально-стилевым оформлением речевых компонентов в форме стиля повседневного общения, особой интертекстуальной активностью [Тубалова 2011: 51–52].

Анализ литературы показывает, что сферу повседневного функционирования языка можно представить как совокупность социально-коммуникативных сфер, выделяемых по различным основаниям: по типу контекста, по типу участников коммуникации, их профессиональной, возрастной, гендерной принадлежности и т. п. О.А. Лаптева полагает, что сфера речевой повседневности включает три типа ситуаций общения, в их числе – стереотипные городские диалоги незнакомых лиц, общение знакомых лиц в бытовой обстановке, общение знакомых и незнакомых лиц в производственной и социально-культурной сфере (ситуации непубличного общения и ситуации публичного общения) [Лаптева 2008]. В таком случае в зоне исследовательской рефлексии оказываются неформальное производственное общение (неофициальное общение в ситуации «свободной от работы минуты»), общение в различных социально-коммуникативных контекстах (общение в общественном транспорте, в парикмахерской, в очереди на прием к врачу, в очереди в супермаркете, в социальных сетях и пр.), общение в семье, в дружеской компании, общение болельщиков на футбольном матче, общение коллекционеров, байкеров, автолюбителей и пр. Предлагаемое ситуативное, субкультурное и интерперсональное членение сферы речевой повседневности содержится в работе И.В. Силантьева, дифференцирующего дискурсы по признаку общности участников коммуникативной практики. По мнению ученого, универсальным – с точки зрения критерия общности – является повседневный, или обиходный дискурс, специфика которого заключается в том, что он

«втягивает в себя тематически ориентированные дискурсы, поддерживает и одновременно растворяет их в своем теле» [Силантьев 2004: 106].

В центре нашего внимания устный обыденный педагогический дискурс как проявление речевой повседневности. Данная разновидность повседневного дискурса функционирует в социальных контекстах естественного происхождения, характеризующихся неформальным общением коммуникантов. Участниками обыденного педагогического дискурса являются преподаватели вуза / школьные учителя, общающиеся в неформальной обстановке – на перемене, в столовой, по дороге домой и пр.

Среди дискурсов повседневности устный обыденный педагогический дискурс оказывается наименее изученным. Анализ литературы показывает, что преимущественное внимание лингвистов сфокусировано на характеристике профессионального педагогического дискурса, выделенного в 1970-е гг. в самостоятельную область научного знания как объективно существующая динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса, функционирующая в образовательной среде (см., напр.: [Карасик 1999; Ежова 2006; Антонова 2007; Полянина 2014]). В работах лингвистов охарактеризованы цели, участники, ценностные ориентиры, функции, хронотоп педагогического дискурса. Что касается обыденного педагогического дискурса, то он практически не попадает в зону исследовательской рефлексии.

Целью статьи является описание тематической структуры устного обыденного педагогического дискурса. В задачи статьи входит: 1) характеристика устного обыденного педагогического дискурса как явления повседневной коммуникации; 2) его лингвоаксиологический анализ. Материалом для анализа послужили записи устной речи педагогов гимназии № 85 (г. Барнаул). Для исследования было записано 70 диалогов в различных ситуациях общения – на перемене в учительской, в столовой и пр. Единицей анализа является диалогическое единство, маркером границы диалогического единства для нас является смена темы (см. также: [Шведова 2003]).

Общая характеристика устного обыденного педагогического дискурса как явления речевой повседневности. Как мы уже отмечали, обыденный педагогический дискурс относится к личностно-ориентированным дискурсам, выделяемым В.И. Карасиком [Карасик 2004]. Он противопоставлен профессиональному педагогическому дискурсу как разновидности институционального типа дискурса по ряду параметров: по цели, составу участников, хронотопу, системе ценностей и жанровому составу.

Если целью профессионального педагогического дискурса является социализация нового члена общества, то целью обыденного педагогического дискурса является обсуждение тех или иных событий, значимых в определенном отношении для членов данной социальной группы. Хронотопом обыденного педагогического дискурса является время общения

на перемене, в столовой, по дороге домой и пр., тогда как хронотоп профессионального педагогического дискурса – это учебное заведение (школа / вуз). Прототипным местом общения учителя и ученика – «базовой пары участников коммуникации» (В.И. Карасик) – в сфере профессионального педагогического дискурса является школьная или студенческая аудитория (урок, лекция, семинарское занятие, зачет, экзамен).

Участниками обыденного педагогического дискурса являются школьные учителя, преподаватели вузов, вступающие в различные ситуации общения друг с другом. Указанные участники вступают в равные статусно-ролевые отношения, их общение происходит в неформальной, неофициальной обстановке. Участники профессионального педагогического дискурса – это либо учителя, для которых характерны как равные статусно-ролевые отношения, так и институциональные отношения (директор – учитель), либо учитель и ученик, для которых характерны только статусно-ролевые отношения.

Система ценностей участников обыденной педагогической коммуникации, в отличие от профессионального педагогического дискурса, для которого характерны ценности институционального единения – решение задач межличностного формального общения на уроке, определяется установкой на внеинституциональное единение, обнаруживаемое в актуализации аксиологических доминант неформального общения в рамках реализации различных повседневных дискурсов. Что касается жанрового состава обыденного педагогического дискурса, то он достаточно разнообразен, так же как и жанровый репертуар профессионального педагогического дискурса, представленный жанрами объяснительной речи, проблемного слова, обобщающей речи, учебного диалога и пр. (подробнее о жанровой палитре последнего см.: [Риторика 2006; Педагогическая риторика 2015]). В числе жанров обыденного педагогического дискурса – фатические (этикетные), императивные, информативные и пр.

Предварительное исследование эмпирического материала показало, что устный обыденный педагогический дискурс представляет собой сложное дискурсивное образование, он представлен двумя разновидностями: профессионально-ориентированным дискурсом и личностно-ориентированным дискурсом. В основе выделения данных подтипов дискурсов лежит критерий институциональности. Профессионально-ориентированный педагогический дискурс прямо связан с обсуждением профессиональной деятельности педагога и носит преимущественно институциональный характер. Данный дискурс содержательно посвящен обсуждению уроков, учебного процесса, методических вопросов и пр. Личностно-ориентированный педагогический дискурс связан со сферой интересов педагога к личности и носит неинституциональный характер. Данный дискурс связан с обсуждением вопросов досуга, здоровья, питания и т. д.

Лингвоаксиологический анализ устного обыденного педагогического дискурса. Рассмотрение обыденной педагогической коммуника-

ции в аксиологическом аспекте позволяет охарактеризовать ее тематическую структуру. Как нам представляется, тематическая структура дискурса определяется типом событий, обсуждаемых участниками коммуникации. В.З. Демьянков выделяет три разновидности понятия «события»: события-идеи, дающие интерпретацию референтному событию, референтные события, служащие прообразом событий-идей, и текстовые события, т. е. то, что подается логически в хронологической последовательности [Демьянков 1983]. Предварительный анализ языкового материала показал, что устный обыденный педагогический дискурс представлен референтными событиями.

Далее рассмотрим каждую разновидность обыденного педагогического дискурса подробнее.

Профессионально-ориентированный педагогический дискурс связан непосредственно с работой учителя и тем, что ее окружает. Нами выделены такие референтные события профессионально-ориентированного педагогического дискурса, как ученики, документы, аттестация, материальные и организационные вопросы школы, педагог, школа.

Референтное событие «ученики». При актуализации данного референтного события в диалогах учителей предметом обсуждения становятся личность ученика, семья ученика, отметки и поведение учащихся.

Например:

– Ну, что, как мои написали?

– Иванов написал «как всегда». Петрова вообще не пришла, но твоя хоть порадовала, вообще без ошибок.

– Слава Богу, так мы два вечера учили. Объясняла ей...

В приведенном диалоге обсуждаются отметки учеников, участники диалога говорят о том, как была написана контрольная работа.

Или:

– Ольга Сергеевна, представляете, Александра Ивановна поставила «пять» Лепихову. Он у неё всё выучил!

– Да, он всё рассказал. Говорит: «Я первый раз за всю жизнь выучил урок».

– Ну, ничего себе! Да он же списал! Его в началке садили с отличниками, чтоб хоть списывал... иначе ничего не напишет сам. А мама считает, что мы притесняем ее Леонида. Он же такой хороший и умный мальчик, это мы наговариваем.

– Учту в следующий раз. Я его мало знаю, второй день всего. Мне он одно говорит, а на деле...

– Узнаете ещё... будет время.

В данном диалоге обсуждается личность ученика и его семья, отметки ученика. Участники диалога говорят о «неуспевающем» ученике.

Или:

– Ирина Викторовна, Ваш Ивашов мне сорвал урок. Примите меры.

- Конкретно что он сделал?
- Смеялся пол-урока и в девчат кидался бумажками, посадила его на первую парту к себе поближе, но это не помогло.
- Беседы проводятся с ним и его мамой. Было предложено перевести его в кадетский корпус. Папы у них нет, а мать и бабушка не справляются с ним.
- И что мама о кадетском думает?
- Согласна на всё. Но там нет мест.
- Мужская рука нужна, чтоб он слушался. Мама очень мягкая...
- Мама есть мама. Женщина не может быть слишком строгой.
- Так что же с ним делать. Надо что-то делать!
- В ежовые рукавицы взять и нам и семье.
- Что же выйдем из него...

В данном диалоге его участники обсуждают поведение и семью ученика. Разговор ведется об ученике с отклоняющимся поведением.

Референтное событие «документы, аттестация». В таком случае предметом обсуждения становится аттестация учителя, документы необходимые в педагогической работе, их заполнение.

Например:

- Подскажите мне, пожалуйста, как проходит аттестация?
- У нас учителя и урок давали, и тест проходили в АКППРО, думаю, что ещё ничего не меняли.
- А в тесте вопросы сложные?
- Ну, нормальные такие. А у тебя стаж какой?
- Первый год.
- Тогда сиди ещё год и тогда сдашь. У получивших диплом два года не требуют ничего.
- Понятно, ладно, спасибо.
- Обращайтесь.

В данном диалоге его участники обсуждают, как проходит процесс аттестации.

Или:

- Марина Ивановна, я слышала, что ты решила «набрать высоту»?
- Готовлюсь, доки собираю и коплю.
- Ты на первую или высшую?
- На первую пока. Рановато для высшей-то!
- Желаю удачи!

Как видим, участники диалога разговаривают о предстоящей аттестации учителя на первую категорию.

Референтное событие «материальные вопросы школы» актуализируется в диалогах, предметом разговора которых являются вопросы сбора денежных средств на юбилей учителя, на предстоящую поездку в театр и пр.

Например:

– *Внимание, коллеги. У Татьяна Юрьевны юбилей. Сдаём по сто рублей.*

– *А Татьяна Юрьевна – это кто?*

– *Вот, здравствуйте, это ИЗО!*

– *Ну, мы не пересекаемся с ИЗО в выпускном классе!*

– *Так, Вы не будете сдавать?*

– *Почему не буду, я просто спросила кто это. Завтра можно сдать?*

– *Можно. Хорошо, сдаём завтра.*

В приведенном диалоге обсуждается сбор денежных средств на юбилей учителя.

Или:

– *В четверг едем в театр, классные руководители собирают по 150 рублей.*

– *А 150 хватит? Мы на чём едем? Сами или централизованно?*

– *150 в самый раз. Вместе идем до «Гранда», там нас ждут автобусы. Это относится к первым тире седьмым. Восьмой тире одиннадцатый – вы сами добираетесь на трамвае.*

– *А так хорошо всё начиналось...*

В приведенном диалоге его участники обсуждают сбор денежных средств на предстоящую поездку школы в театр.

Референтное событие «педагог / школа» актуализировано в диалогах, в которых обсуждаются личность педагога, репетиторство, организационные вопросы (мероприятия) школы, советы опытных учителей молодым специалистам.

Например:

– *Что вы можете сказать об эмоциональном выгорании учителя?*

– *Ну, что сказать? Иногда и мы «перебачиваем», много часов, доп. работы... Надо понимать, что всех денег не заработаешь.*

– *И как избежать этого?*

– *Вот я тебе и говорю! Не переусердствовать. Главное правило – любить детей, себя, свой предмет! А если детей любишь, то идёшь к ним с любовью, радостью, веселым настроением. У меня принцип – домой работу не брать. Дома я являюсь мамой, женой, дочерью... там мой отдых. А работу оставим тут. Во всём нужна гармония и мера. Ты потом сама почувствуешь как тебе комфортно.*

– *Хорошо. Спасибо.*

В данном диалоге опытный учитель дает наставление молодому специалисту. Разговор затрагивает личность педагога.

Или:

– *Есть вопрос к стажистам! Как формулировать цели? Точнее, как дети будут заниматься целеполаганием? Мы же так половину урока на это потратим.*

– Почему половину? Догадаются быстро сами! По ходу пьесы разберётся.

– Ещё надо почитать что-нибудь умное об этом.

– Можно и почитать.

В приведенном диалоге опытный педагог советует молодому учителю, как заниматься целеполаганием на уроке.

Или:

– А ты занимаешься с кем-то?

– Мальчик из 107-й ко мне ходит, пятый класс, там отставание конкретное.

– Сколько ты берешь?

– 250 рублей.

– Ужас! Таких цен уже пять лет как нет. Увеличивай стоимость урока, иначе ничего не заработаешь.

– Думала, опыта наберусь и потом...

– Опыт уже у тебя есть, ты хороший учитель, давай, уважай себя.

В данном диалоге участники ведут разговор о репетиторстве. Один педагог советует другому увеличить стоимость занятия.

Личностно-ориентированный педагогический дискурс имеет существенные отличия от профессионально-ориентированного. Основными референтными событиями личностно-ориентированной разновидности педагогического дискурса являются питание (еда), здоровье, семейные и личные дела, дом (недвижимость), времяпрепровождение, деньги (зарплата).

Референтное событие «Питание (еда)». Предметом обсуждения в диалогах становится покупка продуктов по выгодной цене, любимая еда, еда в столовой.

Например:

– Марина Ивановна, вы мне не поменяете «ашек»? Шестой урок второй смены на подвеску, а?

– Так, так... ладно, поменяем вам.

– О, отлично! А то мне успевать надо в «Район» за фаршем, он до семи работает. И цена дешёвая.

– А что за фарш? Из кого?

– Свинина плюс говядина.

– Ясно.

В приведенном диалоге его участники обсуждают выгодную покупку в магазине. Один из участников диалога рассказывает другому о недорогом и хорошем продукте.

Или:

– Пойдёте в столовую?

– Попозже маленько. Надо подождать. Мне сегодня обещали двоичники сдать таблицы.

– А, давайте, давайте. А я пойду, поем каши. Мы дома-то кашу не варим, а тут всегда её хочется.

– Каша это хорошо. Но для талии вредно.

– В меру всё полезно.

В приведенном диалоге учителя говорят о любимой еде.

Или:

– Булочку съестъ или не съестъ, не знаю...

– Конечно, съестъ! Лучше сделать и жалеть, чем не сделать.

– Ладно, съем, один разок. А вы пообедали чем?

– Суп-лапша и сочень с творогом. Суп хороший, а сочник старый, сухой.

– А я, наверное, рыбки съем кусочек и пиццу.

В данном диалоге предметом обсуждения становятся блюда в школьной столовой.

Референтное событие «Здоровье». Предметом обсуждения становятся сохранение красоты, здоровья, больничные, болезни, лекарственные препараты.

Например:

– Ты выздоровела уже?

– Нет, в среду на приём. В четверг выйду.

– А что больная ходишь?

– Так я в маске...

– Ты план начинала или отлеживалась?

– Немножко вечером посидела, температура не дала доделать, буду в среду вечером. Ладненько, мне к Марине Львовне надо забежать, реквизиты взять.

– Какие реквизиты?

– От карточки.

В данном диалоге ведется речь о болезненном состоянии одного из участников диалога.

Или:

– До какого числа вы замещаете?

– Недели три, не меньше. У Татьяны Ивановны и второй сын заболел.

Один – с пневмонией, второй – с ветрянкой слёг.

– Ё-моё! А Ольга Ивановна, не знаете, сама болеет или дочка?

– Не знаю.

– Все болеют... ты не болеешь?

– Нет, витамины пью.

– Какие?

– «Мультабс». Рекомендую.

– Замётано!

В приведенном диалоге мы видим, как коллеги разговаривают о болезнях, сохранении здоровья.

Референтное событие «Семейные и личные дела». Предметом обсуждения становятся здоровье семьи, семейные ситуации, личные дела, семейные рецепты и традиции.

Например:

– *Вика, как там дедушка, держится?*

– *Крепится, тяжело ему! Ему-то труднее всех. Загружаю его делами, чтоб отвлекался.*

– *Это правильно, время лечит.*

– *Когда уже полегчает, не знаю.*

– *Через год, точно!*

– *Наверное, сейчас даже говорить об этом трудно.*

В приведенном диалоге речь идет о трагической семейной ситуации. Один из участников диалога спрашивает другого, как чувствует себя член семьи.

Или:

– *Конфетки возьмите, помяните бабушку мою, во вторник похоронили.*

– *А что с ней случилось?*

– *Инфаркт, очень быстро всё произошло, мы не ожидали...*

– *Очень сочувствую, держитесь.*

– *Спасибо.*

В приведенном диалоге речь идет о трагической семейной ситуации.

Или:

– *Наталья, новый учитель информатики как раз холостой и тебе под стать.*

– *Успокойтесь и прекратите заниматься сводничеством.*

– *Просто предложила.*

– *Каждый сам разберётся, как ему жить.*

– *Ладно. Но парень он отличный.*

– *Не сомневаюсь.*

В приведенном диалоге предметом обсуждения становятся личные дела.

Референтное событие «дом, недвижимость». Предметом обсуждения становится сдача в аренду жилья, коммуникации в доме, переезд в дом и ремонт в нем.

Например:

– *Ольга, привет. Я по делу! Ты к нам-то не хочешь?*

– *А, что, место есть?*

– *Есть! Мы освободили комнату Анюткину и теперь тебя ждём.*

– *За сколько сдадите?*

– *4500. Кухней и ванной свободно пользуйся.*

– *Давайте вечером договоримся?*

– *Я подойду к тебе ещё.*

В приведенном диалоге обсуждается сдача комнаты в аренду. Один из педагогов предлагает другому снять комнату в его квартире.

Или:

– Ты знаешь, мне сегодня подключили воду, наконец-то!

– А до этого без воды жили?

– Коммуникации не были подключены. Теперь я так рада!

– Поздравляю!

В данном диалоге темой для обсуждения становятся коммуникации в доме.

Референтное событие «Времяпровождение (отпуск, культурные мероприятия и т. д.)». Предметом обсуждения в диалогах становятся отпуск и культурные мероприятия (театр, поездки и т. д.).

Например:

– Здравствуйте, Галина Георгиевна! Как отдохнули?

– Да хорошо отдохнула. Отдыхать всегда хорошо. Тетради проверяла и пробники по обществу. Ты куда-нибудь ездила на выходных?

– Копалась в огороде, в магазин ходила. Загорала! Выставили лицо на солнце, сама в кофте и косынке, вот нос сгорел.

– Побегу, ещё доску готовить. Удачного дня!

– Взаимно.

В приведенном ниже диалоге педагоги обсуждают, как они провели отпуск.

Или:

– Кто-нибудь желает поехать в Сорочий лог? Там есть что посмотреть.

– А когда и сколько стоит? Это где?

– На моей машине поедем, на бензин скинемся, еду возьмем. Там скит находится. В эти выходные, на денёк. Это близко, час езды.

– Ого, меня муж не отпустит на целый день.

– Вечером ещё соберёмся, обсудим.

В данном диалоге речь идет о поездке в Сорочий лог. Обсуждаются нюансы мероприятия.

Референтное событие «Деньги, зарплата». Предметом обсуждения в диалогах становятся заработная плата учителя и товарно-денежные отношения.

Например:

– Татьяна Викторовна, нам обещали поднять зарплату, но я не увидела в фишке ни рубля сверх положенного.

– Ждите, поднимут с нового года.

– Обещали до нового года же.

– Нет, вы забыли, с января обещали.

Предметом обсуждения в приведенном ниже диалоге становится заработная плата, ее предстоящее повышение.

Таким образом, основными референтными событиями в рамках личностно-ориентированного педагогического дискурса являются вопросы питания (еды); семейные и личные дела; вопросы, связанные с домом (недвижимостью); времяпрепровождение (отпуск, посещение культурных мероприятий и пр.); вопросы, связанные с деньгами и заработной платой.

Подводя итоги, отметим, что устный обыденный педагогический дискурс – это один из дискурсов повседневности. Он противопоставлен профессиональному педагогическому дискурсу по ряду параметров: по цели общения, участникам, системе ценностей, жанровой организации, хронотопу. Устный обыденный педагогический дискурс внутренне неоднороден; выделяются две разновидности обыденного педагогического дискурса: профессионально-ориентированный педагогический дискурс и личностно-ориентированный педагогический дискурс. Проведенный лингвоаксиологический анализ показал, что профессионально-ориентированный педагогический дискурс организуется вокруг профессионально значимых референтных событий. А личностно-ориентированный педагогический дискурс – вокруг общечеловеческих референтных событий, значимых для личности учителя как члена языкового сообщества. Представленный перечень событий, составляющих основу тематической структуры устного обыденного педагогического дискурса, безусловно, не является исчерпывающим. Привлечение дополнительного языкового материала позволит, как нам представляется, расширить тематическую структуру обыденной педагогической коммуникации.

Список литературы

- Антонова Н.А.* Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 158 с.
- Демьянков В.З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42, № 4. С. 320–329.
- Ежова Т.В.* К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 2-1 (52). С. 52–56.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Карасик В.И.* Характеристики педагогического дискурса. Волгоград: Перемена, 1999. 63 с.
- Лантеева О.А.* Синтаксис разговорной речи. М.: Либроком, 2008. 400 с.
- Педагогическая риторика / под ред. Н.Д. Десяевой. М.: Академия, 2015. 256 с.
- Полянина Е.В.* Педагогический дискурс: основные характеристики и жанры (на материале немецкого языка) // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов VI Междунар. интернет-конф. Саратов: Наука, 2014. С. 82–87.
- Риторика / под ред. Н.А. Ипполитовой. М.: Велби: Проспект, 2006. 448 с.
- Силантьев И.В.* Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 7. С. 98–123.

- Тубалова И.В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4 (16). С. 41–52.
- Харченко В. К. Современная повседневная речь. 3-е изд. М.: Либроком, 2012. 184 с.
- Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

References

- Antonova, N.A. (2007), *Pedagogicheskii diskurs: rechevoe povedenie uchitelya na uroke* [Pedagogical discourse: Speech behavior of the teacher in the classroom], Dissertation, Saratov, 158 p. (in Russian)
- Desyaeva, N.D. (Ed.) (2015), *Pedagogicheskaya ritorika* [Pedagogical rhetoric], Moscow, Akademiya Publ., 256 p. (in Russian)
- Dem'yankov, V.Z. (1983), 'Sobytie' v semantike, pragmatike i v koordinatakh interpretatsii teksta ['Event' in semantics, pragmatics and in the coordinates of the interpretation of the text]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Language], Vol. 42, no. 4, pp. 320-329. (in Russian)
- Ezhova, T.V. (2006), K probleme izucheniya pedagogicheskogo diskursa [To the problem of studying pedagogical discourse]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 2-1 (52), pp. 52-56. (in Russian)
- Ippolitova, N.A. (Ed.) (2006), *Ritorika* [Rhetoric], Moscow, Prospekt Publ., 448 p. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse], Moscow, Gnozis Publ., 390 p. (in Russian)
- Karasik, V.I. (1999), *Kharakteristiki pedagogicheskogo diskursa* [Characteristics of pedagogical discourse], Volgograd, Peremena Publ., 63 p. (in Russian)
- Kharchenko, V.K. (2012), *Sovremennaya povsednevnyaya rech'* [Modern everyday speech], 3rd ed., Moscow, Librokom Publ., 184 p. (in Russian)
- Lapteva, O.A. (2008), *Sintaksis razgovornoii rechi* [Syntax of Speech], Moscow, Librokom Publ., 400 p. (in Russian)
- Polyanina, E.V. (2014), Pedagogicheskii diskurs: osnovnyie kharakteristiki i zhanry (na materiale nemetskogo yazyka) [Pedagogical discourse: the main characteristics and genres (based on the German language)]. *Inostrannyye yazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Foreign languages in the context of cross-cultural communication], Proceedings of the 6th of International Inrenet Conference, Saratov, Nauka Publ., pp. 82-87. (in Russian)
- Shvedova, N.Yu. (2003), *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoii rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech], Moscow, Azbukovnik Publ., 378 p. (in Russian)
- Silant'ev, I.V. (2004), Tekst v sisteme diskursivnykh vzaimodeistvii [Text in the system of discursive interactions]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], Novosibirsk, NGU, Iss. 7, pp. 98-123. (in Russian)
- Tubalova, I.V. (2011), Spetsifika organizatsii diskursov povsednevnosti [Specificity of the organization of everyday life discourses]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Bulletin. Philology], No. 4 (16), pp. 41-52. (in Russian)

THEMATIC STRUCTURE OF EVERYDAY PEDAGOGICAL SPEECH DISCOURSE

N.N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Abstract: The object of the current research in the article is the everyday pedagogical speech discourse, and the subject is its thematic structure. The thematic structure of the everyday pedagogical speech discourse is represented by the referential events. Record of the speech of teachers in Gymnasium No. 85 (Barnaul) is the study material for the analysis. We recorded 70 dialogues in various situations for study during the break in the teachers' room, in the dining room, etc. The analysis item is an interlocutory unity, the marker for the boundary of which is the topic change. There are two varieties of everyday pedagogical discourse based on the analysis of linguistic material that are identified and described: professionally oriented pedagogical discourse, and person-centered pedagogical discourse. The criterion of institutionality lies at the basis of the discourse subtype selection. The professionally oriented pedagogical discourse is directly connected with the discussion of the professional activity of a teacher and is of an institutional nature primarily, whereas the person-oriented pedagogical discourse is related to the sphere of the teacher's interests as an individual and possesses an uninstitutional nature. The article highlights such referential events of professionally oriented pedagogical discourse as pupils, documents, certification, material and organizational educational establishment issues, an educator, and school. The main referential events of the personality-oriented variety of pedagogical discourse are nutrition (food), health, family and personal affairs, house (real estate), pastime, money (salary).

Key words: dialogue, everyday pedagogical speech discourse, everyday discourse, thematic structure, referential event.

For citation:

Shpilnaya, N.N. (2018), Thematic structure of everyday pedagogical speech discourse. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 45-58. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.45-58. (in Russian)

About the author:

Shpilnaya Nadezhda Nikolaevna, Prof., Professor of the General and Russian Linguistics Chair

Corresponding author:

Postal address: 55, Molodezhnaya ul, Barnaul, 656031, Russia

E-mail: venata85@mail.ru

Received: April 5, 2018

Раздел II

**СОВРЕМЕННЫЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

Part II

MODERN DISCOURSE PRACTICES

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ, РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Е.Н. Белая

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Исследуется национально-культурная специфика фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами «трава» и названий трав в английском, французском и русском языках на основе источников культурной интерпретации. Рассматриваются архетипы, мифологемы, такие ритуальные формы народной культуры, как поверья, предания, обряды, а также религия, литература, история. Акцент делается на том, что национально-культурная специфика ФЕ с компонентами «трава» и названий трав обусловлена стереотипностью, символичностью и эталонизированностью их образного сравнения. Обосновываются следующие утверждения: 1) в образных основаниях анализируемых английских ФЕ лежат стереотипные и эталонные представления о скучных занятиях, неопытности молодых людей, отдыхе, преодолении жизненных сложностей; 2) в образных основаниях анализируемых французских ФЕ лежат стереотипные и эталонные представления о плохом настроении, быстром росте чего-либо; связи с баснями Ж. де Лафонтена, мыслями Б. Паскаля; 3) в образных основаниях анализируемых русских ФЕ лежат стереотипные представления о нищете, потере рассудка; связи с русскими литературными произведениями. Делается вывод о том, что в трех языках универсальные значения содержатся в устойчивых словосочетаниях с компонентами «попынь». Сравнительный анализ ФЕ демонстрирует различия в языковых картинах мира, проливая свет на этническую логику.

Ключевые слова: культурная коннотация, архетип, мифологема, ритуал, символ, эталон, стереотип.

Для цитирования:

Белая Е.Н. Национально-культурная специфика английских, французских, русских фразеологических единиц // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 61–81. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.61-81.

Сведения об авторе:

Белая Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и культур

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: elena555-90@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.03.2018

1. Введение

Проблеме взаимодействия языка и культуры посвящены работы В.Н. Телия [Телия 1996], В.М. Мокиенко [Мокиенко 1986], А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [Баранов, Добровольский 2009], Е.Ф. Тарасова [Тарасов 1994], М. Блэка [Black 1959], В. Куайна [Quine 1960], Д. Хаймса [Hymes 1966], Дж.Дж. Гамперца [Gumperz 1966], Б.Л. Уорфа [Whorf 1956] и др.

Язык непосредственно связан с культурой, и, как считает В. фон Гумбольдт, всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира. Кроме того, языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением «народного духа», его культуры [Гумбольдт 1985]. По мнению Э. Сепира, язык – строго социализированная часть культуры. Он является в первую очередь продуктом социального и культурного развития, и воспринимать его следует именно с этой точки зрения [Сепир 1993: 265].

Согласно Э. Бенвенисту, взаимодействие языка и культуры основано на том, что присущая языку знаковая природа есть общее свойство всей совокупности социальных феноменов, которые составляют культуру [Бенвенист 2002: 58].

Ч.А. Фергюсон пишет, что язык может служить знаком принадлежности к этнической группе и определенной культуре [Ferguson 1962: 24].

Как отмечает Е.Ф. Тарасов, язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Также культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте [Тарасов 1994: 109].

Этой точки зрения придерживается и французский ученый К. Леви-Строс, который утверждает, что язык – это продукт культуры, ее составляющая и условие ее существования [Леви-Строс 1983: 65].

Особую роль в трансляции национально-культурного самосознания народа и его идентификации играет слово. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров утверждают, что слово – это коллективная память носителей языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации; усваиваемое слово является ключом к образу жизни соответствующего народа, ключом к знаниям [Верещагин, Костомаров 1980: 7]. А. Вежбицкая пишет, что значения слов отражают и передают образ жизни и образ мышления, характер-

ный для некоторого данного общества, и представляют собой бесценные ключи к пониманию культуры [Вежбицкая 2001: 18]. Р. Ладо утверждает, что значения слов детерминируются и модифицируются культурой [Lado 1957: 37].

Кроме слова в трансляции национально-культурного самосознания играет роль и фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение. По мнению французского ученого П. Гиро, фразеологизмы тесно связаны с историей, культурой и бытом того или иного этноса. В них воплощены дух, психология и способ мышления, что наложило свой отпечаток на смысловую, содержательную сторону указанных единиц, в основе которых лежат образы, специфичные для того или иного языка [Guiraud 1967].

Цель данной статьи заключается в выявлении национально-культурной специфики английских, французских и русских фразеологических единиц с компонентами «трава» и названий трав. Актуальность данного исследования связана с тем, что сопоставительный анализ фразеологических единиц с данными компонентами позволяет отчетливее увидеть уникальность картин мира носителей рассматриваемых нами языков, их связь с историей, традициями народа, с национальным характером.

Утверждение о наличии в языковых единицах культурной информации предполагает существование категории, соотносящей язык и культуру, которая позволяет описывать их взаимодействие. Способом воплощения культуры в языковом знаке является культурная коннотация.

2. Методологическая база исследования национально-культурной специфики фразеологизмов с компонентами «трава» и названий трав

Внутренняя форма многих фразеологических единиц содержит такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. Согласно В.Г. Гаку, во внутренней форме могут присутствовать компоненты, символическое осмысление которых непосредственно принадлежит «области культуры», а не языку, поэтому такие компоненты ФЕ воспринимаются в их внутренней форме на основе культурных коннотаций [Гак 1999: 263–265].

В.Н. Телия определяет культурную коннотацию как интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры [Телия 1996: 214]. Категориями культуры являются архетипы, мифологемы, ритуалы, стереотипы, эталоны, символы и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры.

Фразеологические единицы – как явление языка – требуют культурной интерпретации.

По мнению В.Н. Телия, восприятие фразеологических единиц (далее – ФЕ) осуществляется сквозь призму базового культурного знания

человека, основанного на архетипических формах осознания и моделирования мира [Телия 1996].

Согласно К.Г. Юнгу, архетипы есть изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, в том числе художественной [Юнг 2001].

В свою очередь, архетип лежит в основе мифа. Э. Кассирер полагает, что миф является сознанию как объективная реальность: в мифе образ не изображает вещь, он сам есть вещь [Cassirer 1970]. Кроме того, ученый говорит о тесной связи мифа и языка.

Сходную позицию занимает и русский ученый М.И. Стеблин-Каменский, который считает, что миф – это не просто образы, возникшие в сознании отдельного индивида, а образы, закрепленные в слове и ставшие достоянием целого коллектива [Стеблин-Каменский 1976: 87].

Но во внутренней форме ФЕ отражается не целостный миф, а мифологема. Согласно В.А. Масловой, мифологема – это важный для мифа персонаж или ситуация, это как бы «главный герой» мифа, который может переходить из мифа в миф [Маслова 2001: 38].

Очень важным источником культурной интерпретации явлений действительности и их отображения в языке являются ритуальные формы народной культуры. Согласно Б.И. Кононенко, ритуал – это социально санкционированная совокупность определенных символических действий, способ и порядок которых строго канонизирован и не поддается логическому объяснению в категориях средств и целей [Большой толковый словарь по культурологии 2003].

По мнению В. Тэрнера, ритуал – важное средство поддержания общих норм и ценностей народа, поскольку сложная система ритуала связана с символом, подражанием и восприятием, т. е. опирается на доминантные стороны человеческой психики [Тэрнер 1983: 36]. Ритуал является главным механизмом коллективной памяти, который во многом определяет жизнь человека и теперь.

К ритуальным формам народной культуры относятся предания, поверья, обряды. Предание – устный рассказ, история, передающаяся из поколения в поколение. Поверье – предание, основанное на суеверных представлениях, приметах, необычных явлениях. ФЕ, в основе которых лежат народные поверья и предания, в большинстве случаев восходят к далекому прошлому. Обряд – совокупность действий стереотипного характера, которой присуще символическое значение.

В качестве источника культурной интерпретации рассматриваются и образы христианства, теософии и соответствующие им нравственные установки. Так, многие ФЕ связаны с библейскими мифами о сотворении мира, всемирном потопе, житиями святых. Фразеологические единицы,

вышедшие из религиозных дискурсов, могут представлять собой разные виды цитаций: прямая цитация или аллюзия к религиозным текстам. Английский этнограф и историк религии Дж.Дж. Фрэзер утверждает, что вся культура вышла из храма [Фрэзер 1986].

Не менее важным источником культурной интерпретации являются образы из художественной литературы, философии, истории, т. е. из тех форм деятельности людей, которые воплощают интеллектуальное достояние нации и человечества в целом. Данные источники, относящиеся к разным эпохам и жанрам, позволяют лучше понять смысл ФЕ.

Следует отметить, что в языке закрепляются и фразеологизируются образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными символами, эталонами, стереотипами.

Символы, инкорпорированные во ФЕ, придают последним культурную маркированность. Многостороннее определение «символа вещи» формулирует А.Ф. Лосев: «Символ вещи есть ее структура, но не уединенная или изолированная, а заряженная конечным или бесконечным рядом соответствующих единичных проявлений этой структуры. Символ вещи есть знак... рождающий собою многочисленные, а может быть, и бесчисленные закономерные и единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно данная идейная образность» [Лосев 1991: 273].

Носителем символической функции является предмет, артефакт или персона.

В.Н. Телия считает, что, в отличие от собственно символов, роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно «замещающим» некоторую идею. И материальным экспонентом этого замещения является не реалия как таковая, а имя [Телия 1996: 243].

По характеру функции замещения с символами сближаются эталоны, выполняющие в симболарии культуры функцию измерения минимальной или максимальной меры бытия каких-либо свойств, состояний. Согласно В.А. Масловой, эталон – это сущность, измеряющая свойства и качества предметов, явлений, объектов [Маслова 2001: 44].

В роли эталона выступают устойчивые сравнения, которые являются одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания. По мнению Т.В. Шмелевой, устойчивые сравнения представляют собой «превращенную форму действительности, характерной для данной общности, и вскрывают оценочные эталоны той или иной лингвокультурной общности» [Шмелева 1988: 120].

Фразеологизмы, отображающие типовые представления, могут выполнять роль стереотипов. В терминах когнитивной психологии американский ученый Элеонора Рош называет их прототипами [Rosch 1978]. Существуют разные определения стереотипов. Так, У. Липпман определяет

стереотип как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира [Lippmann 1922]. Ю.Е. Прохоров считает, что стереотип – это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации [Прохоров 2008]. Принадлежность к конкретной культуре определяется наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе.

М.Л. Ковшова под стереотипом понимает образец каких-либо действий, принятый в культуре и отраженный в ее фактах, в деятельности, в поведении [Ковшова 2016: 337]. Ученый считает, что если сочетание реалий в образе фразеологизма соотносится с фактами культуры, то это дает возможность считать фразеологизм стереотипом.

Итак, мы рассмотрели основные категории культуры, в соответствии с которыми и предлагается исследовать национально-культурную специфику английских, французских и русских ФЕ с компонентами «трава» и названий трав. Фразеологизмы с данными компонентами выступают во вторичной номинации. Анализ этих единиц свидетельствует о различиях в представлениях разных народов о травах и отражает специфическое членение этой сферы действительности.

3. Материал исследования фразеологических единиц

Для формирования исследования была проведена выборка английских, французских и русских фразеологизмов с компонентами «трава» и названий трав из Нового французско-русского словаря под редакцией В.Г. Гака, Г.П. Ганшиной, Нового Большого французско-русского фразеологического словаря под редакцией В.Г. Гака, Англо-русского фразеологического словаря под редакцией А.В. Кунина, Фразеологического словаря русского языка под редакцией А.И. Молоткова, Большого фразеологического словаря русского языка под редакцией В.Н. Телия, Фразеологического словаря русского литературного языка под ред. А.И. Федорова.

4. Выявление национально-культурной специфики английских, французских, русских фразеологизмов с компонентами «трава» и названий трав

Главное при выявлении национально-культурной специфики фразеологизмов с компонентами «трава» и названий трав состоит в том, чтобы вскрыть их культурные коннотации.

Проанализируем английские, французские и русские ФЕ с компонентом *трава*. В ходе исследования методом сплошной выборки 10 ФЕ с компонентом «трава» были выявлены в английском языке, 11 – во французском, 4 – в русском.

Английские, французские и русские ФЕ с компонентом «трава» имеют различные значения.

Английская ФЕ *green as grass* обозначает «зеленый как трава, очень неопытный человек, не знающий жизни». В английском языковом сознании зеленый цвет травы символизирует молодость, неопытность, незнание жизни. Зеленая трава, молодость, неопытность – эти понятия оказываются связанными друг с другом. В русской культуре неопытность молодых людей ассоциируется не с зеленой травой, а с самим цветообозначением «зеленый». В сознании англичан трава ассоциируется с зеленым цветом, но, как отмечает Ю.Н. Караулов, цветовой маркер травы не является универсальным, например, в сознании испанцев трава ассоциируется с желтым цветом [Караулов 1999: 63–65]. В образном основании ФЕ *green as grass* лежит эталонное представление о неопытности молодого человека.

Английская ФЕ *between grass and hay* обозначает «юношеский возраст». Внутренняя форма ФЕ содержит два компонента *grass* (трава) и *hay* (сено), символизирующие детство и взрослую жизнь соответственно. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о возрасте: «уже не мальчик, но еще и не мужчина».

Английская ФЕ *watch grass grow* означает «заниматься скучным делом». Процесс наблюдения за ростом травы сравнивается с любым скучным и долгим действием. В образном основании лежит стереотипное представление об очень скучном и нудном занятии.

Английский фразеологизм *be at grass* означает «быть на отдыхе, быть без дела». В английской культуре *grass* является «окультуренным» элементом растительного мира. Трава растет не только сама по себе, но ее высаживают, за ней ухаживают, подстригают, пропалывают и используют для отдыха и занятий спортом. В образном основании данной ФЕ лежит стереотипное представление о проведении свободного времени, об отдыхе.

Английская ФЕ *go to grass* имеет несколько значений: «быть сбитым с ног», «отправиться на тот свет», «отправиться на отдых». В английской лингвокультуре фитоним «трава» несет в себе много различных символов. Во внутреннем основании данной ФЕ содержатся стереотипные представления о разных ситуациях.

Английская ФЕ *hear the grass grow* означает «обладать исключительным слухом» и «уделять внимание каждой мелочи». «Слышать, как трава растет» обозначает «слышать абсолютно все». В образном основании ФЕ лежит эталонное представление об идеальном слухе и сосредоточении внимания на деталях.

Французская ФЕ *marcher sur une mauvaise herbe* обозначает «быть не в духе». В образном основании ФЕ лежит старинное поверье о чудодейственной силе трав. Согласно этому поверью, некоторые травы действовали на психику или настроение тех, кто дотрагивался до них или ходил по ним. ФЕ передает стереотипное представление о плохом настроении человека.

Французская ФЕ *employer toutes les herbes de la Saint-Jean* означает «пустить в ход все средства». В образном основании ФЕ лежит старинное народное поверье, будто травы, собранные в ночь накануне праздника Ивана Купалы, обладают чудотворными лечебными свойствами. Такими растениями считались укроп, зверобой, дикий портулак. ФЕ передает стереотипное представление об использовании всех средств для достижения собственной цели.

Французская ФЕ *couper l'herbe sous le pied à qn* обозначает «перебежать дорогу кому-либо, обмануть, одурачить кого-либо». Данное выражение появилось в XIV в. В то время слово *herbe* обозначало «овощи» и «салаты», т. е. средство существования и пропитания. Словосочетание *couper l'herbe* обозначает «лишить доступа к еде». Со временем продуктовую составляющую в идиоме вытеснило более широкое поле человеческой деятельности, состоящее из самых разных (и вовсе не обязательно съестных) блокировок, задержек своих ближних. В образном основании ФЕ передается стереотипное представление о ситуации, когда один человек опережает другого, захватывает и перехватывает то, на что рассчитывал другой.

Французская ФЕ *pousser comme une mauvaise herbe* обозначает «расти как грибы после дождя, расти как на дрожжах». Быстрый рост чего-либо ассоциируется с ростом сорной травы. У сорняка вегетационный период начинается с началом весны, а культурные растения высаживаются на грядки в середине или в конце весны, и им еще необходимо время для адаптации. Сорная трава в этот период уже в самом цвету. Следует отметить, что сорняки являются очень активными и быстро размножаются. В образном основании ФЕ лежит эталонное представление о быстром росте чего-либо. Данная ФЕ имеет синоним *pousser comme une asperge* (буквально: расти как спаржа). Французы очень любят спаржу и называют ее «королевой овощей». Она стала популярной благодаря Людовику XIV, который заказал специальную теплицу, чтобы выращивать спаржу круглый год. Это растение отличается активностью, морозоустойчивостью, неприхотливостью, может вырастать на 20 см в сутки. В образном основании ФЕ *pousser comme une asperge* лежит эталонное представление о быстром росте чего-либо.

Русская ФЕ *хоть трава не расти* означает «безразлично, всё равно». Образ ФЕ создается метафорой, уподобляющей рост травы, символизирующий развитие и продолжение жизни, важному, вызывающему переживание событию. Безразличное отношение к кому-, чему-либо, часто связанное с отсутствием личной заинтересованности, воспринимается на фоне отраженных в фольклоре культурных установок, выражающих осуждение такого отношения. ФЕ передает стереотипное представление о выражении безразличия к чужой беде.

Русская ФЕ *трын-трава* (для кого-либо, кому-либо) означает «пустяки, не стоит внимания». Согласно Большому фразеологическому сло-

варю русского языка под ред. В.Н. Телия, образ ФЕ восходит к мифологизированным представлениям о связи между живыми и мертвыми, к символически-сакральному осмыслению смерти [Большой фразеологический словарь русского языка 2010]. Возникновение ФЕ связано с чародейским обрядом: если в полночь скосить траву, растущую на могиле, принести ее в дом и хранить, как оберег, то можно навсегда освободиться от чувства страха, боязни перед любыми болезнями и невзгодами. Подразумевается, что человек получает энергию потустороннего, загробного мира от предка, обитающего в доме-могиле. В образ ФЕ также вкраплены аллитерация (повтор согласных звуков) и звукосимволическое осмысление компонента «трын» как чего-либо бессмысленного, но легкого, приятного для слуха. ФЕ выступает в роли стереотипа об излишне легкомысленном отношении к чему-либо.

Русская ФЕ *травой забвенья прорастать* означает «быть забытым». Внутренняя форма восходит к фрагменту арии Руслана из оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила» по одноименной поэме А.С. Пушкина: «Чьи молитвы небо слышало? Зачем же, поле, смолкло ты и поросло травой забвенья?» В образном основании лежит стереотипное представление о забвении и одиночестве.

Русская ФЕ *тише воды, ниже травы* означает «робкий, скромный, незаметный». В русской культуре вода символизирует тихий и кроткий нрав, а трава является мерилем чего-то невысокого, незаметного. В образном основании ФЕ лежит эталонное представление о тихом, робком и скромном человеке.

Итак, анализ показывает, что в трех языках ФЕ с компонентом «трава» имеют различные значения. Внутренняя форма английских ФЕ с компонентом «трава» содержит стереотипное представление о неопытности, незрелости молодых людей, скучном и нудном занятии, отдыхе и идеальном слухе. В английском языковом сознании трава является «окультуренным» элементом растительного мира; цветовым маркером травы является зеленый цвет. Внутренняя форма французских ФЕ с компонентом «трава» связана со старинными французскими поверьями и содержит стереотипные представления о нарушении планов другого человека, эталонное представление о быстром росте чего-либо. Внутренняя форма русских ФЕ с компонентом «трава» восходит к образам из русских литературных произведений, содержит мифологемы, стереотипные представления о безразличии к чужой беде, легкомысленности, забвении, одиночестве, робости и скромности.

Рассмотрим ФЕ с компонентом *плевел*. В ходе исследования методом сплошной выборки 2 ФЕ с компонентом «плевел» были выявлены во французском языке, 1 – в русском. В английском языке нет ни одной ФЕ с данным компонентом.

Во французском и русском языках есть общая ФЕ с компонентом «плевел» (сорная трава): *отделить зерна от плевел, отделить пшеницу*

от плевел / séparer le bon grain de l'ivraie, – со значением «отделить хорошее от плохого, полезное от вредного». Данное выражение восходит к Евангелию от Матфея (Мф 13: 24–30). Притча рассказывает о человеке, посеявшем пшеницу. Ночью пришел враг и посеял среди пшеницы сорняки. Когда пшеница взошла, появились плевелы. Рабы предложили выдернуть их, но хозяин велел им оставить сорняки до жатвы, а уже во время жатвы сначала выдернуть плевелы и сжечь их, а потом убрать пшеницу.

Во французском языке есть ФЕ *arracher l'ivraie*, которая обозначает «искоренить крамолу». Во французском языковом сознании фитоним *ivraie* ассоциируется с заговором, мятежом. Действие «вырвать плевел» символизирует «искоренить что-либо противоправное, мятеж». Образное основание ФЕ содержит стереотипное представление об искоренении заговора или мятежа.

Итак, анализ показывает, что во французском и русском языках есть ФЕ с компонентом «плевел», обладающая универсальным значением, связанная с евангельской притчей. Национально-культурную специфику имеет только французская ФЕ с компонентом «плевел», образное основание которой содержит стереотипное представление об искоренении крамолы.

Теперь проанализируем английские, французские и русские ФЕ с компонентом **крапива**. В ходе исследования методом сплошной выборки 3 ФЕ с компонентом «крапива» были выявлены в английском языке, 2 – во французском, 1 – в русском.

Во всех трех языках фразеологические единицы с компонентом «крапива» имеют различные значения.

Английская ФЕ *be on nettles* означает «испытывать беспокойство, сидеть как на иголках». Основное свойство крапивы – жечь, жалить, колоть, поэтому прикосновение к этой траве вызывает неприятное ощущение. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о чрезмерно нервном эмоциональном состоянии человека.

Английская ФЕ *grasp the nettle* означает «мужественно преодолевать трудности». Существует мнение, что крапива, крепко сжатая в руке, обжигает менее болезненно, чем та, которую трогаешь с осторожностью. В образном основании фразеологизма лежит стереотипное представление о разрешении проблемы без колебаний, решительно, быстро, не задумываясь.

Английская ФЕ *grasp the nettle and it won't sting you* означает «смелость – залог успеха». Само выражение передает призыв к действию «взять крапиву» для преодоления труднодостижимого успеха. Действие «схватить крапиву» символизирует смелый поступок, а крапива является символом трудностей и проблем.

Французская ФЕ *jeter qch aux orties* означает «отказаться от чего-либо, забросить что-либо». Во французской культуре крапива символизирует презрение, пренебрежение. Человек, презирая что-либо, хочет от этого избавиться. Действие человека «бросить что-либо в канаву, заросшую

крапивой», означает отказ от чего-либо. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление об отречении человека от чего-либо.

Французская ФЕ *jeter le froc aux orties* обозначает «уйти из монастыря». Внутренняя форма ФЕ содержит компоненты *froc (ряса)* и *jeter (бросить)*. Как было сказано выше, во французской культуре крапива символизирует презрение, отказ от чего-либо. Действие «бросить рясу в крапиву» обозначает «расстричься». В образном основании выражения лежит стереотипное представление об отказе от духовного сана.

Русская ФЕ *крапивное семя* означает «чиновники-взяточники и крючкотворы, чиновники вообще». Первоначально это было презрительное прозвище приказных и подьячих в Московской Руси. В большинстве случаев суд и расправу творили в Москве приказные люди, справедливо заслужившие выразительное прозвище «крапивного семени». В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о презрительном отношении к чиновникам и взяточникам.

Итак, анализ показывает, что в английском, французском и русском языках существуют ФЕ с компонентом «крапива» с различными значениями. Внутренняя форма английских ФЕ с данным компонентом содержит стереотипное представление о чрезмерно нервном эмоциональном состоянии человека, эталонное представление о преодолении трудностей в сложных ситуациях. Внутренняя форма французских ФЕ с компонентом «крапива» содержит стереотипное представление об отказе делать что-либо, забросить какое-то дело и об отказе от духовного сана. Внутренняя форма русской ФЕ с компонентом «крапива» содержит стереотипное представление о презрительном отношении к чиновникам, взяточникам и отражает исторические реалии.

Теперь рассмотрим фразеологические единицы с компонентом **клевер**. В ходе исследования методом сплошной выборки по одной ФЕ с компонентом «клевер» были выявлены в английском и во французском языках. В русском языке ФЕ с компонентом «клевер» отсутствуют.

Английская ФЕ *be in clover* означает «жить припеваючи, иметь достаток, кататься как сыр в масле». В английской культуре клевер символизирует удачу, богатство, благосостояние. Кроме того, в древности на Британских островах клевер считался самой лучшей защитой от зла и колдовства. Он давал возможность тому, кто его носил, видеть вещи в истинном свете. В образном основании ФЕ с компонентом «клевер» лежит стереотипное представление о богатой жизни, процветании, успешности человека.

Французская ФЕ *le trèfle à quatre feuilles* означает «редкая вещь». Образное основание восходит к преданию, что четырехлистный клевер произрастал только на Эдемских полях. Повсеместному распространению они обязаны прародительнице Еве, которая взяла их с собой в память об утраченном Рае. Кроме того, уникальность клевера заключается в каждом

листочке. Первый листок символизирует надежду на исполнение заветных желаний, второй листок означает веру в светлое будущее, третий приносит в жизнь человека сильную любовь, четвертый листок указывает на уникальность растения и дарует человеку небывалую удачу во всех делах. Фразеологическая единица передает эталонное представление о редкости и уникальности вещи.

Итак, анализ показывает, что внутренняя форма английской ФЕ с компонентом «клевер» содержит стереотипное представление о богатой жизни, процветании, успешности человека. Внутренняя форма французской ФЕ содержит эталонное представление о редкости и уникальности вещи.

Рассмотрим фразеологические единицы с компонентом **артишок**. Артишок – многолетнее травянистое растение с прямым стеблем. В ходе исследования методом сплошной выборки были выявлены 3 французских ФЕ с компонентом «артишок». В английском и русском языках нет ФЕ с данным компонентом.

Во французском языке есть 3 ФЕ с компонентом «артишок». ФЕ *coeur d'artichaut* обозначает «непостоянный человек в любви», ФЕ *avoir un couer d'artichaut* обозначает «быть легкомысленным, неверным в любви», ФЕ *coeur d'artichaut une feuille pour tout le monde* означает «ему нет ни малейшей веры (особенно в любовных делах)». Артишок употребляют не только в пищу, но и как лекарственное растение при ослаблении организма и потере потенции. Во Франции артишок символизирует земную любовь. В средневековой Франции запрещали использовать это травянистое растение, так как оно славилось своими «эротическими» свойствами. С тех пор сложилось определенное представление об этом растении. Источником культурной интерпретации данных ФЕ является эталон неверной любви.

Итак, анализ показывает, что только во французском языке существуют ФЕ с компонентом «артишок», в образных основаниях которых лежит эталонное представление о ветреном, легкомысленном в любви человеке.

Рассмотрим фразеологические единицы с компонентом **полынь**. В ходе исследования методом сплошной выборки были выявлены 2 французские ФЕ с компонентом «полынь», по одной – в английском и русском языках.

Во всех трех языках есть ФЕ *amer comme l'absinthe, as bitter as wormwood*, **горький как полынь**. Выражение восходит к библейскому тексту. Полынь в Библии является символом наказаний Господних, олицетворяет безмерную Горечь суда Божьего над грешниками. В Новом завете, в Откровении Иоанна Богослова, более известном как Апокалипсис, третий ангел, сошедший на землю с небес, чтобы покарать грешников, отравляет водные источники звездой акинтион (греческое название полыни горькой).

Французская ФЕ *heure de l'absinthe* обозначает «час аперитива» (между четырьмя и пятью часами, букв. – «час абсента»). Абсент – алкоголь-

ный напиток, содержащий экстракт полыни горькой. Выражение связано с одной из определяющих традиций парижской жизни времен Второй империи (правление Наполеона III, которое длилось с 1852 г. до его пленения в ходе франко-прусской войны в 1870 г.), когда уважаемый буржуазный обычай пить абсент стал практически повсеместным. Тогда считалось, что абсент улучшает аппетит перед ужином. Строгий промежуток времени – между четырьмя и пятью часами, – отведенный для питья абсента, до некоторой степени защищал людей от злоупотребления им.

Итак, анализ показывает, что в английском, французском и русском языках есть ФЕ «горький как полынь», которая восходит к библейскому тексту. Французская ФЕ «час аперитива» связана с традицией принятия абсента (полынной водки).

Рассмотрим фразеологические единицы с компонентом *тростник*. Тростник – многолетнее травянистое растение семейства злаковых. В ходе исследования методом сплошной выборки были выявлены 4 французские ФЕ с компонентом «тростник». В английском и русском языках нет ФЕ с данным компонентом.

Французская ФЕ *roseau pensant* означает «мыслящий тростник». Это выражение является определением человека, данным французским мыслителем Б. Паскалем. По его мнению, «человек – это всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник. Не нужно вселенной ополчаться против него, чтобы его уничтожить: достаточно пара, капли воды, чтобы убить его...». Этим высказыванием автор хотел подчеркнуть, что человек – создание природы, и ею же может быть уничтожен в одно мгновение, поэтому людям не стоит кичиться наличием у них разума. Данное выражение приобрело особую популярность в первой половине XIX в., благодаря стихотворению Ф.И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...»:

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?*

Французская ФЕ *le roseau l'emporte* означает «тростник берет верх (над дубом)». Данное выражение восходит к басне «Дуб и тростник», в которой Ж. де Лафонтен представляет падение гордыни и спеси и торжество красоты и смирения. Дуб символизирует чванство и спесь, а тростник – покорность.

*Дуб держится, – к земле Тростник припал,
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел – и вырвал с корнем он
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.*

Французская ФЕ *être souple comme un roseau* означает «быть гибким как тростник». Во французской культуре тростник символизирует гибкость, хрупкость, нежность. В образном основании ФЕ лежит эталонное представление о гибкости.

Французская ФЕ *s'appuyer sur un roseau* обозначает «выбрать себе ненадежную опору». Во французской культуре тростник символизирует ненадежность, уязвимость. Действие «опереться на тростник» означает «выбрать ненадежный путь». В образном основании лежит стереотипное представление о выборе зыбкого курса.

Итак, анализ показывает, что только во французском языке есть ФЕ с компонентом «тростник». Внутренняя форма ФЕ содержит эталонное представление о гибкости. Французские выражения восходят к басне Ж. де Лафонтена и мыслям Блеза Паскаля.

Проанализируем французское выражение с компонентом *эндивий*. Эндивий – это травянистое растение семейства астровых, очень распространенное во Франции. В английском и русском языках нет ФЕ с данным компонентом. Выражение *rôle comme une endive* обозначает «мертвенно-бледный». Эндивий разводят при недостатке света, поэтому оно имеет бледную окраску. Во французской культуре эндивий символизирует болезненную бледность, хилость. В образном основании ФЕ лежит эталонное представление о чрезмерной бледности.

Итак, анализ показывает, что только во французском языке есть устойчивое выражение с компонентом «эндивий», в образном основании которого лежит эталонное представление о сильной степени бледности.

Рассмотрим фразеологические единицы с компонентом *одуванчик*. Одуванчик относится к многолетним травянистым растениям семейства астровых. В ходе исследования методом сплошной выборки по одной ФЕ с компонентом «одуванчик» было выявлено во французском и русском языках. В английском языке нет ФЕ с данным компонентом.

Французская ФЕ *manger (aller) les pissenlits par la racine* означает «давно лежать в могиле». Действие «есть одуванчики с корней» символизирует смерть человека. Данное выражение находит свой эквивалент в русском языке «кормить червей». В образном основании лежит стереотипное представление об ушедшем из жизни человеке.

Русская ФЕ *божий одуванчик* означает «старый, дряхлый, тихий и беззащитный человек». Выражение появилось в России во времена вспышки сыпного тифа. Люди старшего возраста очень тяжело переносили этот недуг. У больных состригали волосы, иногда даже сбривали наголо. К таким людям было принято приводить священника для чтения молитв и принятия исповеди. Если старики шли на поправку, у них начинали потихоньку отрастать волосы. Седые прядки, как пух одуванчика, обрамляли почти прозрачные лица. Считалось, что они возвращались к жизни после

встречи с Богом. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о преклонном возрасте, беззащитности и немощности.

Итак, анализ показывает, что французская и русская ФЕ с компонентом «одуванчик» имеют различия. Внутренняя форма французской ФЕ с компонентом «одуванчик» содержит стереотипное представление об умершем человеке. Внутренняя форма русской ФЕ с компонентом «одуванчик» содержит стереотипное представление о тихом человеке в преклонном возрасте.

Проанализируем русские ФЕ с компонентами *белена* и *лебеда*. В английском и французском языках нет ФЕ с данными компонентами.

Русская ФЕ *белены объелся* означает «потерять рассудок». Белена является ядовитым растением. Основными признаками отравления ядовитой травой являются чрезмерное возбуждение, расширенные зрачки, покраснение кожи лица, галлюцинации, головокружение, бред. Внутренняя форма ФЕ указывает на опасность данного растения: если его съесть, то можно сойти с ума или даже умереть. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о потере рассудка.

Русские ФЕ *беда на селе, коль лебеда на столе!* и *еще то не беда, коль родилась лебеда, а вот две беды: как ни ржи, ни лебеды* означают «крайняя бедность». Лебеда – это травянистое сорное растение, в обилии растущее на пустырях и огородах. В неурожайные годы крестьяне добавляли ее в тесто для выпечки хлеба. Поэтому в образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о крайней бедности.

Итак, анализ показывает, что только в русском языке есть ФЕ с компонентами «белена» и «лебеда». Внутренняя форма ФЕ с компонентом «белена» содержит стереотипное представление о потере рассудка, а внутренняя форма ФЕ с компонентом «лебеда» содержит стереотипное представление о крайней бедности.

5. Результаты анализа фразеологических единиц с компонентами «трава» и названий трав

Итак, результаты анализа показывают, что во французском языке присутствуют 30 ФЕ с компонентами «трава» и названий трав, в английском языке – 15, в русском – только 8. Наибольшее количество ФЕ с данными компонентами наблюдается во французском языке.

Английские, французские и русские ФЕ с компонентом «полынь» имеют схожие универсальные значения.

Во всех трех языках фразеологические единицы ФЕ с компонентами «трава» и названий трав имеют различия.

Внутренняя форма английских ФЕ с компонентом «трава» содержит стереотипное представление о неопытности, незрелости молодых людей, о скучном и нудном занятии, об отдыхе и идеальном слухе. В английском языковом сознании трава является «культурным» элементом расти-

тельного мира; цветовым маркером травы является зеленый цвет. Внутренняя форма английских ФЕ с компонентом «крапива» содержит стереотипное представление о чрезмерно нервном эмоциональном состоянии человека, эталонное представление о преодолении трудностей в сложных ситуациях.

Внутренняя форма французских ФЕ с компонентом «трава» связана со старинными поверьями и содержит стереотипные представления о дурном настроении, падении, нарушении планов другого человека; эталонное представление о быстром росте чего-либо. Внутренняя форма французских ФЕ с компонентом «крапива» содержит стереотипное представление об отказе делать что-либо и от духовного сана. Внутренняя форма французской ФЕ с компонентом «полынь» связана с традицией принятия абсента. Внутренняя форма французских ФЕ с компонентом «артишок» содержит эталонное представление о ветреном, легкомысленном в любви человеке. Внутренняя форма французской ФЕ с компонентом «эндивий» содержит эталонное представление о чрезмерной бледности. Внутренняя форма ФЕ с компонентом «тростник» содержит эталонное представление о гибкости, восходя к басне Лафонтена и мыслям Паскаля.

Внутренняя форма русских ФЕ с компонентом «трава» связана с образами из литературных произведений и содержит мифологемы, стереотипные представления о безразличии к чужой беде, легкомысленности, забвении, одиночестве, робости и скромности. Внутренняя форма русской ФЕ с компонентом «крапива» содержит стереотипное представление о презрительном отношении к чиновникам, взяточникам и отражает исторические реалии. Внутренняя форма русской ФЕ с компонентом «одуванчик» содержит стереотипное представление о тихом человеке в преклонном возрасте. Внутренняя форма ФЕ с компонентом «белена» содержит стереотипное представление о потере рассудка, а внутренняя форма ФЕ с компонентом «лебеда» содержит стереотипное представление о крайней бедности.

6. Выводы исследования

В ходе нашего исследования мы осуществили лингвокультурологический анализ, который позволил нам выявить национально-культурную специфику английских, французских и русских ФЕ с компонентами «трава» и названий трав.

Источниками культурной интерпретации данных ФЕ являются символы, стереотипы, эталоны, мифологемы. Во внутренней форме ФЕ отражаются исторические события разных эпох, библеизмы, образы из литературных произведений. Сопоставительный анализ ФЕ проливает свет на этническую логику, предопределяющую различия языковых картин мира. Каждый рассмотренный нами язык отражает определенный способ восприятия мира, менталитета, их самобытность.

Анализ показывает, какую культурную роль играют травы в жизнедеятельности человека, в его развитии, какими символическими значениями наделяют растения представители того или иного этноса, с какими культурными практиками связаны растения.

Представляется актуальным продолжение исследования ФЕ с различными компонентами для реконструкции английской, французской и русской языковых картин мира.

Материал, содержащийся в исследовании, может быть использован в целях совершенствования лексических минимумов, в теоретических курсах по межкультурной коммуникации, лексикологии английского, французского и русского языков.

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. Вып. 6. С. 21–34.
- Большой толковый словарь по культурологии / под ред. Б.И. Кононенко. М.: Вече: АСТ, 2003. 512 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. 784 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: УССР, 2002. 448 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
- Гак В.Г.* Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260–265.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Ленанд, 2016. 456 с.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
- Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Наука, 1991. 357 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Мокиенко В.М.* Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 280 с.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 122 с.
- Тарасов Е.Ф.* Язык и культура: методологические проблемы // Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994. С. 105–113.

- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Прогресс, 1983. 256 с.
- Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 511 с.
- Шмелева Т.В. К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения (на материале английского и русского языков // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 120–124.
- Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. 304 с.
- Black M. Linguistic relativity: Theoretical views of Benjamin Lee Whorf // *The philosophical review*. 1959. Vol. 68, № 2. P. 228 – 238.
- Cassirer E. *The Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 2. *Mythical thought*. New-Haven; London: Yale University Press, 1970. 388 p.
- Ferguson Ch.A. The language factor in nation development // *Antropological Linguistics*. 1962. Vol. 4, № 1. P. 23–27.
- Guiraud P. *Les locutions françaises*. Paris: Presse universitaires de Paris, 1967. 124 p.
- Gumperz J.J. On the Ethnology of Linguistic Change // *Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964* / ed. by W. Bright, The Hague; Paris: Mouton, 1966. P. 27–49.
- Hymes D. On two types of linguistic relativity // *Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964* / ed. by W. Bright, The Hague; Paris: Mouton, 1966. P. 114–158.
- Lado R. *Linguistics across cultures: Applied Linguistics for Language Teachers*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957. 160 c.
- Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 427 p.
- Quine W.O. *Word and Object*. Cambridge: MIT Press, 1960. 294 p.
- Rosch E. *Principles of Categorization // Cognition and categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.
- Whorf B.L. *Language, thought, and reality: Selected writings*. Cambridge: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. 278 p.

References

- Baranov, A.N., Dobrovol'sky, D.O. (2009), Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii [Principles of the semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznaniya* [Challenges of Linguistics], No. 6, pp. 21-34. (in Russian)
- Benveniste, E. (2002), *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics], Moscow, Progress Publ., 448 p. (in Russian)
- Black, M. (1959), Linguistic relativity: Theoretical views of Benjamin Lee Whorf. *The philosophical review*, Vol. 68, No. 2, pp. 228-238.
- Cassirer, E. (1970), *The Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 2. *Mythical thought*. New-Haven, London, Yale University Press, 388 p.
- Ferguson, Ch.A. (1962), The language factor in nation development. *Antropological Linguistics*, Vol. 4, No. 1, pp. 23-27.
- Frazer, D.D. (1986), *Fol'klor v Vetkhom zavete* [Folklore in the Old Testament], Moscow, Politizdat Publ., 511 p. (in Russian)
- Gak, V.G. (1999), Natsional'no-kul'turnaya spetsifika meronimicheskikh frazeologizmov [National and Cultural Peculiarities of the Meronymic Phraseological

- Units]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [*Phraseology in the context of culture*], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 260-265. (in Russian)
- Guiraud, P. (1967), *French collocations*, Paris, University Press of Paris, 124 p. (in French)
- Gumperz, J.J. (1966), On the Ethnology of Linguistic Change. Bright, W. (Ed.) *Sociolinguistics*, Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964, The Hague, Paris, Mouton, pp. 27-49.
- Humboldt, W. von (1985), *Language and philosophy of culture*. Moscow, Progress Publ., 452 p. (in Russian)
- Hymes, D. (1966), On two types of linguistic relativity. Bright, W. (Ed.) *Sociolinguistics*, Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964, The Hague, Paris, Mouton, pp. 114-158.
- Jung, K.G. (1991), *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol], Moscow, Renaissance Publ., 304 p. (in Russian)
- Karaulov, Yu.N. (1999), *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbalnaya set'* [Active Grammar and Associative and Verbal Network], Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 180 p. (in Russian)
- Kononenko, B. (Ed.) (2003), *Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii* [*Explanatory Dictionary of Cultural Studies*], Moscow, AST Publ, Veche Publ., 512 p. (in Russian)
- Kovshova, M.L. (2016), *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [*The Cultural and Linguistic Method of the Phraseology: Codes of Culture*], Moscow, Lenand Publ., 456 p. (in Russian)
- Lado, R. (1957), *Linguistics across cultures: Applied Linguistics for Language Teachers*, Ann Arbor, University of Michigan Press, 160 p.
- Lippmann, W. (1922), *Public Opinion*, New York, Harcourt, Brace and Company, 1922, 427 p.
- Levy-Strauss, K. (1983), *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology], Moscow, Nauka Publ., 536 p. (in Russian)
- Losev, A.F. (1991), *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture], Moscow, Nauka Publ., 357 p. (in Russian)
- Maslova, V.A. (2001), *Lingvokul'turologiya* [Cultural Linguistics], Moscow, Academia Publ., 208 p. (in Russian)
- Mokienko, V.M. (1986), *Obrazy russkoi rechi: Istoriko-etimologicheskie i etnolingvicheskie ocherki frazeologii* [*Images of Russian speech: Historical-etymological and ethnolinguistic essays of phraseology*], Leningrad, Leningrad University Press Publ., 280 p. (in Russian)
- Prokhorov, Y.E. (2008), *Natsionalnye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [*National Socio-cultural Stereotypes of Communication and their Role in Teaching Russian to Foreigners*], Moscow, LKI Publ., 224 p. (in Russian)
- Quine, W.O. (1960), *Word and Object*, Cambridge, MIT Press, 294 p.
- Rosch, E. Principles of Categorization. *Cognition and categorization*, Hillsdale, Lawrence Erlbaum, pp. 27-48.
- Sapir, E. (1993), *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii* [*Selected Works on Linguistics and Cultural Studies*], Moscow, Progress Publ., 656 p. (in Russian)

- Shmelyova, T.V. (1988), K probleme natsional'no-kul'turnoi spetsifiki 'etalona' sravneniya (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov [On the Problem of National and Cultural Peculiarities of the 'Standard' of Comparison (based on the example of the Russian and English Languages)], *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics], Moscow, Nauka Publ., pp. 120-124. (in Russian)
- Steblyn-Kamensky, M.I. (1976), *Mif* [Myth], Leningrad, Nauka Publ., 122 p. (in Russian)
- Tarasov, E.F. (1994), Yazyk i kul'tura: metodologicheskie problemy [Language and Culture: Methodological Problems], *Yazyk. Kul'tura. Etnos* [Language. Culture. Ethnos], Moscow, Nauka Publ., pp. 105-113. (in Russian)
- Teliya, V.N. (Ed.) (2010), *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big phraseological dictionary of the Russian language], Moscow, AST-Press Kniga Publ., 784 p. (in Russian)
- Teliya, V.N. (1996), *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii, lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguistic aspects], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 288 p. (in Russian)
- Turner, V. (1983), *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual], Moscow, Progress Publ., 256 p. (in Russian)
- Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. (1980), *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Cultural and Linguistic Theory of a Word], Moscow, Russkii yazyk Publ., 320 p. (in Russian)
- Vezhbiskaya, A. (2001), *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding of Cultures by Means of Key Words], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 288 p. (in Russian)
- Whor, B.L. (1956), *Language, thought, and reality*, Selected writings, Cambridge, Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 278 p.

NATIONAL AND CULTURAL PARTICULARITIES OF ENGLISH, FRENCH, AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

E.N. Belaia

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article deals with the national and cultural peculiarities of phraseological units with 'grass' components and grass names in English, French and Russian on the basis of sources of cultural interpretation. The author considers archetypes, mythologemes, ritual forms of folk culture such as beliefs, traditions, rituals, as well as religion, literature, and history. The emphasis in the article is on the fact that the national and cultural peculiarities of phraseological units with 'grass' components and names of grass types are determined by stereotyped, symbolic and standardized character of their figurative comparison. The following statements are proved: 1) the figurative basis of English phraseological units contains stereotyped and standardized representation of boring occupation, inexperience of young people, relaxation, overcoming of difficulties in life; 2) the figurative basis of French phraseological units contains stereotyped and standardized representation of bad mood, rapid increase of something, touch with literary works by La Fontaine, statements of Blaise Pascal; 3) the figurative basis of Russian phra-

seological units contains stereotyped representations of poverty, losing one's reason, touch with Russian literary works. It is concluded that the universal values are contained in the set expressions of these three languages with 'wormwood' component, and that the comparative analysis of phraseological units demonstrates differences in linguistic pictures of the world and sheds light on ethnic logic.

Key words: cultural connotation, archetype, mythologeme, ritual, symbol, standard, stereotype.

For citation:

Belaia, E.N. (2018), National and cultural particularities of English, French, and Russian phraseological units. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 61-81. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.61-81. (in Russian)

About the author:

Belaia Elena Nikolaevna, Dr., Associate Professor of the Chair of Roman and German Languages and Cultures

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: elena555-90@mail.ru

Received: March 25, 2018

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ*

Ю.В. Дорофеев

*Крымский республиканский институт постдипломного
педагогического образования (Симферополь, Россия)*

Аннотация: Рассматривается проблема функционирования, описания, анализа и классификации номинативных единиц, в содержании которых выделяются региональные компоненты значения. Обращение к данному объекту продиктовано логикой развития современной науки о языке, в рамках которой разные формы существования языка рассматриваются как взаимодополняющие и взаимообусловленные. Теоретическую основу исследования составляют работы в области лингвокультурологии, лингвострановедения и регионоведения, а также работы по функциональной семантике. На основе полученных ранее результатов предложена интерпретация региональных особенностей языка как функционально обусловленного явления, обеспечивающего расширение коммуникативных возможностей носителя языка и дифференцирующего разные региональные сообщества. Анализ регионально маркированных единиц проводится с учетом как их отнесенности к определенным семантическим группам реалий, выделенных в практике переводоведения и в рамках вариантологии, так и ограниченности сферы их функционирования и способности отразить соответствующий региональный колорит и специфику когнитивной базы отдельного сообщества. В соответствии с этим эмпирический материал организован таким образом, чтобы охарактеризовать семантические группы, отражающие региональную специфику русского языка, с учетом закономерностей использования регионально маркированных единиц носителями языка. Это позволяет представить систему соответствующих номинативных единиц как форму отражения различных условий проживания носителей одного языка, а также определить источники возникновения и развития региолектов.

Ключевые слова: номинативная единица, региолект, семантическая группа, сфера функционирования, лексикография.

Для цитирования:

Дорофеев Ю.В. О функционировании регионально маркированных номинативных единиц // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 82–94. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.82-94.

* Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00187.

Сведения об авторе:

Дорофеев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии, проректор по научной работе

Контактная информация:

Почтовый адрес: 295000, Россия, Симферополь, ул. Ленина, 15

E-mail: yuvld@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.05.2018

Введение

Исследование сущности процесса эволюции языка, особенностей его адаптации к различным культурным, социальным, историческим и региональным условиям является основой современной лингвистики в целом. Общим местом для многих работ стало признание важности последовательного углубленного изучения многообразных форм существования языка, их сосуществования и конкуренции, перспектив их развития, необходимости описания экстралингвистических причин, определяющих центробежные тенденции в языке [Labov 2006].

В связи с этим в последние десятилетия лингвисты придерживаются принципа функциональной дополнительнойности, который предполагает необходимость сосуществования взаимоопределяющих компонентов в рамках отдельной коммуникативной среды, и поэтому закономерно обращаются к глубокому и всестороннему изучению таких явлений, которые ранее рассматривались как дополнительные по отношению к литературной форме языка, как ненормативные, а иногда и как маргинальные. К числу этих явлений традиционно относились многочисленные территориальные и социальные диалекты, но сегодня наблюдения над функционированием русского языка привели к необходимости выделения региональных вариантов (региолектов), которые в большей или меньшей степени противопоставляются кодифицированным формам (см. работы [Торохова 2005; Del Gaudio 2010; Кошман 2011; Крючкова 2011; Новикова 2011]), и даже русских пиджинов [Перехвальская 2008].

Интерес лингвистов к регионально маркированным номинативным единицам является следствием общей тенденции рассматривать язык только в связи с деятельностью человека: «В последней четверти XX в. постепенно стало очевидно, что интерес к языку есть в то же время интерес к самому человеку» [Ажеж 2008: 225]. Поэтому если первоначально подобные единицы соотносились с термином «реалии», который призван соотнести номинативные средства с референтами, свойственными одной лингвокультурной общности и отсутствующими в другой, а сама проблема отображения таких реалий в текстах относилась к деятельности переводчиков, то сегодня исследование реалий вышло далеко за рамки перево-

доведения, они подробно рассматриваются в лингвокультурологии, лингвострановедении, социолингвистике и связываются именно с теми фрагментами картины мира носителей одного языка, которые определяют необходимость появления новых средств номинации [Concise encyclopedia... 2001]. И региональное членение языка оказывается одним из ведущих факторов, определяющих границы функционирования тех или иных единиц и вследствие этого способствующих расширению словаря носителей языка, его обогащению и дифференциации.

Сфера функционирования регионально маркированных номинативных единиц определяется в современной лингвистике неоднозначно (первоначально появление региолектов связывалось с урбанизацией [Milroy, Milroy 1993]), что находит отражение в терминологии. В разных исследованиях такие феномены обозначаются близкими, но не идентичными терминами «диалектизмы», «этнографизмы», «экзотизмы», «регионализмы», «иноязычные вкрапления», «единицы, отражающие национальную специфику» и т. п. Выбор термина в данном случае обусловлен не только общим подходом к сути описываемого явления, но и истолкованием происхождения отдельных единиц. Поэтому между этими терминами можно найти ряд различий, но для нас сейчас главное указать, что все они обозначают слова и выражения, выступающие средством номинации специфических реалий материальной и духовной жизни людей, проживающих в разных регионах. Такие единицы широко употребляются в художественных и публицистических текстах с разными целями, и благодаря их значимости и частоте использования становятся актуальными для носителей конкретного языка в рамках отдельного ареала. Если употребление такой единицы в речи (узусе) становится регулярным, она также может найти отражение в словарях (толковом, лингвострановедческом, лингвокультурологическом и др.). Как правило, включение регионально маркированной единицы в словарь сопровождается пометой *обл.*, которая – наряду с пометами *спец.*, *жарг.* и *под.* – указывает на ограниченность сферы функционирования слова или выражения [Беликов 2009].

В связи со сказанным в работе ставится следующая цель: с позиций современной лингвистики охарактеризовать особенности функционирования регионально маркированных номинативных единиц русского языка на основе изучения их семантической соотнесенности в рамках отдельных форм существования (региональных вариантов).

Описание материала и методов исследования

Ярким примером использования регионально маркированных номинативных единиц являются переводы на русский язык сказок, эпоса, поэтических и прозаических произведений народов СССР. Как правило, такие переводы сопровождались развернутым комментарием и/или словариком, в котором разъяснялось значение многих так называемых *реалий*, которые в силу их семантического наполнения не переводились с по-

мощью аналогов, а транслитерировались, позволяя сохранить не только региональный колорит, но и соответствующее мировосприятие. Например, в грузинских сказках нам встречаются следующие слова: *газыри* (гнезда для патронов, нашитые в ряд на черкеске), *гоми* (густая каша из проса), *духан* (маленькая харчевня или мелкая торговая лавка), *дэв* (мифическое чудовище, великан), *када* (сдобный хлеб особой выпечки, внутрь которого кладут поджаренную в масле муку), *каджи* (злой дух), *комбали* (посох, палка для пастухов), *мчади* (лепешка из кукурузной муки), *хурджин* (переметная сума из ковровой ткани) и др.; в якутских сказках также находим множество подобных единиц: *алаас* (поляна, круглое поле или пастбище, окаймленное лесом), *баай* (сосуд из бересты), *иччи* (хозяин, домовый, дух), *оллоон* (шест для подвешивания над костром котлов, чайников), *олонхо* (якутский героический эпос), *саламат* (кушанье из муки и сливочного масла), *улус* (единица административного деления) и др.

Сходное явление наблюдается и при переводе на английский язык сказаний и легенд североамериканских индейцев, обращении к фольклору южноамериканских индейцев в литературе писателей Латинской Америки (Х.Л. Борхес, Г. Гарсия Маркес). Эти примеры наглядно демонстрируют процесс взаимовлияния языков, которое, с одной стороны, позволяет точно обозначить соответствующее явление / событие, а с другой, создает уникальный образ отдельного региона со своими культурно-историческими традициями. Рассматривая такое взаимообогащение языков, авторы работы «Русские языки» со ссылкой на другие исследования приводят классификацию единиц, которые характерны для региональных форм существования языка: обозначение лица по возрасту, родственным, имущественным отношениям, социальному положению, воинским обязанностям, роду занятий; наименования бытовых реалий (строений, орудий и предметов труда, одежды, обуви, ткани, еды, напитков); реалий культурной жизни (музыкальных инструментов, танцев, видов пения, игр, праздников, объектов религиозного культа, календаря, мер, денег), реалий природы: животных, растений, географических терминов; антропонимы, фольклорные персонажи, клички животных, астрономические названия, топонимы, гидронимы, названия административно-политических единиц, административно-политические и юридические термины, а также этнонимы [Вахтин и др. 2010: 12]. Стоит отметить, что в целом такие же семантические группы выделяются при характеристике территориальных вариантов, социальных вариантов и национальных вариантов языков, что свидетельствует, на наш взгляд, о закономерных процессах, протекающих под влиянием определенных внешних условий, в частности, под влиянием коммуникативной практики носителей одного языка в разных регионах [Eckert 2000; Chambers et al. 2004]. Как следствие, функционирование отмеченных групп номинативных единиц в речи и в литературных произведениях, которые отражают региональные или социальные

особенности жизни человека, приводит к распространению и включению соответствующих номинативных средств в состав активного лексикона отдельного региолекта и даже языка (нет сомнений, что именно необходимость отразить такие специфические реалии определяет особенности функционирования и развития языка в конкретных условиях, пример такого процесса приводит М.А. Кронгауз в подразделе своей книги, названном «Мы тоже эскимосы» [Кронгауз 2008]).

Исходя из сказанного выше, при описании региональных особенностей языка мы опираемся на функциональную интерпретацию отношений между вариантом и инвариантом, представленную в работах А.Н. Рудякова [Рудяков 2004, 2016], и рассматриваем вариант как единственную реальность, которая доступна непосредственному восприятию исследователя, только через него возможно познание того общего, что включает в себе инвариант. При таком подходе лингвистика «в значительной мере становится наукой, изучающей варьирование на фоне инвариантов. Это такая наука, которая отныне изучает «тождественное» не просто «в себе», а в образе тысячи лиц «другого» [Ажеж 2008: 91]. А анализ и описание регионально маркированных единиц становится одним из способов проникновения в закономерности вариативности отдельного языка.

Интерес именно к региональному типу варьирования стимулирует активный поиск адекватных методов исследования региональных особенностей языка и формирование соответствующего категориального аппарата, позволяющего представить результаты исследования в системном виде. Одну из ведущих позиций в отмеченной области занимают представители Белгородского государственного национального исследовательского университета (см., напр.: [Опыт... 2011]), в разных аспектах проблема регионализации лексики ставилась и крымскими русистами (см., напр.: [Дорофеев 2012]).

Одна из главных задач – выявление тех единиц, в содержании которых обнаруживаются региональные компоненты. Чтобы обеспечить целенаправленный поиск эмпирического материала, используются различные методики, среди которых мы считаем важнейшими две. Первая уже частично описывалась выше и состоит в том, чтобы, опираясь на традиции переводоведения и опыт составителей лингвострановедческих словарей, выделить семантические группы, в которые объединяются так называемые реалии, потенциально характерные только для определенного региона. Так, Т.Ф. Новикова в своих работах предлагает следующий список семантических групп, в рамках которых региональное своеобразие проявляется достаточно последовательно: безэквивалентные слова и фраземы; диалектизмы, локализмы и регионализмы; названия этнографических реалий; артефакты и знаки национальной культуры (в том числе мифонимы); названия праздников, примет; флора и фауна; названия реалий, отражающих административно-территориальное устройство, топонимы

и микротопонимы; историзмы, названия исторических событий; все типы и виды антропонимов; термины родства и других форм межличностных отношений; фиксированные формулы речевого этикета; прецедентные тексты; слова, репрезентирующие концепты отдельной культуры и др. [Новикова 2008].

Вторая методика исходит из функциональных параметров номинативных единиц и учитывает актуальность используемой лексики для того или иного ареала, степень осознанности отличий на уровне речи носителями языка, ограниченность сферы использования данных единиц, противопоставленность / непровотивопоставленность в рамках общей языковой системы, степень «экзотичности» отдельной единицы по отношению к носителям данного языка в других ареалах. Фактически все названные признаки проявляются только в процессе функционирования номинативных единиц в соответствующих контекстах, чем и определяется специфика селекции и классификации эмпирического материала.

Представление результатов

Мы убеждены, что наилучшие результаты можно получить при совмещении двух указанных выше методик, поэтому далее мы рассмотрим основные семантические группы регионально маркированных номинативных единиц с учетом их функциональных характеристик: специфичности, обусловленности контекстом, актуальности для определенного региона. В качестве эмпирического материала используются номинативные единицы, в структуре содержания которых выделяются региональные семы (например, 'Крым').

В силу специфики региональных особенностей наиболее ярко они проявляются в рамках группы так называемых географических реалий, охватывающих наименования объектов физической географии и природных явлений; наименования объектов, связанных с деятельностью человека в рамках отдельного региона; наименования растений, животных и т. д., распространенных в одних регионах и не встречающихся в других (эндемики). Номинативные единицы, репрезентирующие реалии данной группы, могут быть известны за пределами конкретного региона, однако в их семантике содержатся компоненты, непосредственно указывающие на их географическую отнесенность и ограничивающие сферу функционирования.

Например, семема *парма*, посредством которой на Северном Урале обозначают плосковершинные возвышенности и хребты, покрытые елово-пихтовыми лесами, известна за пределами указанной территории, однако не используется для указания на сходные реалии в других ареалах. То же самое можно заметить в процессе наблюдения за функционированием слова *сельга*, которым в Карелии обозначают вытянутую возвышенность, вал ледникового происхождения. Использование данной единицы вне соответствующего «географического контекста» не имеет смысла.

Чтобы провести наглядную аналогию, отражающую разницу между региональными способами обозначения географических реалий, можно проанализировать ряд слов, которые являются противопоставленными друг другу наименованиями одного и того же объекта в рамках одного языка. Так, литературному слову *степь* соответствуют *авлан* (Эвенкийский район), *халки* (солончаковые степи в Калмыкии), *пушта* (степные пространства между Дунаем и Тиссой), *прерия* (степь в Северной Америке), *пампа* (степь в Аргентине) и др. Каждая из этих номинативных единиц обладает четкой региональной отнесенностью и не может употребляться для обозначения объектов за пределами конкретного региона.

К этой же группе следует отнести наименование жителями Сибири Байкала гиперонимом *море*, а не *озеро*, названия пород рыбы, являющихся объектом традиционного промысла в Сибири: *кета*, *нярка* / *нерка*, *кижуч*, *горбуша*, *чавыча* [Резвухина 2014], наименования животных, присущих этому региону: *дзерен* (вид антилопы), *ирбис* (сибирский барс), *иргичен* (волк-вожак), *кенярка* (порода уток), *кера* (птица, питающаяся кедровыми орехами). Здесь также уместно указать на функциональную ограниченность определенных семем путем сопоставления их с единицами, широко употребительными в речи крымчан: *кипарис*, *кедр*, *крымская роза*, *крымский лук*, *лаванда*, *черноморская афалина*, *катран*.

Значительной по объему является и группа этнографических реалий, характеризующих быт и культуру региона, поскольку сюда входят пища, напитки, постройки, предприятия, одежда, жилье, мебель, посуда, наименования понятий искусства и культуры, обряды, меры, деньги. Таким образом, номинативные единицы, репрезентирующие данную группу, функционируют в сфере бытовых и ценностных отношений и в их содержании легко вычлениваются семы, названные А.Н. Рудяковым коллективноцентристскими.

Например, в русском языке на территории Республики Крым широко используются заимствованные единицы для обозначения реалий из гастрономической сферы: *бульба*, *буряк*, *варенец*, *гарбуз*, *горилка*, *гречаники*, *кавун*, *кисляк*, *лепешка*, *самса*, *пахлава*, *янтых*; построек и жилья: *ко-мора*, *корчма*, *курень*, *майдан*, *хата*, *хуто*, *тандыр*, *дастархан*.

Многие из перечисленных выше единиц, на первый взгляд, не обладают региональной маркированностью и представляют собой более или менее известные наименования, однако, как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, такая интерпретация является следствием стремления носителя языка объяснять неизвестное через известное, объединяя в одну группу те единицы, которые ему представляются похожими [Кронгауз 2008; Trudgill 2011]. Но семантическое наполнение данных единиц существенно разнится, что может быть установлено только в результате научного анализа (в этом отношении интересны, в частности, наблюдения В.И. Беликова, приведенные в его работах).

Рассмотрим с этой точки зрения две регионально маркированные единицы, относящиеся к ценностной сфере: *рушнык* и *побурханить*. С каждой единицей связана определенная обрядовая система. Свадебный рушнык является неотъемлемым элементом церемонии бракосочетания в Крыму. С ним соотносится целый ряд примет: кто первым ступит на рушнык, будет главой семьи; «на рушнык ступить – век с милым быть»; рушнык на счастье, на долю и др. Очевидно, для человека, не знакомого с таким контекстом, момент, когда молодые ступают на рушнык, не несет в себе дополнительных смыслов. Сходным образом воспринимается глагол *побурханить*, который используется жителями регионов, расположенных рядом с Байкалом. Если попытаться сформулировать суть этого обряда кратко, то это подношения местным духам с целью задобрить их. Однако традиция, которую с удовольствием поддерживают туристы, имеет глубокие культурные корни, концентрирует в себе языческие верования Сибири и отражает только фрагмент уникальной картины мира, сложившейся в отдельном регионе.

Реалии, отражающие административно-территориальное устройство (названия организаций и органов и представителей власти т. п.), также представляют собой достаточно обширную группу. Например, для крымчан долгое время сохраняли особую актуальность такие единицы, как *Верховная Рада*, *городской голова*, *оранжевый*, *бютовец*, *регионал*, *Майдани* и др. Сегодня эта группа пополнилась новыми единицами: *блэкаут*, *референдум*, *крымская весна*, *вежливые люди*. Значимость всех перечисленных единиц становится отчетливой только в историко-культурном контексте Крыма, хотя они известны далеко за пределами полуострова. Пожалуй, наиболее ярким примером является *блэкаут*, поскольку под ним понимается достаточно долгий период, в течение которого жители Крыма были вынуждены перестроить свою жизнь в условиях почти полного отсутствия электроэнергии (первые две недели энергия подавалась в общей сложности на четыре часа в сутки). Если современный человек попробует представить свою жизнь без электроприборов, то это только отчасти позволит ему понять все коннотации, заключенные в слове *блэкаут*.

Заключение

Очевидно, приведенные примеры не исчерпывают всех возможных случаев функционирования регионально маркированных номинативных единиц, однако они позволяют увидеть, что на территории современной России достаточно системно проявляется дифференциация между формами существования русского языка, которая в большой степени обусловлена экстралингвистическими факторами, так как реалии окружающего мира, особенности быта, социальной и культурной жизни в разных регионах с необходимостью находят отражение в языке и посредством этого включаются в картину мира носителей этого языка.

Несмотря на то, что многие единицы, обозначающие так называемые реалии, могут функционировать за пределами конкретного региона, при этом они сохраняют свою специфику. А ряд номинативных единиц может оказаться непонятным носителям одного языка (ср. русский язык в Крыму, в Сибири, на Кавказе и др.). Безусловно, главной характеристикой охарактеризованных единиц является «колорит», но при этом необходимо учитывать, что возникновение соответствующего колорита связано с необходимостью отображения таких фрагментов апперцепционной базы, которые имеют расхождения у носителей одного языка в разных региональных и культурных условиях. Рассмотренные семантические группы единиц позволили охарактеризовать наиболее ярко выделяющиеся на общем фоне номинативные средства (дивергенты и аналоги), которые демонстрируют пути, способы и степень адекватности отражения различных условий проживания носителей одного языка, а также источники формирования региональной специфики.

Соответственно, регионализм в тексте требует такого же лингвокультурологического комментария, как и другие реалии. При этом главной характеристикой регионализма является тот смысловой компонент, который отражает картину мира отдельного региона. На основе выделения такого компонента можно говорить о закономерностях функционирования регионально маркированных номинативных единиц в коммуникативной практике носителей определенной формы языка.

Список литературы

- Ажеж К.* Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2008. 304 с.
- Беликов В.И.* Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 357–377.
- Вахтин Н.Б., Мустайоки А.С., Протасова Е.Ю.* Русские языки // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-standard Russian* / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhin. Helsinki: Helsinki UP, 2010. С. 5–17.
- Дорофеев Ю.В.* Лингвистический функционализм и вариантность языка: монография. Симферополь: Таврида, 2012. 306 с.
- Кошман И.Н.* Русский язык в диалоге культур (на материале русских публицистических текстов Украины): монография. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2011. 264 с.
- Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
- Крючкова Т.Б.* Проблема возникновения и функционирования национальных вариантов языка // *Георусистика. Вызовы XXI: сб. науч. ст. / под ред. А.Н. Рудякова.* Симферополь: Антиква, 2011. С. 114–124.
- Новикова Т.Ф.* Современные региолекты: проблемы статуса и описания // *Лінгвістика.* Луганськ: Видавництво ЛНУ, 2011. № 3. С. 17–25.

- Новикова Т.Ф. Регионализмы как единицы языка с национально-культурным компонентом значения // Фразеология и когнитивистика: материалы I Междунар. науч. конф.: в 2 т. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. Т. 2. С. 256–262.
- Новикова Т.Ф. Современные региолекты: проблемы статуса и описания // Лінгвістика: збірник наукових праць. Луганськ: Видавництво ЛНУ, 2011. № 3, ч. 1. С. 17–25.
- Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): монография / под ред. Т.Ф. Новиковой. Белгород: БелГУ, 2011. 228 с.
- Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. 363 с.
- Резвухина Ю.А. Колымские регионализмы переходной эпохи: (краткий словарь колымской региональной лексики 20-х гг. XX в.): словарь. Магадан: СВГУ, 2014. 39 с.
- Рудяков А.Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: Лексрус, 2016. 392 с.
- Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). Киев: Грамота, 2004. 224 с.
- Торохова Е.А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 25 с.
- Chambers J.K., Trudgill P., Schilling-Estes N. *The Handbook of Language Variation and Change*. London: Wiley-Blackwell, 2004. 832 p.
- Concise encyclopedia of sociolinguistics* / ed. by R. Mesthrie. Amsterdam; New York; Oxford, 2001. 1031 p.
- Del Gaudio S. On the nature of Surżyk: a double perspective. München; Berlin; Wien: Peter Lang, 2010. 328 p. (Wiener Slawistischer Almanach – Sonderbände, S-bd 75).
- Eckert P. *Language Variation as Social Practice*. Oxford: Blackwell, 2000. 256 p.
- Labov W. *The social stratification of English in New York City*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 485 p.
- Milroy J., Milroy L. Mechanisms of change in urban dialects: the role of class, social network and gender // *International Journal of Applied Linguistics*. 1993. Vol. 3, iss. 1. P. 57–77.
- Trudgill P. *Sociolinguistic Typology Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 276 p.

References

- Belikov, V.I. (2009), Stereotypy v ponimanii literaturnoi normy [Stereotypes in the understanding of the literary norm]. *Stereotypy v yazyke, kommunikatsii i kul'ture* [Stereotypes in language, communication and culture], collection of articles, Moscow, RGGU Publ., pp. 357-377. (in Russian)
- Chambers, J.K. Trudgill, P., Schilling-Estes, N. (2004), *The Handbook of Language Variation and Change*, London, Wiley-Blackwell, 832 p.
- Mesthrie, R (Ed.) (2001), *Concise encyclopedia of sociolinguistics*, Amsterdam, New York, Oxford, 1031 p.
- Del Gaudio, S. (2010), *On the nature of Surżyk: a double perspective*, München; Berlin; Wien, Peter Lang Publ., 2010. 328 p. (Wiener Slawistischer Almanach - Sonderbände, Iss. 75).

- Dorofeev, Yu.V. (2012), *Lingvisticheskiĭ funktsionalizm i variantnost' yazyka* [*Linguistic Functionalism and Variability of Language*], Monograph, Simferopol, Tavri-da Publ., 306 p. (in Russian)
- Eckert, P. (2000), *Language Variation as Social Practice*, Oxford, Blackwell Publ., 256 p.
- Hagege, C. (2008), *Chelovek govoryashchii. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki* [*Man speaking. The contribution of linguistics to the humanities*], 2nd ed., Moscow, Editorial URSS Publ., 304 p. (in Russian)
- Koshman, I.N. (2011), *Russkii yazyk v dialoge kul'tur (na materiale russkikh publitsisticheskikh tekstov Ukrainy)* [*Russian language in the dialogue of cultures (on the material of Russian journalistic texts of Ukraine)*], Monograph, Lugansk, Dal VNU Publ., 264 p. (in Russian)
- Krongauz, M.A. (2008), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [*Russian language on the verge of a nervous breakdown*], Moscow, Znak Publ., Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 232 p. (in Russian)
- Kryuchkova, T.B. (2011), Problema vozniknoveniya i funktsionirovaniya natsional'nykh variantov yazyka [The problem of the emergence and functioning of national language variants]. Rudyakova, A.N. (Ed.) *Georusistika. Vyzovy XXI* [*Georusistic. Challenges of the 21th century*], collection of articles, Simferopol, Antikva Publ., pp. 114-124. (in Russian)
- Labov, W. (2006), *The social stratification of English in New York City*, 2nd ed., Cambridge, Cambridge University Press, 485 p.
- Milroy, J., Milroy, L. (1993), Mechanisms of change in urban dialects: the role of class, social network and gender. *International Journal of Applied Linguistics*, Vol. 3, Iss. 1, pp. 57-77.
- Novikova, T.F. (Ed.) (2011), *Opyt aspektного analiza regional'nogo yazykovogo materiala (na primere Belgorodskoi oblasti)* [*Experience of the aspect analysis of regional language material (on the example of the Belgorod region)*], Monograph, Belgorod, IPK NIU BelGU Publ., 228 p. (in Russian)
- Novikova, T.F. (2011), Sovremennyye regiolekty: problemy statusa i opisaniya [Modern regional dialect: status and description problems], *Lingvistika* [*Linguistics*], collection of articles, Lugansk, Vidavnitstvo LNU Publ., No. 3, Part 1, pp. 17-25. (in Russian)
- Novikova, T.F. (2008), Regionalizmy kak edinitsy yazyka s natsional'no-kul'turnym komponentom znacheniya [Regionalisms as units of language with a national and cultural component of meaning]. *Frazeologiya i kognitivistika* [*Phraseology and cognitive science*], Materials of the 1st International Scientific Conference, in 2 volumes, Belgorod, BelGU Publ., Vol. 2, pp. 256-262. (in Russian)
- Perekhval'skaya, E.V. (2008), *Russkie pidzhiny* [*Russian Pidgins*], St. Petersburg, Ale-teiya Publ., 363 p. (in Russian)
- Rezvukhina, Yu.A. (2014), *Kolymskie regionalizmy perekhodnoi epokhi: (kratkii slovar' kolymskoi regional'noi leksiki 20-kh godov 20 veka)* [*Kolyma regionalisms of the transitional era: (Brief Dictionary of the Kolyma regional lexicon of the 1920s)*], Dictionary, Magadan, SVGU Publ., 39 p. (in Russian)
- Rudyakov, A.N. (2016), *Georusistika: russkii yazyk v global'nom mire* [*Georusistic: Russian language in the global world*], Moscow, Leksrus Publ., 392 p. (in Russian)

- Rudyakov, A.N. (2004), *Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat (opyt funktsional'nogo opredeleniya estestvennogo yazyka)* [*Language, or Why people say (experience of functional definition of natural language)*], Kiev, Gramota Publ., 224 p. (in Russian)
- Torokhova, E.A. (2005), *Regional'nyi variant russkogo literaturnogo yazyka, funktsioniruyushchii na territorii Udmurtii (sotsiolingvisticheskii aspekt)* [*The regional version of the Russian literary language that functioning on the territory of Udmurtia (sociolinguistic aspect)*], Author's abstract, Izhevsk, 25 p. (in Russian)
- Trudgill, P. (2011), *Sociolinguistic Typology Social Determinants of Linguistic Complexity*, Oxford, Oxford University Press, 276 p.
- Vakhin, N.B., Mustajoki, A.S., Protassova, E.Yu. (2010), *Russkie yazyki* [Russian languages]. Mustajoki, A., Protassova, E., Vakhin, N. (Eds.) *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-standard Russian*, Helsinki: Helsinki UP Publ., pp. 5-17. (in Russian).

FUNCTIONING OF REGIONALLY MARKED NOMINATIVE UNITS

Yu.V. Dorofeev

Crimean Republican Institute of In-Service Teachers Training (Simferopol, Russia)

Abstract: The article is devoted to the problem of functioning, description, analysis and classification of nominative units containing regional components of significance. The appeal to this object of research is dictated by the logic of the development of modern science of language, in the framework of which different forms of language existence are considered as complementary and interdependent. The theoretical basis of the study is the following: works in the field of linguoculturology, linguistic country studies and regional studies, as well as works on functional semantics. In this regard, the article proposes an interpretation of the regional features of language as a functionally conditioned phenomenon, providing the expansion of the communicative capabilities of native speakers and differentiating various regional communities. In addition, the analysis of regionally marked units is carried out both taking into account their attribution to certain semantic groups of realities identified in the practice of translation science and in the framework of variantology and taking into account the limited scope of their functioning and the ability to reflect the appropriate regional peculiarities and specificity of the cognitive base of a particular community. In accordance with this, the empirical material is organized in such way as to characterize the semantic groups reflecting the regional specificity of the Russian language, taking into account the patterns of the use of regionally marked units by native speakers. This allows us to present the system of the corresponding nominative units as a form of reflecting the different living conditions of the speakers of the same language, and also to determine the sources of the origin and development of the regional dialects.

Key words: nominative unit, regional dialect, semantic group, sphere of functioning, lexicography.

For citation:

Dorofeev, Yu.V. (2018), Functioning of regionally marked nominative units. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 82-94. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.82-94. (in Russian)

About the author:

Dorofeev Yuri Vladimirovich, Prof., Head of the Chair of Philology, Vice-Rector for Research

Corresponding author:

Postal address: 15, Lenina ul., Simferopol, 295000, Russia

E-mail: yuvld@mail.ru

Acknowledgements:

Prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-04-00187

Received: May 30, 2018

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕЧЕВОМ ИДЕАЛЕ,
РЕЧЕВЫХ ПРИЛИЧИЯХ И ЯЗЫКОВОМ ВКУСЕ
(ПО ДАННЫМ ПИЛОТНОГО
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)***

О.С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Представлены результаты пилотного социолингвистического эксперимента, целью которого являлось изучение представлений о речевой культуре у учителей русского языка и литературы средней школы, а также оценка ими языковых новаций и иных фактов современной русской речи, выходящих за границы норм литературного языка. Задачи исследования – выявить методом экспертного опроса представления информантов о речевом идеале и носителях «образцовой речи»; представления о тематических ограничениях, которые определяют этическую сторону речи; представления об ограничениях, налагаемых на выбор конкретных языковых единиц с точки зрения хорошего языкового вкуса. В целях изучения указанных аспектов было проведено анкетирование 54 высококвалифицированных учителей Омска и Омской области. Установлено, что для информантов опрошенной группы образцами хорошего языкового вкуса являются медийные персоны, среди которых телеведущие занимают лидирующее положение. В то же время 20 % участников опроса затруднились в «персонификации» своего речевого идеала применительно к современной речи. Представления о тематических ограничениях и допустимости в речи конкретных языковых единиц, свидетельствующих, по мнению информантов, о языковом вкусе, отражают жесткую установку по отношению к языковым новациям, стилистическим и иным отступлениям от норм литературного языка.

Ключевые слова: языковая норма, культура речи, речевой идеал, языковой вкус, экспертный метод.

Для цитирования:

Иссерс О.С. Представления о речевом идеале, речевых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического эксперимента) //

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001 «Массовая речевая культура в омском регионе как отражение коммуникативных норм, ценностных ориентиров и конфликтогенных факторов».

Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 95–111. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.95-111.

Сведения об авторе:

Иссерс Оксана Сергеевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: isserso@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.09.2018

Изучение различных аспектов культуры русской речи традиционно связано с критериями оценки языковых фактов, в том числе в отношении новаций современной речи с точки зрения их нормативного статуса. Одним из традиционных для кодификаторов критериев является ориентация на «речевой идеал», авторитет носителей образцовой речи. В то же время не менее значимым критерием для нормативной оценки языковых фактов является их распространенность, массовое употребление. Именно в речевой практике наблюдаются большие или меньшие отклонения как от традиции, так и от кодифицированных предписаний [Крысин 2006: 298]. Оба эти ориентира в современных условиях претерпели значительные изменения в силу комплекса социокультурных причин, и в первую очередь – совершенствования коммуникационных технологий, способствующих стремительному распространению языковых новаций.

Для установления «правильности» или «неправильности» множества новых, в том числе вариативных явлений современной речи значимой является их оценка компетентными представителями языкового сообщества, или экспертами. Экспертный метод активно применяется в различных областях знания как самостоятельный метод исследования; он позволяет высококвалифицированным специалистам на основе своих знаний и опыта делать заключения и выводы относительно свойств объекта при изучении неизвестных объектов или неизвестных свойств объектов.

Однако определение круга экспертов является отдельной социолингвистической задачей. Как указывает А.Д. Шмелев, в сфере ортологии «границы этого множества оказываются нечеткими: к нему принадлежат те, кого готово признать “компетентными” языковое сообщество в целом» [Шмелев 2017: 186–187]. Причем для различных случаев оценки нормативности, уместности, перспектив влияния на развитие языка того или иного явления релевантными могут оказаться различные множества экспертов, степень компетентности которых также может быть различной. Нельзя не учитывать при этом фактор субъективности, языковой вкус и речевые идеалы самого эксперта, его установку по отношению к языко-

вым элементам, проникающим в речь в том числе и образованных носителей языка из субстандартных его разновидностей [Шмелев 2017].

Понятие о речевом идеале и языковом вкусе

Понятие речевого идеала является близким к понятиям риторического (лингвориторического) и коммуникативного идеала, но, на наш взгляд, не полностью совпадает с ними.

Риторический идеал в большинстве исследований рассматривается как обобщенное представление об оптимальном типе личности «идеального» ратора в контексте определенной культурно-исторической эпохи [Аверинцев 1996: 358–359]. А.К. Михальская определяет риторический идеал как «систему наиболее общих требований к речи и речевому поведению», отмечая его историческую и национально-культурную обусловленность и ценностную составляющую [Михальская 1996: 379]. С позиции говорящего, желающего соответствовать ожиданиям и потребностям аудитории, риторический идеал может быть представлен как характеристики вербального и невербального поведения оратора, соответствующие представлениям аудитории об оптимальной публичной речи [Сковородников 2001; Полякова 2003].

Понимание риторического идеала как феномена национального сознания сближает это понятие с коммуникативным идеалом, который определяется И.А. Стерниным как совокупность представлений об идеальном ораторе и идеальном выступлении, существующих в сознании носителей русской коммуникативной культуры [Стернин 2001а, 2001б, 2002].

По сравнению с рассмотренными выше понятиями представления о речевом идеале, как правило, более конкретизированы в отношении отдельных речевых характеристик и языковых норм. В массовых представлениях о речевом идеале находятся не оценки риторических и коммуникативных навыков, но в первую очередь «зона допустимого», отбор языковых средств как соответствующих представлениям о «хорошей речи» и в то же время не нарушающих этических и эстетических норм.

Речевой идеал совмещает ориентацию на классические образцы национальной речевой культуры и в то же время учитывает языковой вкус эпохи и той социально-культурной среды, в которой происходит речевое общение. В истории языков и культур имеется немало примеров, когда языковой вкус (*verbal taste*) был одним из основных критериев, маркирующих его носителя с точки зрения социально-культурной идентификации [Костомаров 1999, 2014; *Victorian Vulgarities...* 2009]. По мнению И.Т. Вепревой, в условиях демократизации общества и идеологического плюрализма «решающим фактором языкового узуса образованной части общества становится эстетический, вкусовой параметр, проявляющий себя в моде» [Вепрева 2006: 115]. В аспекте эффективности коммуникации необходимо учитывать, что без учета языкового вкуса адресата речевое общение чревато коммуникативными неудачами [Сковородников 2007: 597].

Проблема выявления речевого идеала для носителей русского языка становится еще более актуальной и многоплановой в условиях, когда «литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной», а литературный стандарт – «менее стандартным» [Костомаров 1999: 5].

Методы и материал

Определить для сегодняшнего дня несомненные речевые идеалы – задача не из легких, поскольку образцы для массового подражания сосредоточены в сфере медиа, нередко имеющей к культуре не совсем прямое отношение. Массовое обследование в эпоху Интернета и наличия лингвистических корпусных данных, с одной стороны, не является неразрешимой задачей, но с другой – картина может оказаться недостаточно репрезентативной по социолингвистическим параметрам и недостаточно аргументированной в силу специфики «наивного метаязыкового сознания» [Голев 1997; Крылова 2006].

С учетом того, что последнее массовое обследование функционирования русского языка проводилось в 1960–1970-х гг. (см.: [Русский язык по данным массового обследования 1974]), оценка современной речи в аспекте ее соответствия нормам и национальному речевому идеалу в большинстве случаев основана на интуиции и лингвистическом чутье кодификатора. Мнение экспертного сообщества в отсутствие свежих репрезентативных данных массовых обследований становится одним из убедительных критериев для оценки языковых новаций.

В фокусе настоящего исследования находятся некоторые представления о речевой культуре и критерии, характерные для оценивания ее с точки зрения «образцовой», достойной подражания. Во-первых, в массовом сознании представления о речевом идеале, как правило, связаны с его типичными носителями – теми персонами, которые выступают в качестве «лучшего образца категории». Во-вторых, это представления о тематических ограничениях, которые определяют этическую сторону «хорошей речи». В-третьих, это представления о хорошем языковом вкусе, который, в частности, проявляется в ограничениях на выбор конкретных языковых единиц.

В целях изучения указанных аспектов было проведено анкетирование преподавателей-филологов – группы носителей языка, транслирующей знания о языке и речевой культуре молодому поколению. В нем приняли участие 54 эксперта – учителя, подготовившие участников Всероссийской филологической олимпиады школьников (Омск, 2018), т. е. группа высококвалифицированных преподавателей русского языка и литературы, которые на основании своих знаний и опыта ответили на вопросы анкеты. Заполнение анкет осуществлялось на методическом семинаре после разъяснения задач эксперимента.

Результаты и обсуждение

Для выявления представлений о речевом идеале информантам был задан **вопрос 1: Назовите несколько фамилий известных людей – наших живых современников, которых Вы считаете образцом грамотной, культурной, выразительной речи.**

Получено 92 ответа (допускалось более одного ответа). Названы телеведущие, спортивные комментаторы, дикторы – 25 (В. Познер, Ю. Вяземский, Ф. Толстая, И. Кириллов, В. Губерниев и др.); писатели – 19 (Л. Улицкая, З. Прилепин, Т. Толстая, Дм. Быков и др.); представители сферы культуры – 13 (В. Смехов, Н. Михалков, С. Безруков, М. Пиотровский и др.); политики – 6 (В. Путин, С. Лавров, В. Жириновский); преподаватели вузов – 7; лингвисты – 3 (М. Кронгауз, А. Зализняк); 9 информантов на вопрос о носителях образцовой речевой культуры ответили «не знаю».

Опрос показал, что в ядре представлений группы информантов о носителях образцовой речи находятся медийные персоны, среди которых телеведущие занимают лидирующее положение. Образование, профессиональная деятельность и культурный уровень информантов-учителей повлияли на значительную представленность в ответах имен писателей и деятелей культуры. Можно высказать гипотезу, что корректировка полученных сведений путем изучения речевых идеалов иных социальных групп вряд ли даст иные результаты в силу «медиацентричности» современной речевой коммуникации.

Неожиданным было нежелание каждого пятого информанта поделиться с собственными предпочтениями. Это может быть показателем негативной установки по отношению к речевой культуре современников, в принципе не отвечающей языковому вкусу информантов. В свою очередь, это также является и косвенным свидетельством ориентации учителя на традиционные речевые нормы и коммуникативные ценности, которые не находят отражения в сегодняшней речевой реальности.

Вопрос 2 был нацелен на выявление языкового вкуса информантов по принципу «от противного» – через указание на приметы «необразцовой» речи: **Что Вам не нравится (что раздражает) в современной русской речи? Можете указать общие тенденции, отдельные слова и выражения** (допускалось более одного ответа).

В качестве наиболее актуальных «раздражителей» – сигналов «некачественной» речи – названы сленг, жаргон, просторечие (28 %), англицизмы, заимствования (22 %), нарушения орфографических, орфоэпических и иных норм (14 %), бедность, примитивность речи (4 %), сокращения, особенно в языке Интернета, которые представляются информантам немотивированными (4 %). В отдельных анкетах отмечены агрессия современной речи, использование эмодзи и др. Таким образом, для данной группы информантов наиболее ярким признаком «качественной» речи является ее свобода от каких-либо элементов, находящихся за пределами

литературного языка, а также от заимствований («неуместное употребление иностранных слов»). В единичных анкетах отмечены коммуникативные, этические и эстетические качества речи, которые делают ее далекой от идеала, – агрессия, бездуховность, примитивность, «неживая» речь. Фокус негативных оценок сосредоточен на лексическом уровне языка и в области норм орфографии и орфоэпии.

Вопрос 3 был поставлен для выявления рефлексии информантов относительно признаков культуры речи и коррелировал с вопросом 2: **Культура речи – это... (попытайтесь назвать хотя бы некоторые признаки).**

Более половины информантов отмечают такие признаки культуры речи, как коммуникативная и ситуативная обусловленность, уместность, понятность, вариативность. Также отмечаются эстетические характеристики – выразительность, простота, «изящность», живость, например:

Целесообразность, уместность использования речевых средств в соответствии с ситуацией. Простота + изящность (в сочетании!) (17)¹;

Грамотная, выразительная речь, предполагающая варианты в зависимости от речевой ситуации (18);

Умение слушать собеседника (19).

В то же время в ответах на этот вопрос соответствие нормам языка не является таким безусловным «лидером» в выделении культурно-речевых признаков – менее половины (45 %) акцентируют на этом внимание, см.:

Грамотность устной и письменной речи, образность, уместность употребления, структурность, красота, подражательность (10);

Нормированность, уместность, выразительность, живость (33);

Грамотная, понятная по лексическому составу (22);

Использование и создание речи и ее передача с учетом норм русского литературного языка с учетом стиля, аудитории, цели, но!!! без перехода границы безграмотности (23).

В ряде случаев отмечается связь общей культуры личности с культурой речи:

Внутренняя культура, богатый словарный запас, духовно-нравственная наполненность личности, знание и понимание норм и правил (7).

Ряд ответов дублирует, по сути, ответы на вопрос 2 – как приметы качественной речи отмечаются *отсутствие жаргонных слов, правильное ударение, произношение (4); правильность речи с точки зрения орфоэпических, грамматических, лексических, синтаксических норм, отсутствие стилист ошибок (12); соблюдение норм языка, соблюдение этикета общения (8).*

В одном случае указано на допустимость нарушения языковых норм, если это обусловлено коммуникативными задачами говорящего:

¹ Здесь и далее указаны номера анкет из базы данных пилотного эксперимента. Стиль и оформление текста оригинала сохранены.

Речь в соответствии с ситуацией. Смешно всегда следовать нормам. Иногда нужно (можно) использовать просторечные выражения (9).

Таким образом, ответы на вопрос 3 показали, что теоретические знания информантов о культуре речи, особенно о значимости ее коммуникативного аспекта, дают основания ожидать толерантность и по отношению к оценке языковых новаций, и по отношению к специфическим подсистемам языка, включающим ненормативные элементы.

В вопросе 4 информантам предлагалось оценить возможность использования некоторых слов и выражений персонами, названными в первом вопросе в качестве носителей образцовой речи: **Могут ли названные вами в п. 1 персоны употребить в публичной речи (например, в интервью) следующие слова, выражения, фразы? (+ «да», – «нет»).**

Примеры (всего 20 фраз) были извлечены из речи известных публичных личностей, большая часть которых, по предположению, должна была быть названа информантами в ответе на первый вопрос (журналист Л. Парфенов, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктов, писатель Дм. Быков, политики В. Путин, С. Лавров и др.). Все примеры были зафиксированы либо на центральных телевизионных каналах, либо в «качественных» российских СМИ и находятся на разных участках шкалы «норма – “не норма” – антинорма». В отборе материала для опроса мы опирались на подход В.Г. Костомарова, который между нормой и антинормой выделил промежуточный неоднородный таксон – «ненорму»¹, объединяющий большое количество разнородных явлений, не относящихся к нормативному ядру, но и не попадающих в «зону запрета», нередко вследствие того, что их нормативный статус не определен [Костомаров 2014].

В вопросе 4 представлены образцы «разной степени неправильности»: просторечие (*ихний*), псевдоэвфемистические замены (*гребаный, охренеть, зашибись*) и ненормативное употребление слов в эвфемистической функции (*крайнее интервью*), жаргонизмы и сленг (*погоняло, выносить мозг*), разговорные лексемы и лексико-грамматические конструкции (*закупаться, надрать задницу, по жизни*). Кроме этого, в анкеты включены примеры, отражающие тенденции развития языковой системы: появление множественного числа у существительных Sing. Tantum (*одна из полемик*), образование новых видовых коррелятов (*бесить – выбесить*), «игры с переходностью» (*сбивать мечты*), изменение сочетаемости и появление новых узуальных значений (*обречены на победу, пафосный бренд, трепетно создавать программу*). В анкету вошли примеры, где отсутствует нарушение языковых норм, но есть приметы шаблонной речи либо стилистические погрешности (фразы 12 и 17). Пример 11, в котором представлена контаминированная конструкция *имеет место быть*, допустимая в разговорной речи, включена в качестве контрольного вопроса.

¹ В написании термина в данном случае мы придерживаемся отдельного написания, имея в виду отрицание нормативного характера языковых фактов.

Указание на жанр интервью, по замыслу исследования, должно было помочь информантам идентифицировать ситуацию как устное публичное общение и работать на понижение их «порога допустимого».

В таблице приведены данные о положительных ответах на каждый из вопросов.

Количественная оценка возможностей употребления конкретных речевых примеров в публичной речи носителей речевого идеала

№	Пример	Да
1	<i>Это одна из главных полемик нашего времени.</i>	8
2	<i>Охренеть!</i>	1
3	<i>Что тебя выбесило?</i>	3
4	<i>Это одно из моих погонял со школы.</i>	2
5	<i>Вы где закупаетесь, в «Ленте»?</i>	2
6	<i>А какой человек вы по жизни?</i>	14
7	<i>В своем крайнем интервью...</i>	3
8	<i>У него такая энергетика – зашибись!</i>	2
9	<i>У ихнего режиссера нервы не выдержали.</i>	1
10	<i>Она продолжает выносить мне мозг.</i>	5
11	<i>Такой подход, к сожалению, имеет место быть.</i>	19
12	<i>Я думаю, он еще не готов взять на себя ответственность... Как-то так...</i>	13
13	<i>Мы обречены на победу!</i>	12
14	<i>Тут такая история. Наш боец за 10 секунд победил противника.</i>	5
15	<i>Он намерен стрясти с этого гребаного Голливуда по полной.</i>	0
16	<i>Эти часы – абсолютно пафосный бренд.</i>	4
17	<i>Руководимому мною учреждению было дано поручение произвести расчеты возраста дожития в Российской Федерации.</i>	2
18	<i>Об Олимпийских играх 2018 г.: Надо ехать и надрать всем задницу!</i>	1
19	<i>Мы очень трепетно создавали программу летней школы перевода.</i>	8
20	<i>В новогодние дни хорошо сбывать чьи-то мечты.</i>	3

Ответы на вопрос 4 продемонстрировали, что оценка конкретных фактов «не нормы» слабо вписывается в установки информантов по отношению к указанным ранее теоретическим познаниям о содержании понятия «культура речи» и речевым идеалам. Наиболее приемлемым оказалось высказывание 11, но и оно более чем половиной информантов было оценено как недопустимое для носителя образцовой речи. Сдержанно-негативное отношение информанты продемонстрировали по отношению к популярным клишированным элементам *как-то так* и *по жизни*, а также к нарушению сочетаемости в словосочетании *обречены на успех* (возможно, это связано с тем, что фраза у всех на слуху – ее употребил в своем первом выступлении после победы на выборах в 2018 г. В.В. Путин).

Вопросы 5 и 6 были поставлены информантам в целях выявления жесткости их позиции относительно соблюдения орфоэпической и лекси-

ческой норм. Как и в вопросе 4, отступления от указанных норм рассматривались в проекции на носителей образцовой речи.

Вопрос 5: Могут ли названные вами в п. 1 персоны произнести (особенности произношения и ударения выделены прописной буквой; поставьте +, если Ваш ответ «да»): *скуЧно* (), *одноврЕменно* (), *конеЧно* (), *обеспечЕние* (), *подсвеЧник* (), *достаТоЧно* (), *гурУ* (), *кулинарИя* ().

Вопрос 6: Могут ли названные Вами в п. 1 персоны употреблять следующие слова: *отксерить* _, *фотка* _, *мороженка* _, *говенный* _, *хайповый* _, *убитая (квартира)* _, *шампусик* _, *ежскин кот* _.

Опрос выявил негативную установку по отношению к современным разговорным, просторечным единицам, а также новообразованиям (*хайповый*). Приемлемым и, следовательно, относительно нейтральным информантам представляется словоупотребление *убитая квартира* (45 % дали ответ «да»¹), *отксерить* (40 %), как недостаточно престижные рассматриваются неоднократно отмечаемые русистами разг. *фотка* (29 %), *ежскин кот* (22 %), еще ниже – разг. *мороженка*, *шампусик* и новообразование *хайповый* (20 %). Практически невозможным в речи носителей речевого идеала представляется сниженное *говенный* (0,05 %).

От оценки конкретных языковых единиц вопросы анкеты перемещаются в сферу «тематической дозволенности». Источником сведений о границах тематической свободы можно считать публичные интервью. Для проверки гипотезы о расширении этих границ информантам был поставлен **вопрос 7: Оцените возможность обсуждения в публичной сфере (например, в интервью на ТВ) следующих тем: 1. Когда у вас последний раз был секс? 2. Как вы зарабатываете на жизнь? 3. Сколько у вас денег? 4. Вы делали пластику? 5. А вас после такого обеда не пронесло? 6. Вам к трусам прикрепили лонжу? 7. Вы планируете в ближайшее время детей? 8. Вы не думали отдать своего ребенка с синдромом Дауна в Дом малютки?**

Выбор вопросов в основном был связан со «сферой личного», которая имеет различия в конкретных лингвокультурах².

Наиболее неприличными информантам показались вопросы 1, 5 и 6 (1, 0 и 5 % положительных ответов соответственно). 15 % ответили,

¹ В значении 'испорченный, разрушенный, непригодный для своего прямого назначения' данная разговорная лексема фиксируется уже более 14 лет [Химик 2017].

² См., напр.: «В Норвегии не принято спрашивать о здоровье. В этой стране считается, что самочувствие, физическое и психическое состояние – личное дело каждого, поэтому подобными вопросами может интересоваться только врач. Если же Вы все-таки поднимете эту тему, сдержанные норвежцы не выскажут открытого недовольства, но сделают однозначный вывод о Вашей бестактности». – Общаемся в Европе: популярные и запретные темы для разговора // Эксперто24. URL: <http://www.experto24.ru/kommunikazia/obshchaemsja-v-evrope-populjarnye-i-zapretnye-temy-dlja-razgovora.html>. См. также: О чем не говорят // РИА Новости. 31.05.2012. URL: <https://ria.ru/columns/20120531/661397233.html>.

что считают вопрос 3 допустимым в публичном диалоге. 14 % считают приемлемой темой для обсуждения вопрос 8 и 16 % – вопрос 4. Вопросы о планировании рождения детей (7) и источниках дохода (2) рассматривают как допустимые темы более 25 % респондентов. Результаты позволяют увидеть тенденцию к расширению круга детабуированных тем даже в среде учителей средней школы, где традиционно присутствуют ограничения на тематическую свободу. Разумеется, требуется углубленное изучение современных публичных дискурсов и расширение круга информантов, чтобы диагностировать изменение социокультурных норм в сфере коммуникативных практик.

Вопрос 8 был нацелен на выявление вкусовых предпочтений относительно новаций современной речи, разговорных и иных нелитературных элементов, которые предлагалось оценить в контексте определенной дискурсивной практики: **Подчеркните те фрагменты текста, которые не отвечают вашему речевому вкусу. По возможности поясните, что именно вам представляется неуместным (безвкусным).**

Информантам были представлены два фрагмента – один (А) – из кулинарного блога (пример И.Б. Левонтиной), другой (Б) – из театральной рецензии на спектакль МХТ «Тартюф» (источник и автор текста информантам не сообщался):

А. В хлебопечке сварил варенье из мякоти мандаринок, а потом подумал – и из шкурок тоже. Первое вкусно кушать ложкой, второе походу хорошо на начинку пустить для какой-нибудь вкусняшки.

Б. Смачный, сочный, зычный, беззаветно глупый спектакль пришелся по душе той публике, для которой он и делался; Олег Табаков всласть повалял дурака; критика окатила режиссера заслуженным ведром помоев и попыталась усомниться. Если вам, сударыня, угодно гнать попсу, воля ваша, но зачем же внаглую? На всякое безобразии должно быть свое приличие; пусть вам все до фонаря, но хотя бы притворитесь, что поработали мозгами и муки творчества входят в стоимость услуг. На следующей премьере, выходя на поклон, будьте любезны сделать интеллигентное лицо. Будь Чусова дурой, она так бы и сделала. Она – умная; это значит, умеет обманывать ожидания (А. Соколянский).

По поводу данных фрагментов мнения в большинстве случаев сосредоточены в области однозначно негативных оценок. Некоторые из них представлены ниже (в скобках указан номер анкеты. Стиль авторов сохранен).

Фрагмент А. Грамматические, синтаксические, лексические ошибки, употребление жаргонной и просторечной лексики (12); звучит грубовато и где-то двусмысленно; слово «вкусняшка» почему-то вызывает у меня всегда неприятие (17); много разговорных слов, некое сюсюканье (18); **мякоть мандаринок, и из шкурок тоже, кушать ложкой, походу, вкусняшки** – жаргонные слова, неправильно построенное предложение (21);

походу – глупое слово (9); *походу* – употребление слова-паразита (10); *походу* – ненужный сорняк (11); *походу, вкусняшки* – стилистическая неточность; поскольку текст размещается для просмотра широкими группами населения, то использование разговорных слов тут неуместно, это, скорее всего, похоже на личную переписку (7); использование просторечий определенных фраз в публицистике (23); *слащаво* (14); *походу* – молодежное слово-паразит, раздражает (12).

Таким образом, оказались «забракованными» все разговорные слова, значения и формы, включая *хлебопечку*. «Лидерами» негативных оценок оказались *походу* и *вкусняшки*. В некоторых ответах оценки смягчены с учетом коммуникативной ситуации: *кушать, походу, вкусняшки* – допустимо в разговорной речи, в личной переписке. Слово «кушать» не нравится в любой ситуации, исключение – маленькие дети (35); *из мандаринок, из шкурок, походу, пустить, вкусняшки* – слова, которые употребляются в жизни: на кухне и дома (22). Однако в подавляющем большинстве ответы информантов базируются на строго нормативной оценке языковых фактов.

Фрагмент Б. Большая часть информантов категорически не принимает стилистику данного текста, считая все метафорические выражения, разговорную лексику и фразеологические единицы с яркой экспрессивной окраской неуместными в публицистическом тексте, к которому, по мнению отвечающих, относится данный фрагмент. В частности, отмечены следующие недочеты: *стилистические ошибки* (12); *это не для публицистики; вульгарно-пошлая речь* (17); *грубость, бестактность* (18); *смешение разговорного и публицистического стилей* (21); *смачный, сочный, зычный, беззаветно, повалял дурака, окатила ведром помоев, гнать попсу, но зачем же внаглую, на всякое безобразие должно быть свое приличие, все до фонаря, поработали мозгами, муки творчества входят в стоимость услуг, интеллигентное лицо, дурой* – неуместные выражения в публицистике и на телевидении, но они есть, к сожалению (35); *поработали мозгами (грубовато)* (9); *заслуженным ведром помоев и попытался усюветить, гнать попсу, все до фонаря, дурой* – включение разговорной лексики. Газета должна формировать вкус, а не подстраиваться под события (10); *власть повалял дурака, окатило заслуженным ведром помоев, гнать попсу, все до фонаря, поработали мозгами, будь Чусова дурой* – неуместно (39); *речевые ошибки, сленг* (23); *зычный, беззаветно глупый, гнать попсу, внаглую, дурой* – безвкусно, слишком «вульгарный» и «наглый» стиль речи автора статьи, нужно более мягкое написание и лингвистически красивое (22).

Относительная терпимость к выразительным средствам речи, присутствующим во фрагменте Б, содержится в единичных ответах: *речь журналиста перенасыщена разговорными выражениями, подобные реплики могут дополнять, но не использоваться как основной тип речи* (25); от-

дельные ироничные выражения даже очень «ничего», вызовут улыбку слушателя, читателя (29). Всего лишь один информант исходил в оценке данного текста из коммуникативной задачи автора: эпатажно, но цели достигает (14).

Анкетирование показало, что для опрошенной группы информантов речевой вкус формируется на основе такого критерия, как соответствие языковой норме. Оценка разного рода отступлений от стандарта, в том числе и обусловленных задачами коммуникативной целесообразности с учетом фактора адресата, является преимущественно негативной. Причем «по ходу» бракуются и те языковые единицы, которые находятся в границах нормы, но имеют яркую эмоционально-экспрессивную либо стилистическую окраску – они воспринимаются как «вульгарно-пошлая речь». В ответах выявляются этическая и эстетическая составляющие культурно-речевых норм: «слишком «вульгарный» и «наглый» стиль речи автора статьи»; «газета должна формировать вкус, а не подстраиваться под события» и т. п.

Выводы

Как показал пилотный социолингвистический эксперимент, в сознании обследованной группы учителей-филологов преобладают негативные установки относительно языковых новаций, каких-либо отступлений от норм литературного языка, в том числе обусловленных коммуникативными задачами автора. Обнаружено противоречие между теоретическими знаниями о содержании понятия «культура речи», включающем три основных аспекта – нормативный, коммуникативный и этический (вопрос 3), и практикой оценки языковых фактов.

Во-первых, установлено, что представления о речевом идеале у респондентов достаточно неопределенны, размыты (об этом свидетельствует отсутствие ответов на первый вопрос в 20 % анкет). В качестве одной из причин можно предположительно указать на дефицит общепризнанных авторитетов, таких как в XX в. (академики Дм.С. Лихачев, В.В. Виноградов и др.). С другой стороны, на наш взгляд, имеет место некоторая идеализация тех персон, которые, по мнению анкетированных, являются образцами в аспекте культуры речи. Это подтверждают ответы на вопросы 4–6, где информанты не считают возможным употребление многих единиц (даже находящихся в пределах допустимого литературной нормой), на самом деле отмеченных в речи указанных ими «образцов».

Во-вторых, представления о тематических ограничениях, которые определяют этическую сторону речевой культуры, также скорее отражают эффект социальной желательности, нежели реальную речевую практику.

В-третьих, представления об ограничениях выбора конкретных языковых единиц, которые, по мнению информантов, соответствуют хорошему языковому вкусу, отражают жесткую установку по отношению к языковым новациям, стилистическим и иным отступлениям от нормы. Несмо-

тря на то что лингвисты отмечают возрастающую роль «ненорм» в современных дискурсивных практиках, рассматривая их как «избыточность – полезную, бесполезную и вредную» [Костомаров 2014: 119], опрошенная группа информантов отмечает только отрицательное воздействие на язык указанных отклонений от литературного стандарта. В терминах предложенной М.Я. Дымарским оппозиции речевых манер – моностилевой и полистилевой [Дымарский 2006: 181], можно констатировать, что в группе экспертов-учителей преваляровали индивиды, отдающие предпочтение первому типу и не приемлющие в принципе «смешение языков».

Пилотный эксперимент показал, что в своей преподавательской практике учителя средних школ, формирующие знания о языке и речевой культуре у учащихся, исходят из жестких нормативных установок по отношению к фактам языкового развития, не допуская тем самым саму возможность включения в речевую практику разного рода явлений «ненормы», обусловленных коммуникативными задачами говорящих.

Для последующих ортологических решений, экспертной оценки языковых новаций и целей лингводидактики продолжение эксперимента с целью изучения в широком социолингвистическом контексте представлений о речевом идеале, речевых приличиях и речевом вкусе видится актуальной исследовательской задачей.

Список литературы

- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.
- Вепрева И.Т.* О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. сб. ст. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 111–119.
- Голев Н.Д.* Антиномии русской орфографии. Барнаул: АГУ, 1997. 147 с.
- Дымарский М.Я.* Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 173–186.
- Костомаров В.Г.* Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 330 с.
- Крылова О.А.* Речевая культура и языковая политика в современном российском обществе // Русская речь. 2006. № 1. С. 52–54.
- Крысин Л.П.* Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 294–311.
- Михальская А.К.* Основы риторики. Мысль и слово: учебное пособие. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
- Полякова Е.К.* Риторический идеал в русском коммуникативном сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 19 с.

- Русский язык по данным массового обследования / под ред. Л.П. Крысина. М.: Наука, 1974. 352 с.
- Сковородников А.П. Риторический идеал // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.И. Иванова и др. 2-е изд. М.: Флинта, 2007. С. 596–597.
- Сковородников А.П. О понятии «русский риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 318–326.
- Стернин И.А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2002. С. 3–13. (Коммуникативное поведение).
- Стернин И.А. О русском коммуникативном идеале (экспериментальное исследование) // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. конф. по риторике. Воронеж: ВГУ, 2001а. С. 11–13.
- Стернин И.А. Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001б. С. 9–13. (Коммуникативное поведение).
- Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2: О–Я. 530 с.
- Шмелев А.Д. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2017. С. 184–191.
- Victorian Vulgarly: Taste in Verbal and Visual Culture / ed. by S.D. Bernstein, E. Michie. Burlington: Ashgate, 2009. 250 p..

References

- Averintsev, S.S. (1996), *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [*Rhetoric and the origins of the European literary tradition*], Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” Publ., 448 p.
- Bernstein, S.D., Michie, E. (Eds.) (2009), *Victorian Vulgarly: Taste in Verbal and Visual Culture*, Aldershot, Burlington, Ashgate Publ., 250 p.
- Dymarskii, M.Ya. (2006), *Rehevaya kul'tura i rehevaya manera (k probleme otsenki normativnosti rechevoi praktiki)* [Speech culture and speech style (to the problem of assessing the standartization of speech practice)]. *Russkii yazyk segodnya* [*Russian language today*], Iss. 4. Problemy yazykovoi normy [The problems of language norms], collection of articles, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Publ., pp. 173-186. (in Russian)
- Golev, N.D. (1997), *Antinomii russkoi orfografii* [*Antinomy of Russian spelling*], Barnaul, AGU Publ., 147 p. (in Russian)
- Khimik, V.V. (2017), *Tolkovyi slovar' russkoi razgovorno-obikhodnoi rechi* [*Explanatory dictionary of Russian colloquial speech*], in 2 volumes, St. Petersburg, Zlatoust Publ., Vol. 2, 530 p. (in Russian)
- Kostomarov, V.G. (2014), *Yazyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti* [*The language of the current moment: the concept of correctness*], St. Petersburg, Zlatoust Publ., 220 p. in Russian)

- Kostomarov, V.G. (1999), *Yazykovoï vkus epokhi [Language taste of the era]*, St. Petersburg, Zlatoust Publ., 330 p. (in Russian)
- Krylova, O.A. (2006), Rechevaya kul'tura i yazykovaya politika v sovremennom rossiiskom obshchestve [Speech Culture and Language Policy in Modern Russian Society], *Russkaya rech' [Russian Speech]*, No. 1, pp. 52-54. (in Russian)
- Krysin, L.P. (2006), Yazykovaya norma v proektsii na sovremennuyu rechevyu praktiku [Language norm through modern speech practice]. *Russkii yazyk segodnya [Russian language today]*, Iss. 4. Problemy yazykovoï normy [The problems of language norms], collection of articles, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Publ., pp. 294-311. (in Russian)
- Krysin, L.P. (Ed.) (1974), *Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya [Russian language according to the mass survey]*, Moscow, Nauka Publ., 352 p. (in Russian)
- Mikhalskaya, A.K. (1996), *Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo [Fundamentals of rhetoric. Thought and word]*, Textbook, Moscow, Prosveshchenie Publ., 416 p. (in Russian)
- Polyakova, E.K. (2003) *Ritoricheskii ideal v russkom kommunikativnom soznanii [The rhetorical ideal in the Russian communicative consciousness]*, Author's abstract, Voronezh, 19 p. (in Russian)
- Shmelev, A.D. (2017), *Vozmozhna li kodifikatsiya yazykovykh norm v epokhu sotsial'nykh i kul'turnykh izmenenii? [Is the codification of linguistic norms possible in the era of social and cultural change?]*, *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova [Works of Vinogradov Institute of the Russian language]*, Iss. 13. Russian speech culture Publ., Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 184-191. (in Russian)
- Skovorodnikov, A.P. (2007), *Ritoricheskii ideal [The rhetorical ideal]*. Ivanov, L.I., Skovorodnikov, A.P., Shiryaev, E.N. et al. (Eds.) *Culture of Russian speech*, Encyclopaedic dictionary-reference, 2nd ed., Moscow, Flinta publ., pp. 596-597. (in Russian)
- Skovorodnikov, A.P. (2001), *O ponyatii 'russkii ritoricheskii ideal' primenitel'no k sovremennoi rossiiskoi deistvitel'nosti [On the concept of 'Russian rhetorical ideal' as applied to modern Russian reality]*. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi [Dictionary and Culture of Russian speech]*, dedicated to the S.I. Ozhegov's 100s anniversary, Moscow, Indrik Publ., pp. 318-326. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2002), *Russkoe kommunikativnoe soznanie [Russian communicative consciousness]*. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie [Russian and Finnish communicative behavior]*, Iss. 3. Voronezh, Istoki Publ., pp. 3-13. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2001), *O russkom kommunikativnom ideale (eksperimental'noe issledovanie) [On the Russian communicative ideal (experimental research)]*. *Profesional'naya ritorika: problemy i perspektivy [Professional rhetoric: problems and prospects]*, Proceedings of the 5th International Conference on Rhetoric, Voronezh, VGU, pp.11-13. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2001), *Russkii kommunikativnyi ideal (eksperimental'noe issledovanie) [Russian communicative ideal (experimental study)]*. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie [Russian and Finnish communicative behavior]*, Iss. 2, St. Petersburg, A.I. Gertsen RGPU Publ., pp. 9-13. (in Russian)

Vepreva, I.T. (2006), O kodifitsirovannoi norme v sovremennoi kul'turno-rechevoi situatsii: norma i moda [On the codified norm in the contemporary cultural and speech situation: norm and fashion]. *Russkii yazyk segodnya* [*Russian language today*], Iss. 4. Problemy yazykovoi normy [The problems of language norms], collection of articles, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Publ., pp. 111-119. (in Russian).

**REPRESENTATIONS OF SPEECH IDEAL,
SPEECH DECENCY AND LANGUAGE TASTE
(ON THE MATERIAL OF THE PILOT
SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT)**

O.S. Issers

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article presents results of the pilot sociolinguistic experiment, aimed at studying of the representations of speech culture among Russian language and literature teachers of secondary schools, as well as their evaluation of linguistic innovations and other facts of modern Russian speech that go beyond the limits of the norms of the literary language. The research tasks is to reveal the representation of informants about the speech ideal and speakers of 'exemplary speech'; representations of thematic limitations that determine the ethical side of speech; representations about the restrictions imposed on the choice of specific linguistic units in terms of a good language taste using method of expert interrogation. In order to study these aspects, 54 highly qualified teachers in Omsk and Omsk Region were interviewed. It is established that informants of the questioned group consider media persons, such as leading TV anchors as examples of a good language taste. At the same time, 20 % of survey participants found it difficult to 'personify' their speech ideal in modern speech. The representations of thematic limitations and the compatibility of specific linguistic units in speech, which, according to informants, testify to the language taste, reflect a rigid attitude toward linguistic innovations, stylistic and other deviations from the norms of the literary language.

Key words: language norm, culture of speech, speech ideal, language taste, expert method.

For citation:

Issers, O.S. (2018), Representations of speech ideal, speech decency and language taste (on the material of the pilot sociolinguistic experiment). *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 95-111. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.95-111. (in Russian)

About the author:

Issers Oksana Sergeevna, Prof., Professor of the Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Dean of the Faculty of Philology and Media Communications

Corresponding author:

Postal address: 55, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: isserso@mail.ru

Acknowledgements:

The research was carried out with the financial support of the RFBR and the Government of the Omsk Region within the framework of the scientific project No. 18-412-550001 “Mass speech culture in the Omsk region as a reflection of communicative norms, values and conflict factors”

Received: September 14, 2018

ВОЙНА СООБЩЕСТВ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНФЛИКТА В УРБАНИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

С.Н. Оводова¹, А.Ю. Жигунов²

^{1,2} Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Рассматривается структура концепта 'город' в контексте его дифференциального восприятия субъектами урбанистического дискурса и возникающих в результате этого различия дискурсивных конфликтов. Характеризуются содержательные особенности указанной когнитивной единицы, анализируются структурно-смысловые компоненты концепта, концепт сопоставляется с учетом разницы восприятий его различными носителями языка. Урбанистический дискурс анализируется с позиции его структурной и функциональной особенностей, представляется как «дискурс о благоустройстве города в городе» и как коммуникативное пространство реализации ожиданий некоторых городских сообществ (активистов и медиа) по отношению к благоустройству г. Омска. Предпринимается попытка описать указанные смысловые компоненты в структуре названного концепта интердисциплинарными методиками, т. е. использовать лингвистический и социологический подходы к изучению дискурсивного пространства и его концептуальных доминант.

Ключевые слова: урбанистический дискурс, дискурс, концепт, город, сообщества, междисциплинарный подход.

Для цитирования:

Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 112–127. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127.

Сведения об авторах:

¹ **Оводова Светлана Николаевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и мировых культур

² **Жигунов Антон Юрьевич**, аспирант кафедры журналистики и медиа-лингвистики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00210.

Контактная информация:

^{1,2} Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

¹ E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

² E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

Дата поступления статьи: 09.08.2018

Город как источник особого рода дискурсивных практик описан исследователями по большей части с позиции его связи с ментальностью носителей языка. «В качестве лингвокультурологической категории концепт ‘город’ интересен своей многоуровневой, сложной конструкцией, в которой соединено историческое, географическое, геополитическое, урбанистическое и художественное содержание», – отмечает З.Н. Афинская [Афинская 2015: 32].

В то же время лингвисты отмечают специфические характеристики города как источника особых речевых практик, разговорной речи – с точки зрения ее ограниченности рамками городского пространства («социальная диалектология», «городское просторечие» и пр.). Такой подход к изучению языка современного города характеризуется идентификацией так называемого «кода города», включающего жаргон города, особую топонимику и т. д. [Юнаковская 2011: 193–194].

Однако ключом к пониманию господствующих в городской среде смыслов является изучение концепта ‘город’, поскольку городское пространство когнитивно интерпретируемо. С.В. Пирогов отмечает, что реальность города «неотделима от осознания и переживания городской среды и не существует вне процесса отношения к ней» [Пирогов 2011: 33–34]. Концептуальная фиксация этих интерпретаций, отношений, и, безусловно, ожиданий находит свое отражение в структуре ключевой когнитивной единицы, доминанты урбанистического дискурса – концепта ‘город’.

Вопрос о природе урбанистического дискурса как принципиально новом типе неинституционального дискурса остается дискуссионным. В целом, попытки охарактеризовать термин и использовать его в научном пространстве спорадичны.

З.Н. Афинская и Л.Н. Кулаженкова при описании урбанистического дискурса опираются на два составляющих его понятия – «урбанизм и урбанизация, под которой подразумевается не только строительство новых городов, но, что не менее важно, способ вхождения человека в иную систему жизненных координат и приоритетов» [Афинская, Кулаженкова 2015].

А.Б. Зарубина подчеркивает природу урбанистического дискурса как результата возникновения и функционирования «глобального городского сообщества», в котором ключевым элементом является «союз урбанистов, архитекторов, и на определенном этапе работы к этому союзу подключаются заинтересованные структуры городской власти» [Зарубина

2018: 175]. При этом упускаются такие субъекты дискурса, как медиа, активисты, ученые, бизнесмены и т. д., которые одновременно привносят ряд практик, коммуникативных «привычек» из своего дискурсивного пространства. Таким образом, вполне адекватно определить урбанистический дискурс как точку соприкосновения многих дискурсивных пространств, где доминирующее место занимает сильный в культурологическом и когнитивном понимании концепт 'город'.

Осмысление города как социального феномена осуществлялось исследователями Чикагской школы социологии (Р. Парк, Л. Вирт, Э. Берджес, А. Хоули, Р.Д. Маккензи, Х.У. Зорбо, Н. Андерсон, У. Реклесс, К. Шоу), которые рассматривали город через призму формирующихся в нем локальных сообществ, описывали процессы мобильности и агрегации горожан, пытались выявить взаимообусловленность социального и физического пространства в большом городе. Взаимозависимость физического облика города и социального порядка заключается в том, что физическое пространство (планировка города, пространственная конфигурация) предопределяет социальный порядок, способы взаимодействия и образ жизни людей в городе, одновременно горожане преобразуют публичные пространства города: «С течением времени каждая часть города и каждый квартал приобретают что-то от характера и качеств их обитателей. Каждая особая часть города неизбежно окрашивается особыми чувствами и умонастроениями своей популяции. Следствием этого является превращение того, что поначалу было всего лишь географическим проявлением, в соседство, т. е. место со своими особыми умонастроениями, традициями и собственной историей. В пределах такого соседства каким-то образом поддерживается преемственность исторических процессов» [Парк 2011: 21]. Связанность городского сообщества и публичного пространства проявляется в повседневных практиках и в дискурсе о городе.

Родоначальница нового урбанизма Дж. Джекобс дополняет существующие градостроительные теории антропологическим подходом, что приводит к изменениям принципов проектирования городской среды и трансформации урбанистического дискурса [Джекобс 2011].

Социологическое изучение города с точки зрения реализации различных интересов городских сообществ было произведено в работах таких ученых и урбанистов, как С. Сассен [Сассен 2005], Ш. Зукин [Зукин 2015], Р. Ольденбург [Ольденбург 2014], Э. Глейзер [Глейзер 2014], А. Левинсон [Левинсон 2013].

Концепция креативного города и креативного класса, предложенная Ч. Лэндри [Лэндри 2006], Р. Флорида [Флорида 2014], описывает, как преодолеть кризис индустриальной экономики, консолидировать усилия местного населения и создать эффективные социокультурные проекты. К данным концептам обращаются представители городского сообщества активистов для аргументации ценности своей деятельности.

С. Маккуайр выявляет роль медиа в формировании публичного городского пространства. Город им рассматривается как пространство коммуникации в реальном и виртуальном мирах. Глобальные текучие цифровые пространства оставляют отпечаток на физическом облике города, преобразая их в транзитную территорию [Маккуайр 2014].

В статье J. Borja [Borja 2007] рассматривается, как свободные гражданские сообщества влияют на принятие решений о переустройстве города. Перестройка центра города осуществляется с оглядкой на муниципалитет и на мнение активистов городских сообществ. Подчеркивается необходимость выстраивания единого коммуникативного пространства между разными социальными группами, чтобы обеспечить возможность участия в жизни города.

На необходимость учитывать мнение стейкхолдеров (бизнеса, власти, университетского сообщества и местных жителей) также указывают V. Fernandez-Anez, J.M. Fernandez-Guell, R. Giffinger [Fernandez-Anez, Fernandez-Guell, Giffinger 2007]. Они предлагают модель координации усилий при разработке решений по благоустройству города. По мнению авторов, в ходе урбанистических преобразований нет взаимопонимания между сообществами, отчего возникают недовольство и конфликты. Авторы пытаются разработать концептуальную модель интеграции городских сообществ и апробировать ее в городе Вена.

Работы социологов Е.В. Тыкановой, А.М. Хохловой посвящены градостроительным конфликтам в Санкт-Петербурге по оспариванию городского пространства между локальными сообществами, с одной стороны, и коалицей бизнеса и власти, – с другой [Тыканова, Хохлова 2014].

Политическую активность городских сообществ и их отношение к власти исследовали О.Л. Лейбович, Н.В. Шушкова [Лейбович, Шушкова 2010]. Изучение городских движений России и их влияние на политическую атмосферу страны в совместной монографии осуществили К. Клеман, Б. Гладарев, О. Мирясова [Городские движения России в 2009–2012 годах... 2013]. В ходе эмпирических исследований ими было продемонстрировано, как недовольство благоустройством города перерастает в серьезную политическую борьбу.

Принципы формирования урбанистического дискурса в исторической перспективе были проанализированы в статье K. Doevendans, A. Schram [Doevendans, Schram 2005].

Социолог В. Вахштайн выделяет типы урбанизма (модернистский, левый, хипстерский), детерминированные городскими идеологиями и репрезентируемые в языке и пространстве [Вахштайн 2014]. Предложенный Вахштайном подход позволяет рассмотреть город как пространство сосуществования нескольких типов урбанизма.

Правомерно охарактеризовать **урбанистический дискурс** как совокупность речевых (дискурсивных) характеристик, используемых для

реализации всего спектра представлений о современном городе с учетом ожиданий его ключевых субъектов – городских сообществ. Иначе говоря, охарактеризован как «дискурс о благоустройстве города в городе».

Поскольку когнитивная единица с именем 'город' является сложным и многоаспектным явлением, в настоящем исследовании она анализируется именно с позиции благоустройства городского пространства, взглядов различных субъектов дискурса (акторов) на понимание этого благоустройства.

Цель статьи – идентифицировать дифференциальное восприятие субъектами урбанистического дискурса структуры доминирующего для данного типа дискурса концепта 'город'.

Чтобы диагностировать актуальный для субъектов дискурса коммуникативный конфликт, в рамках исследования предполагается реконструировать участки структуры концепта 'город', связанные с аспектами благоустройства городской среды. Конфликт в данном исследовании предполагается определить через несоответствие представлений различных сообществ (медиа и активистов) о городе, т. е. через различие в лексико-семантической репрезентации концепта 'город' в медиа и вербализацией составляющих этого концепта активистами. Используемой лингвистической методикой описания концепта является реконструкция полевой модели когнитивной единицы И.А. Стернина и З.Д. Поповой (см.: [Попова, Стернин 2007]). Эмпирическое исследование проведено в стратегии «понимающей» социологии качественными методами: полуформализованные глубинные интервью с участниками нового городского движения Омска (активистами, находящимися в авангарде городских изменений), включенное наблюдение с января 2016 по май 2018 г., анализ документов.

Материалом исследования стали более 1 000 текстов региональных СМИ различных жанров, размещенных в период с 1 января 2016 г. по 6 августа 2018 г., отобранных информационно-аналитической системой «Медиалогия» (<http://mlg.ru/>), и 16 глубинных интервью продолжительностью от 20 минут до 1,5 часов, проведенных в период с января 2016 по май 2018 г.

Репрезентация концепта 'город' в медиадискурсе

Лексикографическое описание имени концепта 'город' включает в себя, в основном, функциональное назначение города. Город – это крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр (<http://slovarozhegova.ru/>).

Современные онлайн-словари, призванные характеризовать город как уникальное урбанистическое образование, включают в себя такие семантические компоненты, как «место для жизни», «урбан-зона», «там, где живут люди» (в большом количестве) и т. д. (<https://www.urbandictionary.com/>; <https://ad.theoryandpractice.ru/page2347553.html>).

Очевидно, что в каждом конкретном случае город – уникальный город. Безусловно, структура концептов ‘город Омск’ или ‘город Владивосток’ будет отличаться от структуры концептов ‘город Москва’ или ‘город Санкт-Петербург’. Анализируя репрезентацию концепта ‘город’ в региональных медиа, подчеркнем, что традиционно эта репрезентация содержит большое количество негативных когнитивных признаков [Малышева 2014].

В структуре приядерной и периферийной зон концепта, иллюстрирующих интерпретационное поле единицы в медиадискурсе, отчетливо прослеживаются так называемые «проблемы города». К их числу можно отнести происшествия, транспортные сложности, негативные факторы экологии и в целом «плохое» состояние города.

<заголовок> *Почему таким хорошим омичам достался такой **плохой город Омск**?* (Коммерческие вести. 26.10.2016).

Сводки чрезвычайных происшествий также регулярно попадают в медиaproстранство, характеризуя город определенным образом. Очевидно, что заголовки – вроде *В Омске пропали две девушки* (12 канал. 24.08.2017) или *В Омске задержали пьяного грабителя с отверткой* (Ом1. 6.08.2018) – являются своеобразными концептуальными константами, регулярно воспроизводя беспокойную обстановку в регионе. Это же накладывает определенный отпечаток на восприятие города, делая его синонимом опасности, создавая атмосферу своеобразной борьбы за выживание.

Аналогичный коннотативный компонент обнаруживается и в традиционных текстах о городских ДТП. Подобные тексты зачастую насыщены описательными элементами, что, с одной стороны, усиливает суггестивный потенциал материала, с другой – дополняет негативную характеристику города, гипертрофируя опасность пребывания в нем:

Сегодня, 26 декабря, в центре Омска произошло дорожно-транспортное происшествие на пересечении проспекта Маркса и улицы Циолковского. В результате ДТП один из автомобилей вылетел за пределы проезжей части, снеся установленный дорожный знак. Вторая машина замерла поперек дороги, перекрыв движение транспорту. О пострадавших очевидцы не сообщают (Город-55. 26.12.2017).

В сознании массового адресата региональных омских медиа на протяжении нескольких лет стабильно восприятие города как места, которое все хотят покинуть. Миграционные процессы охватывают все группы населения, но наибольшее число уезжающих – молодёжь. Эти смысловые единицы репрезентируются в медиатекстах как перманентные элементы структуры концепта ‘город’:

<заголовок> *Казахстанцы любят Омск, а местные выпускники мечтают «бросить».* Как показал блиц-опрос **недавно выпустившихся школьников, омские подростки** болеют той же болезнью, что и **взрослые – прочь из города** (Ом1. 25.06.2016).

Обнаруживается также усилия региональных властей и бизнес-элит по «сдерживанию» оттока населения:

Только комплексная совместная работа власти и бизнеса с опорой на человеческий капитал способна затормозить миграционные процессы в Омской области (Омск-Информ. 20.10.2017).

Социологические методы анализа настроенности аудитории и научные выкладки о миграционных процессах также конструируют обширную негативную повестку, развивая в содержании концепта отрицательные элементы:

На вопрос «Связываете ли вы свое будущее со своим городом» 49 % опрошенных омичей ответили «да, мне нравится здесь жить». 31 % респондентов остановился на варианте «хотел бы уехать, но нет возможности». 16 % отметили, что делают «все возможное, чтобы уехать из города». 5 % ответить затруднились (БК-55. 18.10.2017).

В целом плохая обстановка в регионе, а также экологические проблемы культивируют метафоризацию недостатков городских условий, минусов и явных просчетов программ благоустройства городского пространства. Омск в региональной прессе зачастую называют «городом-ямой» (метафоризация проблем с дорожным покрытием), «городом-грязью» (метафоризация загрязнения воздуха и сезонных проблем – обильных дождей и паводков), «городом-адам» (в противовес раннему названию «город-сад»), «городом-пнем» (метафоризация вырубки древесных массивов в черте города для обильной застройки) и др.

Например, текст Александры Сухановой под заголовком «Омск – “город-яма”? Кто виноват и что делать»:

А также «город-лужа» и «город-грязь»... Эксперты отвечают, что могут предпринять власти и простые горожане, когда в Омске вперу объявлять режим ЧС.

С таянием снега в Омске резко увеличилось количество дорожных ям, луж и обычной весенней грязи. Соответственно, возросло и количество аварий, и недовольных повсеместными омскими «морями» омичей (СуперОмск. 24.03.2016);

<заголовок> Сакен Хусаинов: **«Омск – город-забор»**

#ГородзаборОмск. Так лаконично член союза архитекторов охарактеризовал происходящее в мегаполисе. В том числе во взаимоотношениях между властью и обществом (БК-55. 11.08.2016);

<заголовок> Чиновники продолжают превращать Омск в **город-пень**. Под шумиху вокруг «химической атаки» в городе продолжают **варварские вырубку деревьев**. Вырубленные под корень тополя вдоль улицы Богдана Хмельницкого в Омске (ВОмск. 24.03.2017).

Приведенные фрагменты характеризуют смысловые компоненты так называемые «непригодности» для жизни в городе. Концептуализации подвергается семантика безвыходности, пространства, где окружающая среда вредна и враждебна.

Алексей Фирсов отмечает, что ситуация в Омске не катастрофична, однако то, что не описана перспектива развития города, усиливает у его жителей тягу **«покинуть Омск»**. Таким образом, психологическое восприятие города превалирует над реальным положением дел.

Скепсис омичей распространяется и на экологию. Так, согласно результатам исследования, **в сознании горожан закрепились несколько негативных сюжетов: «черный снег», «ночные сбросы», «ужасные дороги», «город-пень»**. При этом не все эти проблемы реальны, они выдумываются в том числе из-за отсутствия коммуникации населения с властью (Омск здесь. 16.06.2016);

За последнюю неделю в СМИ региона появилось более десятка публикаций на природоохранную тему. Пока чиновники формируют дорожную карту по сохранению экологической безопасности Омска, рядовые омичи тоже заявляют об этом во весь голос (Омск-Информ. 22.06.2018).

Очевидно, что горожан чрезвычайно волнует экологическая обстановка. С одной стороны, омичи пытаются помочь родному городу путем спорадических социальных акций:

Омич Константин Албуков продолжает собирать **подписи под петицией на Change.org, которая называется «Сколько можно уничтожить город Омск?»**. Открытое письмо он намерен доставить в Генеральную прокуратуру, Госдуму, а также президенту РФ Владимиру Путину (БК-55. 31.07.2017).

С другой стороны, в широких массах населения прогрессирует инфантилизм и индифферентное отношение к городской экологии:

<заголовок> **Жители Левобережья создают массовые стихийные свалки** (БК-55. 9.08.2016).

Таким образом, в структуре концепта 'город' в медиадискурсе доминирующее положение занимают смысловые компоненты, имеющие отрицательные характеристики и негативные коннотативные признаки.

Репрезентация концепта 'город' в дискурсе активистов

В рамках исследования были проведены интервью с представителями сообществ городских активистов. Всего были проведены интервью с 16 информантами в возрасте от 18 до 45 лет, среди них 6 мужчин и 10 женщин.

Появление в мегаполисах самоорганизующихся сообществ городских активистов, готовых тратить свой досуг на улучшение качества жизни в городе, представляет собой специфическую социальную практику для постсоветской России. Данные сообщества городских активистов обладают значительной степенью влияния на общественное мнение, а результаты их деятельности изменяют не только публичное пространство города, но и социокультурные повседневные практики. В Омске, начиная с 2012 г., активисты объединяются в городские сообщества, городские со-

циальные движения, целью деятельности которых является создание комфортной городской среды за счет изменения физического облика города. Представителями городских сообществ разрабатываются и реализуются дизайн-проекты публичных пространств, арт-объектов, проводятся воркшопы, направленные на развитие города.

Новое городское социальное движение Омска является сетевым, не институализированным, не формализованным, горизонтальным по принципу организации движением. Оно состоит из ряда урбанистических сообществ и проектов, которые объединены общими ценностями, что позволяет увидеть в данном текущем, не институализированном, не имеющем юридической регистрации, не иерархичном социальном феномене единое социальное движение.

Городское социальное движение Омска является движением «нового» типа, поэтому для них важна репрезентация своей идентичности как в физическом пространстве города, на что и направлена деятельность участников этого движения (создание и оформление новых публичных пространств), так и репрезентация своей идентичности и ценностей в пространстве дискурса. Поэтому для представителей нового социального движения важным является не просто создание реальных хороших преобразований в городе, но и разрушение негативного образа города Омска, который создается СМИ, и создание собственного положительного образа Омска, конструирование Омской идентичности:

просто в медийной сфере проблемы благоустройства не очень хорошо объясняются и нет ярких примеров, ярких результатов, которые бы подстегнули людей участвовать больше в развитии города (Информант 3. Муж. 29 лет);

когда ты говоришь, что в городе всё хорошо, ты должен защищаться. Это ненормальная ситуация, это болезненная ситуация. Нормально, что здесь плохо, и ты это принимаешь. Но ведь должно же быть нормальным, что здесь хорошо. И ты этим гордишься. Вот СМИ однозначно муссируют тему негативную. Однозначно (Информант 10. Жен. 29 лет).

Интервьюер: *Как Вам кажется, почему горожане, омичи, позитивно реагируют на мероприятия Вашего городского сообщества?*

Информант: *Да все устали. Ну, пусть люди и читают негативные новости, и, как говорят журналисты: «Мы, там, работаем на запрос, мы ничего не создаем». На самом деле, люди соскучились по объединяющим идеям, по действию. И мы показываем им, что это можно сделать без денег, без опыта, без связей, просто делать. И мне кажется, технологии все-таки помогут нам сделать сообщества в ближайшее десятилетие какой-то весомой силой, чтобы они меняли что-то в городе (Информант 7. Жен. 29 лет).*

Руководители и участники городских сообществ понимают, что решить все проблемы силами властей невозможно, поэтому они воспиты-

вают активных горожан, которые сами посредством консолидации усилий могли бы создать комфортный город. Самым большим отличием себя, как активиста, от других людей, горожан, они видят то, что готовы активно участвовать в благоустройстве города.

Когда ко мне приходит кто-то и говорит, что в Омске делать нечего. «А ты что сделал, чтобы было лучше?». Человек говорит: «Ну, наверное, ничего». – «Ну, давай попробуем». Я иногда предлагаю работу кому-то, что-то меняется, видение меняется (Информант 5. Жен. 23 года).

Интервьюер: С чем или с кем боретесь?

Информант: Ну, наверное, с пассивностью в принципе, с равнодушием к городу. Как раз пытаемся, чтобы люди больше участвовали в создании хорошего образа города (Информант 6. Жен. 19 лет).

Наша цель была включить людей в создание пространства, в котором они живут. Ну, то есть это не пассивное наблюдение, а потом возмущение по поводу того, что кто-то сделал. Вместе с людьми попробовать разработать пространство, придумать пространство, в котором будет классно всем. Не сидеть, не ныть, а взять и сделать это (Информант 3).

Мне казалось, что нужно срочно что-то делать. Это была первая моя цель. Когда все стало разваливаться на ходу. Когда люди, когда мои друзья начали уезжать, мне почему-то стало очень обидно. Может быть, родители постоянно рассказывали про город что-то хорошее, поддерживали такую патриотическую идею. Я не могу просто так отсюда уехать почему-то. Мне кажется, что если я уеду, то я должен что-то взамен оставить (Информант 8. Муж. 25 лет).

Вся, вся наша деятельность направлена на изменение города и людей, которые в городе живут (Информант 3).

Интервьюер: Как Вы считаете, каких результатов Вы уже добились своей активной деятельностью?

Информант (после раздумий): Есть локальные результаты, которые очень важны для меня и для моих соседей. Мы остановили процесс рубки деревьев. Для меня это самое важное, на самом деле. В нашем дворе мы по-прежнему живём в окружении яблонь, сирени, черёмухи, это то, что важно каждый день (Информант 13. Жен. 45 лет).

Описывая город и рассуждая о том, как город Омск должен развиваться, представители городского сообщества активистов подчеркивают, что благоприятные изменения в городе возможны, их главной составляющей являются активные жители и их гражданская позиция.

Интервьюер: На продвижение чего направлена деятельность?

*Информант: Ну, **гражданской позиции**, самого понимания человека, почему он действует, что он может сделать, что он хочет сделать. Чтобы не только на работу ездил из одного конца в другой, и ничего больше в жизни не видел (Информант 4. Жен. 24 года).*

*Омские городские сообщества, они есть, они функционируют, важно, чтобы сейчас все это во что-то переросло, потому что функции городских сообществ в том, что они **должны развивать гражданское общество** (Информант 1. Муж. 22 года).*

*Я считаю себя **неравнодушным и активным гражданином**, понятие гражданин возникло в античности, но это не все население, а только люди, которые могли управлять городом (Информант 11. Муж. 26 лет).*

*Но если мы начнем с себя, то это к чему-то приведет в итоге. Та же самая **гражданская позиция**, которая должна быть у всех (Информант 5).*

Интервьюер: А кто такой омич? В чем проявляются специфические черты такого человека, которого вы пытаетесь воспитать?

*Информант: Ну, наверное, в **активной гражданской позиции**, это человек, который не боится высказываться и не боится что-то делать для города, если его что-то не устраивает. Не просто: мне что-то не нравится, а я пытаюсь что-то изменить при этом (Информант 6).*

В представлении активистов городского сообщества город должен быть объединен общей идеей (или мифом, как говорят информанты). Наиболее часто информанты вспоминали метафору «Омск – город сад», которая ранее связывалась с городом.

В городе не так много мифов, которые объединяют и являются позитивными. В Омске сейчас «Город-сад» – это очень мощный такой миф объединяющий (Информант 7).

Также информанты вспоминали о новых концептах, которые создают городские сообщества:

*Если говорить о масштабах, то мне хочется, **чтобы Омск стал городом-силой**. Мастер-план транслировал миф, что **Омск – город-дом**, мне кажется, дома недостаточно. Нужно превратить наши слабости в силу, то есть сейчас это черная дыра и эмоционально, и физически. Люди... и с работой беда и пространство недружелюбное... но люди хорошие, активности полезные, организаторы стараются, очень много некоммерческих инициатив... Вот сейчас **Омск – это город-слабость**, но хотелось бы, чтобы Омск воспринимался как сила, как город сильный, притягивающий к себе, а не отталкивающий (Информант 7).*

Некоторые руководители сообществ и проектов указывают, что их деятельность связана с препятствованием миграции молодежи, созданием креативных «мест» и «пространств» притяжения, которые должны формировать положительный облик города Омска.

Интервьюер: На достижение каких целей направлена деятельность твоего городского сообщество? Что вы пытаетесь достичь?

Информант: Косвенно? Миссия какая? Сверх цель, наверное, – это чтобы люди не уезжали из города. Именно показать, что можно сделать своими руками, давать возможность это гораздо интереснее. Да бросить и уехать в другой город можно, но тебя же, может быть, запомнят, то

что ты создал, и ты себя будешь уважать больше. Это сложнее, но в то же время интереснее, в то же время полезное, может, уверенности предаст, гордости (Информант 3).

Мне было интересно сделать именно какой-то средовой проект, попытаться привлечь людей, привлечь ресурсы какие-то для него. Изначально я хотела именно в архитектурном плане реализовать, но потом, мне стало ещё интересно именно знакомство с сообществами. Интересно помогать людям, которые хотят что-то сделать, может быть объединиться как-то и сделать что-то интересное, какие-то новые проекты (Информант 6).

Выводы

Город – средоточие единств и противоречий многочисленных акторов. Рожденный в условиях городского пространства урбанистический дискурс (консолидирующий в себе признаки дискурсов других типов) представляется уникальным – с точки зрения коммуникативного и когнитивного наполнения – феноменом.

Действуя в индивидуальных интересах и в соответствии со своими установками, субъекты дискурса, с одной стороны, выступают носителями универсальных речевых характеристик, с другой – оперируют различными когнитивными представлениями о городе, его проблемах и путях развития.

Активисты понимают, что СМИ гипертрофируют негативную составляющую городской среды. Это же подтверждается анализом медиатекстов и моделированием концепта ‘город’ в медиадискурсе. Для медиагород – совокупность отрицательных характеристик, проблем, недостатков и непригодных для жизни условий.

В то же время горожане пропагандируют активную гражданскую позицию, понимая, что город необходимо развивать, формировать идейный потенциал, совершенствовать его позитивный образ.

Конфликт сообществ, выраженный в урбанистическом дискурсе, несомненно связан с дифференциацией взглядов, когнитивных представлений о городе. В условиях подобного различия, городские сообщества вынуждены вновь и вновь сталкиваться с непониманием друг друга, испытывая трудности в конструктивном решении актуальных проблем современного города.

Список литературы

- Афинская З.Н.* К вопросу об урбанистическом дискурсе // *Paradigmata* poznani. 2015. № 1. С. 32–36.
- Афинская З.Н., Кулаженкова Л.Н.* Проблемы урбанистического дискурса (на материале французского языка) // *Сборник научных трудов SWorld*. 2015. Т. 14, № 1 (38). С. 30–38.

- Вахштайн В.* Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
- Глейзер Э.* Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 432 с.
- Городское движение России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.
- Джекобс Дж.* Жизнь и смерть больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
- Зарубина А.Б.* Урбанистический дискурс в аспекте мультидисциплинарной дискурсологической практики как драйвер позитивных изменений городской коммуникативной среды // Филологический аспект. 2018. № 1 (33). С. 172–181.
- Зукин Ш.* Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.
- Левинсон А.* Пространства протеста. Московские митинги и сообщество горожан // Strelka: сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 99–120.
- Лейбович О.Л., Шушкова Н.В.* Власть и городские сообщества в социальном пространстве большого города (на материалах г. Перми) // Мир России. 2010. № 2. С. 118–130.
- Лэндри Ч.* Креативный город. М.: Классика-XXI, 2006. 400 с.
- Маккуайр С.* Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.
- Мальшиева Е.Г.* «Город мёртв»: концентрация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 50–59.
- Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
- Парк Р.Э.* Избранные очерки / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: РАН ИНИОН, 2011. 320 с.
- Пирогов С.В.* Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 31–37.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
- Сассен С.* Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис. 2005. № 4. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/01/blog-post.html> (дата обращения: 10.06.2018).
- Тыканова Е.В., Хохлова А.М.* Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге). URL: https://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_5/Tykanova_Khokhlova_2014_5.pdf (дата обращения: 10.06.2018).
- Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014. 368 с.
- Юнаковская А.А.* «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 193–197.
- Vorja J.* Revolution and counterrevolution in the global city: the frustrated expectations of the globalization of our cities // EURE. Revista Latinoamericana de Estudios Urbano Regionales. 2007. Т. 33 (100). P. 35–50.

- Doevendans K., Schram A. Creation/Accumulation City // *Theory. Culture & Society*. Vol. 22, iss. 2. P. 29–43.
- Fernandez-Anez V., Fernandez-Guell J.M., Giffinger R. Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna // *Cities*. 2018. № 78. P. 4–16.

References

- Afinskaya, Z.N. (2015), K voprosu ob urbanisticheskom diskurse [To the question of urban discourse], *Paradigmata poznani [Pagadigms of knowledge]*, No. 1, pp. 32-36. (in Russian)
- Afinskaya, Z.N., Kulazhenkova, L.N. (2015), Problemy urbanisticheskogo diskursa (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Problems of urban discourse (on material of French)], *Sbornik nauchnykh trudov SWorld [Scientific works SWord]*, Vol. 14, No. 1 (38), pp. 30-38. (in Russian)
- Borja, J. (2007), Revolution and counterrevolution in the global city: the frustrated expectations of the globalization of our cities. *EURE. Revista Latinoamericana de Estudios Urbano Regionales*, Vol. 33 (100), pp. 35-50.
- Doevendans, K., Schram, A. (2005), Creation/Accumulation City. *Theory. Culture & Society*, Vol. 22, iss. 2, pp. 29-43.
- Florida, R. (2014), *Kto tvoi gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva [Who is your city? Creative economy and choice of place of residence]*, Moscow, Strelka Press, 368 p. (in Russian)
- Fernandez-Anez, V., Fernandez-Guell, J.M., Giffinger, R. (2018), Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna. *Cities*, No. 78, pp. 4-16.
- Gleizer, E.H. (2014), *Triumf goroda. Kak nashe velichaishee izobrenenie delaet nas bogache, umnee, ekologichnee, zdorovee i shchastlivee [Triumph of the city. How our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier and happier]*, Moscow, Gaidar Institute Publ., 432 p. (in Russian)
- Jacobs, J. (2011), *Zhizn' i smert' bol'shikh amerikanskikh gorodov [Life and death of big American cities]*, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 460 p. (in Russian)
- Kleman, K. (Ed.) (2013), *Gorodskoe dvizhenie Rossii v 2009-2012 godakh: na puti k politicheskomu [Urban movement of Russia in 2009-2012: on the way to political]*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 544 p. (in Russian)
- Landry, Ch. (2006), *Kreativnyi gorod [Creative City]*, Moscow, Klassika-XXI Publ., 400 p. (in Russian)
- Leibovich, O.L., Shushkova, N.V. (2010), Vlast' i gorodskie soobshchestva v sotsial'nom prostranstve bol'shogo goroda (na materialah g. Permi) [Authorities and urban communities in the social space of the big city (on the materials of the city of Perm)]. *Mir Rossii [World of Russia]*, No. 2, pp. 118-130. (in Russian)
- Levinson, A. (2013), Prostranstva protesta. Moskovskie mitingi i soobshchestvo gorozhan [Spaces of protest. Moscow rallies and the community of townsfolk]. *Strelka [Arrow]*, collection of articles, Moscow Strelka Publ., pp. 99-120. (in Russian)
- Malysheva, E.G. (2014), 'Gorod myortv': kontsentratsiya negativnogo v mediaobrazе Omska ['Dead City': the concentration of negative media in Omsk]. *Communication Studies*, No. 2. pp. 50-59. (in Russian)

- McQuire, S. (2014), *Mediinyi gorod: media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo* [*Media City: Media, Architecture and Urban Space*], Moscow, Strelka Press, 392 p. (in Russian)
- Oldenburg, R. (2014), *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta 'tusovok' kak fundament soobshchestva* [*Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of 'party' as the foundation of the community*], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 456 p. (in Russian)
- Park, R. E. (2011), *Izbrannyye ocherki* [*Selected essays*], Moscow, RAN INION Publ., 320 p. (in Russian)
- Pirogov, S.V. (2011), Gorod kak fenomen kul'tury: kognitivnyi podkhod [The city as a cultural phenomenon: a cognitive approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Tomsk State University*], No. 2. pp. 31-37. (in Russian)
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007), *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [*Semantic and cognitive analysis of the language*], Voronezh, Istoki Publ., 250 p. (in Russian)
- Sassen, S. (2005), Global'nye goroda: postindustrial'nye proizvodstvennye ploshchadki [Global cities: postindustrial industrial sites]. *Prognosis*, No. 4, available at: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/01/blog-post.html> (accessed date: June 10, 2018). (in Russian)
- Tykanova, E.V., Khokhlova, A.M. *Konflikt prav sobstvennosti v postsovetskom gorode (na primere sluchaev snosa garazhei v Sankt-Peterburge)* [*Conflict of property rights in the post-Soviet city (by example of cases of garages demolition in St. Petersburg)*], available at: https://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_5/Tykanova_Khokhlova_2014_5.pdf (accessed date: June 10, 2018).
- Vakhshtain, V. (2014), Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom [Reassembly of the city: between language and space]. *Sotsiologiya vlasti* [*Sociology of power*], No. 2, pp. 9-38.
- Yunakovskaya, A.A. (2011), 'Yazyk goroda' kak lingvisticheskaya problema ['Language of the city' as a linguistic problem]. *Vestnik Omskogo universiteta* [*Herald of Omsk University*], No. 3, pp. 193-197. (in Russian)
- Zarubina, A.B. (2018), Urbanisticheskii diskurs v aspekte mul'tidistsiplinarnoi diskursologicheskoi praktiki kak draiver pozitivnykh izmenenii gorodskoi kommunikativnoi sredy [Urbanistic discourse in the aspect of multidisciplinary discourse practice as a driver of positive changes in the urban communicative environment]. *Filologicheskii aspekt* [*Philological aspect*], No.1 (33), pp. 172-181. (in Russian)
- Zukin, Sh. (2015), *Kul'tury gorodov* [*Cities cultures*], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 424 p. (in Russian)
-

**WAR OF COMMUNITIES: REPRESENTATION OF THE CONFLICT
IN URBAN DISCOURSE****S.N. Ovodova¹, A.Yu. Zhigunov²**^{1,2} *Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)*

Abstract: The article is devoted to the research of the structure of 'city' concept in the context of its differential perception by subjects of urban discourse and discursive conflicts resulting from their distinction. The authors characterize content features of the specified cognitive unit, analyze structural and semantic components of the concept, compare the concept taking into account its different perceptions by various native speakers. In the article the urban discourse is analyzed from the position of its structural and functional features, and presented as 'the discourse of improvement of the city in the city' and as communicative space of realization of expectations of some public communities (activists and media) towards improving Omsk. An attempt to describe specified semantic components in structure of the concept by cross-disciplinary techniques i.e. using linguistic and sociological approaches to studying discursive space and its conceptual dominants is made.

Key words: urban discourse, discourse, concept, city, communities, cross-disciplinary approach.

For citation:

Ovodova, S.N., Zhigunov, A.Yu. (2018), War of communities: representation of the conflict in urban discourse. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 112-127. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127. (in Russian)

About the authors:

¹ **Ovodova Svetlana Nikolaevna**, Dr., Associated Professor of the Chair of Theology and World Cultures

² **Zhigunov Anton Yurievich**, postgraduate student of the Chair of Journalism and Medialinguistics

Corresponding authors:

^{1,2} Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

¹ E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

² E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

Acknowledgements:

The study was funded by RFBR within the framework of the research project No. 18-311-00210

Received: August 9, 2018

ТЕЛЕФОННАЯ РЕПЛИКА *УДОБНО ГОВОРИТЬ?* В РЕФЛЕКСИИ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ*

Н.В. Орлова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Представлено обусловленное интересом лингвистики к динамике коммуникативной нормы исследование этикетной фразы *Удобно говорить?*, основанное на анализе обсуждений указанной единицы на тематических форумах. Сформулированы условия успешности рассматриваемого вопроса в современных разговорах: распространение сотовой телефонной связи (технологический фактор), ускорение ритма жизни, «тотальная занятость» (социокультурный фактор). Зафиксировано трехкратное преобладание тех, кто считает вопрос уместным в широком диапазоне ситуаций, в том числе в разговоре с близкими людьми. Хотя персональность (неофициальность) общения продолжает оставаться коммуникативной ценностью, полученные данные свидетельствуют о распространении правил делового общения на неофициальные коммуникации. Утверждается, что функционирование запроса разрешения на разговор отвечает понятию индивидуального речевого этикета: он обнаруживает широкую вариативность прагматических признаков и вербальных репрезентаций (кроме *Удобно говорить?*, это *Есть минута?* и др.); не принимается частью носителей языка, а теми, кто его поддерживает, используется с разными целями. В высказываниях участников форумов регулярно встречается рекомендация не реагировать на звонок в ситуации, когда говорить неудобно. Данная позиция становится импульсом для дискуссии о нравственных аспектах общения, которые имманентно присутствуют в межличностных коммуникациях.

Ключевые слова: коммуникативная норма, речевой этикет, этикетная формула, индивидуальный речевой этикет, коммуникативная ценность.

Для цитирования:

Орлова Н.В. Телефонная реплика *Удобно говорить?* в рефлексии носителей современной речевой культуры // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 128–140. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.128-140.

Сведения об авторе:

Орлова Наталья Васильевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания

* Подготовлено при поддержке гранта РФФИ 18-412-550001.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: nvorl@rambler.ru

Дата поступления статьи: 22.08.2018

1. Введение

Появление сотовой связи с ее возможностями вести коммуникацию в самых разных условиях сделало весьма распространенным вопрос, вынесенный в заглавие статьи. В основу исследования легли материалы тематических форумов, где интернет-пользователи с разных позиций оценивают телефонную реплику *Удобно (Вам / тебе) говорить?*. Проблематика статьи объединяет несколько актуальных вопросов современной русистики.

Метатекстовая природа анализируемого материала обращает исследователей к проблемам «наивной лингвистики», которую интересуют ненаучные представления носителей языка о различных языковых и речевых явлениях (см., напр.: [Brekle 1985; Pratiques 2008; Preston 2005]). Мы попытаемся решить задачу из области культуры речи: показать, как неспециалисты интерпретируют конкретный факт телефонного диалога и каковы с их точки зрения условия успешности в этом случае. Одной из задач вышеуказанного лингвистического направления является выяснение того, как пересекаются положения наивной лингвистики и «истинно научное» лингвистическое знание [Шмелев 2009: 36]. В качестве последнего могла бы выступать лингвистическая кодификация телефонного этикета, однако применительно к данному случаю она, похоже, отсутствует – имеются лишь рекомендации для делового общения, предлагаемые бизнес-тренерами. Что касается персональных коммуникаций, то суждения «наивных лингвистов» могут стать основой для последующего изучения вопроса специалистами, поскольку лингвистическая кодификация, как известно, опирается на узус.

Кроме того, изучение текстов на тему правил речевого общения высвечивает проблему индивидуального речевого этикета. Это отчасти парадоксальное понятие использует М.А. Кронгауз, имея в виду те нормы речевого общения и тот набор этикетных формул, которые считает приемлемыми отдельная языковая личность [Кронгауз 2012]. Здесь также уместно вспомнить идею Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина о различии коммуникативных норм (жестко обязательны) и коммуникативных традиций (исполняются не всеми). Согласно мнению ученых, в русском коммуникативном поведении традиции всегда преобладали над нормами, т. е. коммуниканты могли выбирать способ действия / бездействие [Прохоров, Стернин 2006]. Можно предположить, что в современной языковой ситуации, когда общение и этикет характеризуются многочисленными нововведениями [Кронгауз 2004, 2012; Лукоянова 2011; Иссерс 2016], необходимость индивидуальных решений ощущается и переживается гово-

рящими особенно остро. Интересно проследить, транслируют ли индивидуальное начало этикетного поведения авторы постов и комментариев, и если да, то каким образом.

Наконец, реплика *Удобно говорить?* затрагивает аксиологические и связанные с ними нравственные аспекты общения [Bergmann 1998; Волченко 1976; Курцева 2013]. По справедливому замечанию В.В. Дементьева, «если социального института между собеседниками нет... вместе с идеей неофициальности привносится оценка личной близости “отношений” (здесь и далее курсив автора цитаты. – Н. О.) появляется возможность (даже востребованность) нравственной оценки, которая “сплавлена” с собственно дискурсивными оценками» [Дементьев 2016: 371]. Оценка реплики «Удобно говорить?» дает возможность анализировать коммуникативные ценности носителей современной культуры. В частности, интересно проследить, насколько значимой является персональность (неофициальность, «личностность») общения – ценность, содержание которой традиционно специфично в русской культуре на фоне западных [Дементьев 2013; Fox 2005; Schiffrin 1994].

Единицей анализа является текст (пост, комментарий), включающий суждение о фразе *Удобно говорить?*. Объем материала – 100 единиц. Тексты извлечены методом сплошной выборки из контента девяти форумов, предложенных поисковой системой «Яндекс» в ответ на запрос «Удобно говорить?»:

- «Материнство» (<https://forum.materinstvo.ru/index.php?showtopic=1618229>);
- 66.ru (<http://jostr.66.ru/blog/19503/>);
- AlexGur.ru (<https://www.alexgur.ru/articles/529/>);
- Horde.me (<http://horde.me/Yulishna/vam-udobno-seychas-razgovarivat.html>);
- EXLER.ru (<https://www.exler.ru/blog/mozhesh-govorit.htm>);
- E1.ru (<https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=11373943&t=11373943&>);
- Pikabu (https://pikabu.ru/story/vam_udobno_govorit_4197002);
- Живой Журнал. Владимир Казаринов (<https://kazarinov.livejournal.com/234865.html>);
- Харьков Форум (<https://www.kharkovforum.com/blog.php?b=1158>).

Хронологически материал относится к последнему десятилетию (2008–2017 гг.). Метод исследования – описательный. В приведенных примерах сохранены авторская орфография и пунктуация.

1. Удобно говорить? в зеркале наивной коммуникативистики

Вопрос *Удобно (Вам / тебе) говорить?* получил положительную оценку в 61 тексте; в 19 оценка была отрицательной – количество «сторонников» вопроса более чем в три раза превысило количество его «противников». Авторы еще 20 текстов комментировали употребление вопроса, не одобряя и не критикуя его.

Смысл речевого действия для участников форумов очевиден – узнать о возможности собеседника продолжить коммуникацию. Кроме того, как сторонники, так и противники вопроса усматривают в нем сигнал неважности, несрочности темы, которую предлагает обсудить звонящий. См. фрагмент обсуждения, где автор (1) защищает, а автор (2) активно не принимает вопрос: (1) *...это код, **заявление о несрочности и неважности** разговора. Это мостик, позволяющий мне отказаться от него с лёгким сердцем, это подача, пас;* (2) *Отвлекаться на то, чтобы услышать, – "время есть?" более чем глупо. Поскольку, как вы только что описали, для вас это является **индикатором неважности звонка**.*

В текстах «сторонников» сформулированы условия успешности данного речевого действия. Под термином «условия успешности» мы имеем в виду обстоятельства, в которых вопрос *Удобно говорить?* оправдан и уместен: способствует гармонизации телефонного диалога, помогает участникам достичь локальных коммуникативных целей и при этом не уронить лицо (свое и собеседника). По мнению авторов, к таким обстоятельствам относятся распространение сотовых телефонов, ускоренный ритм жизни (занятость) современного человека, а также определенные отношения между коммуникантами – как правило, деловые и/или неблизкие.

При наличии сотового телефона возрастает количество ситуаций, когда имеется физическая возможность ответить на звонок, но место и условия не подходят для разговора: (3) ***Это сотовый...** Раньше разговаривали в подходящей обстановке, теперь все больше на ходу, потому и вопросы... – ты где? и можешь говорить?;* (4) *так спрашивают чаще всего, когда звонят на **мобильный телефон**;* (5) *Думаю, это потому, что телефон в нашей жизни очень эволюционировал – от уличных будок, через стационарные аппараты, **до карманных устройств**.*

К вопросу, удобно ли говорить, подталкивает предполагаемая занятость собеседника; отмечается, что вопрос не задает тот, кто не работает (6), у кого неспешный образ жизни (7). Отдельный сюжет – вождение автомобиля, вырабатывающее привычку спрашивать (8): (6) *Рум **не работает** нигде, ему всегда удобно;* (7) *...поймала себя на мысли, что последнее время если мне ктонибудь звонит, то первая фраза... «Говорить удобно?»... исключение наверное мама и еще пара знакомых которые **живут в расслабленном ритме жизни**..... Девы, скажите мне, это что?! Бешенный-динамичный **ритм жизни**?! Что все **постоянно чем-то заняты, за рулем, на совещании** и тыды.....;* (8) *Причем особенно часто начала так делать после того как **села за руль**...*

Вопрос о том, кто и кого спрашивает «Удобно говорить?», – один из самых обсуждаемых. С точки зрения сторонников данной речевой формулы, она необходима в деловых разговорах, прежде всего с клиентами (9) и с теми, чей статус выше (10), (11). Уместность вопроса определяется также степенью знакомства и наличием / отсутствием близких отношений:

спрашивать у «своих» менее естественно, чем у «чужих» (11)–(14). В то же время авторы отмечают, что в их опыте привычка спрашивать у незнакомых и неблизких постепенно распространяется на друзей и родственников, занятость которых расценивается как более важный фактор, чем непринужденность отношений (15)–(18). На наш взгляд, это является симптомом становления новой нормы, а именно увеличения «среднестатистической» дистанции общения. Рассмотрим примеры: (9) *я постоянно спрашиваю **клиентов** об этом, т.к. звоню в рабочее время, абсолютно не знакомым людям*; (10) *Я спрашиваю людей как правило тех, кто либо **выше меня по статусу**, либо тех, с кем чисто **официальные отношения***; (11) *я так спрашиваю **у шефа** завсегда, а и еще **у бывшего мужа** – мало ли чо*; (12) ***От друзей и знакомых** такое никогда **не слышал...** А вот в последние дни, как начал продвигать рекламу на форуме, слышал уже много раз*; (13) *Обычная этика, особенно при звонке **незнакомому собеседнику***; (14) *...сама, когда звоню, тоже говорю эту фразу, причем практически всем, ну **за исключением мамы***; (15) *хм...ну, например, сегодня, когда звонила **подружке-советнику губернатора**, спросила*; (16) ***по работе** если звоню обычно всегда спрашиваю и еще когда **сестре звоню***; (17) *Надо мной по данному поводу подшучивал только брат словами «с 2 лет говорить могу», но потом я на него попал с намерением обсудить жизнь на Марсе во время того, как он чинил машину, лёжа под ней, и он тоже перестал стебаться*; (18) *Поработав в корпоративной иерархии... – впитываешь эту привычку плотно. Периодически **даже у друзей** спрашиваю – может ли, удобно ли). Вежливость вещь неплохая, жаль, что обзвонные продаваны её так опошили. Текст (18) свидетельствует о том, что даже среди сторонников вопроса есть те, кто негативно относится к нему как компоненту так называемых «холодных звонков» продавцов товаров и услуг.*

«Противники» вопроса сходятся в аргументации своей позиции: если адресат ответил, следовательно, может говорить (19)–(21). Отключение телефона, сброс звонка и подобное здесь рассматриваются как знаки, предпочитаемые вербальному сообщению типа «не могу говорить», которое вынужден произносить адресат в ответ на вопрос «удобно ли...». С точки зрения отвергающих вопрос он является неоправданной тратой времени (20), проявлением чрезмерной вежливости (20), (21), вызывает раздражение (22), (23), а задающий его человек достоин осмеяния (24): (19) *Если человеку неудобно говорить, он может отключить телефон или сбросить вызов. Если человек взял трубку, значит он подтверждает готовность к разговору*; (20) *Пиплы, а зачем вы этот вопрос постоянно задаете? Неужели непонятно, что если вам ответили – значит есть возможность поговорить. А если не ответили или отбили вызов – значит нет возможности. Лишние вопросы-то тоже напрягают*; (21) *...если бы мне не было удобно говорить, на звонок я бы не ответил. Не люблю таких растянутых любезностей*; (22) *Почему-то стало раздражать, когда начинают разго-*

вор по телефону с вопроса: «Удобно говорить?»; (23) *меня тоже бесит, причем в случаях когда я это говорю, не знаю почему, но всегда чувствую что зря трачу время...и свое и собеседника*; (24) *Это называется «симптом вшивого интеллигента»*. Особое отторжение вызывает вопрос, если он задан продавцом товара или услуги. Более 30 % авторов-«противников» обсуждают именно такой вопрос – с иронией, сарказмом, раздражением, рационально обоснованным неприятием. Так, один из участников отсылает собеседников к ролику, где ситуация доведена до абсурда (25); другой высказывается эмоционально-оценочно (26); третий считает в вопросе манипуляцию (27); остальных – см., напр., (28), (29) – возмущает игнорирование ответа «нет», навязчивость со стороны представителей компаний: (25) *Посмотри из комеди. – Звонок из дилерского центра +*); (26) *Если в трубке вопрос, могу ли я говорить, значит какое-то непонятное существо хочет мне втюхать какое-нибудь дерьмо*; (27) *часть нлп считается что вежливый вопрос в начале разговора... делает собеседника немного более дружелюбным (надо обязательно, чтоб собеседник ответил)) у тебя отторжение, потому, что чувствуешь попытку манипулирования*; (28) *Сначала я вежливо говорила «да, я вас слушаю», потом говорила «простите, я занята», далее просто отвечала «не удобно». Десяток раз объясняла, что не буду менять тариф... Не отстают и все тут!*; (29) *Я не говорю о случаях, когда вам звонят, называют вас по имени отчеству и спрашивают «Удобно говорить?» Потому что это на двести тысяч процентов телефонный спам... Тут можно сразу класть трубку и номер вносить в черный список – я всегда так делаю.*

Таким образом, отношение к вопросу потенциальных клиентов компаний, какими являются участники форумов, далеко не однозначно, что, возможно, стоит учитывать тем, кто прописывает «фирменные стандарты на общение с клиентами» [Ромашова 2012].

2. Удобно говорить? как маркер группового и индивидуального этикета

Вопрос *удобно говорить?* является этикетной речевой формулой, что имплицитно выражено в комментарии, где он сравнивается с приветствием: *Выяснить, удобно ли человеку сейчас говорить! Это как поздороваться*. Вопрос употребляется в стандартной ситуации, имеет свое место в структуре телефонного разговора: (30) *первая фраза, **после приветствия и представления** – Говорить удобно? в разных интерпретациях.....;* (31) *Сначала здравствуй, потом обычно спрашиваю может ли человек говорить*; (32) *я произношу все же ПОСЛЕ приветствия*; (33) *Я точно так же **после приветствия сразу***. Так же, как другие этикетные формулы, вопрос включается в синонимический ряд, члены которого различаются семантико-прагматическими и стилистическими оттенками: *Можешь говорить?; Есть ли минута?; Не отвлекаю? и др.* (примеры (34)–(44)). В комментариях участников форумов отдельные члены ряда одобряются или

отвергаются на разных субъективных (40) и рациональных (35) основаниях; иронической рефлексии подвергается внутренняя форма вопроса (37), (41). Фраза «Удобно говорить?» расценивается как альтернатива отвергаемым речевым формулам (35), (36) и, напротив, как странная (37), проигрывающая другим, «дурацкая» (38): (34) *На просторах интернета бурно обсуждается тема, стоит ли телефонный звонок начинать с фраз: «Удобно ли вам сейчас разговаривать», «есть ли у вас минута?»;* (35) *Фраза «удобно говорить» крайне хороша – она недолгая, не «ты сейчас можешь со мной поговорить»;* (36) *Меня например бесит, когда говорят «вас беспокоит», или «вам звонят»;* (37) *Странная фраза «Удобно ли вам сейчас поговорить?» У меня возникает ассоциация с «удобно ли вы стоите» или «сидите» или «лежите» с мобилкой в руке.* (38) *Я думаю, лучший вариант «есть <столько-то> минут?». На один дурацкий вопрос меньше, и этикет соблюден, только с оценкой продолжительности лучше не ошибаться;* (39) *Всегда спрашиваю, есть ли минутка, чтобы обсудить то-то и то-то;* (40) *Я бы еще третий вариант добавила – «Я быстренько спрошу, ладно?»;* (41) *Куда круче звучит другое: «Вы можете говорить?».* Как бы ответить-то...; (42) *Если планируется долгий разговор я всегда задаю вопрос «Не отвлекаю?»;* (43) *Я точно так же после приветствия сразу – Ты говорить можешь, не отвлекаю?;* (44) *Очень жаль, что никто не приучает с детства элементарному «Здравствуйте! Извините за беспокойство, вы можете мне уделить пару минут?».*

Эксплицитная рефлексия на тему телефонного этикета и его правил обнаруживается в использовании терминов «телефонный этикет», «этикет», «этика» в значении 'этикет', «норма общения», «правила хорошего тона». Кроме того, указание на наличие этикетной нормы выражается косвенно: употребляются модальные операторы «должен», «допустимо», «человек» употребляется в нереферентном значении (о косвенных способах выражения нормативности в межличностных отношениях см.: [Орлова 2005: 79–84]). Высказывания с выраженной идеей коллективной нормы отражают понимание этикета как группового феномена: (45) *ИМХО это де-факто **телефонный этикет**, как постучаться в дверь перед тем, как заглянуть или зайти;* (46) *Или это на самом деле стало **нормой в общении?***; (47) *В общем-то, это одна из **коммуникационных норм**;* (48) *Если человек взял трубку, значит он подтверждает готовность к разговору. Если ему всё-таки всё равно неудобно, он **должен** сообщить об этом сам;* (49) *Тут **допустимо** просить, чтобы у тебя не спрашивали... Но тогда не обижаться, если от тебя требуют разговора на полчаса...* Из понимания этикета как группового феномена следует предпосылка существования «писанных правил» телефонного диалога (50). Отмечается невольное следование коллективной норме (51), даже если она не нравится (52): (50) *Этика +) Вот... А где про нее почитать можно?;* (51) *...такая же фигня, да и приучился уже...;* (52) *Но когда звонят друзья и родственники и спра-*

шивают «Можешь говорить»? Зачем они это делают? Зачем я сам это делаю, **поддавшись этой идиотской манере?**

Опора в суждениях исключительно на собственный опыт, использование местоимения «я», определенно-личных конструкций является выражением индивидуального этикета: (53) **Я поступаю как – если чувствую, что человек открыт начинаю диалог;** (54) *...ну черт его знает... **обычно так спрашиваю** или спрашивают меня когда разговор не на 1 минуту... а ты можешь быть за рулем и так далее.. **отвечаю** перезвоню – или веду диалог... чо такого то?;* (55) **Обычно говорю** что-то подобное если только предполагается разговор на минуту или дольше; (56) *Сначала здравствуй, потом **обычно спрашиваю** может ли человек говорить.* Наличие индивидуального этикета подтверждается широкой вариативностью конкретных правил, сопутствующих вопросу. В приведённых выше примерах (54), (55) затронута тема продолжительности разговора, который авторы комментариев предваряют вопросом в своей практике. Общая мысль заключается в том, что спрашивать уместно, если звонящий планирует не короткий разговор, но в абсолютном измерении «не короткий» понимается по-разному. Если в (54 и 58) указанное время не понимается буквально, то в (55) это 60 секунд и более. Автор высказывания (57) готов общаться до трех минут, а авторы (59) и (60) – соответственно тридцать и десять секунд. Интересно, что в последнем случае норма подается как жесткая, кодифицированная правилами хорошего тона: (57) *Далеко не всегда поднявший трубку может рассчитывать на 2–3 минуты разговора. Но и сказать об этом вслух тоже далеко не всегда есть возможность;* (58) *Если я сама звоню с целью 2 часа поболтать, я тоже спрашиваю;* (59) *Вежливый человек всегда возьмет трубку. А второй вежливый человек спросит, удобно ли говорить, если намерен занять больше 30 секунд времени;* (60) *Согласно правил хорошего тона, если человек не ждет вашего звонка, но поднял трубку, у вас есть 10 секунд для изложения проблемы. Если вы рассчитываете на большее, «удобно ли говорить» обязательно.*

3. Аксиологический контекст вопроса: нравственные и коммуникативные ценности

На всех форумах уместность вопроса «Удобно говорить?» обсуждалась в связи с дилеммой, отвечать или не отвечать на звонок, если говорить нет возможности. Это значит, что авторы вовлекались в обсуждение межличностных, нравственных в своей основе отношений. Сторонники вопроса, по их признанию, отвечают на звонок в любой ситуации и поэтому готовы к тому, чтобы их спрашивали. Они говорят о том, что звонок может нести важное сообщение, выражают чувство беспокойства за близких, готовы пренебречь ради них своими делами. Здесь высока встречаемость таких слов, как «такт», «уважение», «этика», «вежливость», «неудобно» в словарном значении 'перен. О чувстве смущения, стеснения, неловкости, испытываемом кем-л.' [Ефремова 2000]: (61) *Вопрос «удобно ли вам говорить?» говорит о **такте** спрашивающего человека;* (62) *Это **эти-***

ка общения. *И я решительно отказываюсь отречься от этой формулы вежливости, делающей моё общение с друзьями взаимно уступчивым и предупредительным;* (63) *да и вообще может ты там в машине едешь а там сервер упал например понятно что надо взять но если там разговор не сводится к тому что ааа сервер упал то спрашивают удобно ли собеседнику выслушать;* (64) *Во-первых, человек, даже будучи в цейтноте, возьмёт трубку, когда видит, что звонит друг... надо понимать, что у него могут быть чрезвычайные обстоятельства, просьба о помощи, перед которыми твой цейтнот ... может идти лесом;* (65) *Я стараюсь снимать трубку даже если я занята. Вдруг у людей что-то срочное;* (66) *...я трубку беру в 99 процентах случаев, вдруг что-то случилось;* (67) *Если звонок был с незнакомого номера – берут многие, вдруг что случилось у близких/друзей, и тогда уже дела можно все бросить и идти решать.*

Противники вопроса также выдвигают нравственные обоснования своей позиции: общение друзей не должно быть формальным, ограниченным какими бы то ни было рамками. В следующем по форме достаточно агрессивном тексте декларируется жалость к тем, кто этого не понимает: (68) *Слушайте, а у вас правда друзья настолько тупые, что в силах (по-видимому опечатка, должно быть «не в силах». – Н. О.) догадаться сказать вместо хамского, – мобила есть, время есть, – нормальное человеческое, – поболтать о звездных войнах время есть? Мне вас как-то даже жалко стало...*

На противоположном полюсе – эгоцентричная позиция 'действую в своих интересах', которой могут придерживаться как противники вопроса «Удобно говорить?», так и его сторонники. Для последних он является предлогом отказаться от разговора и/или солгать: (69) *Ответ всегда, – нет всем, кроме родственников;* (70) *а когда мне звонят с таким вопросом...то бывает полезным, можно быстро отъехать что нет неудобно, и тогда собеседник быстро закругляется;* (71) *Особенно когда допустим звонит какая-нить чувствительная клиентка... ..поднимаешь и говоришь, перевозмогая себя – не, шас не могу, давайте через час-другой. Она может во-первых и забыть через час. Во-вторых ну я например пью кофе и мне вовсе не горит с кем-то там разговаривать... или скажем она позвонила, а я как раз [неценз.] собирался. Тут и говоришь – извините, я сейчас как раз на встрече, домой доеду обязательно вам перезвоню. [Неценз.] значит, осмыслишь содеянное, и можно перезвонить. Бессмысленно, но весьма удобно!!*

Итак, телефонный разговор связан со специфическими для него ситуациями нравственного выбора. В обсуждаемой ситуации его участник волен действовать в своих интересах или в интересах другого (звонящего), говорить правду или лгать, сохранять или не сохранять лицо собеседника. Материал показал, что межличностный персональный разговор продолжает оставаться коммуникативно ценным, несмотря на тенденцию к формализации общения, экспансии правил делового разговора в неофициальную среду.

Заключение

В обсуждение этикетной телефонной реплики «Удобно говорить?» оказались вовлеченными пользователи интернета с разным уровнем речевой культуры. В их метаязыковой рефлексии с неизбежностью отразилась объективная коммуникативная норма. Посты и комментарии участников форумов свидетельствуют об активизации вопроса как следствии распространения сотовой телефонной связи, ускорения ритма жизни, динамики ценностей. Отмечается, что вопрос неодинаково распространен среди разных групп населения: социально активные, работающие, автомобилисты используют его чаще других. Он более распространен в разговорах с «чужими», однако проникает и в диалоги между «своими». В проанализированном материале выявлено трехкратное преобладание сторонников вопроса «Удобно говорить?» над теми, для кого он неприемлем. Объективно это свидетельствует о складывании новой коммуникативной нормы. В неинституциональных дискурсах запрос о разрешении говорить свидетельствует об увеличении дистанции между коммуникантами, повышении уровня формальной вежливости, что вступает в противоречие с традиционным неприятием официальных разговоров и «сверхвежливости» и в результате встречает сопротивление.

Широкая вариативность функционирования формулы и ее синонимов является проявлением индивидуального речевого этикета на этом участке телефонного общения.

Проанализированная типовая ситуация телефонного разговора ассоциируется со специфическими аксиологическими, нравственными аспектами общения, позволяет говорящему делать выбор между своими интересами и интересами другого лица.

Список литературы

- Волченко Л.Б. Нравственность и этикет. М.: Знание, 1976. 64 с.
- Дементьев В.В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
- Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: ГлобалКом, 2013. 338 с.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. 1210 с.
- Иссерс О.С. Массовая речевая культура как феномен современной коммуникации: в поисках речевого идеала // Экология языка и речи: материалы V Междунар. науч. конф. (3–5 ноября 2016 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 352–356.
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель: Corpus, 2012. 480 с.
- Кронгауз М.А. Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог-2004» (Верхневолжский, 2–7 июня 2004 г.). М.: Наука, 2004. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> (дата обращения: 20.07.2018).

- Курцева З.И. Речевой поступок и речевой этикет // Проблемы современного образования. 2013. № 1. С. 6–15. URL: http://pmedu.ru/res/2013_1_2.pdf (дата обращения: 11.08.2018).
- Лукоянова Ю.К. Основные изменения в русском речевом этикете на рубеже XX – XXI веков // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Т. 153, кн. 6. С. 227–233.
- Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели. Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
- Ромашова И.П. Фирменные стандарты как жанр корпоративного дискурса // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (21). С. 24–30.
- Шмелев А.Д. Осознанное и неосознанное в наивной лингвистике // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: монография. Ч. 2 / отв. ред. Н.Д. Голев. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. С. 36–46.
- Bergmann J.R. Introduction: Morality in discourse // Research on language and social interaction. 1998. Vol. 31, iss. 3–4. P. 279–294.
- Brekle H.E. “Volkslinguistik”: ein Gegenstand der Sprachwissenschaft bzw. ihrer Historiographie? // Politische Sprachwissenschaft. Zur Analyse von Sprache als kulturelle Praxis. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985. P. 145–156.
- Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2005. 432 с.
- Pratiques. 2008. № 139–140: Linguistique populaire? / Dir. de G. Achard-Bayle et M.-A. Paveau. 250 p.
- Preston D.R. What is folk linguistics? Why should you care? // Lingva Posnaniensis. 2005. Vol. 7. P. 143–162.
- Schiffrin D. Approaches to Discourse. Cambridge; Oxford: Blackwell, 1994. 470 p.

References

- Achard-Bayle, G., Paveau, M.-A. (Eds.) (2008), *Pratiques*, No. 139-140: Linguistique populaire?, 250 p. (in French)
- Bergmann, J.R. (1998), Introduction: Morality in discourse. *Research on language and social interaction*, 1998, Vol. 31, Iss. 3-4, pp. 279-294.
- Brekle, H.E. (1985), “Volkslinguistik”: ein Gegenstand der Sprachwissenschaft bzw. ihrer Historiographie? *Politische Sprachwissenschaft. Zur Analyse von Sprache als kulturelle Praxis*, Opladen, Westdeutscher Verlag Publ., pp. 145-156. (in German)
- Dement'ev, V.V. (2016), *Rechezhanrovye kommunikativnye tsennosti v novykh i novysshikh sferakh russkoy rechi* [Genre communicative values in new and the newest spheres of Russian speech], Saratov, Saratov University Publ., 396 p. (in Russian)
- Dement'ev, V.V. (2013), *Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics], Moscow, GlobalKom Publ., 338 p. (in Russian)
- Efremova, T.F. (2000), *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian language. Explanatory and educational], in 2 volumes, Moscow, Russkii yazyk Publ., Vol. 1, 1210 p. (in Russian)

-
- Fox, K. (2005), *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*, London, Hodder & Stoughton, 432 p.
- Issers, O.S. (2016), Massovaya rechevaya kul'tura kak fenomen sovremennoi kommunikatsii: v poiskakh rechevogo ideala [Mass speech culture as a phenomenon of modern communication: in the search for the speech ideal]. Shcherbak, A.S. (Ed.) *Ekologiya yazyka i rechi [Linguistic and Speech Ecology]*, Papers of the 5th International Scientific Conference (November 3-5, 2016), pp. 352-356. (in Russian)
- Krongauz, M.A. (2012), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva. 3D [Russian language is on the verge of a nervous breakdown. 3D]*, Moscow, Astrel Publ., Corpus Publ., 480 p. (in Russian)
- Krongauz, M.A. (2004), Rechevoi etiket: vneshnyaya i vnutrennyaya tipologiya [Speech etiquette: external and internal typology]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii [Computational Linguistics and intelligent technologies]*, Proceedings the International Conference "Dialogue-2004" (Verhnevolskii, June 2-7, 2004), available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> (accessed date: July 20, 2018). (in Russian)
- Kurtseva, Z.I. (2013), Rechevoi postupok i rechevoy etiket [Speech act and speech etiquette]. *Problemy sovremennoogo obrazovaniya [Problems of modern education]*, No. 1, pp. 6-15, available at: http://pmedu.ru/res/2013_1_2.pdf (accessed date: August 11, 2018). (in Russian)
- Lukyanova, Yu.K. (2011), Osnovnye izmeneniya v russkom rechevom etikete na rubezhe 20-21 vekov [The main changes in Russian speech etiquette at the turn of the 20th - 21st centuries]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, Vol. 153, No. 6. pp. 227-233. (in Russian)
- Orlova, N.V. (2005), *Naivnaya etika: lingvisticheskiye modeli [Naive ethics: linguistic models]*, Omsk, Variant-Omsk Publ., 266 p. (in Russian)
- Preston, D.R. (2005), What is folk linguistics? Why should you care? *Lingva Posnaniensis*, Vol. 7, pp. 143-162.
- Prokhorov, Yu.Ye., Sternin, I.A. (2006), *Russkie. Kommunikativnoye povedeniye [Russians. Communicative behaviour]*, 2nd ed., Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 238 p. (in Russian)
- Romashova, I.P. (2012), Firmennye standarty kak zhanr korporativnogo diskursa [Firm standards as a genre of corporate discourse]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]*, No. 6 (21), pp. 24-30. (in Russian)
- Shmelev, A.D. (2009), Osoznannoe i neosoznannoe v naivnoi lingvistike [Conscious and unconscious in naive linguistics]. Golev, N.D. (Ed.) *Obydennoe metazykovoye soznaniye: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]*, Collective Monograph, Part 2, Tomsk, TGPU Publ., pp. 36-46. (in Russian)
- Schiffrin, D. (1994), *Approaches to Discourse*, Cambridge, MA & Oxford, Blackwell, 1994, 470 p.
- Volchenko, L.B. (1976), *Nravstvennost' i etiket [Morality and etiquette]*, Moscow, Znaniye Publ., 64 p. (in Russian)
-

**TELEPHONE PHRASE *IS IT CONVENIENT TO TALK?*
IN THE REFLECTION OF MODERN SPEECH
CULTURE REPRESENTATIVES**

N.V. Orlova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The relevance of the study is determined by the interest of linguistics in the dynamics of the communicative norm. In the discussion of the etiquette phrase “Is it convenient to talk?” fixed on thematic forums, the conditions for the success of the question in modern conversations are formulated as following: the spread of cellular telephone communication (technological factor), the acceleration of the rhythm of life, “total busyness” (sociocultural factor). The threefold predominance of those who consider the question appropriate in a wide range of situations, including in a conversation with close people, is established. Although, the personality (unofficiality) of communication remains to be a communicative value, and obtained data testify to the spread of the rules of business communication to unofficial communication. The functioning of the request for permission to talk corresponds to the notion of individual speech etiquette: wide variety of pragmatic features and verbal representations are found (except “Is it convenient to talk?”, “Do you have a minute?”, etc.); it is not accepted by some native speakers, and those who support it, use it for different purposes. An alternative to the negative answer to the question “Is it convenient to talk?” some authors consider ignoring of the call; this position was the impulse for a discussion about the moral aspects of communication that are immanently present in interpersonal communications.

Key words: communicative norm, speech etiquette, etiquette formula, individual speech etiquette, communicative value.

For citation:

Orlova, N.V. (2018), Telephone phrase *Is it convenient to talk?* in the reflection of modern speech culture representatives. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 128-140. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.128-140. (in Russian)

About the author:

Orlova Natalia Vasilyevna, Prof., Professor of the Chair of Russian Language, Slavonic and Classical Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: nvorl@rambler.ru

Acknowledgements:

Prepared with the support of the RFBR grant No. 18-412-550001

Received: August 22, 2018

ЭМОТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОГНОСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XIX в.)^{*}

О.А. Солопова¹, М.Б. Ворошилова²

¹ Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)

² Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Аннотация: Исследуется политический прогностический текст, характеризующийся тем, что любой политический прогноз нацелен не только на репрезентацию светлых и мрачных сторон моделируемого будущего, но и на передачу его эмотивного содержания, на воздействие на аудиторию при помощи продвижения образов будущих реальностей для достижения поставленной продуцентом текста цели. Материал исследования представлен текстами британского политического дискурса XIX в. о будущем Российской империи. Комплекс исследовательских методов включает метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный анализ, ретроспективный анализ, элементы диахронического сопоставления. Приведен обзор разноразрядных языковых средств, используемых в прогностическом тексте (будущие, настоящие и прошедшие видовременные формы глагола в изъявительном наклонении; модальные глаголы, выражения, слова; формы императива и косвенных наклонений, обстоятельственные маркеры будущего). Подчеркивается ключевая роль политической метафоры в формальной и смысловой организации прогностического текста, доказывается, что наличие положительного или отрицательного проспективного компонента в значении метафоры предопределяет и отчасти регулирует выбор иных лингвистических средств, моделирующих будущее. В качестве иллюстративных контекстов использованы фрагменты прогностических текстов, репрезентирующих мрачную альтернативу развития государства, ядерной единицей которых является метафора неживой природы.

Ключевые слова: политический дискурс, будущее, категория прогностичности, прогностический политический текст, метафора.

^{*} Подготовлено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

Для цитирования:

Солопова О.А., Ворошилова М.Б. Эмотивный потенциал прогностического текста (на материале британского политического дискурса XIX в.) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 141–156. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.141-156.

Сведения об авторах:

¹ Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор

² Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 76

² Почтовый адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

¹ E-mail: o-solopova@bk.ru

² E-mail: shinkari@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.04.2018

Введение

Среди многообразия жанров политического дискурса объектом исследования в настоящей работе является текст прогностический, под которым понимается «текст политической проблематики, связанный с анализом тенденций развития политической ситуации настоящего с учетом прошлого опыта, перспектив развития ситуации в будущем либо последствий выбора одной из альтернатив (положительной / отрицательной); текст, имеющий эксплицитную / имплицитную прагматическую установку – эмоциональное воздействие на адресата при помощи продвижения образов будущих реальностей для получения желаемого результата и воздействие на политическую ситуацию в целом с целью ее изменения» [Солопова 2016: 85].

Прогностический текст эмотивен по своей сути, так как будущее никогда не воспринимается человеком нейтрально, оно наполнено ожиданиями, желаниями, намерениями, страхами, опасениями, т. е. для любой проекции в будущее характерны интенциональность и оценочная направленность [Немирова 2015; Солопова 2016; Шейгал 2000]. Если в политической прогностике прогноз как таковой основан на вскрытых **объективных** закономерностях и тенденциях общественно-политического развития, то прогностический текст, предлагаемый в средствах массовой информации, субъективен и эмоционально нагружен. Для политического прогноза, транслируемого СМИ, типична, как правило, высокая степень эмоциональности, драматизация ключевых моментов изложения, сгущение красок, что нацелено не только на репрезентацию «светлых» и «мрачных» вариантов развития политической ситуации, но и на передачу эмоцио-

нального содержания, на воздействие на адресата при помощи продвижения образов будущих реальностей для достижения поставленной цели.

В предыдущих работах [Солопова 2014, 2016, 2017; Chudinov, Solopova 2015] доказан универсальный характер категории прогностичности, лингвистическая реализация которой была детально исследована на материале прогностических текстов, созданных на двух языках, принадлежащих трем дискурсам (русскому, американскому и британскому) трех временных периодов – XXI, XX и XXI вв.

Так как прогностичность политического текста / его фрагмента выявляется путем анализа разноуровневых средств ее языковой вербализации, остановимся на ядерных и периферийных единицах лингвистической объективации данной категории в британском политическом дискурсе. В приведенном обзоре внимание исследователя сфокусировано на темпорально-модальной амбивалентности средств выражения будущего, поскольку эмотивная природа прогностического текста прежде всего обусловлена его субъективностью и субъектоцентричностью политического дискурса в целом: моделирование будущего (своего или чужого) в первую очередь соотносится с краткосрочными и долгосрочными целями и задачами продуцента текста, его собственными намерениями, желаниями, опасениями и т. д.

В лингвистическом плане понятийная категория прогностичности / проспективности тесно связана с языковыми категориями темпоральности (футуральности), аспектуальности, модальности и представляет собой полевую организацию разноуровневых языковых средств – морфологических, лексических, лексико-грамматических, синтаксических и др.

К ядерным средствам выражения будущего в прогностическом политическом тексте относятся **видовременные формы футурума**:

– The Future Simple Tense, значения которого связаны с моделированием будущего как логического вывода из ситуации настоящего, с неопределенностью момента осуществления будущего действия. В английском языке любое будущее действие всегда модально окрашено, что связано с историей возникновения форм будущего времени из сочетания с модальными глаголами. В древнеанглийском аналитические формы, появившиеся к концу древнего периода (IX–X вв.) с недифференцированными темпоральными и модальными значениями, были образованы с помощью глаголов *sculan* (быть должным), *willan* (хотеть). В современном английском языке глаголы *shall* и *will*, используемые при образовании будущего, являются вспомогательными глаголами, образующими видовременные формы будущего, и модальными глаголами, выражающими «принуждение», «угрозу», «предупреждение», «обещание» (*shall*), «желание», «намерение», «настойчивость», «неизменность» (*will*) [Солопова 2016: 357].

– The Future Continuous Tense, обозначающее действие, которое будет совершаться в определенный момент в будущем; планируемое, ожи-

даемое действие [Бархударов, Штелинг 1973: 184], будущее событие, о котором принято решение, что оно состоится [Murphy 1989: 120]. Ряд исследователей указывают на модальный аспект значения Future Continuous [Вейхман 2002: 205; Quirk et al. 1982: 49], на наличие «усилительного значения», включающего в себя экспрессивность, субъективную оценку будущих событий адресантом [Ярцева 1960: 138–139; Бруннер 2003: 351]. А.В. Колпакова, напротив, считает, что формы Future Continuous лишены модальных оттенков, указывая, что его основным категориальным значением является «объективное будущее» [Колпакова 2006]. Континуальные формы футурума акцентируют длительность, конкретность, запланированность действия.

– The Future Perfect Tense, акцентирующие завершенность действия к определенному моменту в будущем, причем в перфекте временная соотнесенность тесно взаимосвязана с причинно-следственными отношениями. Прогнозируемое действие с использованием данных видовременных форм может интерпретироваться как распространяющееся на весь указанный период в будущем и как состоявшееся в данном периоде [Штелинг 1996: 157].

– Формы the Future Perfect Continuous Tense не представлены в исследуемых текстах.

Для репрезентации ситуаций и действий будущего употребляется **футуральный презенс**. Транспозиция настоящего в план будущего не является случайной, она обусловлена потребностью преобразовать, уточнить или усложнить значение моделируемого действия. Исследователи отмечают, что в древнеанглийском языке не имевшее специальных форм выражения будущее время выражалось глаголом в настоящем времени в изъявительном или желательном наклонениях. Такой способ частично сохранился в современном английском языке, когда футуральное значение форм глагола в настоящем выявляется из контекста [Бруннер 2003], поскольку между семантикой настоящего и будущего времен существует определенное сходство, следовательно, значение настоящего времени допускает его переосмысление как будущего времени совершения действия. Кроме того, транспозиция настоящего времени в план будущего возможна при экспрессивном переносе описания будущих действий и событий в план настоящего [Блох 1986].

Видовременные формы прошедшего времени (the Past Simple Tense, the Past Continuous Tense, the Past Perfect Tense, the Past Perfect Continuous Tense) редко поддаются субъективному переносу в план будущего. Тем не менее, такое употребление возможно при метафорическом использовании, когда присущее самой форме значение не устраняется, а так или иначе употребляется, расходясь со значением контекста [Пешковский 2001; Потеня 1977]. Транспозиция прошедшего времени в план будущего создает противоречие между собственным значением грамматической

видовременной формы глагола и содержанием контекста, репрезентирующим будущую ситуацию, акцентируя предсказуемость, предрешенность будущего, вербализуя его атрибуты в ультимативной форме, что особенно востребовано при моделировании «мрачной» альтернативы развития событий.

В моделирование временного плана будущего и в оценку вероятных перспектив развития событий включены иные периферийные языковые средства, объективирующие категорию прогностичности. В первую очередь к ним относятся средства модальности, способные выражать широкий диапазон проспективных ситуаций, включающий оттенки потенциальности, интенциональности, желательности / нежелательности действия, его необходимости, намерения, способности, готовности к совершению действия и др. Категория проспективности исторически формировалась в германских языках на фоне сложного взаимодействия глагольных категорий модальности, темпоральности и аспектуальности, что отчасти объясняет включенность модальных глаголов, модальных выражений, модальных слов, императива и косвенных наклонений в план выражения будущего.

Размытость временного периода, соответствующего проспекции, обязывает исследователя особое внимание уделять контекстному окружению анализируемой единицы, поскольку чем слабее языковое средство передачи футурального значения, тем более «оно нуждается в маркированности обстоятельством времени» [Вейхман 2002: 198]. Система обстоятельственных маркеров времени задает хронографические рамки моделируемому событию, которые могут носить как определенно-фиксированный характер, очерчивая конкретные рамки проспективного действия или состояния, точно указывая на время его осуществления, так и неопределенный характер, при котором будущее не имеет четко очерченных границ, заданных настоящим [Солопова 2016].

Контекстуальное окружение и слова-индикаторы будущего способствуют раскрытию «скрытого» футурального потенциала анализируемой единицы, поскольку ее инвариантное описание, принимаемое во внимание без учета контекста, не покрывает всего разнообразия употребления данной единицы и является лишь «абстрактной идеей, связанной с данным значением» [Рахилина 1998: 297] (см. также: [Стернин 2012: 15–16]).

При лингвополитическом прогностическом анализе в сценарном представлении будущего ядерной единицей, организующей структурно-смысловое пространство прогноза, признается метафора. Метафора является основным дискурсивным компонентом прогностического политического текста. Именно метафора несет коммуникативно-смысловую нагрузку прогноза, определяющую его интра- и экстралингвистические характеристики, она играет роль смыслового маркера, направляющего развертывание светлой или мрачной альтернативы будущего. Дискурсивный

потенциал прогностической метафоры позволяет ей выполнять функции как понятийно-смысловой, так и структурно-грамматической связи: метафора, нацеленная на моделирование будущего, вступая в отношения с другими единицами, выступает в качестве смысловой константы, с одной стороны, актуализирует футуральную семантику иных единиц, с другой – акцентируется и уточняется ими, создавая в совокупности смысловую и структурную целостность прогноза.

Задача настоящей статьи – показать, как метафора организует прогноз в формальном и смысловом планах, задавая тональность «прогностическому экскурсу» и возможность его развертывания в «светлом» или в «мрачном» ключе. Интенсификация светлых и мрачных сторон будущего достигается за счет обогащения смыслов, транслируемых метафорой, другими единицами контекста.

Материал и методы исследования

Основным исследовательским методом в данной работе является метод метафорического моделирования, который позволяет проанализировать систему метафорических моделей в каждом синхронном срезе и выделить доминантные для дискурса модели, зафиксировав смыслы, которые экстраполировались при использовании каждого образа. Применение когнитивно-дискурсивного анализа дает возможность связать интралингвистическое функционирование моделей и влияние экстралингвистических факторов на их активизацию в политическом дискурсе анализируемой эпохи. Синхронный и ретроспективный анализ направлен на изучение системы метафорических моделей, типичных для определенного исторического периода. Суть диахронического анализа состоит в сопоставлении систем метафорических моделей, реализующихся в политическом дискурсе при конструировании образа будущего, в фиксации постоянных концептуальных признаков / архетипичных метафор и вариативных характеристик метафорической репрезентации будущего.

Материал исследования получен путем сплошной и репрезентативной выборки из прогностических текстов британского политического дискурса о России XIX в. (1855–1881), XX в. (1939–1945) и начала XXI в. (2000–2014) (около 9 000 контекстов метафорического и неметафорического характера). Материал исследования включает разнонаправленные по концептуальной и стилистической дифференциации издания, в каждом из которых репрезентируются множественные образы будущего России, что позволяет представить разнонаправленные сценарии будущего (как мрачные, так и светлые).

Обсуждение

Рассмотрим специфику прогностического политического текста на материале британского дискурса XIX в. о России с акцентом на особенностях реализации прогностического потенциала метафоры неживой природы в аргументации «мрачной» альтернативы развития государства.

Метафорические единицы сферы-источника «неживая природа» регулярно представлены в репрезентации будущего России (см. табл., где арабские цифры в скобках показывают распределение моделей на шкале частотности в каждом из хронологических срезов). Проецирование законов природной среды и эволюции, природно-климатических катаклизмов и аномалий на функционирование общественно-политических формаций позволяет моделировать неопределенность грядущего, изменчивость окружающего мира и непредсказуемость будущего, отражая динамичность и стихийность происходящих процессов. В политическом дискурсе исследуемого периода XIX в. частотность метафор рассматриваемой сферы прежде всего определяется «территориальным фактором»: бескрайние пространства Российской империи, ее активная экспансия актуализируют концептуальные смыслы масштабности, размаха, всеохватности.

**Диахронический статистический анализ
представленности метафорической модели неживой природы
в британском политическом дискурсе**

Категория	XIX в.	XX в.	XXI в.
Всего	100 % – 1 345	100 % – 1 154	100 % – 1 917
Метафорическая модель неживой природы	5,4 % (8)	14,0 % (1)	7,8 % (5)

Выбор контекстов, репрезентующих «мрачную» альтернативу, не является случайным, поскольку такой прогностический текст представляется более насыщенным эмотивными смыслами: чем выше потенциальная враждебность, нагнетание надвигающейся угрозы и потребность сбалансировать своего системного конкурента либо нейтрализовать его, тем больше негативных значений втягивается в конструкцию будущего, тем сложнее и многограннее «мрачная» альтернатива будущего России [Солопова 2016].

Контекст 1. *The great problem which European statesmen have to solve is how to confine the northern Colossus within his own icy dominions. The grasping ambitions and gigantic resources of the autocrat of Russia fills them with apprehension. They see that as the tide of his barbaric despotism rolls westward all other systems of government – oligarchic and monarchic – must be submerged and lost. The instinct of self-preservation impels them to concert measures for restraining within his ancient limits the autocrat in whose giant gorge all the petty European despotisms will disappear.* / Огромная проблема, которую должны решить европейские государственные деятели, заключается в том, как запереть северного колосса в его собственных ледяных владениях. Захватнические амбиции и громадные ресурсы самодержца всея Руси вселяют в них опасение. Они видят, что по мере того, как волна его варварского деспотизма движется на запад, все другие системы управления – олигархи-

ческие и монархические – погрузятся под воду и погибнут. Инстинкт самосохранения побуждает их сообща принимать меры, чтобы сдержать в прежних границах самодержца, в гигантской пасти (бездне) которого сгинут все мелкие европейские деспотии (Rynold's Newspaper. 12.06.1855).

Мрачную альтернативу будущего задает развернутая гидронимная метафора (*icy dominions, the tide rolls westward, all other systems... must be submerged and lost, giant gorge*), типичная для британского дискурса рассматриваемого периода, поскольку Великобритания в XIX в. являлась великой морской державой. Гидронимная метафорика позволяет моделировать неизбежность и неотвратимость мрачного будущего, невозможность противостоять природной стихии. Северный колосс, словно огромная масса воды, стремительно надвигающаяся на Европу, сносит всё на своем пути, подхватывает с собой и с обратным током уносит в бездну все мелкие и крупные европейские деспотии. Тех, кто не способен почувствовать опасность и не замечает приближения смертельной волны, ждут многочисленные жертвы и катастрофические разрушения, в результате – гибель европейской цивилизации. Повышенная степень эмотивной нагрузки гидронимных метафор поддерживается ассоциативными приращениями, профилируемыми единицами *the northern Colossus, icy dominions*, наполняя прогностический контекст яркими прагматическими смыслами и акцентируя транслируемые иными метафорами смыслы опасности и смерти, поскольку в большинстве культур, в том числе европейских, север традиционно символизировал агрессивные силы, хаос и тьму.

Развернутая гидронимная метафора, являясь основным дискурс-компонентом рассматриваемого прогностического контекста, организует смысловое пространство «мрачной» альтернативы будущего. Иные дискурс-компоненты, синтагматически и парадигматически связанные с ней, служат его формальной организации и дополняют мрачный вариант развития настоящего в будущее.

Концептуальный вектор масштабности угрозы, заданный метафорой северного колосса (*the northern Colossus*), получает свое развитие в использовании лексем с семами «гигантский, огромный, громадный» в словосочетаниях *grasping ambitions, gigantic resources* и *giant gorge*. В репрезентацию необходимости противостоять угрозе и неизбежности моделируемого будущего включены модальное выражение *to have to* и модальный глагол *must* соответственно (*have to solve, must be submerged and lost*).

Ситуация, обозначаемая презентной формой глагола в недлительном виде (*as the tide of his barbaric despotism rolls westward*) в придаточном времени, с одной стороны, указывает на будущее с объективной модальностью: предположение о последующих событиях будущего фактически является запланированным действием, с другой стороны, «переосмыслиется как занимающая непрерывный временной интервал независимо от ее фактического распределения во времени» [Солопова 2016: 430]. Ана-

лизируемый фрагмент завершается логическим выводом из ситуации, складывающейся в настоящем с использованием формы глагола в Future Simple (*all the petty European despotisms will disappear*), оформляющей предикат в рематической позиции и акцентирующей идею неминуемого мрачного конца (*will disappear*).

Контекст 2. *It was said that the sun never sets upon the territory of Russia, but if that be the only criterion of its greatness, we may surely predict that, sooner or later, a perpetual sunset will descend upon it, covering with darkness. / Говорили, что на территории России солнце никогда не заходит, но если это единственный критерий ее величия, то можно с уверенностью предсказать, что рано или поздно грядет вечный закат, скрывая ее во мраке* (The Hereford Times. 25.02.1854).

В приведенном контексте моделирование прошлого, настоящего и, как результата, будущего России выстраивается на единой аксиологической метафоре света и тьмы, реализующейся в единицах «никогда не заходящего солнца» (*the sun never sets*), «вечного заката» (*a perpetual sunset*) и «мрака» (*darkness*). Показательно, что метафора «империи, над которой никогда не заходит солнце», употреблялась и продолжает использоваться для описания великих держав, которые территориально являются настолько обширными, что над какой-то их частью всегда светит солнце (Испанская империя, Британская империя, США). Не менее интересен тот факт, что рассматриваемая метафора в XIX в. частотно использовалась при характеристике самой Британской империи, дискурс которой подлежит анализу, что вновь подтверждает положение о том, что в процессе конструирования образов другого государства, особенно в антагонистическом аспекте, активируется механизм, называемый «зеркальным отображением», суть которого состоит в подсознательном проецировании на предполагаемого или действительного противника стереотипов, чаще всего описывающих собственные черты [Солопова 2016: 384].

Презентная форма глагола (*the sun never sets*) указывает на постоянное действие или абсолютную характеристику состояния России, причем абсолютность интерпретируется как выражение констатации факта в прошлом – настоящем и, как следствие, в будущем. Общеизвестная истина в придаточном-дополнении «отменяет» действие правила согласования времен. Кроме того, значение общеизвестной истины, неизменного положения вещей, акцентирует форма глагола в сослагательном I наклонении (Subjunctive I) (*if that be the only criterion of its greatness*) в последующем придаточном предложении реального условия.

Собственно проекция в будущее осуществляется с помощью использования лексемы *predict* и модального слова *surely* в значении уверенности говорящего в том, что прогнозируемая ситуация рано или поздно (*sooner or later*) осуществится. На взгляд автора, употребление модального глагола *may* в значении предположения с определенной долей сомне-

ния (заметим, что *may* в данном контексте вряд ли транслирует значение возможности в будущем, поскольку прогноз конструируется здесь и сейчас) и хронографических маркеров неопределенно-фиксированного характера *sooner or later*, несколько противоречат уверенности автора в осуществлении действия и скорее транслируют его сформированное и «горячее» желание того, чтобы прогнозируемое состояние Российской империи превратилось в реальное: закат империи (*a perpetual sunset*), мрак (*darkness*), который навеки скроет ее в своих глубинах, упадок, потеря влияния, бессилие государства, вновь оформленные с использованием формы глагола в Future Simple (*will descend*) с ориентационными значениями «спускаться, сходить, опускаться, вести вниз».

Контекст 3. *The myriads that Russia is losing are the very hope, and strength, and wealth of her empire. She is losing those without whom her territory is useless and her nobles destitute. It is not mere men, but civilization, improvement, hope itself, she is throwing into the ditch. The fortune of Russia, her future is disappearing in this terrible ditch. On the grave of Russia at the extremity of her empire, at last will come a time when her weakness will be felt, and when no stimulus, no delirium, can postpone or disguise her utter prostration. When that which all fear is manifestly no more, when the giant is helpless, then every foe, without or within, whoever can rebel, invade, reclaim, rise again, divide, or spoil, will seize the opportunity. Who is there to warn Russia? Who is there that has not an interest in her destruction? / Несметное количество народа, которое теряет Россия, – это надежда, сила и богатство ее империи. Она теряет тех, без кого ее территория бесполезна, а ее дворяне обездолены. В эту черную дыру она бросает не просто людей, а цивилизацию, развитие, саму надежду. В этой страшной дыре исчезают судьба России и ее будущее. На могиле России, на самом краю ее империи наступит, наконец, час, когда все почувствуют ее слабость, когда ни судорожные конвульсии, ни испуганный бред, не смогут ни скрыть, ни оттянуть ее окончательное бессилие. Когда той, что все боятся, больше точно не будет, когда великан окажется беспомощен, тогда каждый враг внутри страны и за ее пределами, каждый, кто сможет восстать, захватить, предъявить права, вновь взяться за оружие, разделить и разграбить, воспользуется этой возможностью. Есть ли тот, кто предупредит Россию? Есть ли тот, кто не заинтересован в ее уничтожении? (The Times. 30.11.1855).*

В прогностическом контексте, репрезентирующем «мрачную» альтернативу развития России настоящего в будущее, востребована метафора *ditch* (ров, котлован, канава, дыра), в котором страна теряет свой народ и могущество, хоронит свое будущее, надежду на спасение, свою судьбу и саму себя. По сути, в метафоре «котлована», «ужасной черной дыры», использованной в начале текстового фрагмента, имплицитно заложены смыслы конца и смерти, которые затем развертываются на протяжении всего контекста, вербализуются на уровне прямых номинаций (*on the grave of*

Russia, her utter prostration, that which all fear is manifestly no more, her destruction) и акцентируются за счет иных дискурс-компонентов на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Презентные формы длительного вида акцентируют в настоящем признаки того, что моделируемая ситуация осуществится в будущем, подчеркивая континуальность, непрерывность действия, его направленность из настоящего в мрачное будущее (*Russia is losing, she is losing, she is throwing, the fortune of Russia, her future is disappearing*).

Будущее состояние России, выраженное презентными формами глагола в темпоральных придаточных предложениях (*When that which all fear is manifestly no more, when the giant is helpless, then every foe, without or within, whoever can rebel, invade, reclaim, rise again, divide, or spoil, will seize the opportunity*), с одной стороны, является фоном для развития основной ситуации, представленной с помощью формы Future Simple (*will seize*) – захвата и уничтожения России в случае ее полной беспомощности. С другой стороны, формы Present Simple в обстоятельственных придаточных времени выражают будущее с объективной модальностью, т. е. предположения о событиях будущего (о беспомощности государства и прекращении его существования) фактически являются запланированными действиями.

Парадоксальность моделируемой ситуации будущего состоит в бесилии великана (*when the giant is helpless*), предоставляющем единственную возможность справиться с ним, уничтожить, добив, а не убив в честном бою. В конструирование модели мрачного будущего включена морбиальная метафорика (*weakness, stimulus, delirium, utter prostration*), реализующая резерв отрицательной экспрессивности и интенсифицирующая смыслы предрешенности будущего.

Намеренная деформация структуры сентенционального знака посредством «синтаксической упаковки» содержания (термин У. Чейфа) повышает градус эмоциональной смысловой нагруженности дискурсивных единиц и текста в целом. Такими способами, в частности, являются следующие: а) *It is not mere men, but civilization, improvement, hope itself, she is throwing into the ditch*; б) *On the grave of Russia at the extremity of her empire, at last will come a time when her weakness will be felt, and when no stimulus, no delirium, can postpone or disguise her utter prostration*. (а) Использование усеченной эмфатической конструкции (*it is ... that*), ее распространение и обособление участвуют в реализации прагматической функции, подчеркивая смысловую нагрузку единиц, наполняющих ее. (б) Деформация структуры предложения: вынос обстоятельства места в абсолютное начало предложения и, как следствие, инвертированный порядок слов внутри предикативной синтагмы акцентируют отрицательный эмотивный потенциал метафоры *on the grave of Russia* (на могиле России).

Риторические вопросы в абсолютной концовке прогностического контекста являются итогом в рассуждениях о будущем России и подтал-

квивают реципиента к единственно возможному, верному ответу: *Who is there to warn Russia? Who is there that has not an interest in her destruction?* Использование риторических вопросов в прогностических экскурсах обусловлено их «направленностью в будущее» [Карасик 2002: 276], обращенностью к реципиенту, стремлением «направить мыслительные действия адресата по «раскрытию некоей политической тайны» по предложенной адресантом версии разгадки» [Шейгал 2004: 277]. Риторичность вопросов, напрямую зависимость от содержания прогностического контекста, проявляется на фоне всего объема анализируемого фрагмента, в котором в предельно заостренном виде репрезентирована мрачная альтернатива развития событий.

Таким образом, политический прогноз является эмотивным текстом, нацеленным не только на репрезентацию «светлых» и «мрачных» вариантов развития политической ситуации, но и на передачу эмоционального содержания прогноза, на воздействие на адресата при помощи продвижения образов будущих реальностей для достижения поставленной продуцентом текста цели.

Заключение

Прогностичность политического текста / его фрагмента объективируется путем использования разноуровневых средств ее языковой вербализации, ядерных и периферийных. К ядерным средствам выражения будущего в прогностическом политическом тексте относятся видовременные формы футурума. Ближнюю периферию составляют видовременные формы презенса. К дальней периферии относятся видовременные формы прошедшего времени, модальные глаголы, слова и выражения, формы императива и косвенных наклонений, обстоятельственно-временные маркеры будущего и другие лингвистические средства.

Основным дискурсивным компонентом, за счет которого достигается эмотивность политического прогноза, является метафора. Именно метафора организует прогностический контекст в формальном и смысловом планах, задавая тональность «прогностическому экскурсу» и возможность его развертывания в «светлом» или в «мрачном» ключе. Интенсификация светлых и мрачных сторон будущего достигается за счет обогащения смыслов, транслируемых метафорой, другими единицами контекста. Наличие проспективного компонента со знаком «плюс» или «минус» в значении метафоры предопределяет и отчасти регулирует выбор иных лингвистических средств, моделирующих будущее¹.

¹ Материалы работы прошли апробацию в рамках направления 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Теоретические положения использованы в ходе преподавания элективного курса «Дискурс» (тематика: «Политический дискурс как разновидность институционального дискурса», «Диахронические исследования дискурса», «Политическая метафора», «Дискурсивное время»). Иллюстративные примеры использованы для разработки заданий к семинарским занятиям по данной дисциплине.

Список литературы

- Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1973. 423 с.
- Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 1986. 159 с.
- Бруннер К. История английского языка. 20-е изд. М: Едиториал УРСС, 2003. 720 с.
- Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка: учебное пособие для вузов. 2-е изд., доп. и испр. М.: Астрель, 2002. 554 с.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
- Колтакова А.В. Future Continuous в системе средств выражения будущего времени в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2006. 191 с.
- Немирова Н.В. Прецедентность политического прогнозирования в газетном дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 148–155.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. / отв. ред. В.И. Борковский. М.: Просвещение, 1958–1985. Т. 4, вып. 2. Глагол. 1977. 406 с.
- Рахилина Е.В. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36. С. 274–323.
- Солопова О.А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI века) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 55–70.
- Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 606 с.
- Солопова О.А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 126–137.
- Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Шейгал Е.И. Категория прогностичности в политическом дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС-Пресс, 2000. Вып. 14. С. 77–83.
- Штеллинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учебное пособие. М.: МГИМО: ЧеРо, 1996. 254 с.
- Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. Л: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 194 с.
- Chudinov A.P., Solopova O.A. Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 200. P. 412–417.
- Murphy R. Grammar in Use: Reference and Practice for Intermediate Students of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 267 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. М.: Высшая школа, 1982. 391 p.

References

- Barkhudarov, L.S., Shteling, D.A. (1973), *Grammatika angliiskogo yazyka* [Grammar of the English language], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 423 p. (in Russian)
- Blokh, M.Ya. (1986), *Teoreticheskie osnovy grammatiki* [Theoretical foundations of grammar], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 159 p.
- Brunner, K. (2003), *Istoriya angliiskogo yazyka* [History of the English language], Moscow, Editorial URSS Publ., 720 p. (in Russian)
- Chudinov, A.P., Solopova, O.A. (2015), Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 200, pp. 412-417.
- Karasik V.I. (2002), *Yazyk social'nogo statusa* [Language of social status], Moscow, Gnozis Publ., 333 p. (in Russian)
- Kolpakova, A.V. (2006), *Future Continuous v sisteme sredstv vyrazheniya budushchego vremeni v sovremennom angliiskom yazyke* [Future Continuous in the system of means of expressing the future tense in modern English], Dissertation, Vologda, 191 p. (in Russian)
- Murphy, R. (1989), *Grammar in Use: Reference and Practice for Intermediate Students of English*, Cambridge University Press, 267 p.
- Nemirova, N.V. (2015), Precedentnost' politicheskogo prognozirovaniya v gazetnom diskurse [Precedent phenomena of political forecasting in media discourse]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], No. 3 (53), pp. 148-155. (in Russian)
- Peshkovskii A.M. (2001), *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in science], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 544 p. (in Russian)
- Potebnya, A.A. (1977), *Iz zapisok po russkoj grammatike* [Notes on Russian grammar], in 4 volumes, Moscow, Prosveshchenie Publ., Vol 4, iss. 2. Verb, 406 p. (in Russian)
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1982), *A University Grammar of English*, Moscow, Vysshaya shkola Publ., 391 p.
- Rakhilina, E.V. (1998), Kognitivnaya lingvistika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive linguistics: history, scholars, ideas, results]. *Semiotika i Informatica* [Semiotics and Informatics], Iss. 36, pp. 274-323. (in Russian)
- Sheigal, E.I. (2004), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], Moscow, Gnozis Publ., 326 p. (in Russian)
- Sheigal, E.I. (2000), Kategoriya prognostichnosti v politicheskom diskurse [The category of prognosticating in political discourse]. Krasnyh, V.V., Izotov, A.I. (Eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication], collection of papers, Moscow, MAKS-Press Publ., Iss. 14, pp. 77-83. (in Russian)
- Shteling, D.A. (1996), *Grammaticheskaya semantika angliiskogo yazyka. Faktor cheloveka v yazyke* [Grammatical semantics of the English language. Human factor in language], Moscow, MGIMO University Publ., CheRo Publ., 254 p. (in Russian)
- Solopova, O.A. (2017), Metafora v modelirovanii budushchego: 'svetlyi' stsennarii (na materiale prognosticheskikh tekstov o Rossii otechestvennogo, amerikanskogo i britanskogo politicheskikh diskursov XIX veka) [Metaphor in modeling the future: the best-case scenario (based on political discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univer-*

- siteta. Filologija [Tomsk State University Bulletin. Philology]*, No. 46, pp. 55-70. (in Russian)
- Solopova, O.A. (2016), *Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noe issledovanie modelei budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SSHA i Velikobritanii XIX v. (1855-1881) i XIX v. (2000-2014) [Linguistic political prognostics: a comparative study of models of Russia's future in the political discourses of Russia, the USA and the UK of the 19th century (1855-1881) and the 21st century (2000-2014)]*, Dissertation, Yekaterinburg, 606 p. (in Russian)
- Solopova, O.A. (2014), *Rossiya v Evrope: budushchee v metaforicheskom zerkale proshlogo [Russia in Europe: the future in the metaphorical mirror of the past]. Problemy kognitivnoi lingvistiki [Challenges of Cognitive linguistics]*, No. 3, pp. 126-137. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2012), *Osnovy rechevogo vozdeistviya [Fundamentals of speech influence]*, Voronezh, Istoki Publ., 178 p. (in Russian)
- Veikhman, G.A. (2002), *Novoe v grammatike sovremennogo angliiskogo yazyka [New in modern English grammar]*, Moscow, Astrel' Publ., 554 p. (in Russian)
- Yartseva, V.N. (1960), *Istoricheskaya morfologiya angliiskogo yazyka [Historical morphology of the English language]*, Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ., 194 p. (in Russian)

EMOTIVE POTENTIAL OF POLITICAL FORECAST (BASED ON BRITISH POLITICAL DISCOURSE OF THE 19th CENTURY)

O.A. Solopova¹, M.B. Voroshilova²

¹ South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)

² Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Abstract: The problem the authors of the article dwell upon is political forecasting. Any political forecast is aimed not only at representing the best-case scenario and the worst-case scenario of the political situation development, but also at conveying the emotional content of the forecast, as well as at influencing the addressee by manipulating with images of the future to achieve the ultimate goal of the producer of the text. Study material is represented by texts of nineteenth century British political discourse about the future of the Russian Empire. Complex of research methods includes method of metaphorical modelling, cognitive-discourse analysis, retrospective analysis, elements of diachronic comparison. The article provides with an overview of the different levels of linguistic tools used in predictive text (future, present and past tense of the verb in indicative mood; modal verbs, expressions, words; forms of the imperative and oblique moods, adverbial markers of the future). The authors emphasize the key role of political metaphor in formal and semantic organization of predictive text, proving that presence of prospective positive or negative component in the meaning of metaphor partly predetermines and regulates the choice of other linguistic means, simulating the future. As context examples there are fragments of predictive texts that represent

the grim alternative of state development, nuclear unit of which is a metaphor of inanimate nature.

Key words: political discourse, future, category of prognosticating, prognostic political text, metaphor.

For citation:

Solopova, O.A., Voroshilova, M.B. (2018), Emotive potential of political forecast (based on British political discourse of the 19th century). *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 141-156. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.141-156. (in Russian)

About the authors:

Solopova Olga Alexandrovna, Prof.

Voroshilova Maria Borisovna, Dr.

Corresponding authors:

¹ Postal address: 76, Lenina ul., Chelyabinsk, 454080, Russia

² Postal address: 26, Kosmonavtov pr., Yekaterinburg, 620017, Russia

¹ E-mail: o-solopova@bk.ru

² E-mail: shinkari@mail.ru

Acknowledgements:

The research is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project No. 16-18-02102

Received: April 28, 2018

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В ТРУДАХ о. ИАКИНФА (БИЧУРИНА)

Чэнь Пэйцзюнь

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Дается описание некоторых способов лингвистического комментирования, которые использует Н.Я. Бичурин (отец Иакинф) в своих этнографических трудах о Китае: этимологизации ключевых слов (например, *шаман* в статье «О шаманстве»), критических замечаний переводоведческого характера (например, по поводу неверных переводов иероглифа «бо» (百)), толкования экзотических и непонятных для русского читателя слов (например, синонимов с общим значением «подношение») и выражений китайского языка, кириллической транслитерации ряда слов китайского языка. Особое внимание уделяется комментариям о собственных именах китайских императоров неверному, по мнению Бичурина, их написанию и графическому выражению в ранних западноевропейских переводах. Отмечается большой интерес Бичурина к истории и особенностям китайского языка, китайской культуры в целом. Подчеркивается энциклопедический подход к описанию явлений материальной культуры и быта, традиционно относящихся к предмету этнографии. Лингвистическое комментирование различного типа квалифицируется как один из элементов уникального идиостиля Н.Я. Бичурина, первого синолога России, широко известного во всем мире и активно изучаемого в современном Китае.

Ключевые слова: научный стиль XIX в., этнографическая литература, китайский язык, лингвистическое комментирование, идиостиль.

Для цитирования:

Чэнь Пэйцзюнь. Лингвистическое комментирование как один из способов этнографического описания в трудах о. Иакинфа (Бичурина) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 157–164. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.157-164.

Сведения об авторе:

Чэнь Пэйцзюнь, аспирант кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: liliachen@yandex.ru

Дата поступления статьи: 26.02.2018

Уникальный ученый-этнограф, священник и просветитель, глава девятой Русской духовной миссии в Китае (1808–1821) Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) (1777–1853), оставил заметный след не только в русской этнографической науке XIX в., но и послужил становлению языка русского научного стиля, «русской учености», которая, по словам А.С. Пушкина, к тому времени «еще по-русски не изъяснялась» [Тарланов 2017: 7].

Отец Иакинф – автор более 70 работ о Китае, в которых он в полной мере охарактеризовал жизнь и быт многих народов, его населяющих, проявив при этом немалую изобретательность по способам подачи информации (см.: [Денисов 2007]). Очевидно, что помимо объективного и полного описания жизни и быта Китая (цель всякого этнографического сочинения), Бичурину было важно поделиться с читателем своим искренним и глубоким уважением к великой и древней культуре Китая. Его биограф Н. Адоратский писал об этом так: «Основавшись в Пекине, о. Иакинф поставил задачей своею как можно основательнее ознакомиться с неведомой страной и ее литературой, и в 13 лет так изучил ее, так сроднился с ней, так полюбил, что, по словам знавших его, сам сделался похожим на китайца по внешнему виду»¹.

Одним из способов научного описания жизни Китая явились обширные, собственно лингвистические по своей сути, комментарии Н.Я. Бичурина по поводу тех или иных замечаний этнографического свойства.

На материале его сборника «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»², который объединяет статьи различного жанра и на различные темы, отметим ряд лингвистических комментариев, из которых наиболее очевидны следующие: стремление к этимологизации ключевых слов, переводоведческие замечания, толкование значимых, по мнению Н.Я. Бичурина, слов и выражений китайского языка, попытка повсеместной их транслитерации в кириллические символы. Покажем на примерах некоторые из них.

1. Стремление к этимологизации слов. Для более глубокого проникновения в суть описываемых явлений отцу Иакинфу было важно продемонстрировать происхождение наименования, это явление обозначающего. Так, в статье «О шаманстве» он указывает: *...мы называемъ ее ша-*

¹ Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин (Исторический этюд) // Православный собеседник. 1886. № 1. С. 168.

² Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1840. 442 с. Далее текстовые иллюстрации будут приводиться по этому изданию с указанием номера цитируемой страницы в круглых скобках.

манствамъ отъ слова шаманъ, заимствованнаго отъ тунгузскаго слова саманъ, которое означаетъ человекъ, соединяющаго въ себѣ качества жреца, врача и волхва (316). В другой статье, описывая китайскую одежду, отец Иакиф замечает: *Курма Гуа-цзы есть верхній полукафтанъ, названный такъ съ маньчжускаго слова Курумэ* (274) и под. Подобных «этимологических» заметок в работах Бичурина достаточно; такими комментариями Бичурин словно подчеркивает внутреннюю логику развития культуры древнего народа, справедливо полагая, что в языке сохраняются и отпечатываются мировоззренческие обусловленности и «когнитивные цепочки» этого долгого процесса (см.: [Колесов 2004]).

2. Лексико-семантический анализ наименования при переводе иероглифа «бо» (百). Большой знаток китайского языка и других наречий тогдашнего Китая, Н.Я. Бичурин повсеместно исправляет допущенные его предшественниками ошибочные переводы китайских слов, выражений, обозначаемых, как известно, иероглифами. Так, указывая на ошибочность понимания некоторыми европейскими исследователями иероглифа «бо», отец Иакинф (говоря современным языком лингвистики) пытается дать не только лексико-семантический анализ переводной лексемы, но и дополняет лексическое значение слова культурным значением [Хроленко 2010: 52], указывая историческую обусловленность слова и социальной реалии: *Въ Китаѣ всѣ прозванія собраны въ одну учебную книжку подъ названіемъ Бо-цзя-синъ, что зн. прозванія ста семействъ. Отсюда Европейскіе Ориенталисты вывели, что Китайскій народъ первоначально состоялъ не болѣе какъ изъ ста семействъ. Названіе сей книжки относится къ XI вѣку по Р. Х. и слово сто означаетъ только множеств. собир. число; напр. сотни, тысячи и пр.* (151).

При описании здания *Жертвенника Изобрѣтателю земледѣлія, Сянь-нунь-тханъ*, отец Иакинф уточняет значение выбранного им слова «жертвенник». *Слово "жертвенникъ" имѣетъ здѣсь два значенія: въ тѣсномъ смыслѣ значитъ возвышенное мѣсто, устроенное для приношенія жертвъ; въ пространномъ смыслѣ означаетъ всѣ зданія принадлежащія къ жертвеннику и обнесенныя стѣною* (182). Заметим, что Бичурин использует популярные в лингвистических штудиях начала XIX в. термины «тесное» и «пространное» в значениях, соответствующих современному – «узкое» и «широкое».

Излагая систему мировосприятия китайцев, отец Иакинф объясняет, каково лексико-семантическое наполнение слова и понятия «природа» у китайцев: *Китайцы подъ природою разумѣютъ свойства вещей и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи* (398).

Он часто пытается указать омонимичные лексические значения. *Подъ изложеніями разумѣются: 1) поздравительные адреса Государю отъ чиновниковъ; 2) описаніе заслугъ, оказанныхъ Князьями царствующаго Дома и 3) некрологіи Монгольскихъ и Туркистанскихъ князей* (113).

3. Трактовка лексического значения иероглифического слова-знака в диахронии. Показательный пример: при разъяснении трудностей политического сближения европейских стран с китайским правительством отец Иакинф прежде всего считает необходимым объяснить значения иероглифов «гунъ» и «бiао», обозначающих разные виды дани и подарков, обязательных в ритуале политических переговоров. В разные исторические периоды европейские посланники своих государств не утруждали себя изучением культуры и языка китайцев (см.: [Хрисанфова 2013]), поэтому, по мнению Бичурина, часто попадали в затруднительное положение. Он пишет: *Въ дипломатическомъ языкѣ китайскаго Двора дань называется гунъ, поздравительный адресъ бiао. <...> Побѣдителемъ остался Цинь-ши-хуанъ. <...> Съ измѣненіемъ образа правленія, онъ измѣнилъ и значеніе дани. <...> Съ сего времени слову гунъ дано положительное значеніе, съ одной стороны тѣснѣе, а съ другой обширнѣе прежняго. Всѣ мѣстныя произведенія, покупаемыя въ губерніяхъ для Двора; всѣ рѣдкія произведенія искусства, въ новый годъ подносимыя Богдахану отъ начальниковъ губерній, носятъ общее названіе гунъ. Дары, привозимыя Китайскому Двору посланниками иностранныхъ державъ, не могутъ быть приняты иначе, какъ подъ названіемъ гунъ...* (146). Иными словами, синонимы обыденного языка имеют иное – ритуальное и даже политическое – значение в языке дипломатии Китая [Вотинцева 2014], на что и указывает этот обширный историко-культурный комментарий Бичурина к двум словам с общим значением ‘подношение’. Таких замечаний в работах о. Иакинфа достаточно много.

4. Переводоведческие комментарии. Отец Иакинф часто использует сугубо переводческие комментарии [Комиссаров 1990] в этнографических работах о Китае. Во-первых, он решительно исправляет ошибки, допускаемые русскими переводчиками китайских имен собственных, и часто предлагает свои решения и свои переводы, при этом снабжая их обширными лингвистическими пояснениями. *Русскіе синологи, по привычкѣ измѣняютъ иностранныя собственныя имена, еще не замѣтили, что въ русскомъ языкѣ въ отношеніи къ китайскому конечныя приставки могутъ своею сбивчивостію затруднять иностранныхъ переводчиковъ и даже вводить ихъ въ погрѣшности, что уже и случалось. И такъ кто желаетъ заниматься китайскою словесностію не для себя, а для ученаго свѣта, тому необходимо сообразоваться съ общепринятымъ въ Европѣ правиломъ по сему предмету – даже для одного избѣжанія странности: ибо нынѣ упражненіе въ китайской словесности сдѣлалось общимъ въ цѣлой Европѣ* (8).

Выступает он и с осуждением европейского опыта переводить имена китайских императоров сообразно именам европейских государей, что приводит к путанице в наименованиях императора Китая и его правления. *Сіе вообще употребленіе наименованіе правленій ввело первопривык-*

шихъ въ Китай Европейцевъ въ обманъ принять оныя за собственныя имена государей. Не упражнявшись еще въ китайской словесности, они не могли предвидѣть той запутанности, какую въ послѣдствіи встрѣтили при переводѣ сихъ именъ... Нынѣ, при умноженіи переводовъ съ Китайскаго языка, необходимость заставляетъ исправить сію погрѣшность, и, сообразуясь съ правиломъ, принятымъ въ Китаѣ, называть государей тѣми именами, подѣ которыми они извѣстны въ имперіи, а наименованіями правленій означать только порядокъ времени, присовокупляя, для ясности, къ ихъ лѣтосчисленію и годы христіанской эры (137). В современной лингвистике такой комментарий с легкостью мог бы быть отнесен к заметкам лингвокультурологического порядка (см., напр.: [Воробьев 1997]), однако Н.Я. Бичурин считал, что в этнографических описаниях необходимо прибегать к языковым заметкам, поскольку «в языке много ясности скрыто».

5. Транслитерация китайских иероглифов на кириллице. Стремясь представить российскому научному сообществу китайские наименования особых для этой страны реалий в максимально близком к изначальному звучанию виде, о. Иакинф неустанно дает русскую транслитерацию китайских символов: *Эта кашица отъ – слова – въ – слово называется ла-бпа-чжу* (237). *Въ первомъ разрядѣ поставлены Училища Общественныя или Народныя И-сю; во второмъ Уѣздныя Сянь-сю, въ третьемъ Губернскія Шу-юань* (35).

Любопытно отметить, что владение несколькими европейскими языками позволяет о. Иакинфу одновременно транслитерировать иероглиф в символах других европейских языков: *На такомъ же основаніи въ Кантонѣ при открытіи торговаго съ Европейцами постановлено 13 старшимъ (которые съ Англійскаго языка вмѣсто Хинъ переводятъ у насъ Хонгъ, Гонгъ и Когонгъ)* (344). При описании губернии Китая Сань-си (山西), для различения названия другой губернии, транслитерация которой на кириллице идентична, но имеет отличную интонацию, он в сноске пишет: *Она же и Шань-си, потому что звукъ Шань произносится и Сань. Послѣдній выговоръ употребленъ мною для отличенія сей губерніи отъ другой губерніи, называемой Шань-си. Различіе заключается въ удареніи* (11).

6. Толкование слов и выражений. Этот тип лингвистического комментирования – наиболее частый в трудах о. Иакинфа (об этом см.: [Чэнь Пэйцзюнь 2017]). Основные способы толкования, применяемые Бичуриным, следующие: описательный метод, метод сравнения, перечислительный метод, отрицательный метод, метод приведения близкого эквивалента из других европейских языков (в случаях, когда в русском языке этого эквивалента не находилось).

Рассмотренные способы предоставления этнографической информации (наряду с другими) демонстрируют специфику научного стиля Н.Я. Бичурина, человека чрезвычайно талантливого и просвещенного,

ярчайшего представителя русской науки и одного из творцов научного стиля нач. XIX в., по крайней мере, – в области этнографической науки.

В этом смысле изучение идиостиля отдельного автора как проявления объективных и субъективных оснований развития русского научного стиля представляется нам проблемой, заслуживающей внимания и имеющей несомненные перспективы для исследования.

Список литературы

- Воробьев В.В. Культурология (теория и методы). М.: РУДН, 1997. 331 с.
- Вотинцева К.А. Культурная дипломатия Китая // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8065> (дата обращения: 11.01.2018).
- Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары: Чуваш. книж. Изд-во, 2007. 334 с.
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Тарланов З.К. Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 275 с.
- Хрисанфова Д.В. Традиционная дипломатия Китая: вчера и сегодня: [доклад, представленный на конф. «Международные отношения в Центральной Азии: история и современность» (Барнаул, 2013)]. URL: http://hist.asu.ru/sites/default/files/webform/hrisanfova_0.docx (дата обращения: 23.02.2018).
- Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику. М.: Флинта: Наука, 2010. 192 с.
- Чэнь Пэйцзюнь. Глоссы в сочинениях Н.Я. Бичурина как способ этнографического описания Китая // Лексикология. Лексикография: (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика: сб. ст. по материалам XLVI Междунар. филол. конф. / отв. ред. Т.С. Садова, О.В. Васильева, Л.Н. Донина. СПб.: ВВМ, 2017. С. 66–70.

References

- Chen', P. (2017), Glossy v sochineniyakh N.Ya. Bichurina kak sposob etnograficheskogo opisaniya Kitaya [Glosses in the writings of N.Ya. Bichurin as a method of ethnographic description of China]. Sadova, T.S, Vasil'eva, O.V., Donina, L.N. (Eds.) *Leksikologija. Leksikografija: (russko-slavjanskij tsikl). Russkaja dialektologija. Kognitivnaja lingvistika* [Lexicography: (Russian-Slavic cycle). Russian dialectology. Cognitive Linguistics], Proceedings of the 46th International Philological Conference, St. Petersburg, VVM Publ., pp. 66-70. (in Russian)
- Denisov, P.V. (2007), *Slovo o monakhe Iakinfe Bichurine* [About the monk Iakinfe Bichurin], Cheboksary, Chuvash Publishing House, 334 p. (in Russian)
- Kolesov, V.V. (2004), *Iazyk i mentalnost* [Language and mentality], St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies Publ., 240 p. (in Russian)
- Komissarov, V.N. (1990), *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)], Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 253 p. (in Russian)

- Khrisanfova, D.V. (2013), *Traditsionnaia diplomatiia Kitaia: vchera i segodnia* [Traditional Chinese diplomacy: yesterday and today], available at: http://hist.asu.ru/sites/default/files/webform/hrisanfova_0.docx (accessed date: February 23, 2018). (in Russian)
- Khrolenko, A.T. (2010), *Vvedenie v lingvofolkloristiku* [Introduction to linguistic folklore studies], Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 192 p. (in Russian)
- Tarlanov, Z.K. (2017), *Russkii literaturnyi yazyk pushkinskogo perioda: stanovlenie kritiko-publitsisticheskogo stilya* [Russian literary language of the Pushkin period: the formation of the critical-journalistic style], Petrozavodsk, PetrSU Publ., 275 p. (in Russian)
- Vorobev, V.V. (1997), *Kul'turologiia (teoriia i metody)* [Culturology (theory and methods)], Moscow, RUDN Publ., 331 p. (in Russian)
- Votintseva K.A. (2014), *Kul'turnaia diplomatiya Kitaya* [Cultural Diplomacy of China]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia* [Humanitarian research], No. 11, available at: <http://human.snauka.ru/2014/11/8065> (accessed date: January 11, 2018). (in Russian)

**LINGUISTIC COMMENTING
AS A WAY OF ETHNOGRAPHIC DESCRIPTIONS
IN THE WORKS OF Fr. IAKINF (BICHURIN)**

Chen Peijun

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article is devoted to the description of several methods of linguistic comments, which are used by N.Ya. Bichurin (Fr. Iakinf) in his ethnographic works about China. It is pointed out that N.Ya. Bichurin uses various methods of linguistic comments: etymologization of the key words (for example, word “shaman” in the article “On Shamanism”), critical remarks of the translation nature (for example, the wrong translation of Chinese character “Bo” (百)), the interpretation of the words and expressions of Chinese language that are exotic and incomprehensible to the Russian reader (for example, synonyms with the general meaning of “offering”) and the Cyrillic transliteration of Chinese words. Particular attention is paid to review on proper names of Chinese emperors and their spelling and graphic expression in the early Western translations which Bichurin considers to be wrong. The article notes Bichurin's great interest in the history and peculiarities of the Chinese language, which he often cites in ethnographic works. An encyclopedic approach to describing the phenomena of material culture and the way of life, traditionally related to the subject of ethnography, is emphasized. Linguistic comments of various types are qualified as one of the elements of N.Ya. Bichurin's unique individual style, the first sinologist of Russia, widely known throughout the world and actively studied in modern China.

Key words: scientific style of the 19th century, ethnographic literature, Chinese language, linguistic comment, indivisible style.

For citation:

Chen Peijun (2018), Linguistic commenting as a way of ethnographic descriptions in the works of Fr. Iakinf (Bichurin). *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 157-164. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.157-164. (in Russian)

About the author:

Chen Peijun, post-graduate student of the Russian Language Department

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: liliachen@yandex.ru

Received: February 26, 2018

СПЕЦИФИКА РЕПЛИКИ КАК ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Е.В. Шашкова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Исследуются жанровые особенности реплики (на примере аналитической передачи «Реплика» на телеканале «Россия-24»). Демонстрируется уникальность реплики как жанра журналистской деятельности, решаются следующие задачи: изучение имеющихся теоретических материалов, посвященных реплике; определение места реплики в современной системе жанров; выявление жанрово-тематических и композиционных особенностей реплики; выяснение роли автора в данном жанре. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью специфики реплики как жанра журналистики, несмотря на его распространенность. Эмпирическим материалом исследования послужили 511 выпусков телепрограммы «Реплика» на канале «Россия-24», вышедшие в эфир в период с 10 февраля 2015 г. по 31 декабря 2016 г. Теоретической основой исследования стали работы М.И. Шостака, А.А. Тертычного. Методологическая основа исследования: сравнительный метод, метод классификации, исторический метод, типологический метод, метод контент-анализа. Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке пособий для начинающих журналистов по работе с репликой как жанром журналистской деятельности. В работе были проанализированы композиционные и структурные особенности жанра реплики, специфика работы спикера с аудиторией, своеобразие информационных поводов. Рассмотрены исторические предпосылки появления реплики как жанра журналистской деятельности, объяснены причины актуальности и популярности этого жанра в современных СМИ.

Ключевые слова: жанр, реплика, информационный повод, спикер, оперативный комментарий, аналитическая журналистика.

Для цитирования:

Шашкова Е.В. Специфика реплики как жанра современного телевидения // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 165–176. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.165-176.

Сведения об авторе:

Шашкова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: shashkova-lenochka@list.ru

Дата поступления статьи: 05.06.2018

Определение реплики в журналистике имеет нечто общее со значением этого же слова в других областях человеческой деятельности. Это краткое возражение, выражение несогласия с кем-либо или чем-либо. Реплика в журналистской деятельности – «уникальное критическое выступление, чаще всего по поводу какого-либо негативного, отрицательного явления, замеченного журналистом» [Тертычный 2010: 120].

Реплика является достаточно распространенным жанром журналистики. Но анализ работ, посвященных вопросам развития и динамики становления реплики как жанра журналистики, выявил недостаточную научную разработку темы исследования.

В данной работе мы придерживались точки зрения М.И. Шостак, которая охарактеризовала реплику как «монотемный комментарий, отделенный от факта, носящий характер спонтанного отклика» [Шостак 1998: 55].

Если говорить об истории становления реплики как жанра журналистской деятельности, стоит отметить, что многие исследователи связывают ее со становлением информационных агентств в середине и конце XIX в. Следует также обозначить прямого предшественника реплики – глоссу, относящуюся к комментирующим жанрам публицистики. Глосса характеризуется сравнительно небольшим объемом, многообразием приемов, универсальностью тематики и сатирической направленностью [Лебедева 2012: 26–33].

Общие черты реплика – как жанр журналистской деятельности – имеет с репликой в драматургии, где она является возражением либо опровержением, при котором используется материал аргументов противника.

Стоит отметить, что реплика пользуется большой популярностью среди журналистов. Реплики печатают не только разные периодические издания. Востребован данный жанр на радио и на телевидении [Шостак 1999: 87]. Вспомним телевизионные передачи «Реплика» («Россия-24») и «Однако» (Первый канал), «Реплика» («Эхо Москвы»), «Взгляд Максима Кононенко» («Вести FM»), реплика Станислава Кучера («Коммерсант FM»), «Реплика» Андрея Норкина (радио «Комсомольская правда»).

Целью материалов данного жанра является попытка вызвать повышенную эмоциональную реакцию зрителя, читателя или слушателя, настроить его на определенный лад, ознакомить с какой-либо сложившейся ситуацией, либо представить конкретное, определенное мнение по освещаемому вопросу.

Реплика в СМИ – компетентное мнение человека, обладающего основательными знаниями, хорошо осведомлённого в какой-либо области. Подобного рода комментариев значительно облегчает аудитории выработку собственного мнения об актуальных событиях или проблемах [Колесниченко 2008: 125].

Фундаментальная черта реплики – субъективность. Она требует, чтобы ее произносил сам журналист, приложивший руку к созданию текста. Именно поэтому этот жанр журналистской деятельности отличает эмоциональный, выразительный, темпераментный тон. На комментаторе лежит обязанность убедить аудиторию – не только логикой аргументов, но и доказательной манерой разговора, особыми интонациями, уверенностью в себе, умением правильно подать материал. Выступлениям в подобном случае присуща определенная периодичность, и в этом качестве выступают одни и те же спикеры, хорошо знакомые аудитории [Bloor, Bloor 2007: 117].

Реплика в целом локальна по материалу, касается конкретной новости, определённого события, единичного факта. Если, например, спикер решил осветить проблему финансирования какого-либо вида спорта в стране, то он обязан сосредоточиться именно на этом вопросе. Иногда же реплика может представлять собой рассмотрение цепи взаимосвязанных событий. Так, спикер, затронувший проблемы финансирования футбола, может привести примеры рационального использования бюджета в области хоккея [Шостак 2017: 92].

Реплика – не абстрактное сообщение о каком-либо объекте, факте или происшествии, но – мнение, взгляд. Автор стремится не просто сообщить аудитории о каком-либо явлении нашей действительности, а стремится раскрыть его природу, указать, какое влияние окажет произошедшее событие на адресатов.

Определение места жанра «реплика» в существующей традиционной системе жанров отечественной журналистики стало главной сложностью для теоретиков. Одни исследователи характеризуют реплику как разновидность жанра «аналитический комментарий», другие относят к её жанрам оперативного комментирования, третьи – к жанру комментария. Некоторые исследователи также отмечали признаки реплики, из-за которых ее можно было бы отнести к колумнистике [Иванова 2009].

Мы в данной статье рассматриваем реплику как монотемный комментарий. Под монотемностью понимается то, что реплика привязана к какой-либо конкретной, определенной теме, опирается на один факт, событие или изречение. Спонтанный отклик же говорит о том, что реплика, безусловно, жанр оперативного комментирования, ведь «спонтанный» в данном контексте обозначает «эмоциональный, животрепещущий, актуальный».

Реплика сохраняет связь с фактом, но должна восприниматься и читаться как самостоятельное произведение, представляя собой эмо-

циональное и фрагментарное мнение. Реплика должна создавать эффект общения.

Реплика – жанр, подразумевающий обязательное наличие ярко выраженного аналитического начала, то есть искусства рассуждения, логики, анализа. К аналитической журналистике реплика близка и по своим функциям – она знакомит слушателя, зрителя, читателя с конкретным информационным поводом и помогает выработать на его счет собственное мнение. Автор же реплики в этом случае выступает в роли так называемого «лидера мнений» со своим персонифицированным авторским «я», которое в реплике выражено гораздо сильнее, чем в каком бы то ни было другом жанре.

Реплика – реакция на негативные, неправильные стороны какого-либо факта, события, которые привлекли внимание журналиста. Рассказывая о них, автор реплики всё же считает своей главной целью дать определенную оценку происходящему. Важными чертами реплики являются эмоциональность, критичность, пристрастность, заинтересованность в теме и изложении своего мнения по данному вопросу.

Как и в любом жанре аналитической журналистики, предметом рассмотрения реплики могут быть и отдельное событие, и процесс, содержащий в себе ряд событий, и ситуация, включающая как различные события, так и объединяющие их процессы во всем многообразии их взаимодействий [Тертычный 2000: 78]. В каком-то смысле реплика может помочь читателю сориентироваться в сложном и многогранном современном мире. Трудясь в этом жанре, журналист без посторонней помощи пытается осознать произошедшее и интерпретировать факты, пытается сопоставить причину и следствие, рассмотреть все возможные варианты развития событий, что позволяет разобраться в данном вопросе и аудитории.

Толчком к созданию реплики служит информационный повод – событие, которое может заинтересовать публику. В качестве информационного повода могут выступать различные актуальные события, случаи, происшествия, ситуации. Явление, заинтересовавшее журналиста в качестве повода для написания реплики, должно удовлетворять двум положениям. Во-первых, произошедшее событие должно быть негативным, из ряда вон выходящим. Во-вторых, степень общественной значимости явления должна быть велика [Щостак 2004: 48–50].

Создатели передачи «Реплика» на телеканале «Россия-24» обратились к «выступлению в кадре», «монологу в кадре» для определённого воздействия на аудиторию.

Выступающий (в данном случае – спикер выпуска передачи «Реплика») обращается к объективу телекамеры, мысленно представляя за ним сосредоточенную в пространстве, как правило, весьма многочисленную аудиторию. Человек, выступающий в кадре, должен привлекать зрителя своим общественным положением, родом деятельности, обладать

интересной, необычной информацией, иметь желание поделиться ею со зрителем.

Мы проанализировали основные жанрово-тематические особенности телевизионной передачи «Реплика» на телеканале «Россия-24». Всего просмотрено 511 выпуск передачи в период с 10 февраля 2015 г. по 31 декабря 2016 г. На основе проведенного анализа удалось выявить целевую установку телепередачи и ряд основных задач, стоящих перед ее ведущими.

Целевой установкой передачи «Реплика» на телеканале «Россия-24» является привлечение широкого общественного внимания к тем или иным негативным явлениям или проблемным ситуациям, возникшим в мире.

В соответствии с целевой установкой перед спикерами передачи стоит ряд задач. Во-первых, найти в информационном пространстве наиболее, по их мнению, резонансные негативные и проблемные явления действительности. Во-вторых, продумать композицию своего выступления и вектор обсуждения данной темы в своем выступлении. В-третьих, разработать структуру и оформление реплики, которые наиболее успешно и полноценно раскроют авторское мнение и легко будут восприняты аудиторией.

Данная телепередача является ответом на событие, попыткой сориентировать аудиторию в том или ином вопросе, указать на негативные, неправильные нюансы сложившейся ситуации. Передачу отличают глубокая степень рассуждения и анализа, твердая гражданская позиция спикеров, сильная степень заинтересованности в обсуждаемом вопросе, большая доля субъективности в оценке события.

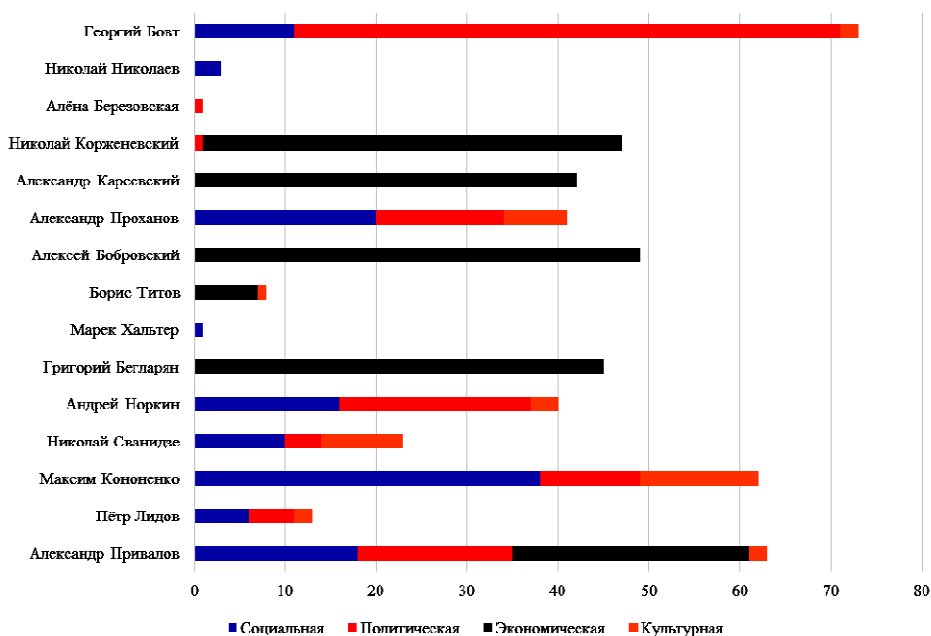
Для лучшего понимания концепции передачи стоит попытаться классифицировать ее выпуски по поднимаемым в них вопросам. Условно дифференцировать темы выпусков можно на четыре группы – политические, социальные, культурные и экономические.

Всего за время существования передачи свет увидели 511 выпусков. Они могут быть разделены на четыре группы с точки зрения тематики: социальная, политическая, экономическая, культурная. Тематика выступлений конкретных спикеров отражена на рисунке.

По результатам контент-анализа можно сделать следующие выводы. Большинство выпусков передачи «Реплика» на телеканале «Россия-24» были посвящены экономической тематике – 215. Затем идут выпуски, посвященные различным проблемам социума и взаимоотношениям в нем – 151, и выпуски, освещающие вопросы политики – 123. Выпусков, посвященных проблемам культуры, оказалось сравнительно немного – 39. Передача представляет собой краткие выпуски по 5–8 минут.

Выступления спикеров являются не импровизацией, а заранее подготовленным устным текстом. От неподготовленной устной речи он выгодно отличается отсутствием повторов мысли и слов, прерывистости, незаконченности фразы или предложения, непоследовательности изложе-

ния. Речь спикеров стройна и лаконична, композиционно оформлена, в ней отсутствуют стилистические и речевые ошибки. Как следствие, спикер доносит свои мысли до зрителя очень уверенно, веско, эмоционально и стройно, ему ничего не мешает завладеть вниманием аудитории, легко идти с ней на контакт. Благодаря этому у зрителя создается впечатление, словно комментатор обращается непосредственно к нему, делится именно с ним своими взглядами на какую-либо тему.

Тематика выступлений спикеров программы «Реплика»

Если же говорить о специфике работы журналиста, работающего в жанре реплики, то стоит выделить основные задачи, стоящие перед ним: сосредоточить внимание аудитории на значимых событиях, заявлениях, ситуациях; представить вниманию аудитории собственное видение произошедшего и дать субъективную трактовку случившемуся; обсудить перспективы завтрашнего дня ввиду произошедших событий; представить свою точку зрения по поводу того, как обсуждаемое событие может повлиять на общественную жизнь [McCombs 2004: 143].

Всех спикеров телепередачи «Реплика» на телеканале «Россия-24» отличает активная гражданская позиция, интерес к анализу и размышлениям над тем, что происходит сегодня в окружающем нас мире (Петр Лидов, Максим Кононенко, Александр Проханов, Николай Сванидзе, Андрей Норкин, Георгий Бовт и др.).

Самобытность и уникальность авторского взгляда ведущих телепередачи проявляется не только в названиях передачи и выборе тем, но и в

способе подаче информации. Например, Петр Лидов творчески подошел к созданию выпуска «Итоги года глазами Запада: что удалось, а что не очень», вышедшему в канун Рождества. Итоги года спикер подводил, обращаясь не к россиянам, а к воображаемым гражданам несуществующей страны под названием «Запад», от имени условного, авторитетного руководителя этого самого несуществующего государства. Для того чтобы лучше «вжиться» в образ, Петр Лидов прямо по ходу своего выступления облачился в строгий черный пиджак, как подобает руководителю государства. Изменил также спикер манеру речи и мимику, постаравшись соответствовать официально-деловому стилю речи, в которой подводятся итоги года. Неприкрытая ирония присутствовала в этом выпуске не только в виде перевоплощения предпринимателя и общественного деятеля в главу несуществующего государства, но и в видеоряде, предлагаемом зрителю. Под словами Петра Лидова о том, что «мы по-прежнему впереди планеты всей по уровню жизни и достатка граждан», зритель мог наблюдать огромные очереди беженцев на границах европейских стран, бездомных людей на улицах городов, столкновения граждан с полицией.

В телепередаче «Реплика» на канале «Россия-24», как и во всей современной журналистике, образ автора журналистского произведения велик. Авторы открыты перед аудиторией, выступают от собственного «я». Мы приходим к выводу, что в реплике как жанре журналистской деятельности, образ автора является основным жанрообразующим элементом.

Перед спикерами телепередачи «Реплика» стоит задача вовлечь аудиторию в изучение освещаемого события. Необходимо «заставить» зрителей выдвигать различные тезисы, формировать собственное мнение, размышлять над произошедшим, выносить собственные вердикты [Цвик 2004: 187].

Мировоззренческая установка может проявляться как в тематических пристрастиях журналиста, в выборе освещаемого объекта, так и в определении идейной направленности произведения. Например, в освещаемой нами телепередаче можно составить целый ряд спикеров, у которых есть свои излюбленные темы для выступлений. Николай Сванидзе тяготеет к вопросам культуры и истории; Григорий Бегларян – ответственный за новости рынка, экономики и курса валют; Георгий Бовт и Александр Привалов – приверженцы освещения внешнеполитической ситуации в мире.

У каждого автора телепередачи имеется свой собственный индивидуальный почерк. Например, в выступлениях Петра Лидова присутствует очень много эссеистики. Личные переживания и заинтересованность этого спикера проявляется в большей степени, чем в выступлениях других; мировоззрение, мысли и чувства автора здесь выражены гораздо ярче.

Стараниями спикеров передачи каждая из представленных ими новостей становится значительнее, весомей. О подобном методе работы

над журналистским материалом говорила в своей работе «Журналист и его произведение» М.И. Шостака: «Новость «заостряется» с помощью комментарийных ссылок, уточнения масштаба события, тщательной и целеустремленной обработки цифр и цитат, умело выстроенных заходов» [Шостака 1997: 60].

Каким именно образом спикеры телепередачи могут «заострить» новость? [Reinemann et al. 2012: 221]. Примером такого метода журналистской деятельности может служить выступление Петра Лидова «Одна система – две страны», где он говорит о столкновении автобуса с детьми, направлявшегося из Ханты-Мансийска в Нефтеюганск, с грузовиком, шедшим по встречной полосе. По предварительной версии следствия, в случившемся виноваты те, кто организовал поездку детей – автобус не был оборудован положенным в таких случаях образом. Дальше Петр Лидов высказывает свое мнение о неслучайности произошедшего, о регулярности подобных происшествий в нашей стране. Тем самым спикер «заостряет» проблему, показывая ее глубину, значимость, целенаправленно указывая на то, что это не единичный несчастный случай, а системная проблема, над которой нужно работать.

Поводы для создания реплики могут быть самыми разными – от всемирно известной популярной игры Pokémon Go до попытки военного переворота в Турции. Кто-то анализирует эпоху Дэвида Боуи, кто-то делится последними новостями с Донбасса, другого же больше занимает девальвация рубля. Также реплика, например, может являть собой некий ответ на высказывание, поступок или какое-либо иное действие политических лидеров. Реплика может брать на себя критику политической кампании или политической агитации, служить для развенчания имиджа политического деятеля. Подобного рода краткие комментарии страстны, односторонни, предвзяты. Комментатор волен выражаться на любую тему, которая так или иначе тронула его или заинтересовала. То, что их объединяет, – экстраординарность с точки зрения спикера событий, которые он решил осветить в своем выступлении. О чем бы ни шла речь в передаче, тема выпуска всегда будет актуальной и животрепещущей. Реплика всегда представляет собой реакцию на негативные стороны того или иного события, привлечшие внимание журналиста.

Передачу отличает оперативность. Например, реплика Георгия Бовта «Сколько стоит “совратить” ученого из Гарварда» увидела свет буквально на следующий день после того, как стали известны результаты исследования ученых из Сан-Франциско о влиянии сахара на здоровье человека.

Также отличительной чертой всех выпусков передачи «Реплика» на канале «Россия-24» является краткость изложения. Ведущие описывают проблему лаконично и немногословно, но информативно.

Акцент в каждом выступлении делается не на фактах и статистике, а на том, что является неправильным в сложившейся ситуации, как это повлияет на нашу жизнь и каковы возможные пути решения данной проблемы. Неотъемлемой частью любой реплики является прогнозирование, взгляд в будущее, попытка предугадать, к каким последствиям приведет освещаемое журналистом событие.

Так, в выпуске «Покемоны среди нас» Андрей Норкин сначала представляет краткую информацию о популярной игре, о ее создателях, о концепции дополненной реальности, стимуле быть более активным в реальном мире. Но затем спикер обозначает проблему, связанную с теми ситуациями, в которые попадали игроки Pokémon Go и которые не всегда были просто комичны, но в них имела место угроза жизни человеку или же игроками нарушались правила общественного поведения.

Что же касается структуры каждого выпуска передачи «Реплика», то большинство из них имеют схожее строение, определенную схему. Универсальное устройство большинства выпусков выглядит следующим образом. Сначала спикер представляет новость, о которой будет вестись беседа, тем самым вводя зрителя в курс дела, затем акцентирует внимание на том, что в данной новости показалось ему неправильным или неверным, странным, тем самым выражая свою точку зрения по данному вопросу. Неотъемлемой частью каждого выпуска является прогноз – ведущий предсказывает влияние произошедшего события на общественную жизнь в целом. По этому принципу, например, построен выпуск под названием «Одна система – две страны» Петра Лидова.

Реплика – уникальный жанр современной журналистской деятельности. Это эмоциональное, субъективное выражение оценочного суждения журналиста о каком-либо резонансном общественном событии. Основные особенности реплики как жанра журналистской деятельности: монотемность, критичность, информативность, лаконичность, субъективность и эмоциональность, наличие футурологического прогноза.

Реплика заслуженно занимает свое место в современной журналистике, пользуясь большим спросом в средствах массовой информации. Это универсальный, уникальный и самобытный жанр, представляющий интерес для журналистов большими возможностями для творчества и самовыражения.

Список литературы

- Иванова Л.В.* Реплика – жанр современной колумнистики // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (г. Тольятти, 16–19 апреля 2009 г.): правоотношения и юридическая ответственность. Тольятти: Волж. ун-т им. В.Н. Татищева, 2009. С. 162–170.
- Колесниченко А.В.* Практическая журналистика: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 200 с.

- Лебедева Т.В. Глосса выходит из тени // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2012. № 1–2. С. 26–33.
- Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. 352 с.
- Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
- Цвик В.Л. Телевизионная журналистика. История. Теория. Практика: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.
- Шостак М.И. Новостная журналистика. Новости прессы: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт. 2017. 237 с.
- Шостак М.И. В жанре реплики // Журналистика и медиарынок. 2004. № 10. С. 48–58.
- Шостак М.И. Аналитическая публицистика: методы и жанры: учебное пособие. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 1999. 189 с.
- Шостак М.И. Журналист и его произведение: практическое пособие. М.: Гендальф, 1998. 96 с.
- Шостак М.И. Оперативное комментирование // Журналист. 1997. № 12. С. 58–61.
- Bloor M., Bloor Th. *The Practice of Critical Discourse Analysis*. London: Hodder Arnold, 2007. 207 p.
- McCombs M. *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge: Polity Press, 2004. 184 с.
- Reinemann C., Stenyer J., Scherr S., Legnante G. Hard and soft news: A review of concepts, operationalizations and key findings // *Journalism*. 2012. Vol. 13, iss. 2. P. 221–239.

References

- Bloor, M., Bloor, Th. (2007), *The Practice of Critical Discourse Analysis*, London, Hodder Arnold Publ., 2007, 207 p.
- Ivanova, L.V. (2009), Replika – zhanr sovremennoi kolumnistiki [Utterance – the genre of modern columnists]. *Tatishchevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki* [Tatishchev Readings: Actual Problems of Science and Practice]. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference (Tolyatti, April 16-19, 2009), Tolyatti, Tatishcheva Volzhsky University Publ., pp. 162-170. (in Russian)
- Kolesnichenko, A.V. (2008), *Prakticheskaya zhurnalistika* [Practical journalism], Textbook, Moscow, Moscow University Publ., 200 p. (in Russian)
- Lebedeva, T.V. (2012), Glossa vykhodit iz teni [Voices emerges from the shadow]. *Aktsenty. Novoe v massovoi kommunikatsii* [Accents. Innovations in Mass Communication], No. 1-2, pp. 26-33. (in Russian)
- McCombs, M. (2004), *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*, Cambridge, Polity Press, 184 p.
- Reinemann, C., Stenyer, J., Scherr, S., Legnante, G. (2012), Hard and soft news: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism*, Vol. 13, Iss. 2, pp. 221-239.
- Shostak, M.I. (2017), *Novostnaya zhurnalistika. Novosti pressy* [News journalism. Press News], Textbook, Moscow, Yurait Publ., 237 p. (in Russian)

-
- Shostak, M.I. (2004), V zhanre repliki [In the genre of the replica]. *Zhurnalistika i mediarynok* [Journalism and media market], No. 10, pp. 48-58. (in Russian)
- Shostak, M.I. (1999), *Analiticheskaya publitsistika: metody i zhanry* [Analytical journalism: methods and genres], Textbook, Moscow, A.S. Griboedov IMPE Publ., 189 p. (in Russian)
- Shostak, M.I. (1998), *Zhurnalist i ego proizvedenie* [Journalist and his work], Manual, Moscow, Gendalf Publ., 96 p. (in Russian)
- Shostak, M.I. (1997), Operativnoe kommentirovanie [Quick commenting]. *Zhurnalist* [Journalist], No. 12, pp. 58-61. (in Russian)
- Tertychnyi, A.A. (2010), *Analiticheskaya zhurnalistika* [Analytical Journalism], Textbook, Moscow, Aspekt Press, 352 p. (in Russian)
- Tertychnyi, A.A. (2000), *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of periodicals], Textbook, Moscow, Aspekt Press, 312 p. (in Russian)
- Tsvick, V.L. (2004), *Televizionnaya zhurnalistika. Istoriya. Teoriya. Praktika* [Television Journalism. History. Theory. Practice], Textbook, Moscow, Aspekt Press, 382 p. (in Russian).
-

SPECIFIC FEATURES OF UTTERANCE AS A GENRE OF MODERN TELEVISION

E.V. Shashkova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: This article is devoted to studying genre features of utterance (for example, the analytical program ‘Replica’ on TV channel Russia-24). The purpose of this work: to analyze the genre features of utterance; to demonstrate the uniqueness of utterance as a genre of journalistic activity. Problematics of the study determined the formulation of the following tasks: to study the existing theoretical materials on utterance; determine the location of utterance in the modern system of genres; identify the genre, thematic and compositional features of utterance; to clarify the role of the author in this genre. Despite the fact that utterance is a common genre in journalism, there are not enough studies devoted to its specificity. It is this fact that estimates relevance of the study. Analysis of works devoted to the issues of development and dynamics of formation of utterance as a genre of journalism revealed the lack of scientific development of the research topic. The empiric material of the study consists of 511 episodes of the TV program ‘Replica’ on TV channel Russia 24 aired in the period from February 10, 2015 to December 31, 2016. Theoretical basis of research are the works of M.I. Shostak, A.A. Tertychny. Methodological basis of research is comparative method, classification method, historical method, typological method, the method of content analysis. The practical significance of the research is that the results can be used to develop guides for young journalists to work with utterance as a genre of journalistic activities. Compositional and structural features of utterance genre, specificity of speaker's work with the audience, originality of a newsbreak were analysed in this work. There were described historical background of utterance as genre of journalistic activity, explained reasons of relevance and popularity of such a genre in modern mass media.

Key words: genre, utterance, newsbreak, speaker, operational commentary, analytical journalism.

For citation:

Shashkova, E.V. (2018), Specific features of utterance as a genre of modern television. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 165-176. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.165-176. (in Russian)

About the author:

Shashkova Elena Viktorovna, Dr., Associate Professor of the Chair of Journalism and Medialinguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: shashkova-lenochka@list.ru

Received: June 5, 2018

Раздел III

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
РЕКЛАМЫ И СВЯЗЕЙ
С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ**

Part III

**COMMUNICATIVE PRACTICES
OF ADVERTISING AND PR**

УДК 659

DOI 10.25513/2413-6182.2018.4.179-192

ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКИХ PR-ПРАКТИКОВ НА PR, МАРКЕТИНГ И ИНТЕГРИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА 2017 г.)

А.Ф. Векслер

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

Аннотация: Исследуются представления современных российских PR-практиков о PR, маркетинге и интегрированных коммуникациях, определяется понимание сущности и границ их функций, интерпретация этих понятий, соотношение их «весовых категорий» в коммуникационной деятельности компании. Проводится исследование среди сотрудников PR-агентств и корпоративных PR-служб методом онлайн-анкетирования, на основании результатов которого ставится вопрос о необходимости более точного определения PR-деятельности и понимания ее определяющей функции в системе интегрированных коммуникаций, а также о потребности в дополнительных знаниях о сущности интегрированных коммуникаций и их стратегической роли в развитии корпоративного менеджмента – конвенция российских специалистов в данных вопросах будет способствовать дальнейшему прогрессу гуманитарных дисциплин и реальному проникновению научных теорий и концепций в практику.

Ключевые слова: связи с общественностью, маркетинг, интегрированные коммуникации, интегрированные маркетинговые коммуникации, исследование.

Для цитирования:

Векслер А.Ф. Взгляды российских PR-практиков на PR, маркетинг и интегрированные коммуникации (по результатам опроса 2017 г.) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 179–192. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.179-192.

Сведения об авторе:

Векслер Ася Филипповна, кандидат политических наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций

Контактная информация:

Почтовый адрес: 109028, Россия, Москва, Хитровский пер., 2/8

E-mail: aveksler@hse.ru

Дата поступления статьи: 27.06.2018

Несомненной особенностью постиндустриального общества являются не только стремительные изменения информационных технологий, но и важные перемены в базовых категориях, имеющих отношение к коммуникационной деятельности. Довольно быстро миновал период, когда корпоративные взаимодействия старались объединить термином «интегрированные маркетинговые коммуникации» (далее – ИМК). В середине 1990-х гг. появилась и прочно заняла свое место новая лексическая единица – «интегрированные коммуникации» (далее – ИК).

Т. Дункан и К. Кейвуд в 1996 г. впервые констатировали смену концепций и зафиксировали принадлежность ИМК более раннему, а ИК – более позднему и, соответственно, зрелому этапу развития социальных коммуникаций [Duncan, Caywood 1996].

В частности, А. Гронштедт называет главным стимулом этих изменений проблему нейминга и приводит в пример специалистов подразделения Saturn компании General Motors, которые, сумев включить в коммуникации и персонал, и партнеров, начали решать вопрос, как назвать эти процессы: «Маркетингом или PR? Отношениями с персоналом или работой с местным сообществом? Работой с клиентами или управление мероприятиями?» [Gronstedt 2000: 210]. Гронштедт утверждает, что выходом из этой ситуации стала новая категория – «интегрированные коммуникации».

Тем не менее смена парадигм не отменяет потребности в точном и адекватном терминологическом аппарате. И хотя, как отмечает Р. Крейг, «теория коммуникации пока не является областью согласованного знания» [Крейг 2003: 86], PR и маркетинг сохраняют и будут сохранять определенную независимость и автономность в рамках единой коммуникативной платформы в силу своих различных содержательных характеристик.

На наш взгляд, важно сформировать общую конвенцию по поводу областей деятельности PR и маркетинга. Чтобы при использовании этих категорий, наполнять их непротиворечивым смыслом. В настоящее время среди российских специалистов это является определенной проблемой, требующей исследования и анализа.

Исследование, которое автор провел среди представителей российского PR-сообщества, посвящено восприятию PR и маркетинга, уточнению мнения специалистов относительно сущности и границ функций двух социокультурных феноменов и локализации их в коммуникативной деятельности организации.

Исследование было организовано в форме онлайн-опроса (анкетирования), проводившегося в 2016–2017 гг. Анкеты распространялись на «Днях PR» в Москве, через PR-агентства, через группу «Пиарщики и маркетологи России», персонально – на личные почты PR-специалистов. Участие в опросе приняли 117 респондентов – представители PR-агентств и сотрудники PR-отделов коммерческих компаний, – из них 80 женщин и

37 мужчин. В общем числе респондентов 67 – в возрасте 22–35 лет, 36 – 36–45 лет, 13 – 46–60 лет, один участник – 70 лет. Абсолютное большинство, 100 человек, представляли Москву, пятеро – Санкт-Петербург, трое – Уфу, по двое – Нижний Новгород и Тверь, по одному – Воронеж, Киров, Новосибирск, Челябинск и Ярославль.

Автор ограничил свое исследование участниками российской PR-отрасли. В настоящее время оценить численность работающих в данной отрасли крайне сложно. Точной и даже приблизительной статистики нет. Поэтому оперировать можно только косвенными данными. Определение числа специалистов российской PR-отрасли затруднено еще и «размытостью» профессиональной сферы: нередко в число пиарщиков включают себя сотрудники digital- и event-компаний, пресс-секретари, блогеры, спичрайтеры, журналисты, маркетологи и т. д.

На вопрос анкеты: «В какой области Вы являетесь специалистом?» – 79 человек ответили «связи с общественностью» и «коммуникации» – стратегические, интегрированные, корпоративные, антикризисные, межкультурные; 15 человек – «маркетинг и реклама»; по 2 человека выбрали GR, организацию событий, журналистику, мониторинг; остальные – государственное управление, спонсоринг, менеджмент, диджитал.

Сферой своей деятельности 62 человека назвали PR (в том числе пресс-службу, GR, организацию событий, диджитал, спонсорство); 3 – рекламу и маркетинг; 22 человека в качестве «сферы деятельности» указали на конкретные области деятельности: строительство, фармацевтику, ритейл, энергетику, IT, банк, государственный сектор, медицинские услуги, интернет-магазин.

На первый исследовательский вопрос – **об определении PR** – было получено 115 ответов (в среднем отмечено три позиции) (рис. 1).

Большинство респондентов позиционирует PR в коммуникативной сфере и подчеркивают коммуникативную природу его отношений с обществом. Значительная часть участников опроса относит PR к инструментам (или процессам) воздействия – «управление общественным мнением».

Половина участников опроса позиционирует дисциплину в рамках «маркетинговой концепции PR», где связи с общественностью рассматриваются в качестве одного из компонентов комплекса маркетинговых коммуникаций (см.: [Harris 1993; Котлер 1996; Голубкова 2000; Почепцов 2004; Романов, Панько 2006; Синяева, Маслов, Синяев 2007]). Более чем каждый третий респондент отнес PR к сфере менеджмента. Аналогичное число сторонников у «инструментальной» стороны профессии («организация работы со СМИ»). Минимальное число респондентов считают PR «социальной наукой» и «научной дисциплиной».

Респонденты также дополнили предложенные им характеристики PR собственными: PR – это «управление отношениями компании со стратегическими аудиториями (группами стейкхолдеров)»; «развитие и управ-

ление отношениями компании со стратегическими партнерами»; «управление репутацией».

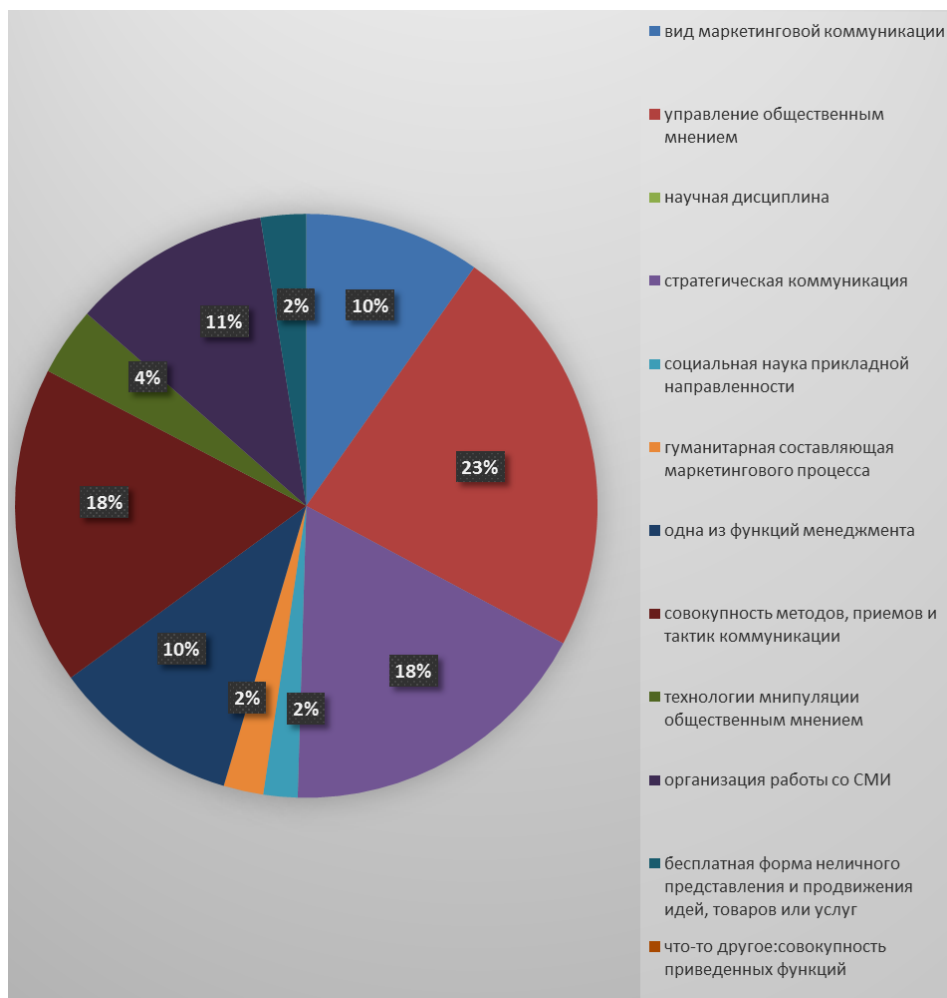

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Если бы вам пришлось дать определение PR, то что из перечисленного вы бы использовали?», %

На второй исследовательский вопрос – **о функциях PR** – получено 115 ответов (в среднем отмечено три позиции) (рис. 2).

Среди PR-функций наиболее распространенным выбором стали характеристики, в целом соответствующие современным определениям связей с общественностью. Значительное число респондентов указало на информационную функцию PR. Втрое меньше позиционируют PR в рамках маркетинговых коммуникаций. Аналогичное количество указало на функцию PR, связанную с управлением общественным мнением.

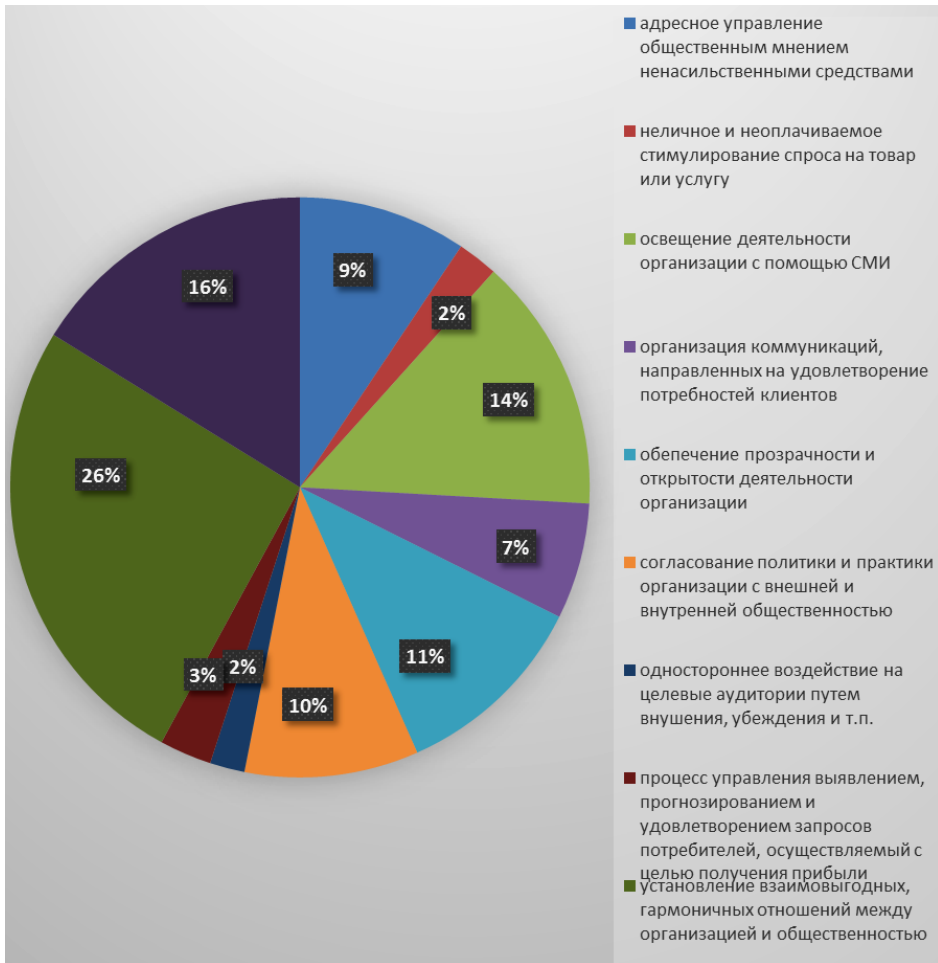

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из приведенных утверждений, на ваш взгляд, являются основными функциями PR?», %

На третий исследовательский вопрос – **о соотносительности маркетинга и PR** – было получено 112 ответов (в среднем отмечено две позиции). Кроме того, респонденты могли дать пояснения к своим ответам (рис. 3).

В этом вопросе варианты ответов формировались на основе моделей позиционирования маркетинга и PR, которые были предложены в Ф. Котлером и В. Миндэком [Kotler, Mindak 1978]. Авторы, определяя границы данных видов деятельности, предложили пять моделей их взаимоотношений:

- **Раздельные функции:** традиционный взгляд, говорящий, что маркетинг и PR различны в своих перспективах и мощностях.

- **Разные, но частично пересекающиеся функции:** точка зрения, состоящая в том, что маркетинг и PR являются важными, но раздельными функциями, имеющими сферы пересечения.

• **Маркетинг как доминирующая функция:** PR должен быть поставлен под контроль маркетинга компании.

• **PR как доминирующая функция:** PR контролирует маркетинг. общественных лидеров и других потребителей.

• **Маркетинг и PR как схожие функции:** маркетинг и PR – это одно и то же, обе функции базируются на единой концепции и методологии.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какое высказывание вы считаете более корректным?», %

Шестая позиция («PR и маркетинг – часть общего коммуникационного комплекса») добавлена в анкету автором исследования, ввиду того, что в период выхода статьи, в 1978 г., не существовало теорий интегрированных маркетинговых коммуникаций и интегрированных коммуникаций – они появились десятилетие спустя.

Большинство участников опроса считают PR и маркетинг частью общего коммуникационного комплекса. Наиболее точным комментарием к ответу может быть признан следующий: *В связи с появлением интернета и соцсетей формат получения и обработки информации потребителем стал более сложным и комплексным. Теперь PR и маркетинг работают в тесной связке. Оба направления так тесно переплетены и взаимозависимы, что в серьезных больших коммуникационных кампаниях невозможно выделить, что относится к PR, а что маркетингу.*

Второе место по числу ответов заняла оценка PR и маркетинга как разных, но взаимодействующих видов деятельности. В качестве аргумента можно привести следующий довод: *PR и маркетинг – это два самостоятельных, но дополняющих друг друга направления коммуникационного комплекса. Основные различия – бизнес-задачи каждой из функций, спо-*

события достижения результата (методология и инструментарий), чаще всего обе функции работают с разными аудиториями и по-разному формулируют ключевые сообщения и т. д.

Ответов о доминировании одного из направлений было немного, но маркетинг выбирался доминирующим видом деятельности в 6 раз чаще, чем PR (18 против 3). Вот типичное обоснование этого мнения: *Поскольку главный KPI бизнеса – прибыль, то пиар – одно из средств увеличения прибыли, т. е. часть маркетинга.* Сторонники «маркетингового лидерства» считают PR одним из инструментов маркетинга, наряду с рекламой, и полагают, что PR *вырос из маркетинга и способствует достижению общих маркетинговых целей.*

У незначительного числа сторонников позиции, что PR и маркетинг – разные, независимые друг от друга виды деятельности, следующий аргумент: *маркетинг направлен на продажи, увеличение прибыли. PR – на построение социальных и политических связей компании; обеспечение «лицензии на деятельность» от общества.*

Четвертый вопрос анкеты, на который было дано 33 ответа, касался той доли прибыли PR-агентств, которую создают конкретные рассматриваемые виды деятельности (рис. 4).

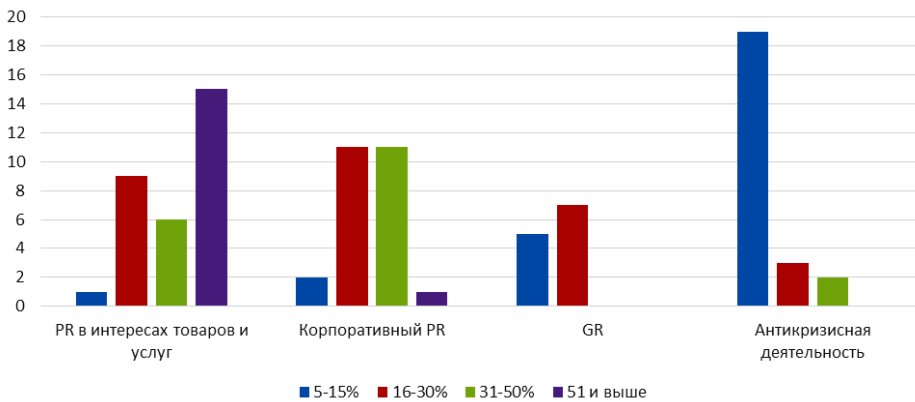

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Если вы работаете в PR-агентстве, какой (примерно) процент от общего объема прибыли создают указанные виды деятельности?», %

Респонденты назвали также дополнительные виды деятельности, приносящие прибыль PR-агентствам: управление проектами, организация мероприятий – 4 ответа; дизайн – 2; социология и коммуникации с редакциями СМИ – по 1.

Таким образом, можно сделать вывод, что PR-поддержка продаж и корпоративный PR лидируют в объеме прибыли российских PR-агентств, по мнению тех, кто ответил на данный вопрос.

Отвечая на открытый вопрос: **За что несут сегодня ответственность PR-специалисты, работающие в компаниях?** – почти каждый тре-

тий ответивший указал на digital и SMM. В более развернутых ответах было дано уточнение, что пиарщики должны работать с контентом сайтов и топовыми блогерами (Blogger Relations): *нужно уметь хорошо ориентироваться, какие из них подходят для твоей целевой аудитории, насколько «реально» количество их подписчиков*. Примерно каждый шестой ответивший выбрал «выстраивание отношений со СМИ» и «создание / поддержание имиджа / репутации». Еще меньшее число ответов собрали «управление кризисными коммуникациями», «стратегическое планирование и реализация стратегических целей», а также «продвижение товаров и услуг» и «брендинг (повышение лояльности к бренду)». Несколько респондентов указали на базовые цели PR-коммуникаций: *несет ответственность за этичность и прозрачность деятельности и ориентированность компании на установление двустороннего диалога со стратегическими аудиториями (стейкхолдерами) для обеспечения возможности долгосрочного и устойчивого развития компании*.

Часть респондентов отметила, что в современной PR-отрасли специалисту нужно быть мастером на все руки (Jack of all trades), приведя следующий аргумент: *чем больше он умеет в плане коммуникаций (SMM, антикризис, «классическая» PR-подготовка и т. д.), тем лучше. В ближайшей перспективе востребованность «узких» специалистов будет только падать*.

Отвечая на открытый вопрос: **За что несут сегодня ответственность специалисты по маркетингу, работающие в компаниях?** – более половины ответивших на этот вопрос респондентов (21 из 53) выбрали digital (варианты: интернет-маркетинг, таргетинг, CEO, SMM, цифровые технологии, нативная реклама). Для этой точки зрения характерен такой комментарий: *диджитал все еще не до конца освоен и предлагает все новые и новые возможности. На топовых позициях все более и более необходимы интеграторы, умеющие выстраивать тix-кампании, вовлекающие новые инструменты и каналы коммуникации*. Обязанности маркетолога в области бренд-менеджмент и продвижения товаров / услуг на рынке была отмечена в 13 ответах. «Продажи» и «прибыль» прозвучали в 12 ответах. Акцент на исследованиях рынка был сделан в 9 ответах: от исследования и анализа аудитории и заказчика, для построения концепции продвижения продукта и анализа конкурентов, исследования возможностей цифровой среды и работы с большими данными (умение обрабатывать и делать выводы, прогнозы).

Два ответа касались создания УТП: в FMCG – *формирование УТП для продуктов и услуг*.

Нашелся один респондент, который отметил, что маркетолог в компании – это Jack of all trades и отвечает: *За все!* *Не могу сказать за всех специалистов по маркетингу, но в нашей компании у отдела маркетинга очень большая зона ответственности: это и внутренние коммуникации (внутрикорпоративное издание, мероприятия и т. д.), и внешние: как с пря-*

мыми заказчиками, так и с дистрибьюторам (организация мероприятий, проведение специальных акций, организация технических обучений и т. д.). По 1–2 ответа набрали варианты: «автоматизация бизнес-процессов», «нестандартные подходы к работе», «стратегия», «клиентские коммуникации», «реклама» и «маркетинг 360°».

Ответ на вопрос: **Какой из двух терминов Вы считаете более корректным?** – дали все респонденты: 46 человек выбрали ИМК, 69 – ИК, а двое дали собственные комментарии: *зависит от контекста и я вообще не очень понимаю, зачем нужны эти термины.*

Следуя модели возможных взаимоотношений между PR и маркетингом (см.: [Kotler, Mindak 1978]), уточняющие вопросы о позиционировании PR и маркетинга в комплексе коммуникаций были заданы в аналогичной форме.

На вопрос: **Если Вы выбрали первый ответ (ИМК), то какое место занимает в ИМК PR?** – было дано 55 ответов. Из них 29 отдали PR интегрирующее место, 17 – подчиненное и 9 – главенствующее. Также было сделано несколько уточнений: дополняющее, поддерживающее; параллельная деятельность, взаимодополнение и взаимодействие; равнозначное по отношению к другим составляющим.

На вопрос: **Если Вы выбрали первый ответ (ИМК), то какое место занимает в ИМК маркетинг?** – было дано 43 ответа. Подчиненное выбрали 5 человек, интегрирующее – 12, 26 человек – главенствующее. Сделано было и несколько дополнений: стратегическое; общее направление, цели и задачи; параллельная деятельность, сотрудничество, взаимодополнение; равнозначное со всеми другими видами коммуникаций, отдельные виды актуализируются в зависимости от актуальности текущей задачи (кризис, внутренний кризис, и т. п.)

Вопрос: **Если Вы выбрали второй ответ (ИК), то какое место занимает в ИК PR?** – собрал 55 ответов. Из них главенствующее – у 17, а интегрирующее – у 38 респондентов. Здесь было и большое число комментариев: равноценное; взаимодополняющее; ИК – это более всеобъемлющее определение PR, включающее КСО и ВК; PR – часть интегрированных коммуникаций; глобализация, мобильный интернет, одновременная работа со многими заинтересованными сторонами сделали подходы и инструменты PR более востребованными, чем ИМК с их ориентацией только на потребителей; концепция ИМК – при всей гениальности ее создателей – сегодня глубоко устарела и проиграла набирающему силу подходу ИК.

На вопрос: **Если Вы выбрали второй ответ (ИК), то какое место занимает в ИК маркетинг?** – дано 53 ответа: интегрирующее выбрали 37 человек, главенствующее – 16. В комментариях значится: стратегическое; взаимодополняющее; вспомогательный инструмент; равноценное; относительно независимый трек деятельности; маркетинг решает задачи продвижения продуктов с расчетом на финансовые резуль-

таты; PR занимается вопросами репутации, как продукта, так и самой компании; маркетинговые коммуникации – часть интегрированных; не маркетинг, а маркетинговые коммуникации – один из элементов ИК.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что относительно определения PR мнения респондентов разделились на три группы: одна большая группа – за «управление общественным мнением» и две меньшей численностью – за «стратегическую коммуникацию» и «совокупность методов, приемов и тактик коммуникации». Также значительное число участников опроса воспринимают PR как неотъемлемую принадлежность маркетинга.

Важнейшей функцией PR подавляющее большинство респондентов считают «установление взаимовыгодных, гармоничных отношений между организацией и общественностью». В 2,5 меньше ответов набрали такие функции, как согласование политики и практики организации с внешней и внутренней общественностью и обеспечение прозрачности и открытости деятельности организации. Но, по сути, все три ответа отражают разные грани PR, в том числе в одном из его классических определений: «Public relations is a strategic communication process that builds mutually beneficial relationships between organizations and their publics»¹.

Второе место у информационной функции PR – создание информационных поводов и распространение информации с использованием разных каналов и освещение деятельности организации с помощью СМИ. Третье место «разделили» маркетинговая функция (неличное и неоплачиваемое стимулирование спроса на товар или услугу, организация коммуникаций, направленных на удовлетворение потребностей клиентов, процесс управления выявлением, прогнозированием и удовлетворением запросов потребителей, осуществляемый с целью получения прибыли) и функция PR, связанная с управлением общественным мнением.

Таким образом, с одной стороны, участники опроса в значительном большинстве своем являются сторонниками дискурса коммуникативно-управленческой концепции PR, где данная дисциплина является самостоятельной, автономной областью социального знания и социальной практики. Но, с другой стороны, среди респондентов немало приверженцев взгляда на PR как на коммуникационный элемент маркетингового комплекса.

Это может быть истолковано как столкновение конфликтующих ценностей ввиду отсутствия научной рефлексии по поводу используемых определений.

Это подтверждают и ответы на вопрос о соотношении и границах функций PR и маркетинга в коммуникативной деятельности компании. Большинство участников опроса считают PR и маркетинг частью общего коммуникационного комплекса, справедливо оценивая их как разные, но взаимодействующие виды деятельности. Несмотря на то, что таких отве-

¹ About Public Relations // Public Relations Society of America: official site. URL: <https://www.prsa.org/all-about-pr/>.

тов было незначительное число, маркетинг выбирали доминирующим видом деятельности в 6 раз чаще, чем PR.

Отвечая на вопрос о сфере ответственности специалистов по PR, работающих в компаниях, почти каждый третий ответивший написал о digital и SMM. На выстраивание отношений со СМИ и на создание / поддержание имиджа / репутации указал примерно каждый шестой; на управление кризисными коммуникациями – почти каждый восьмой ответивший.

Отвечая на вопрос о сфере ответственности специалистов по маркетингу, работающих в компаниях, более половины респондентов также указало на digital (варианты: интернет-маркетинг, таргетинг, SEO, SMM, цифровые технологии, нативная реклама). Работа маркетолога в области бренд-менеджмент и продвижения товаров / услуг на рынке была отмечена в каждом четвертом полученном ответе, аналогично – продажи и прибыль, а в каждом шестом акцент был сделан на исследованиях рынка.

Можно сделать вывод, что респонденты делают больший акцент на «инструментальные» особенности профессии, чем на их стратегические задачи.

Отвечая на вопрос о корректности одного из двух предложенных понятий, 46 человек выбрали ИМК, 69 – ИК.

В интегрирующих маркетинговых коммуникациях респонденты отдают роль интегратора связям с общественностью, а роль «руководителя» – маркетингу.

В определениях, связанных с интегрированными коммуникациями, мнение по поводу интегрирующей роли PR или маркетинга разделились почти поровну.

В результате можно отметить, что практики, работающие в сфере коммуникаций, уже уверенно позиционируют PR и маркетинг в общем комплексе коммуникаций.

Тем не менее можно предположить, что часть респондентов, остающихся сторонниками «маркетингового подхода», не обладают знаниями о дискуссии об эволюции интегрированных маркетинговых коммуникаций, начавшейся более 20 лет назад. По справедливому замечанию российского исследователя Н. Бачуриной, «особенностью маркетингового подхода к концептуализации ИМК/ИК является отсутствие разграничения этих понятий» [Бачурина 2014]. Ряд ответов, как на закрытые, так и на открытые вопросы, дают основание предполагать, что часть респондентов воспринимает ИК как синоним ИМК. Сторонники этого подхода считают, что PR – это «вид маркетинговой коммуникации», «маркетинг значительно шире», «PR вырос из маркетинга», «маркетинг определяет цели и задачи PR».

Необходимо уточнить, что «на данном этапе многие специалисты в области “интегрированных коммуникаций” признают недостаточность этого подхода» [Григорьев 2002]. Выдающиеся американские, европей-

ские и российские исследователи пришли к выводу, что традиционный ИМС разочаровал многих специалистов. Пришло время использования различных сообщений для целевых аудиторий. И каждое из них должно быть согласовано с корпоративным брендом.

Оставаясь на позициях «недавнего прошлого», данная группа респондентов упускает из внимания, что интегрированные маркетинговые коммуникации представляли собой лишь одну из эволюционных стадий, в которой роль маркетинга была главенствующей. На смену пришел не просто новый термин – «интегрированные коммуникации», но новый подход, символизирующий перенос внимания на интеграцию коммуникации со всеми целевыми аудиториями компании, а не только с ее клиентами. Интегрированные коммуникации вышли далеко за рамки маркетинга и стали частью системы стратегического менеджмента компании.

Но стоит отметить, что эти респонденты оказались в меньшинстве.

Что касается PR, то природа и характеристики этой социальной коммуникации оказались более сложными для оценки и интерпретации даже для тех участников опроса, которые обладают, по-видимому, более современными и качественными теоретическими знаниями. Этот вывод мы делаем на основании того, что PR очень многими респондентами воспринимается главным образом как тактическая дисциплина, решающая прикладные задачи.

Разумеется, здесь стоит учитывать относительную молодость PR в России – и как вида практической деятельности, и как «блока знаний», а также экономические, социальные и политические особенности развития и реализации «российской модели» связей с общественностью.

Данное исследование ставит вопрос о необходимости более точного определения PR-деятельности и понимания ее определяющей функции в системе интегрированных коммуникаций, а также о потребности в дополнительных знаниях о сущности интегрированных коммуникаций и их стратегической роли в развитии корпоративного менеджмента.

Список литературы

- Бачурина Н.С.* Основания теории интегрированных коммуникаций: определение и подходы // Информационное общество. 2014. № 4. С. 26–34.
- Голубкова Е.Н.* Маркетинговые коммуникации. М.: Финпресс, 2000. 255 с.
- Григорьев М.* Интегрированные коммуникации: стратегический PR, маркетинг или что-то еще? // Лаборатория рекламы, маркетинга и PR. 2002. № 5 (24). URL: <http://pandia.ru/text/80/307/27319.php> (дата обращения: 01.09.2017).
- Котлер Ф.* Основы маркетинга. М.: Ростинтэр, 1996. 704 с.
- Крейг Р.* Теория коммуникации как область знания // Компаративистика III: альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003. С. 72–126.
- Почепцов Г.Г.* Паблик рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением. М.: Центр, 2004. 336 с.
- Романов А.А., Панько А.В.* Маркетинговые коммуникации. М.: Эксмо, 2006. 432 с.

-
- Синяева И.М., Маслов В.М., Синяев В.В. Сфера PR в маркетинге: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 207 с.
- Gronstedt A. *The Customer Century: Lessons from World Class Companies in Integrated Communications*. Abingdon: Routledge, 2000. 252 p. (Routledge Corporate Communication Series).
- Kotler Ph., Mindak, W. Marketing and Public Relations // *Journal of Marketing*. 1978. Vol. 42, №. 4. P. 13–20.
- Harris T. *The Marketer's Guide to Public Relations: How Today's Top Companies are Using the New PR to Gain a Competitive Edge*. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 1993. 320 p. (Wiley Series on Business Strategy).

References

- Bachurina, N.S. (2014), Osnovaniya teorii integrirovannykh kommunikatsii: opredelenie i podkhody [The foundations of the theory of integrated communications: definition and approaches]. *Informatsionnoe obshchestvo [Information Society]*, No. 4, pp. 26-34. (in Russian)
- Golubkova, E.N. (2000), *Marketingovye kommunikatsii [Marketing communications]*, Moscow, Finpress Publ., 255 p. (in Russian)
- Gronstedt, A. (2000), *The Customer Century: Lessons from World Class Companies in Integrated Communications*, Abingdon, Routledge Publ., 252 p. (Routledge Corporate Communication Series).
- Grigor'ev, M. (2002), Integrirovannye kommunikatsii: strategicheskii PR, marketing ili chto-to eshche? [Integrated communications: strategic PR, marketing or something else?]. *Laboratoriya reklamy, marketinga i PR [Laboratory of advertising, marketing and PR]*, No. 5(24), available at: <http://pandia.ru/text/80/307/27319.php> (accessed date: September 1, 2017). (in Russian)
- Harris, T. (1993), *The Marketer's Guide to Public Relations: How Today's Top Companies are Using the New PR to Gain a Competitive Edge*, Hoboken, John Wiley & Sons, Inc. Publ. 320 p. (Wiley Series on Business Strategy).
- Kotler, Ph. (1996), *Osnovy marketinga [Fundamentals of Marketing]*, Moscow, Rostinter Publ., 704 p. (in Russian)
- Kotler, Ph., Mindak, W. (1978), Marketing and Public Relations. *Journal of Marketing*, Vol. 42, No. 4, pp. 13-20.
- Kreig, R. (2003), Teoriya kommunikatsii kak oblast' znaniya [The theory of communication as a field of knowledge]. *Komparativistika III. Al'manakh sravnitel'nykh sotsiougumanitarnykh issledovaniy [Comparative studies 3. Almanac of comparative social and humanitarian studies]*, St. Petersburg, pp. 72-126. (in Russian)
- Pocheptsov, G.G. (2004), *Pablik rileyshnz, ili Kak uspešno upravlyat' obshchestvennym mneniem [Public relations, or How to successfully manipulate public opinion]*, Moscow, Tsentr Publ., 336 p. (in Russian)
- Romanov, A.A., Panko, A.V. (2006), *Marketingovye kommunikatsii [Marketing communications]*, Moscow, Eksmo Publ., 432 p. (in Russian)
- Sinyaeva, I.M., Maslov, V.M., Sinyaev, V.V. (2007), *Sfera PR v marketing [Sphere of PR in marketing]*, Textbook, Moscow, YuNITI-DANA Publ., 207 p. (in Russian)
-

**RUSSIAN PR PRACTITIONERS: VIEWS OF PR,
MARKETING AND INTEGRATED COMMUNICATIONS
(ACCORDING TO THE SURVEY CONDUCTED IN 2017)**

A.F. Veksler

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Abstract: With the development of the global information society the demand for professional PR-specialists with deep understanding of the essential characteristics of PR and marketing is increasing in Russia. Today, communicative competence is turning into a crucial element of professional training, and the implementation of professional standards obliges researchers and practitioners to give more precise characteristics of the role and functions of public relations and marketing in the general corporate 'home'. Moreover, even being on a common communicative platform, PR and marketing retain and will retain certain independence due to different content characteristics. It is worth noting that if the specificity of marketing has already been sufficiently reflected, then PR is perceived by many representatives of both groups, mainly as a tactical discipline, solving applied problems. Also one should take into account the relative youth of PR in Russia – both as a 'block of knowledge' and as a practical activity. This chapter presents current research on PR-specialists perceptions with the focus on employees of PR-Agencies and corporate PR-departments. The author asked following questions by conducting online interviews: on localization of PR and marketing in the communication activities in Russian business; on the nature and limits of their functions; on the ratio of their 'weight classes' in the communication activities of the company. The convention of Russian specialists on this question will facilitate the further headway of the humanities including the real pervasion of science theories into the practice field.

Key words: public relations, marketing, integrated communication, integrated marketing communications, research.

For citation:

Veksler, A.F. (2018), Russian PR practitioners: views of PR, marketing and integrated communications (according to the survey conducted in 2017). *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 179-192. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.179-192. (in Russian)

About the author:

Veksler Asia Filippovna, Dr., Associate Professor of the School of Integrated Communications

Corresponding author:

Postal address: 2/8, Khitrovskii per., Moscow, 109028, Russia

E-mail: aveksler@hse.ru

Received: June 27, 2018

ОНЛАЙН-ПЕТИЦИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОЛЯХ И НА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ: ПОЛИТОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА*

Н.К. Радина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород, Россия)*

Аннотация: Обсуждаются теоретические проблемы при изучении онлайн-петиций. Цель статьи – систематизация научных подходов и теорий в изучении онлайн-петиций в предметных полях политологии и лингвистики. Описание теоретического поля в изучении петиций начинается с анализа определений петиции, сформулированных в предметных областях социологии, политологии, лингвистики и права. Перечисляются электронные ресурсы, содержащие значительные текстовые базы онлайн-петиций. Дается краткая характеристика современных исследований онлайн-петиций, выполненных в предметных полях социологии, политологии, лингвистики, права. Более подробно рассматриваются теоретические основы изучения петиций в политологии и лингвистике. В итоге утверждается, что в политологии важен выбор теоретической рамки: именно теоретическая рамка определяет, на что в первую очередь будет обращено исследовательское внимание. Вместе с тем, с точки зрения автора статьи, в настоящее время при изучении онлайн-петиций в лингвистике ставка на методы оказывается важнее ставки на теории. Междисциплинарные команды, изучающие онлайн-петиции, нуждаются в участии лингвистов, которые с помощью методов компьютерной лингвистики смогут обработать значительные текстовые базы и получить эмпирические данные, значимые для понимания особенностей онлайн-петиций в контексте социально-политического развития общества.

Ключевые слова: онлайн-петиция, электронная демократия, цифровое политическое участие, эпистолярная теория.

Для цитирования:

Радина Н.К. Онлайн-петиция в междисциплинарных полях и на теоретических перекрестках: политология и лингвистика // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 193–208. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.193-208.

* Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00140-А «Электронная петиция как фрейм социальной и политической мобилизации (российская и кросскультурная перспективы)».

Сведения об авторе:

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12

E-mail: rasv@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.05.2018

В настоящее время вряд ли кто усомнится в актуальности современных интернет-коммуникаций (онлайн-коммуникаций, цифровых коммуникаций) и различных форм, в которых эти коммуникации осуществляются. Компетентность в практиках цифровой онлайн-коммуникации становится залогом социального успеха.

В то же время исследовательская практика, разъясняющая, что, каким образом и по каким причинам происходит в виртуальном коммуникативном поле, с набором интерпретативных схем, с подборкой релевантных виртуальному полю инструментов, – запаздывает. Исследователи нередко собирают эмпирику в области онлайн-коммуникаций по принципу «все грибы в одну корзину» в надежде, что время для более осмысленных действий впереди, полагая, что эмпирика сама по себе обладает некой ценностью вне каких-либо способов ее систематизации или теоретизирования. В результате залежи бесценной эмпирики превращаются в некие «данные», которые между собой не связаны, нечто констатируют, но ничего не объясняют, а результаты подобных эмпирических исследований, к сожалению, не дают «приращения научного знания» об онлайн-коммуникациях.

Цель данной статьи – систематизировать научные подходы и теории в изучении онлайн-петиций, оценить потенциал тех теоретических схем, которые доминируют при осмыслении эмпирики онлайн-петиций у политологов и лингвистов, тем самым представить развернутую карту теоретических инструментов в изучении онлайн-петиций для исследователей онлайн-коммуникаций.

Феномен петиции в научном объективе

Существует множество научных определений петиции (и электронных петиций в частности), поскольку даются они из различных предметных полей и разных теоретических перспектив. Так, в социологических текстах используется понимание петиции как коллективного прошения, подаваемого в органы государственной власти или органы местного самоуправления в письменном виде [Косых 2017] (акцент – на групповом характере, письменной форме прошения и специфическом адресате).

В большинстве политологических текстов определение петиций отсутствует или существует в формате перевода англо- или немецкоязыч-

ных определений. Например, В.Б. Гольбрайх, ссылаясь на немецких исследователей, определяет петицию как асимметричную форму коммуникации между отдельными гражданами или группами – с одной стороны и институтами – с другой [Гольбрайх 2016] (акцент – на асимметричной форме коммуникации между индивидами / группами и институтом).

В словарной статье из административного права петиция – это «коллективное обращение граждан в письменном виде в органы государственной власти о необходимости проведения общественных реформ или изменения законодательства» [Россинский 2000: 161] (кроме акцентов на групповом характере, письменной форме прошения и специфике адресата появляется детализация в содержании понятия).

Такое же лаконичное определение электронной петиции с позиции лингвиста иначе расставляет акценты: электронная петиция – это «разновидность электронного эпистолярного текста (получившее широкое распространение в сфере современной массмедийной коммуникации благодаря доступности создания и распространения в Сети, оперативности и эффективности в достижении результата, экономии усилий, времени и материальных затрат» [Курьянович 2016: 152] (акценты – на форме и классификационных характеристиках текста с пояснениями относительно причин популярности).

В специализированных юридических научных статьях о петициях появляется более детализированное определение. Здесь петиция обрастает деталями, важными для социальной практики, но не отраженными в других определениях, процитированных выше. В контексте права на коллективное обращение петиции – это «коллективные обращения граждан, иностранных граждан, а также лиц без гражданства в органы публичной власти по наиболее важным вопросам, затрагивающим права, свободы и законные интересы человека и гражданина, содержащие требования о принятии и (или) отмене нормативного или ненормативного решения данного органа или должностного лица» [Скрябина 2006]. Далее автор уточняет, что необходимо различать такие понятия, как гражданская законодательная инициатива, представляющая собой одну из форм коллективных обращений граждан, но связанная с подачей этого обращения именно гражданами Российской Федерации в представительные органы государства, с целью принятия этим органом нормативно-правовых актов либо внесения в них изменений; и право петиции, представляющее собой более широкое понятие и включающее в себя все формы коллективных обращений граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства.

В этом определении оказывается значим и круг адресантов, и коллективная форма, и круг адресатов, а также собственно характер действия – обращение с требованием (письменный характер подразумевается, но не проговаривается). При этом предполагается, что обращение может носить как характер законодательской инициативы (при определенном

круге адресантов), так и требования о соблюдении прав или отмене решения властного органа (т. е. решаются принципиально разные задачи).

Представляется важным спросить: что дает определение того или иного понятия (в данном случае – петиции) и почему имеет значение рассматривать различные определения понятия, в том числе и те, которые предлагаются в смежных предметных полях для исследователя?

Ответ на первую половину данного вопроса очевиден: определение изучаемого предмета – первичная рамка, карта, которая задает ориентиры и показывает возможные направления исследовательской мысли. Если чего-то нет в определении, это наиболее вероятно выпадает и из рамок предмета исследования. Поэтому закономерно, что в социологическом определении петиции акцент – на групповом характере обращения, в политологическом – на асимметричной коммуникации с институтами власти, в лингвистическом – в указании на эпистолярный жанр, в юридическом – в подробном описании структуры и содержания действия обращения. Некритичное принятие определения из узкого («своего») предметного поля, игнорирование междисциплинарного взгляда на реальный и сложный феномен позволяет видеть всегда только «одну сторону Луны», следовательно, не дает шанса создать научный продукт с высоким прогностическим потенциалом, требующим комплексного подхода.

С другой стороны, хорошо операционализированное определение, даже в том случае, если оно принадлежит смежной социогуманитарной площадке (и это ответ на вторую половину вопроса), позволяет по-новому разметить монодисциплинарную исследовательскую карту, поставить задачи, которые не исследовались ранее в рамках узкого предметного поля, позволяет более успешно решать прикладные задачи и более коротким путем выходить на фундаментальные.

Новые цифровые практики коммуникации и онлайн-петиции

В то же время новые цифровые технологии коммуникации принципиально изменяют исследовательское поле. Действительно, по-прежнему актуально исследовать петиции вообще, но благодаря новым технологиям процесс представления петиции обществу и процесс сбора подписей в ее поддержку обеспечил конкурентные преимущества именно онлайн-формы. В настоящее время в России существует множество ресурсов для размещения онлайн-петиций и голосования в их поддержку. К наиболее известным относят [Чугунов 2014]:

- 1) Российская общественная инициатива (<http://www.roi.ru>);
- 2) Change.org (<http://www.change.org/ru>);
- 3) OnlinePetition (<http://www.onlinepetition.ru>);
- 4) Демократор.ру (<http://democrator.ru>);
- 5) Наше мнение (<https://mypetition.ru>);
- 6) AlterRussia (<http://alterrussia.ru>);

7) Просто россияне (<http://prosto-rossiane.ru>);

8) Демократия 2 (<http://democratia2.ru>);

9) Народная инициатива КПРФ (<http://ni.kprf.ru>).

Следовательно, поддержка онлайн-петиций стала доступнее, текстов петиций стало больше, т. е. обширнее стала база для изучения петиций, что обеспечило высокий интерес исследователей к данной проблеме.

С другой стороны, начальный этап изучения электронных петиций обуславливает описательный характер большинства исследований: как правило, в публикациях представляют процедуры, связанные с электронными петициями [Леонова 2010], рассматривают отдельные ресурсы для подачи петиций [Давыдова, Гончарова 2015]. В исследованиях обсуждают:

- электронные петиции с точки зрения вопросов коллективного обращения, а именно предмет петиции [Лыскова 2009], действия инициативных групп для подачи петиции [Андреев, Мещерягина 2015], определенный круг адресатов петиции [Миронов 2014];
- общие и отличные характеристики электронных петиций с точки зрения российского и зарубежного законодательства [Савоськин 2015];
- отсутствие определенных механизмов для реализации права граждан на электронные петиции [Музычук 2010];
- вопросы повышения эффективности петиций [Ho, Song 2015; Riehm, Böhle, Lindner 2014];
- вопросы конфиденциальности поддерживающих электронные инициативы [Diaz et al. 2008];
- «темные стороны» электронных петиций, использование электронных петиций как антиправительственного инструмента или инструмента политического протеста [Berg 2017];
- принципы работы различных интернет-платформ, посредством которых осуществляется подача петиций [Чугунов 2014];
- содержательные и структурные ограничения в российской системе электронного участия [Леонова 2010];
- особенности функционирования ряда интернет-платформ для подачи электронных петиций, преимущественно проект «Российская общественная инициатива», который, как правило, подвергают критике [Katchanovski, La Porte 2005; Давыдова, Гончаров 2016].

Фактически при изучении электронных петиций речь идет о первоначальном этнографическом и описательном насыщении проблемного поля, после которого следует переход на новый, аналитический уровень. Лишь небольшое количество исследований, преимущественно зарубежных [Palmieri 2008; Riehm, Böhle, Lindner 2014], ориентированы на проблемы результативности электронных петиций (и в контексте организационных проблем, и в контексте изучения мотивации и политического участия населения).

Ставка на анализ результативности подобных активных цифровых «асимметричных коммуникаций с властью» принципиально меняет статус исследований онлайн-петиций. Представляется, что особенно продуктивно вопросы, связанные с результативностью онлайн-петиций, могут быть решены в политологическом и лингвистическом полях.

Онлайн-петиции в предметном поле политологии

В политологии исследования онлайн-петиции, как правило, базируются на трех ключевых теоретических подходах. Петиции изучаются:

- как форма реализации прямой демократии [Руденко 2003; Kreiss 2015];
- в контексте цифрового политического участия [Stewart, Cuddy, Silongan 2013; Reid 2014];
- в контексте электронной демократии [Мельникова 2015; Davies 2015].

Подчеркивается, что электронная демократия не идентична электронному правительству (электронному управлению) [Lindner, Riehm 2009; Davies 2015].

Первые опыты изучения проблемы онлайн-петиций в российском сегменте политологии сопряжен с «голым эмпиризмом», поэтому исследователи нередко пренебрегают четким определением онлайн-петиций, а также указанием на особенности теоретизирования предмета исследования. В том случае, если в политическом исследовании в фокусе оказывается статистика по онлайн-петициям, его авторы, как правило, ссылаются на теоретическое поле «электронной / цифровой демократии».

А.В. Чугунов, известный своими исследованиями государственной интернет-платформы для онлайн-петиций «Российская общественная инициатива» (законодательно закреплена Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”»), определяет электронную демократию как новую форму организации процесса принятия политических решений и реализации власти народа, осуществляемая с использованием информационно-коммуникационных технологий [Чугунов 2017]. В то же время электронное правительство он называет новой формой организации деятельности органов государственной власти, которая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий обеспечивает качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов. Следовательно, «электронная демократия» более широкое понятие, чем «электронное правительство».

Если мы изучаем онлайн-петиции в рамках электронного правительства, место петиций локализовано в контексте «обратной связи» прави-

тельства и граждан. В фокусе анализа оказывается оценка деятельности правительства и новые задачи, которые в формате петиций граждане предлагают правительству.

В данном случае особенно важно выдвигать развернутое определение петиции по примеру юридических исследований, тогда в зоне рефлексии оказывается власть всех уровней – от федеральной до местной. О заинтересованности в таком анализе со стороны власти могут свидетельствовать утвержденная Правительством РФ в 2012 г. государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)», Указ Президента РФ о совершенствовании системы государственного управления; принятая Правительством РФ Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан Российской Федерации в течение одного года [Социологический анализ опыта использования... 2014].

Интерпретация результатов в рамках «электронной демократии» при изучении онлайн-петиций позволяет обращать внимание на любые вопросы цифровой активности граждан (например, на динамику подачи онлайн-петиций и их статус «победителей») без какой-либо конкретики, поэтому данная теоретическая рамка чаще используется в рамках общих и описательных эмпирических исследований.

Определение теоретической рамки изучения онлайн петиции в терминах форм прямой демократии актуализирует роль законотворческой инициативы в области предмета исследования (другие функции петиции несколько понижаются) и проблематизирует механизм волеизъявления народа. Данная теоретическая рамка позволяет, например, в формате case studies рассмотреть случаи использования государственной интернет-платформы для подачи петиций «Российская общественная инициатива» политической оппозицией. Использование теоретической рамки онлайн-петиции как формы реализации прямой демократии также предполагает сопоставление законотворческих инициатив, сформулированных в петициях (в контексте политической культуры участия по Г. Алмонд и С. Верба), и текстов-прошений, направленных на описание проблем с просьбой их разрешения (в контексте подданнической политической культуры).

В том случае, если исследователи выбирают теоретизацию изучения онлайн-петиций в формате цифрового политического участия, проблематизируется мотивационный компонент процесса создания и поддержки петиции. Политическое участие (независимо от того, в формате онлайн или офлайн) – это добровольная деятельность, которую производят граждане, связанная с правительством, политикой или государст-

вом в широком смысле слова [Van Deth 2014; Theocharis 2015]. Обыкновенное уточнение «добровольная» перенаправляет оптику изучения петиции: при теоретизировании через политическое участие особенно значимым становится мобилизационный потенциал петиций, а именно те аспекты текста, благодаря которым петиция оказывается привлекательной, что «заставляет» петицию поддерживать, голосовать за нее (добровольно поддерживать).

Разумеется, осознание доминирующего сценария исследовательских действий, типичных для той или иной теоретической рамки в изучении петиций, не связывает политологов. Исследователи петиций, декларирующие, что работают в рамках теории политического участия, также могут интересоваться соотношением законодательской инициативы и потенциалом решения проблем в петициях. Однако теоретизирование данного феномена через рамку формы реализации прямой демократии в большей степени работает на обострение противостояния законодательства и «подданничества», включая также формы «протестного подданничества». Теоретизирование предмета петиций посредством политического участия позволяет сконцентрироваться на вопросах мотивации, обеспечивающей участие граждан или в законодательских инициативах, или подталкивающей присоединиться к петициям – прошениям о помощи (что в большей мере апеллирует к вопросам ценностей индивида и общества).

Таким образом, на первый взгляд, широкие теоретические рамки, например рамки «электронной демократии», дают больше свободы политологу-исследователю онлайн-петиций. Однако насколько продуктивна данная свобода, если ее суть сводится к свободе формально отражать реальность без поиска закономерностей и механизмов ее существования?

В то же время подробные и структурированные формулировки в понимании онлайн-петиций в сочетании с теоретическими рамками, подталкивающими исследователя реконструировать реальность, опираясь на связи, устанавливая, например, отношения детерминации, формируют карту исследовательской мысли, помогающую исследователю продуктивно различать (идентифицировать), описывать и анализировать природу новых социально-политических феноменов.

Онлайн-петиции в предметном поле лингвистики

Лингвисты, определяя онлайн-петицию как разновидность электронного эпистолярного текста, формально самим определением задают теоретическую платформу изучения онлайн-петиций. В то же время А.В. Курьянович, чье определение онлайн-петиции было приведено нами ранее, называет и другие значимые теоретические поля, дополняя эпистолярную теорию, ключевую для анализа онлайн-петиций, также теорией языковой личности, теорией массовой коммуникации, теорией виртуального дискурса, теорией речевого воздействия, теорией речевых жанров [Курьянович 2016].

Ключевая эпистолярная теория в отношении текстов петиций по сути есть отражение дистантного типа коммуникации со следующими классификационными признаками: тематический (определяет содержание письма), функциональный (отражает назначение письма и характер воздействия на адресата), векторный (указывает направление коммуникации) и социолингвистический (отражает социальный характер общения) [Глухих 2008]. Но лингвисты не считают петицию синонимичной письму, как минимум по причине различий в адресантах (у письма он – единственный, у петиции – массовый) [Пупкова 2010].

Первые опыты российских лингвистов по анализу онлайн-петиций локализованы в традициях «качественных методов» в лингвистике с относительно ограниченными выборками текстового материала (до 100 текстов) [Дубровская 2017; Пупкова 2010], несмотря на весомость доступного текстового объема онлайн-петиций. Так, признавая регулятивный характер петиций (директивность) или упоминая их прескриптивность, лингвисты-исследователи говорят о петициях как о текстах речевого воздействия, но не анализируют в своих работах реальное воздействие петиций, в то время как интернет-ресурсы, используемые лингвистами, обладают необходимой информацией для установления потенциала воздействия текста петиции (например, содержат число поддержавших петицию и указание на реализацию требования петиции или ее отклонение со стороны органов власти).

Интернет-платформы для петиций располагают тысячами реальных текстов петиций (уже оцифрованных и с необходимыми пометками относительно их социальной успешности) и это – новый вызов для лингвистов-исследователей, поскольку требуется инструментальное обновление, освоение методов компьютерной лингвистики в изучении функционирования живого современного языка, а в дальнейшем и для новых теоретических дискуссий.

Представляется, что в случае лингвистики размышления о релевантности теоретических рамок (например, о том, эпистолярная теория или теория речевых жанров обладает бóльшим интерпретативным потенциалом в характеристике воздействия текстов петиций) в настоящее время оказываются на втором плане, а на первый выходит именно проблема новых методов (необходимость освоения методов корпусной лингвистики и компьютерной лингвистики). Отказываясь от решения проблемы метода, лингвисты-исследователи рискуют остаться недооцененными с точки зрения востребованности обществом, интерпретируя дискурс острых социальных проблем на примере десятка текстов, игнорируя при этом реальную, доступную, огромную и сложную текстовую базу.

Заключение

В современном мире целый ряд феноменов не может адекватно исследоваться, если их изучение не опирается на междисциплинарную про-

грамму исследования. Онлайн-петиции – «воздействующие тексты» в асимметричной цифровой политической коммуникации, обращенной к институтам власти – относятся именно к подобным феноменам.

Роль исследователей-лингвистов при создании междисциплинарных программ изучения онлайн-петиций может оказаться особо значимой, поскольку, например, тематизация петиций, позволяющая определить наиболее востребованную голосующими тематику, оценка эмоциональной составляющей петиций-победителей на основе сентимент-анализа или характеристика средств воздействия на голосующих у петиций, получивших максимальное число голосов в поддержку, – т. е. те задачи, решение которых определяет успех политологического анализа онлайн-петиций, решаются именно лингвистами.

И если политологам важно провести ревизию теоретических рамок для более тонкого и глубокого анализа междисциплинарного феномена онлайн-петиции, то исследователям-лингвистам для участия в продуктивных междисциплинарных проектах, посвященных онлайн-петициям, в первую очередь необходимы современные методы корпусной и компьютерной лингвистики. Именно благодаря новым лингвистическим методам огромные массивы текстов онлайн-петиций, размещенных на современных интернет-ресурсах, окажутся открытыми для междисциплинарного анализа.

Список литературы

- Андреев А.В., Мецерегина В.А.* Коллективное обращение как элемент конституционного механизма взаимодействия гражданского общества и государства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 14, № 2. С. 22–26.
- Глухих Н.В.* Деловой эпистолярный конец XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. 169 с.
- Гольбрайх В.Б.* Экологические общественные инициативы в Интернете как новая практика политического участия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 340–350.
- Давыдова М.Л., Гончарова А.А.* Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 5, Юриспруденция. 2015. № 2 (27). С. 58–67.
- Дубровская Т.В.* Жанр онлайн-петиции в контексте феминистского дискурса // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 111–117.
- Косых Е.В.* Интернет-петиция как метод гражданского сопротивления в современной России // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 2 (15). С. 28–29.
- Курьянович А.В.* Полипарадигмальность жанра в зеркале предпочтений современной лингвистики (из опыта анализа online-петиций как особой разновидности эпистолярных текстов) // Вестник НГПУ. 2016. № 2. С. 150–159.

- Леонова М.В. Оценка и пути развития электронного участия в Российской Федерации // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 4. С. 57–68.
- Лыскова Е.И. Право граждан на обращение в органы публичной власти: теория и практика // Государство и право. 2009. № 9. С. 105–111.
- Мельникова Т.С. Современное состояние развития электронного правительства и электронной демократии на федеральном и региональном уровне: контекст общественной потребности // Информационная безопасность регионов. 2015. № 3 (20). С. 30–37.
- Мионов М.А. России нужен закон о петициях // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 15–19.
- Музычук А.И. Органы исполнительной власти в механизме реализации права граждан на петицию // Юридическая мысль. 2010. № 1 (57). С. 49–59.
- Пупкова А.В. Петиция как жанр французского экологического дискурса // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 10 (589). С. 33–45.
- Россинский Б.В. Административное право: словарь-справочник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 270 с.
- Руденко В.Н. Методология изучения институтов прямой демократии в современном обществе // Правоведение. 2003. № 4. С. 38–51.
- Савоськин А.В. Петиция в России: понятие и содержание // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 123–133.
- Скрябина М.В. Коллективные обращения в Российской Федерации // Юридическая мысль. 2006. № 5. С. 32–38.
- Социологический анализ опыта использования современных технологий электронной демократии (порталы публичных обращений / петиций и открытого голосования): итоговый комплексный аналитический отчет // ЦИРКОН. 2014. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a1/Sociologicheskij_analiz_opyta_ispolzovaniya_sovremennyhtehnologij_jelektronnoj_demokratii.pdf (дата обращения: 19.05.2018).
- Чугунов А.В. Электронное участие граждан в государственном управлении: учебное пособие и практикум. СПб.: Университет ИТМО, 2017. 75 с.
- Чугунов А.В. Электронная демократия и развитие электронного участия в России: предварительные результаты мониторинга портала «Российская общественная инициатива» // Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (ISC-14): материалы Третьей Международной науч.-практ. конф. М., 2014. С. 295–298.
- Berg J. The dark side of e-petitions? Exploring anonymous signatures. First Monday. Vol. 22, № 2. DOI: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v22i12.6001>.
- Davies D.R. e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation // European Parliamentary Research Service. September 3, 2015. URL: <https://epthinktank.eu/2015/09/03/egovernment-using-technology-to-improve-public-services-and-democratic-participation/> (дата обращения: 15.05.2018).
- Diaz C., Kosta E., Dekeyser H., Kohlweiss M., Nigusse G. Privacy preserving electronic petitions // Identity in the Information Society. 2008. № 1 (1). P. 203–219.

- Ho J.W., Song K.J. Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? // *Government Information Quarterly*. 2015. № 32. P. 488–495.
- Katchanovski I., La Porte T. Cyberdemocracy or Potemkin E-Villages: Electronic Governments in OECD and Post-Communist Countries // *International Journal of Public Administration*. 2005. Vol. 28, № 7–8. P. 665–681.
- Kreiss K.D. The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy // *Social Media + Society*. 2015. Vol. 1, iss. 2. DOI: 10.1177/2056305115616151.
- Lindner R., Riehm U. Electronic Petitions and Institutional Modernization // *JeDEM*. 2009. № 1 (1). P. 1–11.
- Palmieri S.A. Petition Effectiveness: Improving Citizens Direct Access to Parliament // *Australasian Parliamentary Review*. 2008. № 23 (1). P. 121–132.
- Reid L. E-petitions a Viable Tool for Increasing Citizen Participation in Our Parliamentary Institutions? // *Canadian Parliamentary Review*. 2014. № 3. P. 4–8.
- Riehm U., Böhle K., Lindner R. Electronic petitioning and modernization of petitioning systems in Europe: Report for the Committee on Education, Research and Technology. Assessment. Berlin: TAB, 2014. 300 p.
- Stewart K., Cuddy A., Silongan M. Electronic Petitions: A Proposal to Enhance Democratic Participation // *Canadian Parliamentary Review*. 2013. Vol. 36, № 3. P. 9–13.
- Theocharis Ya. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. 2015. Vol. 1, iss. 2. DOI: 10.1177/2056305115610140.
- Van Deth J. A conceptual map of political participation // *Acta Politica*. 2014. Vol. 49, iss. 33. P. 349–367. DOI:10.1057/ap.2014.6.

References

- Andreev, A.V. Meshcheryagina, V.A. (2015), Kollektivnoe obrashchenie kak element konstitutsionnogo mekhanizma vzaimodeistviya grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva [Collective appeal as an element of the constitutional mechanism of interaction between civil society and the state]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Law Herald of Dagestan State University], Vol. 14, No. 2, pp. 22–26. (in Russian)
- Berg, J. (2017), The dark side of e-petitions? Exploring anonymous signatures. *First Monday*, Vol. 22, No. 2. DOI: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v22i12.6001>.
- Chugunov, A.V. (2017), *Elektronnoe uchastie grazhdan v gosudarstvennom upravlenii* [Electronic participation of citizens in the state], Manual, St. Petersburg, ITMO University Publ., 75 p. (in Russian)
- Chugunov, A.V. (2014), Elektronnaya demokratiya i razvitie elektronnoy uchastiya v Rossii: predvaritelnye rezultaty monitoringa portala ‘Rossiiskaya obshchestvennaya initsiativa’ [Electronic democracy and the development of electronic participation in Russia: preliminary results of the monitoring of the Russian Public Initiative portal]. *Sotsialnyi kompyuting: osnovy tekhnologii razvitiya sotsialno-gumanitarnye efekty (ISC-14)* [Social computing: fundamentals, development technologies, social and humanitarian effects (ISC-14)], Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, Moscow, pp. 295–298. (in Russian)
- Davies, D.R. (2015), e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation. *European Parliamentary Research Service*, available

- at: <https://epthinktank.eu/2015/09/03/egovernment-using-technology-to-improve-public-services-and-democratic-participation/> (accessed date: May 15, 2018).
- Diaz, C., Kosta, E., Dekeyser, H., Kohlweiss, M., Nigusse, G. (2008), Privacy preserving electronic petitions. *Identity in the Information Society*, No. 1(1), pp. 203-219.
- Davydova, M.L. Goncharova, A. A. (2015), Problemy i perspektivy realizatsii proekta 'Rossiiskaya obshchestvennaya initsiativa' [Problems and prospects of the project 'Russian public initiative']. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya* [The Science Journal of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence], No. 2 (27), pp. 58-67. (in Russian)
- Dubrovskaya, T.V. (2017), Zhanr onlain-petitsii v kontekste feministского diskursa [Genre of online petition in the context of feminist discourse]. *Zhanry rechi* [Genres of speech], No. 1 (15), pp. 111-117. (in Russian)
- Glukhikh, N.V. (2008), *Delovoi epistolyarii kontsa 18 - nachala 19 v. na Yuzhnom Urale: lingvistika teksta* [Business epistolary the late 18th – early 19th century in the Southern Urals: text linguistics], Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ., 169 p. (in Russian)
- Golbraikh, V.B. (2016), Ekologicheskie obshchestvennye initsiativy v Internetе kak novaya paktika politicheskogo uchastiya [Environmental public initiatives on the Internet as a new policy of political participation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], No. 4 (36), pp. 340-350. (in Russian)
- Ho, J.W., Song, K.J. (2015), Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? *Government Information Quarterly*, No. 32, pp. 488-495.
- Katchanovski, I., La Porte, T. (2005), Cyberdemocracy or Potemkin E-Villages: Electronic Governments in OECD and Post-Communist Countries. *International Journal of Public Administration*, Vol. 28, No. 7-8, pp. 665-681.
- Kosykh, E.V. (2017), Internet-petitsiya kak metod grazhdanskogo soprotivleniya v sovremennoi Rossii [Internet petition as a method of civil resistance in modern Russia]. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy* [Russian science and education today: problems and prospects], No. 2 (15), pp. 28-29. (in Russian)
- Kreiss, K.D. (2015), The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy. *Social Media + Society*, 2015, Vol. 1, Iss. 2. DOI: 10.1177/2056305115616151.
- Kur'yanovich, A.V. (2016), Poliparadigmalnost' zhanra v zerkale predpochtenii sovremennoi lingvistiki iz opyta analiza online petitsii kak osoboi raznovidnosti epistolyarnykh tekstov [The polyparadigmality of the genre in the mirror of the preferences of modern linguistics (from the experience of analyzing online petitions as a special kind of epistolary texts)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], No. 2, pp. 150-159. (in Russian)
- Leonova, M.V. (2010), Otsenka i puti razvitiya elektronnoho uchastiya v Rossiiskoi Federatsii [Evaluation and development of electronic participation in the Russian Federation], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], No. 4, pp. 57-68. (in Russian)

- Lindner, R., Riehm, U. (2009), Electronic Petitions and Institutional Modernization. *JeDEM*, No. 1 (1), pp. 1-11.
- Lyskova, E.I. (2009), Pravo grazhdan na obrashchenie v organy publichnoi vlasti: teoriya i praktika [The right of citizens to apply to public authorities: theory and practice]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], No. 9, pp. 105-111. (in Russian)
- Mel'nikova, T.S. (2015), Sovremennoe sostoyanie razvitiya elektronnoho pravitel'stva i elektronnoi demokratii na federal'nom i regional'nom urovne: kontekst obshchestvennoi potrebnosti [The current state of development of e-government and e-democracy at the federal and regional levels: the context of public need]. *Informatsionnaya bezopasnost regionov* [Information security of regions], No. 3 (20), pp. 30-37. (in Russian)
- Mironov, M.A. (2014), Rossii nuzhen zakon o petitsiyakh [Russia needs a law on petitions]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], No. 6, pp. 15-19. (in Russian)
- Muzychuk, A.I. (2010), Organy ispolnitel'noi vlasti v mekhanizme realizatsii prava grazhdan na petitsiyu [Bodies of executive power in the mechanism of realization of the right of citizens to petition]. *Yuridicheskaya mysl'* [Legal thought], No. 1 (57), pp. 49-59. (in Russian)
- Pupkova, A.V. (2010), Petitsiya kak zhanr frantsuzskogo ekologicheskogo diskursa [Petition as a genre of French environmental discourse], *Vestnik MGLU* [MSLU Bulletin], No. 10 (589), pp. 33-45. (in Russian)
- Palmieri, S.A. (2008), Petition Effectiveness: Improving Citizens Direct Access to Parliament. *Australasian Parliamentary Review*, No. 23 (1), pp. 121-132.
- Reid, L. (2014), E-petitions a Viable Tool for Increasing Citizen Participation in Our Parliamentary Institutions? *Canadian Parliamentary Review*, No. 3, pp. 4-8.
- Riehm, U., Böhle, K., Lindner, R. (2014), *Electronic petitioning and modernization of petitioning systems in Europe*, Report for the Committee on Education, Research and Technology Assessment, Berlin, TAB Publ., 300 p.
- Rossinskii, B.V. (2000), *Administrativnoe pravo* [Administrative Law], Dictionary, Moscow, YUNITI-DANA Publ., 270 p. (in Russian)
- Rudenko, V.N. (2003), Metodologiya izucheniya institutov pryamoi demokratii v sovremennom obshchestve [The methodology of studying the institutions of direct democracy in modern society]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], No. 4, pp. 38-51. (in Russian)
- Savos'kin, A.V. (2015), Petitsiya v Rossii: ponyatie i sodержanie [Petition in Russia: concept and content]. *Problemy obespecheniya realizatsii zashchity konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka* [Problems of ensuring, implementing, protecting constitutional human rights and freedoms], No. 4, pp. 123-133. (in Russian)
- Skryabina, M.V. (2006), Kollektivnye obrashcheniya v Rossiiskoi Federatsii [Collective appeals in the Russian Federation]. *Yuridicheskaya mysl'* [Legal thought], No. 5, pp. 32-38. (in Russian)
- Stewart, K., Cuddy, A., Silongan, M. (2013), Electronic Petitions: A Proposal to Enhance Democratic Participation. *Canadian Parliamentary Review*, Vol. 36, No. 3, pp. 9-13.
- Theocharis, Ya. (2015), The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*, 2015, Vol. 1, Iss. 2. DOI: 10.1177/2056305115610140.

- Van Deth, J. (2014), A conceptual map of political participation. *Acta Politica*, Vol. 49, Iss. 33, pp. 349-367. DOI:10.1057/ap.2014.6.
- (2014), *Sotsiologicheskii analiz opyta ispolzovaniya sovremennykh tekhnologii elektronnoi demokratii (portaly publichnykh obrashchenii petitsii i otkrytogo golosovaniya)* [Sociological analysis of the experience of using modern technologies of e-democracy (portals of public appeals / petitions and open voting)], Final comprehensive analytical report, ZIRKON Publ., available at: http://www.zirkon.ru/upload/iblock/3a1/Sociologicheskij_analiz_opyta_ispolzovaniya_sovremennyhtekhnologij_elektronnoj_demokratii.pdf (accessed date: May 19, 2018) (in Russian)

ONLINE-PETITION IN INTERDISCIPLINARY FIELDS AND THEORETICAL CROSSROADS: POLITICAL SCIENCE AND LINGUISTICS

N.K. Radina

*National Research University Higher School of Economics
(Russia, Nizhny Novgorod)*

Abstract: The article focuses on theoretical problems in the study of online petitions (e-petitions). The aim of the article is to systematize of scientific approaches and theories in the study of online petitions (e-petitions) in the subject fields of political science and linguistics. The description of the theoretical field in research devoted to petitions begins with the analysis of definitions of the petition formulated in the domains of sociology, political science, linguistics, and law. There is a list of electronic resources that contain significant online petitions text databases. Brief characteristic of current studies of online petitions, made in the subject fields of sociology, political science, linguistics, law is also given in this article. The article also contains more detailed theoretical basis of the study of petitions in political science and linguistics. As a result, it is stated that the choice of a theoretical framework is important in political science: it is theoretical frame that defines interest in the study in the first place. At the same time, from the point of view of the author of the article, nowadays, when it comes to online petitions study, focus on methods in linguistics is more important than focus on theory. Interdisciplinary teams in charge of online petitions studies have a demand for linguists who will be able to process significant text collections and obtain empirical data with the help of methods of computer linguistics, which is important for understanding the features of online petitions in the context of socio-political development of society.

Key words: online-petition, electronic democracy, digital political participation, epistolary theory.

For citation:

Radina, N.K. (2018), Online-petition in interdisciplinary fields and theoretical crossroads: political science and linguistics. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 193-208. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.193-208. (in Russian)

About the author:

Radina Nadezhda Konstantinovna, Prof.

Corresponding author:

Postal address: 25/12, Bol'shaya Pecherskaya ul., Nizhny Novgorod, 603155,
Russia

E-mail: rasv@yandex.ru

Acknowledgements:

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-011-00140-A "E-petition as a frame of social and political mobilization (Russian and cross-cultural perspectives)"

Received: May 20, 2018

Раздел IV

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Part IV

**ACTUAL DIRECTIONS IN FICTION
AND POETRY TEXTS RESEARCH**

ОЛЬФАКТОРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ И ЕЕ КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЛЮБОВНОМ ДИСКУРСЕ АШЫКА УМЕРА

У.Р. Кадырова

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

Аннотация: Изучается ольфакторная образность как форма проявления коммуникации в любовном дискурсе крымскотатарского поэта XVII в. Ашыка Умера. Анализ запаха осуществлен на основе образа возлюбленной лирического героя, так как именно возлюбленная соткана для него из большого количества чарующих ароматов. Материалом для анализа (единицами анализа) послужили фрагменты лирических произведений, где представлены ольфакторные характеристики возлюбленной. Утверждается, что запахи выполняют в лирике поэта различные функции, дополняя другие перцептивные характеристики, посредством которых описывается возлюбленная. Метафоричность и иносказательность слов и выражений, связанных с запахом, представлена как ольфакторная образность. Показано, как посредством запахов и номинирующих их одоронимов поэт раскрывает внутренний мир своих героев. Наряду с этим показано, что запах является невербальным средством коммуникации, опосредующим общение разных типов субъектов. Выделены четыре формы коммуникации, связанные с запахами (коммуникация лирического героя и читателя, влюбленного и возлюбленной, влюбленного, возлюбленной и других влюбленных, лирического героя и автора). Приведены примеры, наиболее ярко отражающие данные формы. Отмечено, что посредством ароматов образ возлюбленной представлен многогранно и утонченно. Такой эффект достигается путем слияния основных перцептивных составляющих: зрительного восприятия, обоняния и вкуса.

Ключевые слова: запах, любовный дискурс, одоронимы, ольфакторная образность, Ашык Умер.

Для цитирования:

Кадырова У.Р. Ольфакторная образность и ее коммуникативный потенциал в любовном дискурсе Ашыка Умера // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 211–221. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.211-221.

Сведения об авторе:

Кадырова Урие Рефатовна, младший научный сотрудник научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма

Контактная информация:

Почтовый адрес: 295015, Россия, Симферополь, Учебный пер., 8

E-mail: uriye@list.ru

Дата поступления статьи: 24.05.2018

Введение

Обоняние – одно из важных и информативных чувств человека. Как отмечает Е. Жирицкая, «обоняние – это одно из древнейших чувств, тесно связанное с участками мозга, которые еще были у примитивных животных. Именно поэтому эмоции, вызванные запахом, отличаются особой силой и с трудом поддаются контролю разума» [Жирицкая 2003: 169]. Следовательно, запах играет важную роль, он тесно связан с чувствами и эмоциями человека. Именно поэтому ароматы и запахи могут создавать определенную атмосферу и передавать настроение. Наряду с этим, запах представляет собой невербальное средство коммуникации, определенный сигнал, который способствует или затрудняет общение. Приятные запахи улучшают состояние человека, вызывают положительные эмоции, располагают к коммуникации.

В литературных произведениях запах является «устойчивой характеристикой изображаемой среды, обстановки или отдельного персонажа» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Ольфакция>).

Феномен запаха изучен многими исследователями в культурологии, лингвистике, психологии, философии и т. д. В литературоведении следует отметить вклад профессора германистики Х.Д. Риндисбахера [Риндисбахер 2000]. Среди работ отечественных исследователей можно упомянуть двухтомник «Ароматы и запахи в культуре», подготовленный О.Б. Вайнштейн [Ароматы и запахи в культуре 2003], и исследования Л.А. Петровой [Петрова 2006], И.В. Старостиной [Старостина 2010], Н.А. Рогачевой [Рогачева 2011], Н.Л. Зыховской [Зыховская 2016]. В турецком литературоведении данная тематика разработана И. Пала [Pala 2012] и М. Демиром [Demir 2015].

Изучение ольфакторной образности в крымскотатарском литературоведении до настоящего времени не являлось предметом отдельного исследования. В связи с этим анализ особенностей запахов в поэзии яркого представителя крымскотатарской ашыкской литературы Ашыка Умера носит актуальный характер.

Описание материала и методов исследования

Запах в поэтическом пространстве поэта выполняет различные функции, посредством которых раскрывается образ возлюбленной, дополняет основные перцептивные характеристики (зрительное восприятие, обоняние, вкус) образа.

Под ольфакторной образностью мы понимаем метафоричность, красочность и иносказательность слов и выражений, связанных с запахом или относящихся к области восприятия запахов.

Термином «одороним» (лат. *odor* – «запах») мы обозначаем «предметные и признаковые имена, в содержание которых входит категориально-лексическая сема “запах”» [Павлова 2006: 7].

Вместе с тем запах – это система невербальной коммуникации, система символов, которая опосредует общение двух субъектов, т. е. запах – это язык, коммуникация, благодаря которой происходит общение.

Цель настоящей статьи – определить средства художественного воплощения ольфакторной образности как системы коммуникации в любовном дискурсе Ашыка Умера.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ выразительных средств, связанных с номинацией запаха; исследование форм невербальной коммуникации; выявление основных перцептивных составляющих описания образа возлюбленной и изучение ольфакторной образности автора, посредством которых раскрывается внутренний мир героев.

Цели и задачи исследования стали причиной использования описательного, системно-структурного методов и метода герменевтики (интерпретации текстов).

Анализ одоронимов выполнен на основе дивана¹ Ашыка Умера, подготовленного и изданного в 1936 г. турецким литературоведом С.Н. Эрギュном².

Для понимания эстетики ашыкской поэзии читатель должен быть знаком с особенностями «литературы дивана», с суфийской символикой, традициями и канонами средневековой литературы. Сделать это можно через постижение творчества яркого представителя этой поэзии – Ашыка Умера.

Представление результатов

Многогранность и яркость любовных образов достигается путем использования различных художественных средств, имеющих ярко выраженную эмоциональную окраску. К ним относятся флористическая лексика, колоративы и одоронимы. В своем творчестве Ашык Умер широко использует ольфакторные включения. Усложняя их цветочной символикой и выразительными приемами, поэт эстетизирует местонахождение возлюбленной и передает ее необычайную красоту.

¹ Диван – сборник стихотворений одного или нескольких поэтов, в котором стихи располагаются в определенном порядке, в зависимости от их стихотворной формы или в алфавитном порядке рифмуемых слов.

² *Ergün S.N. Aşık Ömer: Hayatı ve şiirleri.* Ankara: Semih Lütfi Matbaa ve Kitabevi, 1936. 444 s. После текстовых иллюстраций в круглых скобках указываются порядковые номера стихотворений в соответствии с их расположением в сборнике.

Анализируя ольфакторную образность любовного дискурса поэта, следует отметить ее богатство, разнообразие и чувственность. Описывая возлюбленную посредством ароматов, лирический герой всюду слышит и чувствует ее запах. Для него она благоухает палитрой различных ароматов, в результате чего всё, связанное с ней, принимает эстетическую утонченность, нежность и яркость.

Ольфакторная символика – это четко выстроенная система знаков. Посредством этих знаков осуществляется коммуникация между субъектами. В любовном дискурсе Ашыка Умера влюбленный, описывая возлюбленную, моделирует общение через запахи, т. е. запах выступает опосредующим кодом, с помощью которого происходит обмен информацией.

В творчестве поэта ольфакторная образность представлена следующими формами коммуникации: лирический герой – читатель, влюбленный – возлюбленная, влюбленный – возлюбленная – другие влюбленные, лирический герой – автор.

Форма коммуникации «**лирический герой – читатель**» – одна из основных в творчестве поэта. Здесь лирический герой описывает свою возлюбленную, черты ее характера и атрибуты красоты.

В любовный дискурс Ашыка Умера включаются ароматы животного происхождения – амбра и мускус. В метафорическом значении поэт употребляет названия цветов – гиацинта, базилика, розы, жасмина и гвоздики. Большинство примеров использования одоронимов связаны с локонами и волосами возлюбленной, которые всегда источают аромат амбры или мускуса, распространяя его везде:

*Ол перининъ арыз-ы зишанынъ оптим охшадым
Багъ-ы хюснюнде гуль-и рейханынъ оптим охшадым
Имрендим халка халка арызынъ узьре гёрюп
Чокъ шукюр ол зюльф-и мюшк эфшанынъ оптим охшадым (431).*

*Почетный, славный лик той пери я поцеловал, приласкал,
В красоте твоего сада базилик той розы я поцеловал, приласкал,
Позавидовал я кольцам (локонов. – У. К.), лежащим на твоих ланитах,
Я покорно благодарен, распространяющие аромат мускуса локоны
я поцеловал, приласкал.*

В данном отрывке стихотворения для описания аромата локонов возлюбленной использованы базилик и мускус. Игра слов, основанная на многозначности лексемы *зишан* (прилагательное, которое, помимо значения «почетный, славный», является названием одного из видов тюльпана), усиливает флористический фон: возлюбленная – это роза, ее лик – тюльпан, локоны – базилик, распространяющий аромат мускуса. Ашык

Умер искусно передал благоухание лика и волос возлюбленной посредством чарующего аромата цветов и мускуса.

Обратимся к другим примерам, где Ашык Умер подробно описывает челку и локоны возлюбленной, благоухающие ароматом мускуса или амбры.

Сиях гийсулары анбер, гёнгуль бир дильбер-и чакер (239).

Ее черные волосы – амбра, душа – раб этой красавицы.

Муанбер какулунъ гёрдим мех-и табане ясланмыш (232).

*Я увидел твою амбровую челку, прислонившуюся к сияющей луне
(лику возлюбленной. – У. К.).*

В двух вышеприведенных примерах присутствует эксплицитное отождествление ароматной челки возлюбленной и амбры.

Во втором отрывке поэт сравнивает лик возлюбленной с сияющей луной, к которой прислонилась челка, источающая амбровый аромат. Наряду с этим присутствует имплицитное сравнение ароматной челки с черным цветом (цвет амбры варьируется от беловато-серого до черного). Таким образом, черная челка противопоставляется светлomu, сияющему лику возлюбленной.

В следующем фрагменте через олицетворение описано благоухание волос возлюбленной, которому завидует амбра:

Сиях какюллеринъ ичюн янып якъылмада анбер (406).

Из-за твоей черной челки сгорает, терзает себя амбра.

Подобный художественный прием используется при создании образа удового дерева, которое отождествляется с влюбленным юношей. Как известно, удовое дерево (алойное, агаровое, или райское дерево) обладает твердой, смолистой, ароматической древесиной, которая при горении распространяет приятный запах бензола (https://ru.wikipedia.org/wiki/Алойное_дерево). Удовое дерево имеет обильный аромат, но даже оно не может устоять против амбрового аромата локонов возлюбленной, и потому готово сжечь себя в огне пылкого желания:

Джаньина кяр этмесейди буй-и зюльф-и анберин

Иштиякъындан озюн атешлере якъмазды уд (313).

Если бы не опьянил душу амбровый аромат твоих локонов,

От пылкого желания не сжигал бы себя в огне уд.

Форма коммуникации **«влюбленный – возлюбленная»** предполагает диалог, обращение лирического героя к возлюбленной. В примерах данной группы часто присутствует 2-е лицо:

Буй-и зюльфинъ нефес-и ахуйа тешбих эйледим (432).

Запах твоих локонов похож на дыхание газели.

Ашык Умер в описании аромата волос возлюбленной применяет распространенное в восточной лирике сравнение с газелью. Турецкий литературовед И. Пала отмечает: «Глаза, аромат и робость этого животного в сравнениях с возлюбленной стали причиной использования многих избирательных средств в литературе» [Pala 2012: 14]. В приведенном отрывке речь идет, скорее всего, о кабарге, так как латинское название этого вида происходит от др.-греч. *μύσχος* – «мускус» и переводится как «несущий мускус». Данное сравнение, подчеркивая аромат, характеризует приятный запах локонов возлюбленной.

Кроме аромата волос, влюбленного пленяет аромат родинок возлюбленной и она сама. Почувствовав запах родинок-перчинок, он сравнивает их с амброй. Далее ольфакторная образность усиливается сравнением волос с гиацинтами, что также характеризует аромат, передающийся этими цветами:

*Сим-и пакинъде эфендим бенълеринъ фульфуль гиби
Къокъусы анбермидир гийсуларынъ сумбуль гиби (470).*

*На чистом серебре (твоего лица. – У. К.) твои родинки как перчинки,
Их аромат – амбра, твои волосы, как гиацинт.*

В некоторых стихах поэт усложняет ольфакторную образность использованием нескольких флористических включений:

Эй семен гуль-бу гузель билляхи ким севмез сени (342).

О, жасмин, красавица с ароматом розы, кто же не полюбит тебя?

В этом отрывке образ возлюбленной создан при помощи метафорического сравнения с цветком жасмина, источающего тонкий аромат. Далее автор усиливает художественное впечатление введением еще одного компонента одоронима – аромата розы. Переплетение нежных запахов придает образу возлюбленной утонченность, изысканность, сохраняя его в памяти влюбленного.

В восприятии поэта челка возлюбленной – это сад, который насыщен ароматами амбры, гиацинта и гвоздики. Для более яркого представления образа Ашык Умер переплетает запахи, создавая благоухающий фон:

*Иш-и нуткъундан хаят эрди дил-и шейдалара
Анберинъ сумбуль къаранфилидир о багъы перчеминъ (466).*

*От твоей речи, дарящей жизнь, ожили обезумевшие сердца
(влюбленных. – У. К.)*

Амбровый аромат гиацинта является гвоздикой сада твоей челки.

Для лирического героя в этом саду самым предпочтительным является запах душистой гвоздики.

Анализ лирики поэта показывает, что собственно ольфакторные фрагменты взаимодействуют с описанием природных явлений, времен года и времен суток. Часто приятный запах волос возлюбленной долетает до лирического героя на крыльях нежного утреннего ветерка. Как отмечает И. Пала, «в предрассветном ветерке всегда присутствует запах волос возлюбленной. Эта особенность сильнее проявляется в утреннее и вечернее время. Ветер распускает волосы возлюбленной от любви к ней и запаху ее волос» [Pala 2012: 381]. Эстетическая функция запаха (*аромат твоих локонов*) раскрывается в наделении необычайной красотой всего связанного с возлюбленной:

*Булмадым эй дильруба бир сен киби яр-и кадим
Буй-и зюльфинден хабер верди банъа бад-и несим* (482).

*О, захватившая мое сердце, не нашел я старого друга, подобного тебе,
Об аромате твоих локонов сообщил мне легкий утренний ветерок.*

Утренний ветерок является своего рода посредником между возлюбленной и влюбленным. С одной стороны, благодаря ему, влюбленный узнает об аромате локонов, с другой, – он обращается к ветерку с просьбой передать привет возлюбленной и просит ее не быть с соперником:

*Руйине будыр ниязым шане яд эль такъмасын
Зюльф-и анбер-барына бенден селям эт эй саба* (249).

*Просьба к твоему лику, пускай чужому не открывается.
О, утренний ветерок, передай привет той, у кого амбровый локон.*

В любовном дискурсе поэта встречаются фрагменты, в которых день и ночь наполнены благоуханием, но лирический герой не может определить его источник: это амбровые родинки или локоны возлюбленной, источающие приятный аромат:

*Джан димагъыны муаттар эйлеен субх у меса
Хал-и анберлерми, айа зюльф-и хош-булармыдыр* (545).

*Сознание души сделали ароматными день и ночь [досл. утро и вечер] –
Это амбровые родинки или локоны с приятным ароматом?*

Перед нами – уже рассмотренный прием: лексема *муаттар*, кроме значения «приятный запах, аромат», обозначает один из сортов тюльпанов, что еще раз показывает символичность лексики поэта.

Форма коммуникации «**влюбленный – возлюбленная – другие влюбленные**», кроме лирического героя, предполагает наличие других поклонников возлюбленной, которые также восхищаются ею:

Какул-и хош-буюн алан буюна анбер деди (553).

*Те, кто почувствовали приятный аромат твоей челки, сказали,
что это амбра.*

В отрывке сделан акцент на амбровом аромате челки возлюбленной, который почувствовал не только влюбленный, но и другие поклонники.

Форма коммуникации «**лирический герой – автор**» представлена примером с обращением к автору, где лирический герой говорит о том, что до этого не видел ту, чья челка источает приятный аромат:

*Эй Омер сейр эделим дюнъяйы бен Кафтан
Бойле бир какуллери халя мутарра гёрмедим (392).*

*Эй, Умер, наблюдаем за миром с горы Каф
Не видел до этого ту, чья челка с приятным ароматом.*

Анализ художественных средств создания ольфакторной образности в любовном дискурсе Ашыка Умера показал, что описание образа возлюбленной ведется путем слияния основных перцептивных каналов (зрительное восприятие, обоняние, вкус), посредством которых автор характеризует свое отношение к ней:

а) зрительное восприятие + вкус + запах:

*Рухлеринъ бир верд-и рана мех джемалинъ нур гиби
Леблеринъ къанд-и небаттыр, герденинъ кафур гиби (467).*

*Твои ланиты – красная роза, луна-лик словно луч,
Твои уста – сахарные растения, шея словно камфора.*

б) цвет + запах:

Сечильмез леплеринъ мюльден дю зюльфюнъ бую сюнбюльден (212).

Не отличить твои губы от вина и аромат локонов от гиацинтов.

в) запах + вкус:

Бир перчеми анбер дили татлыдыр (661).

Ее челка – амбра, речи – сладки.

Заключение

Исследуя ольфакторную образность любовного дискурса Ашыка Умера, нужно отметить, что одоронимы играют важную роль в его творчестве. Благодаря ароматам, образ возлюбленной приобретает изысканность, необыкновенность и получает смысловую завершенность. В лирике поэта посредством запахов осуществляется коммуникация между субъектами. То есть номинации запаха выступают опосредующим кодом, с помощью которого происходит обмен информацией. Коммуникации пред-

ставлены следующими формами: лирический герой – читатель, влюбленный – возлюбленная, влюбленный – возлюбленная – другие влюбленные, лирический герой – автор. Наиболее частотными являются первые две формы. В любовном дискурсе Ашыка Умера многогранно и разнообразно описана красота возлюбленной и душевные терзания влюбленного. Следует обратить внимание на то, что создание образа возлюбленной в произведениях достигается путем слияния основных перцептивных каналов (зрительное восприятие, обоняние, вкус), посредством которых характеризуется отношение к ней: а) зрительное восприятие + вкус + запах; б) цвет + запах, в) запах + вкус.

Список литературы

- Ароматы и запахи в культуре: [в 2 кн.] / сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Кн. 1. 608 с.; Кн. 2. 664 с.
- Жирицкая Е. Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–1930-х гг. // Ароматы и запахи в культуре: [в 2 кн.] / сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Кн. 2. С. 169–269.
- Зыховская Н.Л. Ольфакторий русской прозы XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 40 с.
- Павлова Н.С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 15 с.
- Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира. Симферополь: СГТ, 2006. 284 с.
- Риндисбахер Х. От запаха к слову. Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» / пер. с англ. Я. Токаревой // Новое литературное обозрение. 2000. № 43 (3). С. 86–101.
- Рогачева Н.А. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 52 с.
- Старостина Ю.А. Метафора как средство языковой реализации концепта «запах»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 173 с.
- Demir M. Divan şiirinde sevgilinin saçının kokusu. İstanbul: Bogaziçi universiteti, 2015. 88 s.
- Pala İ. Ansiklopedik Divan Şiiri Sözlüğü. İstanbul: Kapı Yayınları, 2012. 635 s.

References

- Demir, M. (2015), *Divan şiirinde sevgilinin saçının kokusu* [*The fragrance of the sweetheart's hair in Divan poetry*], İstanbul, 88 p. (in Turkish)
- Pala, İ. (2012), *Ansiklopedik Divan Şiiri Sözlüğü* [*Encyclopedic Divan Poetry Dictionary*], İstanbul, Kapı Yayınları, 635 p. (in Turkish)
- Pavlova, N.S. (2006), *Leksika s semoi 'zapakh' v yazyke, rechi i tekste* [*Vocabulary with sema 'smell' in language, speech and text*], Author's abstract, Yekaterinburg, 2006, 15 p. (in Russian)
- Petrova, L.A. (2006), *Lingvokognitivnye osnovy khudozhestvennoi kartiny mira* [*Linguistic and cognitive basics of the world view*], Simferopol', SGT Publ., 284 p. (in Russian)

- Rindisbacher, H. (2000), *Ot zapakha k slovu: modelirovanie znachenii v romane Patrika Ziuskinda 'Parfumer'* [From the smell to the word: modeling meaning in the Patrick Zuskind's novel 'Perfume'], Transl. by Ya. Tokareva. *Novoe literaturnoe obozrenie*, No. 43 (3), pp. 86-101. (in Russian)
- Rogacheva, N.A. (2011), *Ruskaia lirika rubezha 19-20 vekov: poetika zapakha* [*Russian lyrics of the turn of the 19th and 20th centuries: the poetics of the smell*], Dissertation, Yekaterinburg, 52 p. (in Russian)
- Starostina, Iu.A. (2010), *Metafora kak sredstvo yazykovoï realizatsii kontsepta 'zapakh'* [*Metaphor as a way of language realization of the concept of 'smell'*], Volgograd, 173 p. (in Russian)
- Vainshtein, O.B. (Comp.) (2003), *Aromaty i zapakhi v kul'ture* [*Flavors and smells in culture*], in 2 volumes, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Vol. 1, 608 p.; Vol. 2. 664 p. (in Russian)
- Zhiritskaya, E. (2003), *Legkoe dykhanie: zapakh kak kul'turnaya repressiya v rossiiskom obshchestve 1917-1930-kh gg.* [Light breathing: smell as a cultural repression in Russian society in 1917 - the 1930s], Vainshtein, O.B. (Comp.), *Aromaty i zapakhi v kul'ture* [*Flavors and smells in culture*], in 2 volumes, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Vol. 2, pp. 169-269. (in Russian)
- Zykhovskaya, N.L. (2016), *Ol'faktorii russkoi prozy 19 veka* [*Olfactory Russian prose of the 19th century*], Dissertation, Yekaterinburg, 40 p. (in Russian)
-
-

OLFACTORY IMAGE AND ITS COMMUNICATIVE POTENTIAL IN LOVE DISCOURSE OF ASHYK UMER

U.R. Kadyrova

Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russia)

Abstract: The article is devoted to the study of olfactory imagery as a form of communication manifestation in the love discourse of the Crimean Tatar poet of the 17th century Ashyk Umer. The smell analysis is made on the basis of the image of the beloved of a lyrical hero since she is created from a large number of enchanting scents. Fragments of lyrical poems were the material for analysis (units of analysis), which included the olfactory characteristics of the beloved. It is claimed that the smells perform various functions in the lyrics of the poet, supplementing other perceptual characteristics, through which the beloved woman is described. Olfactory imagery that is associated with the smell is presented in metaphoricity, allegory of words and expressions. It is featured that the poet unravels his heroes' inner world by the smell and its denominating odoronyms. At the same time, it is elicited that the smell is a non-verbal communication tool mediating the communication of different types of subjects. The article identifies four communication forms related to smells (communication of the lyric hero and a reader; communication of the lover and his beloved; communication of the lover, his beloved and other lovers; communication of the lyric hero and the author). The most vividly reflecting this forms examples are given. It is noted that through the fragrances the image of the beloved woman is represented in many ways and delicately.

This effect is achieved by merging of the main perceptual components, such as visual perception, smell, and taste.

Key words: smell, love discourse, odor, olfactory imagery, Ashyk Umer.

For citation:

Kadyrova, U.R. (2018), Olfactory image and its communicative potential in love discourse of Ashyk Umer. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 211-221. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.211-221. (in Russian)

About the author:

Kadyrova Uriye Refatovna, junior researcher of the Crimean Tatar Philology, History, and Culture of the Crimea Ethnoses Institute

Corresponding author:

Postal address: 8, Uchebnyi per., Simferopol, 295015, Russia

E-mail: uriye@list.ru

Received: May 24, 2018

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ ТРИКСТЕРА В ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗАХ ГЕРОЯ-ДУРАКА

Л.А. Петрова¹, А.А. Лиходедова²

¹ *Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)*

² *Средняя общеобразовательная школа № 6 (Сосновый Бор, Россия)*

Аннотация: Фольклорный образ героя-дурака рассматривается как синтез коммуникативных свойств Трикстера – одного из наиболее значимых литературных архетипов. Признается, что его образ универсален, так как сочетает в себе абсолютно разные черты характера и поведения. Ставится цель определения особенностей реализации коммуникативных черт Трикстера в сказочном образе героя-дурака. Исследование проводится на материале русских, украинских и белорусских сказок. Доказывается, что связь образа дурака с архетипом Трикстера проявляется, в частности, в том, что они оба реагируют на происходящие извне процессы, но явления реального мира кажутся им обратными, перевернутыми и ненормальными, черты характера героя-дурака могут варьироваться в зависимости от цели повествования сказки (поучение, развлечение, насмешка), порой противореча друг другу. Анализ сказок показывает, что персонаж-дурак является мифологизированным героем славянских сказок, образ которого является собирательным, а некоторые черты характера (трюкачество, аморальность, оборотничество) сближают его с Трикстером.

Ключевые слова: архетип, фольклорный образ, славянские сказки, персонаж, коммуникативный тип.

Для цитирования:

Петрова Л.А., Лиходедова А.А. Коммуникативные черты трикстера в фольклорных образах героя-дурака // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 222–232. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.222-232.

Сведения об авторах:

¹ **Петрова Луиза Александровна**, профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской филологии

² **Лиходедова Анастасия Андреевна**, учитель русского языка и литературы

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 295015, Россия, Симферополь, Учебный пер., 8

² Почтовый адрес: 188544, Россия, Ленинградская область, Сосновый Бор, ул. Молодежная, 31

¹ E-mail: nlla@mail.ru² E-mail: buka1992@bk.ru

Дата поступления статьи: 24.05.2018

Постановка проблемы

К.Г. Юнг утверждал, что существуют психические структуры (архетипы), присутствующие в каждом из нас. Он имел в виду, что так же, как гены определяют наше физиологическое развитие, так архетипы определяют характер нашего психологического развития. Ученый рассматривал Трикстера как архетип, который воплощал в себе антисоциальные, инфантильные и неприемлемые аспекты «я» [Юнг 2015]. Следуя теории Юнга, J. Веебе выделил восемь архетипов. В основе его классификации лежит принцип оппозиции сознания и бессознательного: то, что осознается человеком, в бессознательном имеет свою противоположность [Веебе 2005].

Слово *trickster* (англ. «обманщик») означает героя, который обладает множеством отрицательных черт, а действия не всегда понятны или приемлемы для окружающих. Он появляется для создания новых устоев, правил, традиций, но вынужден разрушить при этом старые, внося элементы хаоса в привычный ход жизни. Именно поэтому Трикстер считается фундаментальной силой, не подчиняющейся никому [Топоров 1995: 159; Hynes, Doty 1993]. Результат его действий не всегда очевиден и для него самого. Хитрость – его отличительная черта, но он может попасть в просак, если созданная им иллюзия будет недостаточно убедительной.

Образ Трикстера впервые рассмотрел П. Радин в монографии 1956 г., посвященной анализу первобытной мифологии индейцев. По мнению ученого, иррациональное поведение Трикстера является возможностью выхода низменных страстей, не допустимых моральными устоями племени и строя. «Этими безрассудными выходками Трикстер ломает имеющиеся традиции и начинает новые» [Радин 1999: 256]. Е.М. Мелетинский считает, что культурный герой (с чертами первопродка и демиурга) и его комический дублер (Трикстер) являются центральными образами архаического и первобытного фольклора. Это объясняется тем, что они предшествуют отчетливому различию религиозных и поэтических сюжетов и образов [Мелетинский 2000: 46].

Интересным исследованием феномена Трикстера является работа Ю. Чернявской [Чернявская 2014]. Исследователь считает, что основная функция Трикстера – быть точкой совмещения несовместимого, которая порождает новое. Происходит это за счет конфликтности, являющейся сердцевинной самого этого существа. Во всех своих образах-проявлениях Трикстер утрированно внутренне конфликтен. Это говорит о двойственном начале Трикстера, о наличии у него мужских и женских черт. Такая характеристика имманентно присуща карнавальной логике, поскольку начало свое карнавал берет от древних верований и культов в честь богов,

которым присуща отмеченная Ф. Зелинским «неистовость и дикость» [Зелинский 2010: 99].

Архетипические черты трикстера проявляются и в современном мире, особенно при смене социально-культурных эпох и мировоззренческих парадигм [Гаврилов 2006]. По замечанию Р. Кулешова, «несмотря на достаточно долгий срок бытования в научной литературе трикстерской проблематики, вряд ли можно говорить о том, что этот термин четко обозначен как исследовательская дефиниция» [Кулешов 2007: 195]. Главное отличие архетипической номинации ученые видят в том, что «в условиях постметафизической культуры он получает возможность свободно жить и действовать, причем как в поле мифа, так и за его пределами, переходя в статус культурного героя» [Березовская 2011: 99].

Цель статьи – определить особенности реализации коммуникативных черт Трикстера в сказочном образе героя-дурака.

Для достижения поставленной цели следует решить следующие задачи:

– выявить общие черты поведения персонажа-дурака в славянских сказках;

– представить характеристику коммуникативных действий персонажа-дурака как проявление архетипических черт Трикстера.

Результаты исследования

В славянских сказках образ дурака интерпретируется по-разному. Есть различия между дураком природным (человеком умственно отсталым) и «дураком сознательным» – юродивым. Связь с Трикстером прослеживается именно у второго. Это подтверждается тем, что «дурак сознательный» не соответствует данному миру, обладает тайными знаниями, умениями, способностью говорить с неживыми предметами и пр.

Представителями «дураков сознательных» считаются шуты и скоморохи. Скоморохи выступали обличителями недостатков и крестьян, и их угнетателей, придавая своим насмешкам форму песни, сказки, рассказа, небылицы, не боясь понести за это наказание. С дурака ведь спрос небольшой. При этом целью смеховых сценок было привлечение внимания общества к современным проблемам, призыв к гуманности. Почти все славянские сказки включают в себя данную смеховую традицию. Говоря о неправильных поступках Ивана-дурака, они намекают на преднамеренность его действий и желание таким образом высмеять окружающих: *и поехал на болото, утопил лошадь в болоте, отрезал у ней хвост и воткнул в тину... шут ухватился за один конец хвоста, а поп за другой; тянут в разные стороны... взял да и выпустил хвост из рук – поп так и ударился оземь* (Фомка-шут), *Схватился поп трепака откалывать; уж он плясал-плясал, весь-то ободрался, искололся* (Райская дудка). Д.С. Лихачев связывал существо смеха с раздвоением: «Смех делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую “тень” действительности, раскалывает эту действительность» [Лихачев 1997: 369].

Среди сказочных героев и персонажей, эксплицирующих архетип Трикстера, можно выделить Емелю, чёрта, Бабу Ягу, Святогора, Змея Горыныча, Волха Всеславьевича, но наиболее интересным является образ Ивана-дурака.

Иван – один из самых популярных героев русских, украинских и белорусских сказок. Как правило, он имеет низкий социальный статус, в семье является третьим сыном, жены и собственного имущества не имеет. Его часто пытаются обвести вокруг пальца более смысленные братья, считая глупым и наивным.

Образ Ивана-дурака может трансформироваться в других героев сказок, обладающих аналогичными чертами, но носящих другое имя. Так, в сказке «Фомка-шут» заглавный герой является явным примером образа дурака, но имеет иное имя, что можно объяснить тем, что для различных регионов Древней Руси привычны были свои имена и прозвища. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что образ дурака прослеживается во многих славянских сказках.

Дурак в семье – последний сын (чаще всего третий), а про таких говорилось, что они обладают даром знахаря, лекаря, способны противостоять силе колдунов и ведьм. По словам Е.Е. Левкиевской, «знаково отмечены первый и последний ребенок в семье, которые, как правило, обладают знахарскими способностями» [Левкиевская 2001: 103].

Не случайно и то, что дурак – третий сын в семье, так как три – число священное и сакральное, символизирующее три стороны бытия в мифологическом миропонимании.

Иван-дурак – единственный из братьев, который в сказке выступает как субъект говорения. Он загадывает и отгадывает загадки, умеет играть на различных музыкальных инструментах, поет и сочиняет стишки, шутки и прибаутки.

Сложно определить, является ли герой сказок положительным или отрицательным героем, так как данный образ интерпретируется по-разному. В зависимости от цели повествования сказки (поучение, развлечение, насмешка) черты характера Ивана могут варьироваться, порой противореча друг другу, что сближает этот образ с архетипом Трикстера.

Иван-дурак воплощает в себе особую сказочную стратегию, опираясь не на практические знания и разум, а на поиск собственных решений. С точки зрения обычного человека его действия алогичны, а порой и аморальны. В сказке «Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь» Иван *сел на нее (лошадь) верхом, к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял хвост в зубы, погоняет ладонями по бёдрам... подошёл наперёд, снял крышку (гроба) и плюнул ему в лицо... тихонько подкрался, за гриву поймался и сел задом наперёд.*

Сюжет неправильной езды на лошади в целом свидетельствует об инаковости Ивана. Такая езда свидетельствует не только об алогичности

героя, но и о его скоморошье натуре, ведь данное действие носит намеренный смеховой характер. Дурак садится на лошадь неправильно, несколько раз промахивается мимо седла и это уже смешно для обычного человека, так как свидетельствует о несерьезности его намерений, желании сыграть шутку.

Инаковость Ивана проявляется не только в том, как он ездит на лошади. Пребывая в себе, в своем ином мире, он общается с объектами неодушевленного мира как с живыми существами. Например, в сказке «Иванушка-дурачок» главный герой видит обгорелые пни и жалеет их: *Эх, – думает, – ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные! Взял понадевал на них горшки да корчаги...* С дразнящими его ложкой и пивом он ругается, беседует со своей шапкой, стол у него должен сам дойти домой. Для любого нормального человека это ненормально, но у дурака своя правда и его поступки оправданы достижением собственной цели. В данной сказке такие действия не приносят положительного результата. Однако следует отметить, что данная линия поведения Ивана-дурака в конечном счете непременно приведет его к успеху.

Говоря о нестандартном поведении Ивана-дурака, невозможно не упомянуть его танец на похоронах и слезы на свадьбе: *Вышел на улицу, взял балалайку. По улице несут покойника, а он поигрывает и поплясывает... Бог помочь! Носить бы вам не сносить...* (Иван-дурак). Это аморальное поведение может свидетельствовать лишь о том, что Иван-дурак является представителем антимира, где всё представляется перевернутым. Он пытается разделить с людьми их горе и радость, но остается непонятым. Изображение пляски дурня присутствует во многих славянских сказках и берет свое начало еще в дохристианском периоде. Экстатические пляски были характерны для богослужений, жертвоприношений и использовались для связи с духами и богами. С принятием христианства такие пляски претерпели изменения, но остались в виде пляски ряженых: их внешний вид, поступки, функции – всё свидетельствует о некоем ритуале обхода деревни с целью ее защиты на последующий год. В повседневной культуре носителями данной традиции являлись дурни или скоморохи, которые могли плясать не только с мотивацией (на праздниках, похоронах, в церкви), но и просто так. Поздняя христианская традиция связывает танцы и любое веселье с происками нечисти, что нашло свое отражение в поздних сказочных сюжетах славян.

На примере произведения «Ночные сказки» прослеживается готовность Ивана-дурака (по данным Р. Кулешовым определению, мифологемы трикстер [Кулешов 2008]) не только сразиться с нежитью в танце, но и переплясать ее. Безымянный солдат, одно из воплощений дурака, в полночь танцует с чертями в занятом ими доме: *А солдат страшный плясун был. Взад пятки идёт в зало. Черти говорят: «Ох, солдатик, какое колено выкидывает!..», заиграла музыка, стали танцевать; до тех пор танцевали, пока башмаки изорвали.*

Идя на поле сторожить репу, дурак зачем-то танцует: *Вышел Ванька, давай плясать, до полуночи плясал, потом лёг* (Как дурак репу охранял). После неистойвой пляски Ивана на поле появляется чёрт, которого герой умудряется поймать. Из этого следует, что именно пляска помогла Ивану не только увидеть чёрта, но и совладать с ним.

Дурак с помощью чудо-дудочки не только пересиливает нечисть, но и восстанавливает социальную справедливость, заставляя своих «работодателей» (попа, пана, кочмаря) при помощи выматывающей пляски выполнять нарушаемый ими договор: *Кинув господар ключі своєму слугі і далі танцює... Взяв грошей скільки належалося за десять років служби, і пішов* (Поп и дурак).

Во время совершения одного из множества своих обманов с мнимыми волшебными предметами Иван-дурак устраивает нечто наподобие ритуального танца: *А Иван-дурак поставил на лёд чугунок с кипящей водой – он на льду и кипит, а сам вокруг чугунка скачет* (Ивашка-дурашка).

Особенно следует отметить пляску дурака возле огня: *Идёт, а у мужика овин горит, а он давай плясать да веселиться* (Дурень Ненило и жена Ненилушка), *Идёт, а дом горит, заливают, бегут. Он пришёл, шапку на одно ушко, наплясывает да наигрывает* (Набитой дурак). В данном примере прослеживается связь с древней традицией пляски вокруг жертвенного огня. Дурак не только сам танцует, но и может принуждать к пляске до упаду других людей и даже животных. Чаще всего он использует некий волшебный предмет для этих целей, например, скрипку или сопелку: *У Иванушки была скрипка: как заиграет – всё танцует* (Чёртова скрипка).

Чудесный инструмент Иван-дурак может получить различными способами. Известны сказки, в которых для получения волшебного предмета дурак приносит жертву высшим силам: *Вот батрак купил себе два пуда ладану, вышел на луг, зажгёт его и начал Богу молиться... Не успел он выговорить, вдруг дудка летит с неба* (Батрак).

Иногда получение магического предмета похоже на ритуал, в ходе которого от дурака требуют дополнительных уступок: *Ну, да так и быть: бери себе гусли, только отдай мне то, что тебе дома дороже всего* (Гусли-самогуды). Иван соглашается, возвращается домой и видит своего отца умершим. Таким образом, за диковинку он рассчитался человеческой жизнью.

Есть группа сказок, в которых дурак меняет волшебный предмет не на чужую человеческую жизнь, а на жизнь самого чёрта, которого герой сумел поймать: *Дудку еще дам... как свистнешь, всё плясать будет* (Дудочка).

Часто дурак пускает в ход свои уловки и обман, чтобы заполучить необходимый предмет. Например, дурак сообщает чертям, что плетет веревку, дабы их всех перевешать; те готовы отдать диковинную скрипку, лишь бы избежать смерти: *На тій скрипці як заграєш, то все буде танцювати: чи чоловік, чи худоба* (Волшебная скрипка).

Иногда инструмент у дурака просто есть, а откуда он взялся – неизвестно: *А у Иванушки была скрипка: как заиграет – всё танцует* (Волшебная скрипка); *пастушоночек взял дудочку да заиграл* (Дудочка). Можно предположить, что волшебный инструмент появляется в жизни персонажа не эпизодически, а становится неременным его атрибутом.

Волшебный инструмент помогает персонажу во многих ситуациях, но и служит для развлечения героя. Он прихватывает его, когда идет караулить отцовское поле, чтобы поймать разорителя посевов: *На третью ночь собирается Иван-дурак. Забирает сито гороху, наладил балалайку* (Иван-крестьянский сын и чудо-юдо).

Таким образом, Иван-дурак является поэтом и музыкантом; в сказках подчеркивается его умение играть на музыкальных инструментах, любовь к танцу. Данная черта характеризует героя славянских сказок как представителя архетипа Трикстера и позволяет говорить нам об архетипичности образа дурака.

Одной из отличительных черт Ивана-дурака является пьянство, что нашло отражение в украинской пословице: *Дурень нічим ся не журить: горілку н'є і люльку курить*. Свидетельств о его запойном пьянстве более, чем достаточно: *...а меньшей сын Иван **завсегда ходил по кабакам, по трактирам*** (Соль), *Фомка за окном похохатывает, **сладку водочку попиват*** (Фомка-шут), *а у самого колошишки на босу ногу... карманы вывернуты, под левым глазом синяк* (Сумка волшебника).

Любопытно обыграна тема хмеля в сказке про Емелю-дурака. Царь посылает своих слуг за возмутителем спокойствия. Дурак не желает отвечать за содеянное, поэтому решает схитрить: *...а Емеля хитрый был. **Взял, их пьяными напоил, и отправил***. Но царь оказался хитрее него: *На второй день других посылает. Те **пришли пьяные ужсо, поить не надо*** (Емеля-дурак). В поведении Емели прослеживается хитрость и смекаливость Трикстера – он одолевает неприятеля хмелем, но всё же терпит поражение.

В сказке «Про Перфила» дурень, раздобыв небольшое количество денег, отправляется по кабакам, оставляя определенную сумму трактирщику в счет будущих попок, после чего приходит в трактир в компании, которую впоследствии благополучно обводит вокруг пальца и выгодно продает свою старую шапку: *и потребовал на десять рублей водки и закуски... хлопнул шапчонкой по столу... «Ну что, в расчете, господин хозяин?»* (В расчете).

Хмельное фигурирует и в сказке «Простачок изгоняет домового». Подсмотрев, как хозяйка в хате гуляет с любовником, дурень приходит вслед за вернувшимся домой мужем. Увидев скудное угощение, он сообщает хозяину, что его вещая птица (филин) чувствует в доме присутствие вина: *Да ну ее! **Всё свое плетет! Будто в подставце **фляжка водки** есть!***

Дурак не только сам является пьяницей, но и потчует других: бражников в кабаке, солдат, чужеземных красавиц, враждебных ему персона-

жей. В сказке «Соль» Иван в своих странствиях встречается великана, который не только помог ему выполнить задание, но и вернул домой. Единственное, о чем попросил великан, – никому о нем не говорить. Но не тут то было. На свадебном пиру, слушая, как хвастаются подвыпившие гости, дурень решил от них не отставать: *А Иван сидел, сидел да стьяна и сам похвастался*. Рассерженный великан желает отомстить, но Иван ловко его обманывает, попутно спаивая. В этом фрагменте мы видим не только пьянство и разгульную жизнь Ивана-дурака, но и одоление противника при помощи хмеля и смекалки.

Одной из наиболее сохранившихся особенностей архетипа Трикстера в образе Дурака является его связь с сакральным, мистические знания. В некоторых сказках носителем тайных знаний является не сам герой, а другие мифические персонажи (Волк, Конёк-горбунок, Баба-Яга и т. д.). Они указывают Дураку грань между миром реальным и ирреальным, помогают ему преодолеть ее и остаться в живых, а иногда и одаривают его магическими предметами. Некоторые из персонажей даже сопровождают героя, помогая справиться с возложенными на него задачами.

Не все герои – проводники в мир иной доброжелательны к Ивану-Дураку, некоторые желают его смерти. Так, в сказке «Иван-дурак и Яга-баба» старая ведьма приказывает дочерям зажарить пленника в печи. Одержать верх над Ягой Ивану удастся только хитростью: каждый раз вместо себя он подает на стол очередную из дочерей. Говорить о мудрости героя здесь не приходится, ведь его действия свидетельствуют скорее о проявлении смекалки, чем об обладании тайными знаниями.

Переход Ивана в мир иной посредством печи встречается редко. Гораздо чаще описывается его купание в кипятке, после чего он преображается: *бросился в кипучее молоко, плавает в котле, купается – ничего ему не делается... выскочил из котла – и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать...* (Жар-птица и Василиса-царевна). Купание в кипятке и запекание в печи схожи в преодолении смертельно высоких температур.

Для проведения колдовского действия (перехода в иной мир) наиболее привычным является изображение пожирания героя чудовищем. Стоит дураку пересилить свой страх и войти в живые ворота, как сразу же случается перерождение. Иногда чудовище (либо его голова) возникают из ниоткуда: *Вдруг видит: из погребка лошадиная вылезла голова. И говорит она Ивану: «Полезай-ка ко мне в правое ухо, а вылезешь из левого». Так Иван и сделал. Залезал он дураком, а вылез добрым молодцем, писанным красавцем* (Сивка-бурка). В других случаях герою помогает конь: *В левое ушко залез, в правое вылез – и зрел бы, глядел бы... С очей не спустил экова молодца!* (Сивка-бурка). Разумеется, нельзя не заметить, что такая голова или чудовищная пасть являются ничем иным, как входом в ад. Интересен тот факт, что Ивану-дураку удастся не только побывать по ту сторону

жизни, но и возвратиться. Отчасти это объясняется безгрешностью его души, ведь дурак не может намеренно творить зло. Его намерения и помыслы чисты, а следовательно, его не за что удерживать в аду. Как отмечал А. Синявский, «русский сказочный дурак – это ведь не просто выражение каких-то типичных свойств русского народа, но явление куда более сложное и многостороннее» [Синявский 2001: 18].

Заключение

Проведенное исследование показало очевидную связь образа героя-дурака с архетипом Трикстера. Они оба реагируют на происходящие извне процессы, но явления реального мира кажутся им обратными, перевернутыми и ненормальными.

В герое-дураке воплотилась и социальная характеристика Трикстера. Будучи создан народной фантазией, он представляет народ. Фольклорный персонаж мечтает о материальном благополучии, стремится найти способы облегчить свою жизнь. Но в фантастических событиях сказалась подсознательная мудрость простого человека, объективно оценивающего противоречивость реального мира.

Список литературы

- Березовская С.С.* Трикстер в контексте современной культуры // Дефиниции культуры: сб. тр. участников Всерос. семинара молодых ученых (Томск, 27–28 октября 2010 г.). Томск, 2011. Вып. IX. С. 173–178.
- Гаврилов Д.А.* Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
- Зелинский Ф.Ф.* История античных религий. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 478 с.
- Кулешов Р.Н.* Трикстер: топос маргинальности и выход за пределы // Грани: наук.-теорет. і громад.-політ. альм. 2008. № 2(58). С. 67–72.
- Кулешов Р.Н.* Феномен трикстера: исследовательские подходы и теоретические контексты анализа мифологемы трикстераидады // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Теорія культури і філософія науки». 2007. Вип. 33. № 791. С. 189–196.
- Левкиевская Е.Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2001. 528 с.
- Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 343–403.
- Мелетинский Е.М.* От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2000. 167 с.
- Радин П.* Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 288 с.
- Синявский А.С.* Иван-Дурак: очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. 464 с.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс: Культура, 1995. 621 с.
- Чернявская Ю.В.* Трикстер, или Путешествие в Хаос // Человек. 2014. № 3. С. 37–52.
- Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Канон, 2015. 336 с.
- Beebe J.* Evolving the Eight-Function Model // TypeFace. 2005. Vol. 16, iss. 2. P. 8–11.

Hynes W.J., Doty W.J. *Mythical Trickster Figures. Contours, Contexts, and Criticism*. Tuscaloosa; London: The University of Alabama Press, 1993. 89 p.

References

- Berezovskaya, S.S. (2011), Triksster v kontekste sovremennoi kul'tury [The Trickster in the context of modern culture]. *Definitsii kul'tury [Definitions of culture]*, Proceedings of All-Russian seminar for young scientists (Tomsk, October 27-28, 2010), Iss. 9, pp. 173-178. (in Russian)
- Beebe, J. (2005), Evolving the Eight-Function Model. *TypeFace*, Vol. 16, Iss. 2, pp. 8-11.
- Chernyavskaya, Yu.V. (2014), Triksster, ili Puteshestvie v Khaos [The Trickster, or Journey to Chaos]. *Chelovek [The Person]*, No. 3. (in Russian)
- Gavrilov, D.A. (2006), *Litsedei v evroaziatskom fol'klоре [Trickster in Euro-Asian folklore]*, Moscow, Sotsial'no-politicheskaya mysl' Publ., 239 p. (in Russian)
- Hynes, W.J., Doty, W.J. (1993), *Mythical Trickster Figures. Contours, Contexts, and Criticism*, Tuscaloosa and London, The University of Alabama Press, 89 p.
- Kuleshov, R.N. (2008), Triksster: topos marginal'nosti i vykhod za predely [The Trickster: marginal topos and breaking the limits], *Grani, Almanac*, No. 2 (58), pp. 67-72. (in Russian)
- Kuleshov, R.N. (2007), Fenomen triksterа: issledovatel'skie podkhody i teoreticheskie konteksty analiza mifologemy triksteriady [The phenomenon of the trickster: research approaches and theoretical contexts of the analysis of the tricksters mythologeme]. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriya: Teoriya kul'turi i filosofiya nauki*, Vol. 33, No. 791, pp. 189-196 (in Russian)
- Levkievskaya, E.E. (2001), *Mify russkogo naroda [Myths of the Russian people]*, Moscow, Astrel Publ., 528 p. (in Russian)
- Likhachev, D.S. (1997), Smekh kak mirovozzrenie [Laughter as a world view]. Likhachev, D.S. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury. Smekh kak mirovozzrenie i drugie raboty* [Historical poetics of Russian literature. Laughter as a world view and other works], St. Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 343-403. (in Russian)
- Meletinskii, E.M. (2000), *Ot mifa k literature [From myth to literature]*, Moscow, RGGU Publ., 167 p. (in Russian)
- Radin, P. (1999), *Triksster [The Trickster]*, A study of the myths of North American Indians with commentaries by K.G. Jung and K.K. Kerényi, St. Petersburg, Evraziya Publ., 288 p. (in Russian)
- Sinyavskii, A.S. (2001) *Ivan-Durak: ocherk russkoi narodnoi very [Ivan the Fool: an essay on the Russian people's faith]*, Moscow, Agraf Publ., 464 p. (in Russian)
- Toporov, V.N. (1995), *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic]*, Selected, Moscow, Progress Publ., Kul'tura Publ., 621 p. (in Russian)
- Yung, K.G. (2015), *Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]*, Moscow, Kanon Publ., 336 p. (in Russian)
- Zelinskii, F.F. (2010), *Istoriya antichnykh religii [History of ancient religions]*, Rostov on Don, Feniks Publ., 478 p. (in Russian).
-

COMMUNICATIVE FEATURES OF THE TRICKSTER IN FOLKLORE IMAGES OF THE HERO THE FOOL

L.A. Petrova¹, A.A. Likhodedova²

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russia)

² Secondary school No. 6 (Sosnovyi Bor, Russia)

Abstract: The article considers the folklore image of the Hero the Fool as a synthesis of the communicative properties of the Trickster – one of the most significant literary archetypes. It is recognized that his image is universal, because it combines completely different traits of character and behavior. The aim of the article is to determine the features of the realization of the communicative skills of the Trickster in the fairy tale image of the Hero the Fool. The research is conducted on the material of Russian, Ukrainian and Belarusian fairy tales. It is proved that the connection of the image of the fool with the Trickster archetype is manifested, in particular, in the fact that they both react to processes occurring from outside, but phenomena of the real world seem to them inversed, turned upside down and abnormal. Depending on the purpose of the narrative of the tale (teaching, entertainment, ridicule), the character traits of the Hero the Fool can vary, sometimes contradicting each other. The analysis of fairy tales shows that the character the Fool is a mythologized hero of the Slavic tales, its image is collective. Some character traits (trickery, immorality, shapeshifting) bring him closer to the Trickster.

Key words: archetype, folklore image, Slavic tales, character, communicative type.

For citation:

Petrova, L.A., Likhodedova, A.A. (2018), Communicative features of the Trickster in folklore images of the Hero the Fool. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 222-232. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.222-232. (in Russian)

About the authors:

¹ Petrova Luiza Aleksandrovna, Prof., Head of the Chair of Russian Philology

² Likhodedova Anastasiya Andreevna, teacher of Russian language and literature

Corresponding authors:

¹ Postal address: 8, Uchebnyi per., Simferopol, 295015, Russia

² Postal address: 31, Molodezhnaya ul., Sosnovyi Bor, Leningrad Oblast, 188544, Russia

¹ E-mail: nlla@mail.ru

² E-mail: buka1992@bk.ru

Received: May 24, 2018

Раздел V

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part V

COMMUNICATIVE DIDACTICS

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСТРОЯ И ИНТИМИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ В ЛЕКЦИЯХ TED: ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В.В. Карнюшина¹, Е.А. Иванова², Е.В. Варясова³

¹ Сургутский государственный педагогический университет (Сургут, Россия)

^{2,3} Сургутский государственный университет (Сургут, Россия)

Аннотация: Исследуются языковые средства речевого воздействия на материале публичных лекций TED, так как видеоматериалы конференций TED сегодня – один из самых популярных ресурсов распространения научных знаний. Изучение причин такого интереса позволит использовать эти результаты в преподавании дисциплин и возбуждении интереса к научным исследованиям. Цель работы – изучить способы эффективного воздействия на адресата в рамках публичных лекций, а именно рассмотреть тактики создания эмоционального воздействия на аудиторию. В качестве иллюстрации такого эффекта исследуются фонетические и синтаксические средства речевого воздействия в процессе подачи лекторами материала из наиболее популярных лекций изучаемого ресурса. Представлен фонетический разбор ситуаций (просодический анализ, анализ звучащей речи с использованием программы PRAAT) и структурно-семантический анализ на логико-грамматическом уровне трех лекций на английском языке. В результате были выявлены, классифицированы, определены основные манипулятивные тактики и языковые средства с воздействующим эффектом, которые использовались для интимизации общения с аудиторией с целью введения новой информации. В качестве перспективы возможно проведение дальнейших экспериментов в изучении воздействующего эффекта на аудиторию в ходе чтения университетских лекций.

Ключевые слова: речевое воздействие, формирование эмоционального настроения, интимизация общения, лекции TED.

Для цитирования:

Карнюшина В.В., Иванова Е.А., Варясова Е.В. Синтаксические и фонетические средства формирования эмоционального настроения и интимизации общения в лекциях TED: тактики речевого воздействия // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 235–251. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.235-251.

Сведения об авторах:

¹ **Карнюшина Вера Вениаминовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации

² **Иванова Елена Александровна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода

³ **Вариясова Елизавета Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 628400, Россия, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2

^{2,3} Почтовый адрес: 628408, Россия, Сургут, ул. Ленина, 1

¹ E-mail: wera-k@yandex.ru

² E-mail: eljohnson86@mail.ru

³ E-mail: justina2302@mail.ru

Дата поступления статьи: 04.05.2018

Введение

Целью персуазивного дискурса является осознанное убеждение другого участника общения [Lakoff 1982]. Значит, один из участников коммуникации намеренно воздействует на другого посредством аргументации, авторитета, суггестии и психической силы.

В работах Г.Г. Почепцова речевое воздействие рассматривается в перлокутивном аспекте, т. е. анализируется реакция со стороны адресата. Ученый отмечает, что говорящий использует те или иные ресурсы воздействия согласно преследуемым им задачам. Исходя из этого, Г.Г. Почепцов выделяет следующие задачи адресанта:

1) изменение отношения к какому-либо объекту, изменение значения объекта для субъекта (выражается в призывах, лозунгах, рекламе);

2) формирование общего эмоционального настроения (лирика, гипноз, политическое воззвание);

3) перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий [Почепцов 1987].

Большинство речевых действий, как отмечают исследователи, рассчитано не на единичную реализацию задач, а на комплексную реакцию, включающую и эмоциональный настрой, и изменение коннотативных значений в категориальной структуре адресата, и на коррекцию модели мира [Глушак 2009; Иссерс 2011]. Основываясь на этом, были исследованы и классифицированы случаи речевого воздействия на материале лекций TED согласно преобладающей задаче воздействия.

Конференция TED – это своеобразная площадка для презентации проектов, идей из самых разнообразных сфер человеческой жизни. Это

новый современный способ популяризировать и распространять знания. Видеоролики программы TED имеют около миллиарда просмотров в год. Мы имеем возможность, сидя у себя дома, услышать слова великих ученых, политиков, дизайнеров, профессионалов своего дела, людей с интересным жизненным опытом. Конференции TED удалось возродить интерес к ораторскому мастерству, вследствие чего актуальными становятся новые способы речевого воздействия. Задача усложняется тем, что все выступления имеют жесткие временные рамки (18 мин). За это время оратор должен успеть расположить к себе зрителей, поделиться новой информацией (порой это сложные для понимания научные открытия) и возбудить интерес. Следует отметить, что эффективное убеждение возможно, только если слушающий проявляет познавательную активность. Осмысливается и запоминается только та информация, на которую слушающий обратил внимание. Как известно, оратор, использующий во время выступления исключительно доказывание, логическую аргументацию, основанную на активной обработке, анализе и оценке информации, ее критическом осмыслении, имеет влияние на меньшую часть аудитории. Это слишком долгий по времени путь. Поэтому различные способы привлечения и удержания внимания аудитории и создание доверительных отношений между оратором и публикой становятся особенно актуальными. Эмоциональное воздействие и интимизация общения – один из способов сэкономить время и оказать большее речевое воздействие в ходе выступления на конференции TED [Карнюшина, Вариясова 2017].

Материалы и методы исследования

Настоящая статья посвящена исследованию средств и приемов формирования эмоционального настроения и интимизации общения в ходе изучаемых лекций. Тактика эмоционального настроения и интимизации позволяет ускорить реализацию стратегии убеждения. В дополнение к предложенным Г.Г. Почепцовым параметрам были добавлены два пункта – активизация внимания и введение новой информации, поскольку речь идет о педагогическом дискурсе. В рассматриваемом материале лекторами предлагаются новые знания, требующие активного внимания слушателей, и используются приемы для активизации внимания аудитории и введения новой информации. Таким образом, используемая классификация имеет следующий вид:

- изменение отношения к объекту;
- формирование эмоционального настроения и интимизации общения;
- перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий;
- активизация внимания;
- введение новой информации.

В работе был проведен структурно-семантический анализ лекций на логико-грамматическом уровне, основанный на трудах В.Д. Ившина.

В своей работе автор отмечает, что балансом между субъектом и предикатом суждения выступает – как в устной, так и в письменной речи – интонация. В устной речи это выражается в виде перепадов коммуникативного динамизма, выражающих смысловые связи между элементами высказывания и отношением говорящего к фактам действительности. В письменной речи это реализуется за счет знаков препинания, графических и синтаксических приемов для предикативного выделения членов высказывания [Ившин 2002: 64].

Говоря о фонетических средствах речевого воздействия, следует отметить особое значение, которое Р.К. Потапова и В.В. Потапов придавали фонетическим средствам. К ним они относят ритм, паузацию, членение, мелодическое оформление и громкость. Паралингвистические средства тесно связаны с функцией эмоционально-воздействующего характера. К числу таких признаков относятся повышение уровня тона, повышение уровня громкости, усиление темпа речи; расширение тонального диапазона; наличие контраста между просодическими показателями темы и ремы. Ведущим просодическим средством воздействия является акцентная выделенность. Акцентуация имеет прямую зависимость от индивидуальных коннотаций реципиента при восприятии сообщения. При передаче коннотативных значений элементы просодической структуры различаются. Данная вариативность может проявляться, например, в удлинении или укорочении синтагм. На восприятие реципиента могут также воздействовать изменения частоты основного тона, скорость артикуляции, частота паузации, тембр и ритм на отдельных участках высказывания [Потапова, Потапов 2012: 300–319].

Использование риторических средств также отмечается исследователями в качестве способа воздействия на аудиторию [Знаменская 2004; Арнольд 2009; Гальперин 2013].

Таким образом в настоящей работе определялся субъект и предикат суждения, выявлялись фонетические и синтаксические ресурсы речевого воздействия, были проанализированы и классифицированы примеры.

В России пользуются популярностью видеоролики выступлений TED, переведенные на русский язык при помощи дубляжа или субтитров. При этом работу дублера не всегда можно назвать профессиональной, зачастую мы слышим невыразительную, монотонную речь, поэтому влияние интонационных приемов ослабевает. Теряется данный эффект и при наличии субтитров, так как всё внимание концентрируется на чтении текста. Но сила синтаксических и семантических приемов и средств остается.

По нашим наблюдениям, многие ораторы для реализации тактики эмоционального настроя и интимизации использовали следующие приемы:

1. Риторический вопрос: *Когда дети засыпают, кто сидит за приставкой?* (Д. Бавельер. Как видеогри влияют на мозг); *Как мы учимся?*

И почему учеба одним дается лучше, чем другим? (Л. Бойд. Это видео изменит ваш мозг).

2. Факт или история из личной биографии (часто сопровождается фото из семейного архива): *Два года назад моя жизнь изменилась навсегда! Мы с моей женой Келси привели в этот мир нашу дочь Лилоу...* (Дж. Кауфман. Как выучить что угодно за 20 часов); *Я хочу рассказать вам историю о том, каково это чувствовать себя самозванцем, занимающим чужое место. Когда мне было 19 лет я попала в страшную аварию. Машина перевернулась. Меня выбросило. Я очнулась в отделении черепно-мозговых травм. Мне пришлось оставить колледж, мой IQ упал на два стандартных отклонения...* (Э. Кадди. Язык тела формирует вашу личность).

3. Юмористическое высказывание: *Если некоторые женщины сейчас пришли от меня в ужас, не рассказывайте мне, я потом в Твиттере узнаю!* (К. Рассел. Внешность не главное); *Раньше чтобы быть вежливым при общении, нужно было, как в фильме «Моя прекрасная леди», говорить только о погоде и о здоровье. Но сейчас из-за изменения климата и моде на отказ от прививок и эти темы стали опасными...* (С. Хейдли. 10 правил ведения диалога).

4. Трюк, интерактивное задание: *Это первое переодевание на сцене в истории TED, а вы его счастливые свидетели... Самое сложное надеть свитер через голову, вы все начнете надо мной смеяться!* (К. Рассел. Внешность не главное); *У кого есть мобильный телефон с собой прямо сейчас?.. Не глядя на свой телефон, сможете ли вы вспомнить иконку в правом нижнем углу?* (А. Робинс. Искусство отвлекать внимание).

Ораторы активно используют местоимения 1-го и 2-го лица (*мы, вы*), описывают свои чувства и переживания, что позволяет быстро сократить дистанцию между оратором и зрителем, внушить доверие и уважение.

Лучше всего синтаксические и интонационные средства рассматривать на языке оригинала. Материалом для статьи послужили три лекции, опубликованные на сайте TED: 1) The clues to the great story, в которой Эндрю Стэнтон (Andrew Stanton) рассказывает о секретах создания хорошей истории; 2) What I learned from 2,000 obituaries, где Лакс Нараян (Lux Narayan) делится результатами своих исследований некрологов в газете The New York Times за 2015–2016 гг.; 3) расширенная версия второй лекции How to Live Your Life to be Famous in Death.

В разборах были использованы сокращения и обозначения, предложенные В.Д. Ившином:

ИП – исходный пункт;

T₀ – нулевое выражение темы высказывания;

T – тема;

Моз – модально-оценочный элемент высказывания;

П – предикема (рема);

Пэ – переходный элемент;

- Сэп – составляющий элемент высказывания;
 | – короткая пауза;
 || – длинная пауза;
 ↑ – восходящий тон;
 ↓ – нисходящий тон;
 Λ – восходяще-нисходящий тон;
 V – нисходяще-восходящий тон;
 > – пауза для ответной реакции аудитории.

Результаты

Рассмотрим использование фонетических и синтаксических средств воздействия на примере лекции Лакса Нарайяна *How to Live Your Life to be Famous in Death*:

ΛHang in there if you are a ↑ student||. Less than ↑ 5 % of the 2000| dropped out of a ↓ school or ↓ college|. ΛDropping out is 'romantically overrated||At ↑ least for the folks who died up ↓ along||>Parents, you can thank me ↓ later.

В предложении *Hang in there if you are a student* мы наблюдаем эллипсис *hang in*, с предикативным выделением группы подлежащего *if you are a student*. Таким образом, в этом предложении мы наблюдаем следующую модель: **П-Т**.

Далее лектор констатирует результаты исследования, говоря: *Less than 5 % of the 2000 dropped out of a school or college*. Таким образом, это нулевое выражение темы высказывания (**T₀**). После чего говорящий добавляет *Dropping out is dramatically overrated*, что, в свою очередь, является развитием высказывания, т. е. **П**. Авторский комментарий – *At least for the folks who died up along* – это модально оценочный элемент высказывания, являющийся также ситуативным **Пэ**. Завершает высказывание **T₂**, выраженная обращением: *Parents, you can thank me later*, – что представляет собой резюмирующую **T** и одновременно **Пэ** к следующей. Моделью этой части выступления будет: **T₀-П-Моз-T₂(Пэ)**.

Ближе к концу лекции, когда внимание публики было ослаблено, лектор обратился к залу, используя директив физического типа с восходящей интонацией *Hang in* с целью задействовать внимание аудитории и призвать к участию в лекции. В конце повествовательного предложения выступающий использовал восходящий тон (как при обращении), затем сделал долгую паузу, тем самым привлекая внимание к последующей информации. Повтор фразового глагола *drop out* создает юмористический эффект. Выступающий применяет данный синтаксический прием, чтобы сформировать позитивный эмоциональный настрой публики. Использование прямого обращения после паузы *Parents, you can thank me later* также влияет на эмоции слушателей и приводит к интимизации общения, стирая границы между ролями (лектор – слушатель) и создавая дружескую атмосферу в зале.

В другом случае Лакс Нарайян сделал небольшое отступление, поясняя, почему резко перешел с *I* (я) на *we* (мы):

I say ↑ 'we/ because an ↑ analysis of this ↑ magnitude| is too much for one ↓ person|. And > so I begged ↑ borrowed and ↑ stole my colleagues| ↑ time and ↑ talent to codify and interpret the ↓ data| And for ↑ this| I'm ↓ grateful to them|

Данное высказывание лектор начинает с группы слов (*I say we*), выражающих вводную информацию, данную в предыдущем высказывании. Поскольку это логически соотносится с повторяемым субъектом суждения *we*, то мы принимаем это за **Ип**. После чего выступающий поясняет: *because an analysis of this magnitude is too much for one person*, что является в свою очередь новым предметом мысли, т. е. **Т**. Последующую информацию (*I begged borrowed and stole my colleagues time and talent to codify and interpret the data. And for this I'm grateful to them*) мы примем за **П**, поскольку эта группа слов присоединяется к теме высказывания и развивает ее. Из этого следует, что модель этой части будет иметь следующий вид: **Ип-Т-П**.

Он объяснил, что, когда его заинтересовала тема исследования некрологов, он привлек к работе своих коллег и, пользуясь случаем, выразил свою благодарность и признательность им. Так, с помощью одного из приемов стратегии убеждения – компликации – произошла интимизация общения. Лектор ввел в сознание аудитории новые знания, которые влияют на слушателей и воздействуют на их восприятие образа говорящего. Мы считаем, что, выразив свою благодарность публично, он не только вызвал положительные эмоции и ответную реакцию у людей, с которыми он проделал колоссальную работу, но и частично повлиял на изменение своего имиджа в глазах аудитории.

Просодический анализ отрывка иллюстрирует целый спектр средств воздействия на аудиторию. В данном отрывке можно найти частую смену уровня тона, повышение уровня громкости в отдельных сегментах, замедление темпа речи и расширение тонального диапазона.

I say v WEE| because an A ↑ NALYSIS of this ↑ magnitude| is TOO MUCH for one ↓ person|. And > so | I |↑ BEGGED |↑ BORROWED and ↓ STOLE my colleagues| ↑ time and ↑ talent to codify and interpret the ↓ data| And for ↑ this| I'm ↓ GRATEFUL to them|

К фонетическим средствам убеждения аудитории автор прибегает, используя расширение тонального диапазона, в частности в начале предложения, где он говорит: *I say we*. Здесь автор прибегает к составному тону *v* (нисходяще-восходящий тон), который обладает ярко выраженными эмфатическими характеристиками и используется носителями языка в ситуациях повышенной эмоциональной окраски.

Усиливая ударения в словах *ANALYSIS, TOO MUCH, BEGGED, BORROWED, STOLE, GRATEFUL*, автор желает обратить внимание слушателей на принятые им усилия, чтобы привлечь коллег к чтению некрологов.

В данном отрывке особое значение имеет замедление темпа речи. Отметим тот факт, что автор делает большое количество пауз, следовательно, в речи появляется сравнительно больше ударных слов, чем при быстром или нормальном темпе. Замедление темпа, на наш взгляд, не связано с затруднением в подборе нужного слова или затруднениями с формулированием высказывания. Оно здесь имеет намеренный характер, цель автора – привлечь внимание слушателя к содержанию (прием затяжной паузы). Замедленный темп, акцентуация и резкая смена диапазона тонов привлекают особое внимание, так как не являются типичными для лекторского стиля [Медведева 2017а, 2017б]. Все используемые средства способствуют запоминанию информации.

Следующий пример: *I read the obituaries almost ↓ every day|. My ↑ wife understandably thinks| I'm rather morbid to begin my day >with scrambled eggs >and a| ↑ "Let's see who died ↓ today "|.*

Поскольку лектор ранее говорил о чтении некрологов, то **Т** в этом макротексте является – *I read the obituaries*. Далее следует переходный элемент – *almost every day*, подготавливающий слушателя к предикеме, которая выражена в последующей информации о мыслях его жены: *My wife understandably thinks I'm rather morbid to begin my day with scrambled eggs* – и прямой речью: *Let's see who died today*. Этот отрывок имеет модель **Т-Пэ-П**.

Выступающий использует пояснительную вставку *Let's see who died today*, прерывая основной поток информации. Таким образом, применение личного комментария позволяет наладить интерактивность с адресатом, напрямую обратиться к читателю и ввести дополнительный комментарий. В данном случае это создает комический эффект, что влияет на эмоциональный настрой аудитории.

Следующий пример взят из части выступления, в которой лектор приводит статистику, в каких областях были известны люди, чьи некрологи исследовались:

...If you're ↑ 'wondering what "others" 'are| ↓ here are some examples||. √ Isn't it ↑ 'fascinating,| the things people ↑ do and the 'things they're remembered ↑ for?||.

Этот отрывок начинается с введения новой мысли: *If you're wondering what "others" are*, – которую мы берем за **Т**. После чего автор добавляет **П** (*are some examples*), за которой следует **П**, частично относящаяся одновременно и к **Т1**, и к **Т2** – *Isn't it fascinating*. За ней следует **Т2** – *the things people do and the things they're remembered for?* На основе этого мы предполагаем, что модель у этого высказывания будет иметь вид: **Т-П-П2-Т**.

Если в предыдущем отрывке лектор использовал модальный глагол *have to* для смыслового глагола *wonder*, тем самым сильнее влияя на слушателей и используя свой авторитет, то теперь он употребил более нейтральное *If you're wondering*, т. е. на данный момент речи позиция «лек-

тор – слушатель» сменилась на более дружескую, когда говорящий уже выступает в роли советника, или речь имеет менее назидательный, более пояснительный характер.

Лектор завершает эту часть риторическим вопросом *Isn't it fascinating, the things people do and the things they're remembered for?*, призывающим вовлечь слушателей в рассуждение и задуматься над выводом.

В этом высказывании лектор сначала обращает внимание зрителей на экран, а потом делает личностный комментарий:

Take a look||*Two >things* ↑ *leap out at* ↓ *me*||*^First:*||*"John"*.||

↑ *Anyone here named* ^ *John*| *should* ↑ *thank your* ↓ *parents*| *and remind your kids to cut out your obituary when you're gone. And* ^ *second*||: *"help"*||.

Директив физического действия *Take a look* выражает вводную информацию, просит обратить внимание. Из этого мы делаем вывод, что перед нами – **Ип**. В этом высказывании **Т** выражена *Two things leap out at me*, поскольку это вводит новый предмет мысли, подводя к **П** – *First: "John"*.

После этого **П** становится **Т2**, поскольку теперь речь идет о *John*, из чего мы делаем вывод, что *Anyone here named John* – **Т2**. Далее идет раскрытие **Т2** в виде *should thank your parents and remind your kids to cut out your obituary when you're gone*. На основании этого мы принимаем такое высказывание за **П2**. В заключение этой части лектор вводит новую **Т3** – *And second: "help"*. Модель этой части лекции такова: **Ип-Т-П** → **Т2-П2. Т3**.

С самого начала лектор привлекает внимание публики императивным предложением *Take a look*, задействуя таким образом зрительный контакт. Далее он поясняет, что первым бросилось ему в глаза, акцентируя внимание слушателей на слове *John*, после чего шутит (*Anyone here named John should thank your parents*) для того, чтобы разрядить обстановку и подготовить аудиторию к новой информации – *And second: "help"*. Выступающий повлиял на аудиторию, используя манипулятивную тактику игры с мотивом. Сначала он просит обратить внимание на незначительный объект, вызывая повышенную концентрацию внимания публики, а потом подменяет мотив на более значимый, который и является главной целью выступления.

В начале лекции автор демонстрирует видеоотрывок и обращает внимание слушателей на бегущую по дорожке девушку, чьи волосы собраны в хвост, который подпрыгивает из стороны в сторону. Здесь автор прибегает уже к другому приему – визуализации. Однако просодический анализ данного отрывка показывает, что для усиления эмоционального эффекта на аудиторию лектор использует интонационные и звуковые средства.

Josef Kerlller | *used to jog around the Stanford* ↓ *CAMPUS*.|| *And he was* ↓ *STRUCK* | *by all the* ↓ *WOMEN* | *jogging* ↓ *around* | *as* ↓ *WELL*. || ↑ *He was* ↓ *STRUCK* | *by their* ↓ *LOVELY* | *their* ↓ *BOUNCY* | ↓ *PONYTAILS*. (*смех зрителей в зале*) ||| *WHY did the ponytails SWING* | *from SIDE* | *to side* | *like* ↓ *that*.

Намеренное замедление темпа, увеличение количества пауз и их затяжной характер акцентируют внимание слушателей на каждой детали в образе бегущей девушки, в частности на *милом, задорном хвостике* (↓ *LOVELY* / *their* ↓ *BOUNCY* / ↓ *PONYTAILS*). Сочетание различных просодических средств (акцентуация, усиление громкости, высокий нисходящий тон, который является кране эмфатическим и употребляется для выражения сильных эмоций) достигает своей цели – зрители смеются.

В этой новой версии лекции Лакс Нарайян (в интерактивной части выступления) заменил примеры персон, которые предлагается угадать аудитории, на более знаменитые. Так, на экране появились надписи, после каждой из которых выступающий делал небольшие комментарии:

An Artist who Defied Genre [Prince] – *it was* ↓ *Prince*. / ^ *Who's this?*;

Titan of Boxing and the 20th Century [Muhammad Ali] – *abso* ↓ *lutely*;

Epic and Enigmatic Songwriter [Leonard Cohen] – *my favourite* ↓ *song-writer*;

Author of "To Kill Mocking bird" [Harper Lee] – ↑ *come on* / > *oh yes*.

Используя визуальный канал восприятия информации, который мы тоже рассматриваем как один из способов воздействия, лектор выносил новые темы на экран, а потом добавлял предикему сначала надписью на экране, затем устным комментарием.

Используя такие вставки-обособления, автор создает диалог с аудиторией, воздействуя на слушателя таким образом, что он чувствует себя участником действия, а не пассивным наблюдателем. Более того, вставка личностного комментария – *my favourite song writer* – интимизирует общение. Предполагается, что это влияет на адресата с целью сокращения дистанции между участниками коммуникативного акта.

Следующие примеры взяты из лекции Эндрю Стэнтон The clues to the great story. Свое выступление он начинает с анекдота, который рассказывает с характерным шотландским акцентом, и по окончании по всему залу разносится смех.

A tourist ↓ is >backpacking through the highlands of ↓ Scotland,| and he stops at a pub to get a ↓ drink.| And the only ↑ people in there is a ↑ bartender| and an ^old man nursing a ↓ beer.| And he orders a pint, and they sit in silence for a while. And ↑ suddenly the old man turns to him and goes, "You see this ↓ bar?| I built this bar with my bare hands| from the finest wood in the county. Gave it more love and care than my own child. But do they ↑ call me MacGregor The Bar ↓ Builder? ↑ No. "|Points out the window.| "You see that ↑ stone wall out there?| I built that stone wall with my ↑ bare hands.| Found every stone, placed them just so through the rain and the ↑ cold. But do they call me MacGregor The Stone Wall ↓ Builder?| No." Points out the window "You see that ↑ pier on the lake out there?| I built that pier with my bare hands. Drove the pilings against the tide of the sand, plank by plank. But do they call me MacGregor The Pier ↓ Builder?| No|.

Мы считаем, что автор использовал одну из тактик стратегии убеждения, поскольку создается впечатление, будто он высказывается не по заявленной в заголовке теме. Также мы считаем, что здесь намеренно была применена манипулятивная тактика интимизации общения для сближения участников коммуникативного акта и создания обстановки близости. Автор намеренно использовал этот прием, чтобы у аудитории было хорошее настроение, и зрители продолжали слушать его в расслабленном состоянии.

Рассмотрим, каким образом лектор добился этого эффекта. Он несколько раз использовал анафорический повтор предложений с союзом *and*, который создает ритмичность и плавность повествования, тем самым выделяя каждый присоединенный союзом элемент, делая всё высказывание более экспрессивным. Более того, частичный параллелизм (*You see that; But do they call me MacGregor; Points out the window*) использовался для достижения эффекта единства речи, неся художественно-эмоциональную нагрузку. Он ритмизирует высказывание и, благодаря своему однообразию, служит фоном для эмфатического выделения нужного отрезка высказывания, в данном случае – последненого предложения. Считается, что ритм создает гипнотический эффект, действуя на подсознание слушателя, из чего мы делаем вывод, что автор намеренно начал свое выступление с использования созвучных предложений. Также здесь присутствует тип полного параллелизма, так как мы наблюдаем полное повторение структуры двух или более предложений, когда после вопроса мужчина указывает на окно.

Поскольку нас интересует использование синтаксических и фонетических ресурсов, то мы проведем членение высказывания на логико-коммуникативном уровне – в части, где присутствуют те или иные ресурсы. Наибольшая концентрация ресурсов находится во второй части высказывания, в которой начинается диалог персонажей, именно этот отрывок и был нами рассмотрен. Поскольку здесь присутствует частичный параллелизм, то модель членения будет одинаковой, для ее составления нам будет достаточно небольшого отрывка.

Итак, оратор вводит новую мысль, начиная диалог – *You see this bar?* Мы принимаем это за **Т**. После чего он поясняет, используя **П**, – *I built this bar with my bare hands from the finest wood in the county. Gave it more love and care than my own child.* Далее он поднимает новую **Т** – *But do they call me MacGregor the bar builder?* Ее **П** является – *No*. Таким образом, модель одного из элементов параллелизма – **Т-П-Т-П**.

Риторический вопрос *But do they call me MacGregor?* не предполагает ответа, он используется с целью усилить впечатление, повысить эмоциональный тон. После чего лектор применяет экспрессивное отрицание. После каждого риторического вопроса мужчина, не давая собеседнику возможности ответить, обрывал его резким ответом *No*. Таким образом, от-

рицание позволяет сделать фразу лаконичней и усилить выразительность момента, о котором идет речь.

Говоря о фонетической стороне представленного анекдота, следует отметить произносительные особенности его воспроизведения, прежде всего – шотландский акцент. В связи с этим обратимся к некоторым исследованиям стереотипов восприятия диалектов британского варианта английского языка, который наглядно демонстрирует отношение к произносительным стандартам, а также узнавание этих акцентов по определенным дистинктивным чертам [Вербицкая 1990; Левин 1998].

По данным П. Болла, носители произносительной нормы характеризуются как умные, авторитетные, необщительные, сдержанные. Носители же территориальных типов произношения представляются некомпетентными, однако доброжелательными [Ball 1983: 163–168].

Согласно данным Т.И. Шевченко, информанты с территориальным типом произношения (шотландского, йоркширского и других) оцениваются как менее компетентные, умные и образованные, менее активные, эгоистичные и честолюбивые, вместе с тем более искренние и добродушные по сравнению с носителями стандартного произношения [Шевченко 1990: 139].

Именно данный факт подтверждается реакцией аудитории: слушатели сопровождают всю историю бурным смехом и аплодисментами.

Далее лектор рассказывает о своем первом опыте работы в качестве сценариста над мультипликационным фильмом студии Pixar «История игрушек» (Toy Story).

...We ↑ didn't have any influence ↓ then, >so we had a little secret list of rules that we kept to ourselves. And they were: ∧No songs|, ∧no "I want" moment|, ∧no happy village|, ∧no love story|. And the 'irony is that, in the first ↑ year|, our story was not working at all and Disney was panicking. >So they privately ↑ got ↑ advice from a famous lyricist, who I won't ↓ name|, and he faxed them some suggestions. And we got a hold of that fax. And the fax said|, there should be ↑ songs|, there should be an ↑ "i want" song|, there should be a happy village song|, there should be a ↓ love story and there should be a ↓ villain|/.

Лектор открывает новую **T** выступления: *We didn't have any influence then.* Далее он расширяет ее за счет **П**: *so we had a little secret list of rules that we kept to ourselves.* **П** состоит из синтаксического приема воздействия, о котором позже пойдет речь. Новая **T** обозначается в предложении *And the irony is that, in the first year, our story was not working at all and Disney was panicking,* **П** которой является вся оставшаяся часть высказывания. Из чего следует такая модель: **T-П-T-П.**

Используя перечисление: *No songs, no "I want" moment, no happy village, no love story...* – автор показывает категоричность намерений своих коллег в отношении вещей, которые они отказываются использовать в своем сценарии. За счет перечисления достигается эффект однородности, который в совокупности с использованием повтора *no* вызывает у слушате-

лей положительные эмоции, поскольку все эти элементы всегда присутствовали в мультфильмах, а лектор, желая идти против системы, отказывался от их использования. Вставка-обособление *And the irony is that, in the first year* является личностным комментарием, способствует лучшему восприятию информации и, в данном случае, добавляет комичности. После этого он объясняет, что студия Disney выслала им в редакцию по факсу советы, которые помогли бы улучшить сценарий: *And the fax said, there should be songs, there should be an "i want" song, there should be a happy village song, there should be a love story and there should be a villain*. Используя частичный параллелизм, лектор не только проводит мысль через всё высказывание, но и добивается юмористического эффекта, который, в свою очередь, влияет на расположение духа слушателя.

Настоящий отрывок интересен своим интонационным рисунком. При принятой орфоэпической норме восходящего тона каждого члена перечисления, за исключением последнего, лектор использовал восходященисходящий тон всех элементов при первом перечислении, таким образом выражая критичность по отношению к объектам. Далее при повторе интонация придерживается нормы, за исключением последних двух объектов. Они оба произносятся с нисходящей интонацией. Из чего следует, что лектор завершал перечисление утверждением.

Выводы

В настоящей статье были рассмотрены примеры, главной задачей которых было интимизировать общение между выступающим и аудиторией для усиления речевого воздействия. Выступающие прибегали к использованию различных фонетических и синтаксических средств с целью изменить эмоциональный настрой аудитории. Чаще всего авторы использовали комические ситуации, комментарии и высказывания для привлечения внимания публики, изменения их душевного состояния, игру на чувствах слушателей. Таким образом достигалась активизация эмоционального фона аудитории, после чего выступающие переходили к основным или важным пунктам лекции.

Список литературы

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 9-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
- Вербицкая Л.А. Орфоэпия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Яреца. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 351–352.
- Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 2013. 336 с.
- Глушак В.М. Речевое поведение коммуникантов в ситуациях повседневного общения: монография. Новосибирск: ЦРНС, 2009. 167 с.
- Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. Основы курса: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 280 с.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

- Ившин В.Д.* Синтаксис речи современного английского языка: смысловое чтение предложения: учебное пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 320 с.
- Карнюшина В.В., Варясова Е.В.* Лингвистический взгляд на инновации в образовании: stand-up лекции на сайте TED // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков: сборник научных трудов / отв. ред. Н.М. Мекеко. М.: РУДН, 2017. С. 62–67.
- Левин Ю.И.* О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 594–602.
- Медведева М.И.* Ресурсы синтаксических средств речевого воздействия в педагогическом дискурсе // Студенческий поиск в области лингвистики и лингвистического образования: сб. студ. ст. Вып. 4 / редкол.: Ю.В. Волобуева, А.В. Коваленко. Сургут: РИО СурГПУ, 2017а. С. 32–39.
- Медведева М.И.* Синтаксические ресурсы речевого воздействия в педагогическом дискурсе (на материале лекций сайта TED) // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электрон. сб. ст. по материалам XLIV студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. М.: МЦНО, 2017б. № 4(43). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(43\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(43).pdf) (дата обращения: 05.05.2017).
- Потанова Р.К., Потанов В.В.* Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012. 464 с.
- Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
- Шевченко Т.И.* Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высшая школа, 1990. 142 с.
- Ball P.* Stereotypes of Anglo-Saxon and Non-Anglo-Saxon Accents: Some Exploratory Australian Studies with the Matched Guise Technique // *Language Sciencies*. 1983. Vol. 5, iss. 2. P. 163–183.
- Lakoff R.T.* Persuasive discourse and ordinary conversation? With examples of advertising // *Analyzing discourse: text and talk* / ed. by D. Tannen. Washington: Georgetown University Press, 1982. P. 25–42.

Источники

- Narayan L.* How to Live Your Life to be Famous in Death. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ox-6xkVVxsl&list=LLkFB1X_XXITbE2IXfezYpww&t=489s&index=1 (дата обращения: 13.06.2017).
- Narayan L.* What I learned from 2,000 obituaries. URL: https://www.ted.com/talks/lux_narayan_what_i_learned_from_2_000_obituaries (дата обращения: 03.09.2017).
- Stanton A.* The clues to the great story. URL: https://www.ted.com/talks/andrew_stanton_the_clues_to_a_great_story?language=en#t-1131121 (дата обращения: 25.08.2017).

References

- Arnold, I.V. (2009), *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English], Texbook, 9th ed., Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 384 p. (in Russian)
- Ball, P. (1983), Stereotypes of Anglo-Saxon and Non-Anglo-Saxon Accents: Some Exploratory Australian Studies with the Matched Guise Technique. *Language Sciencies*, Vol. 5, Iss. 2, pp. 163-183.
- Gal'perin, I.R. (2013), *Stilistika angliiskogo yazyka* [Stylistics of the English language], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 336 p. (in Russian)

- Glushak, V.M. (2009), *Rechevoe povedenie kommunikantov v situatsiyakh povsednevnogo obshcheniya* [*Speech behaviour of communicants in everyday situations*], Monograph, Novosibirsk, TsRNS Publ., 167 p. (in Russian)
- Issers, O.S. (2011), *Rechevoe vozdeistvie* [*Speech Impact*], Textbook, 2nd ed., Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 224 p. (in Russian)
- Ivshin, V.D. (2002), *Sintaksis rechi sovremennogo angliiskogo yazyka: smyslovoe chtenie predlozheniya* [*Syntax of Modern English Speech: Semantic Reading of Proposition*], Textbook, Rostov on Don, Feniks Publ., 320 p. (in Russian)
- Karnyushina, V.V., Variyasova, E.V. (2017), The linguistic approach to innovations in education: stand-up lectures on TED. Mekeko, N.M. (Ed.) *Innovatsionnost' i mul'tikompetentnost' v prepodavanii i izuchenii inostrannykh yazykov* [*Innovation and multicompetence in teaching and learning foreign languages*], collection of scientific works, Moscow, RUDN Publ., 2017, pp. 62-67. (in Russian)
- Lakoff, R.T. (1982), Persuasive discourse and ordinary conversation? With examples of advertising. Tannen, D. (Ed.) *Analizing discourse: text and talk*, Washington, Georgetown University Press, pp. 25-42.
- Levin, Yu.I. (1998), O semiotike iskazheniya istiny [On the Semiotics of the Distortion of Truth]. Levin, Yu.I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [*Selected Works. Poetics. Semiotics*], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 594-602. (in Russian)
- Medvedeva, M.I. (2017a), Resursy sintaksicheskikh sredstv rechevogo vozdeistviya v pedagogicheskom diskurse [Resources of syntactic means of speech influence in pedagogical discourse]. Volobueva, Yu.V., Kovalenko, A.V. (Eds.) *Studencheskii poisk v oblasti lingvistiki i lingvisticheskogo obrazovaniya* [*Student search in the field of linguistics and linguistic education*], collection of articles, Surgut, SurGPU Publ., pp. 32-39. (in Russian)
- Medvedeva, M.I. (2017b), Sintaksicheskie resursy rechevogo vozdeistviya v pedagogicheskom diskurse (na materiale lektsii saita TED) [Syntactic resources of speech influence in pedagogical discourse (on the material of lectures of TED site)]. *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki* [*Youth scientific forum: the Humanities*], Proceedings of the 43rd International Virtual Scientific Conference, Moscow, MTsNO Publ., No. 4(43), available at: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(43\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(43).pdf) (accessed date: May 05, 2017). (in Russian)
- Pocheptsov, G.G. (2001), *Teoriya kommunikatsii* [*The theory of communication*], Moscow, Refl-buk Publ., 656 p. (in Russian)
- Potapova, R.K., Potapov, V.V. (2012), *Rehevaya kommunikatsiya: ot zvuka k vyskazyvaniyu* [*Speech communication: from sound to utterance*], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 464 p. (in Russian)
- Shevchenko T.I. (1990), *Sotsial'naya differentsiatsiya angliiskogo proiznosheniya* [*Social differentiation of English pronunciation*], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 142 p. (in Russian)
- Verbitskaya, L.A. (1990), Orfoepiya [Orthoepy]. Yartseva, V.N. (Ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [*Linguistic Encyclopaedic Dictionary*], Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 351-352. (in Russian)
- Znamenskaya, T.A. (2004), *Stilistika angliiskogo yazyka* [*Stylistics of the English language*], Textbook, 2nd ed., Moscow, Editorial URSS Publ., 280 p. (in Russian)

Sources

- Narayan, L. *How to Live Your Life to be Famous in Death*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=Ox-6xkVVxsI&list=LLkFB1X_XXITbE2IXfezYpww&t=489s&index=1 (accessed date: June 13, 2017).
- Narayan, L. *What I learned from 2,000 obituaries*, available at: https://www.ted.com/talks/lux_narayan_what_i_learned_from_2_000_obituaries (accessed date: September 03, 2017).
- Stanton, A. *The clues to the great story*, available at: https://www.ted.com/talks/andrew_stanton_the_clues_to_a_great_story?language=en#t-1131121 (accessed date: August 25, 2017)

SYNTACTIC AND PHONETIC MEANS USED TO FORM EMOTIONAL STATE AND INTIMATE COMMUNICATION WITH THE AUDIENCE IN TED LECTURES: LINGUISTIC MANIPULATION TACTICS

V.V. Karnyushina¹, E.A. Ivanova², E.V. Variyasova³

¹ *Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia)*

^{2,3} *Surgut State University (Surgut, Russia)*

Abstract: The article provides a survey of the linguistic means of linguistic manipulation on the material of TED lectures. Today, the videos of TED conference are one of the most popular resources for the dissemination of scientific knowledge. The study of the causes of such interest is relevant, since it would allow to use these results in the teaching process and to arouse the interest in scientific research in general. The aim of the work is to study the ways of effective influence on the addressee in the framework of public lectures. Namely, the paper considers the tactics of creating the certain emotional impact on the audience. As an illustration of such effect, the authors investigate phonetic and syntactic means of linguistic manipulation in the process of delivering lectures based on the material of the most popular lectures of the studied resource. The article presents the phonetic analysis of situations under consideration (prosodic analysis, speech analysis using PRAAT program) and structural-semantic analysis at the logical-grammatical level of the chosen three lectures in English. As the result, the main manipulative tactics were identified and categorized, as well as the language tools with the impact effect, used for intimate communication with the audience in order to introduce new information. As a perspective of the proposed work, the authors considered the possibility to conduct further experiments in the study of the effects on the audience during the University lectures.

Key words: linguistic manipulation, development of emotional state, intimate communication, TED lectures.

For citation:

Karnyushina, V.V., Ivanova, E.A., Variyasova, E.V. (2018), Syntactic and phonetic means used to form emotional state and intimate communication with the audience in TED lectures: linguistic manipulation tactics. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 235-251. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.235-251. (in Russian)

About the authors:

¹ **Karnyushina Vera Veniaminovna**, Dr., Associate Professor of the Chair of Linguistic Education and Intercultural Communication

² **Ivanova Elena Alexandrovna**, Dr., Associate Professor of the Chair of Linguistics and Translation

³ **Variyasova Elizaveta Vladimirovna**, Dr., Associate Professor of the Chair of Linguistics and Translation

Corresponding authors:

¹ Postal address: 10/2, 50 let VLKSM ul., Surgut, 628400, Russia

^{2,3} Postal address: 1, Lenina ul., Surgut, 628408, Russia

¹ E-mail: wera-k@yandex.ru

² E-mail: eljohnson86@mail.ru

³ E-mail: justina2302@mail.ru

Received: May 4, 2018

Раздел VI

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part VI

REVIEWS. CHRONICLE

**О ЗНАЧЕНИИ МЕТАФОРЫ ДЛЯ КОНЦЕПТОЛОГИИ:
рецензия на цикл монографий Л.В. Балашовой
«Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.»
(М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с.
(Studia Philologica)); «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее»
(М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica))**

В.В. Колесов

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Цикл монографий Л.В. Балашовой рассматривается с точки зрения «второй волны» в развитии когнитивной лингвистики, когда исследовательское внимание переместилось с понятия на образ и символ: обсуждается значимость выводов и положений, содержащихся в книгах цикла, для решения наиболее принципиальных вопросов как исторической метафорологии, так и концептологии. Главными достоинствами рецензируемого цикла монографий, по мнению автора рецензии, являются, во-первых, точное распределение материала, начиная с самого первого классификационного разбиения: метафорические наименования реалий предметного мира, с одной стороны, и метафоры «непредметной сферы» – с другой (тем самым анализ древнерусских текстов осуществляется исходя из присущей тому времени «реалистской» картины мира как взаимного соответствия мира вещей и мира идей); во-вторых – признание «диффузности значения» многих слов древнерусского языка. Автор подчеркивает, что древнерусская метафора была совершенно иной, чем сегодня является поэтическая или даже концептуальная метафора: прежде всего, она могла быть только предметной в ситуации действий естественного номинализма. Недостатками книг цикла автор рецензии считает нерешенность принципиальных вопросов о том, действовал ли на протяжении тысячи лет, с XI в., в русском языке без изменений единственный тип переноса – метафорический; о том, что у нас нет надежных свидетельств наличия осознанного метафорического переноса по крайней мере до XV в.; а также о том, что необходимо различать современное понятие сходства и средневекового представления о подобии. Предлагаются развернутые размышления автора, иллюстрирующие данные спорные вопросы и возможные пути их решения.

Ключевые слова: древнерусская метафора, концептуальная метафора, метафора, метафорология, концептология.

Для цитирования:

Колесов В.В. О значении метафоры для концептологии: рецензия на цикл монографий Л.В. Балашовой «Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.» (М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica)); «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее» (М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica)) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 255–281. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.255-281.

Сведения об авторе:

Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: prof.kolesov@gmail.com

Дата поступления статьи: 24.01.2018

«Вторая волна» в развитии когнитивной лингвистики второй половины XX в. переместила исследовательское внимание с одной содержательной формы концепта на другие, с понятия на образ и символ. Работы Р. Лангаккера (первая волна) и Дж. Лакоффа (вторая) указывают границы перехода. Сам переход обозначил проявление замены логического подхода к языку психологическим и углубил перспективу исследований языка. Взаимное «перетекание» символа в образ и обратно вызвало особый интерес к метафоре как технике подобного перехода с одной содержательной формы в другую, к метафоре в широком смысле этого термина как **образности** речи.

Создание символа образом и **истолкование** символа образом одинаково поддаются действию метафоры, поскольку, как заметил М.М. Бахтин, всякое истолкование символа рождает новый образ. То, что «объективисты» (начиная с Канта) называли **аналогией**, а «субъективисты» XIX в. (например, Н. Крушевский) именовали **ассоциацией**, теперь предстало в виде **метафоры**, т. е. в прямом смысле **переносом по смыслу**. Запрограммированная многозначность термина «метафора» как **переноса**, первоначально включавшая в себя **все** тропы, в том числе и исходный – **метонимию**, от Аристотеля до поэтической практики Древней Руси, постепенно «очищалась» от видовых признаков, сама становясь однозначно видом в ряду других тропов. Таково движение метафоры по составам семантического треугольника: Кант говорил о **вещи**, Крушевский – об **идее**, современное понимание сосредоточено на **знаке** – на слове, тем самым воплощая заветную мечту неореалистов раскрыть тайну слова, языка и, в конечном счете, метафоры и даже национальной культуры. Такова логи-

ка развития общественной мысли, скользящей по граням теории познания – от номинализма до неореализма. И еще вопрос, что именно является направляющей силой в таком развитии: смена языковых форм или «мушкетерская мысль», как кто-то неосторожно высказался¹.

Понятно, что глубокий, широкий по охвату материала цикл монографий Л.В. Балашовой «Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.» (М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica)) (далее – **Б1**) и «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее» (М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica)) (далее – **Б2**) так или иначе отражает подобное движение мысли, но в обратной перспективе – от материала.

Б1 начинается с предметной лексики, что также обосновано материалом. Древнерусская «метафора» и могла быть только предметной в ситуации действий естественного номинализма.

Ясно, что древнерусская метафора была совершенно иной, чем сегодня является поэтическая или даже концептуальная метафора. В связи с многозначностью термина в историческом описании необходимо определиться в терминологии. Приведенные по древнерусским текстам примеры действительно выражают метафоры, но без выделения **видовых** их признаков – как метафоры метонимии или метафоры синекдохи. Сами метафоры того времени скорее аналогии, потому что, например, *ножки* у стола не метафора как образ, ибо нет никакого сходства стола с *ногами* человека или животного, это **уподобление** по аналогии по единственному признаку «то, на чем стоит», но не ходит, не передвигается, не перемещается и т. п. Характерно также наличие суффикса *-к-*, создающего совершенно другой **знак** для выражения мнимой схожести. В древности этот древнейший суффикс был универсальным **неопределенным** «праартиклем», впоследствии (в славянских языках) преобразовавшимся для выражения диминутивов, уменьшенных копий реальной предметности (ср. *водка* при *вода*).

Современное состояние филологической науки вплотную подвело к герменевтическим исследованиям текстов, особенно древних, с целью уяснения **содержательного смысла, заключенной в этих текстах информации**. С другой стороны, и исследовательское напряжение лингвистической мысли сегодня собирается вокруг ключевой проблемы языкового знака: **семантика в историческом развертывании словесного знака**.

Большой объем использованных источников (231), словарей (50) и проработанной литературы вопроса (569) позволяет автору свободно

¹ Теперь всё чаще говорят о «третьей волне» когнитивной лингвистики, которая, в отличие от второй, возвращается к **понятию** как интегральной содержательной форме концепта, непосредственно отсылающей к **первосмыслу** как «невыразимой» содержательной форме, представленной многими именами: *субстрат, основание, внутренняя форма, наконец, концептум* 'зерно, семя'. Полный круг всех четырех содержательных форм помысленного концепта сложился. Языкознание вновь на перепутье.

ориентироваться в проблематике и самостоятельно, но на основательной теоретической базе решать поставленные в работе вопросы. Подкупает также форма изложения; например, теоретически важные постулаты представлены при минимуме высказываний с точно и информативно подобранными цитатами – в сопровождении собственной точки зрения по каждому обсуждаемому пункту. Так, основные принципы исследования метафоры в диахронии представлены (с. 44 и след.) как принципы системности, историчности и – ментальности как определяющем направлении семантического изменения принципе.

Преобразование ментальной картины мира на основе сохранившихся текстов описать, действительно, трудно, но основные параметры такого научного описания даны обнадеживающе точно. Конечно, если ограничиться только пределами предметной лексики, это – «представление о целостности объекта или неизменности его формы» (с. 174), различные типы модальности, обеспечивающие адекватное осмысление пространственно-временных ориентаций и связанных с ними (как раз путем семантического переноса) социальных, этических и прочих жизненно важных моментов. В принципе, все типы переносов отражают субъективно личные переживания, воссозданные на основе физически реальных, «вещных» и телесных ассоциаций, главным образом по функции (не по сходству). **Пространственная метафора** как основная навеивает некоторые еретические мысли: перенос по смежности и по функции – это метафора?

Как правило, в основе рассуждений Л.В. Балашовой лежит материал из деловых и – вообще – собственно русских текстов, но иногда здесь используются и тексты высокого стиля, в том числе переводные. Призвать к осторожности в этом случае – долг рецензента (см. ниже).

Удивительно точно распределен материал в различной проекции его предъявления, начиная с самого первого классификационного разбиения: метафорические наименования реалий предметного мира, с одной стороны, и метафоры «непредметной сферы», с другой. Тем самым Л.В. Балашова приступает к анализу древнерусских текстов, исходя из присущей тому времени «реалистской» картины мира (от термина «реализм» в старом его понимании) как взаимного соответствия мира вещей и мира идей, в их взаимной связи порождающего типичное для зрелого Средневековья **символическое мировоззрение** (каждая вещь предстает как символ соответствующей идеи). Это, между прочим, в свою очередь ставит новые вопросы, которые, надо полагать, станут предметом обсуждения в будущем. Для цикла монографий Л.В. Балашовой это чрезвычайно важный момент: подводя итоги, она открывает новые направления в развитии темы и в методике обработки очень сложного и противоречивого материала.

Еще одна важная подробность цикла монографий Л.В. Балашовой – это признание «диффузности значения» многих слов древнерусского языка

ка, в частности, наблюдение: там, где лексика «имеет достаточно диффузное значение», там «метафоричность... значений практически не ощущается» (с. 171). Очень важное утверждение, начиная от «ощущается» и кончая собственно «метафоричностью». То же повторяется на многих страницах обсуждаемого цикла исследований и сопровождает конкретный анализ фактов (см. с. 110, 131, 135 и др.). Теоретическая ценность введенного в исследование понятия состоит в том, что признается качественная характеристика значения (десигнат), а «не его денотат, закрепленность за определенным предметом» (с. 111). (Денотат тут, видимо, – референт, т. е. «предмет»? Или «предметное значение?»). Автор признает, и совершенно справедливо, на наш взгляд, что именно словообразовательные производные чаще характеризуются переносными значениями корня (с. 117) – и понятно, почему: происходит актуализация одного из семантических признаков «диффузного значения». Производные – материал для фиксации такого рода переносных значений, которые в ретроспективе переносными и не являются, поскольку всего лишь про-являют исходный смысл корня. В установлении этого можно видеть принципиальное теоретическое открытие автора, сумевшего показать **относительность** семантических смещений, зависящих не только от контекстов, но и от точки зрения наблюдателя: от нашего времени – или из глубины веков («прямая и обратная семантическая перспектива»). Поэтому трудно согласиться с утверждением, почерпнутым у одного из «авторитетов», согласно которому «переносы формируются по моделям, типичным и для современного русского языка» (с. 116) (верное уточнение самой Л.В. Балашовой сделано на с. 142).

Продолжая разграничение материала, автор выделяет три глобальные макросистемы, в центре которых находится носитель языка – они изофункциональны трехмерности человеческого существования и нашли отражение в философской рефлексии, например у В.С. Соловьева: в отношении к себе самому (человек и пространство – психологический уровень); в отношении к Другому (человек и общество, другие люди – социальное пространство); в отношении к Богу (человек и природа – логический уровень рефлексии). Внутри каждой из макросистем разворачивается динамическая картина развития идеальных категорий (пространство > время и пр., более 4 000 лексических единиц уже до начала XV в., см. с. 140; и т. д.). В целом очень впечатляющая картина, которая, в свою очередь, подводит к важным теоретическим обобщениям. В частности, о метафоризации в непредметной сфере. Заметно, что во всех продуктивных группах представлена «системная метафоризация», в которую по мере появления новых лексем вовлекаются сразу **целые семантические группы** (СОГ) (см. с. 234). Из этого с непреложностью следует, что перед нами действует принцип внелингвистического по существу переноса, а мыслительные (ментальные) операции идеологического порядка от него

производны и только направлены языком. Это открытие мы склонны расценивать как важнейший результат работы, эмпирически подтверждающий общую установку В. фон Гумбольдта: «Семантика предшествует слову».

Второе важнейшее теоретическое достижение цикла монографий Л.В. Балашовой – в результате семантической специализации конкретных **коннотаций** язык в своем стремлении к четкому выражению конкретных значений приводит к постепенному устранению дублетных семантических форм (с. 237), т. е. происходит процесс, обратный одновременно развивающейся в литературном варианте языка гиперонимизации (как «идеализации вещественного») – это процесс специализации смысловых оттенков общего некогда концепта («овеществление идеального»). Чрезвычайно велика в этом процессе роль глагольных префиксов с пространственным значением, которые актуализируют содержащийся в концепте конкретный смысл (например, префикс *отъ-* выражает изменение взгляда, позиции и пр.). Все эти (как и другие, не эксплицированные в работе) материалы, здесь обследованные, показывают, что **грамматические изменения в истории русского языка также направлены** означенными выше внелингвистическими переносами. Поскольку сама Л.В. Балашова неоднократно высказывает мысль о том, что, например, различные модальные значения передаются опосредованно, т. е., что они вторичны, можно предполагать, что важную роль в этом процессе **семантической перемаркировки** смысла играл символ, о котором необходимо еще вести серьезный разговор. В установке на символ как на сущностную категорию средневековой речемысли мы видим другую перспективную линию изучения проблемы, выявленную в ходе данного исследования Л.В. Балашовой.

Наши замечания (добавления, поправки, сомнения и т. п. – ненужное зачеркнуть) можно было бы выразить в следующем виде.

Не до конца убеждает уверенность Л.В. Балашовой в том, что на протяжении тысячи лет, с XI в., в «русском языке» действовал без изменений единственный тип переноса – метафорический. Тут автор идет на поводу у теоретиков («синхронистов», литературоведов, культурологов, филологов – ненужное зачеркнуть), которые на основе **фактов современных языков** утверждают незыблемость метафорического переноса как типологически вневременного типа «семантического словообразования». Между тем это – обычная иллюзия нетвердого в логике языка сознания, которое под метафорой широко понимает **образность вообще** (типично для историков-литературоведов и культурологов – родовая их болезнь, вытекающая из смысла греческого термина: **метафора – перенос**). В соответствии с формами российской ментальности у нас родовое понятие одновременно признается и одним из видовых; ближайшие параллели, понятные лингвисту: «аканье» в широком и «аканье» в узком смысле; ме-

тафора как образность вообще и метафора как один из видов семантического переноса наряду с метонимией, и пр. Сюда же относится и категория «образ»; о чем мы говорим – об образности вообще (включает в себя, между прочим, и символ – **образное** понятие), а исторически еще и различные формы предметафоры (металепсис, катахреза и пр.), на основе которых исторически происходило движение к **понятию** («идентифицирующему значению слова», по терминологии Н.Д. Арутюновой, теорию которой Л.В. Балашова использует), или мы говорим о метафоре как семантическом средстве – всё равно в каком смысле, риторическом или словообразовательном (в духе Потебни–Маркова). Семантическое развитие словесного знака проходит разные этапы в **качественном их своеобразии**. Это и является объектом исторического исследования. Приходится напоминать об этом, поскольку, следуя теоретикам в своих суждениях (а теория составляет априорную схему исследования), Л.В. Балашова несколько упрощает дело, описывая метафорический перенос как типологически абсолютную модель сознания, словно бы не претерпевшую никаких исторических изменений. Конечно, речь не идет о философском понимании «ключевой метафоры культуры» – в этом случае метафора есть структурообразующее семантическое средство в построении ментального «мира человека» («антропоцентрическая» или «космическая» метафора – неважно) – всё это также всего лишь «магические уподобления». Сокровенная сущность преобразования, исчерпывающе обнаруженного Л.В. Балашовой в привлеченных к исследованию контекстах, заключается именно в том, что развитие ментальности (а это важный подтекст обеих монографий **Б1** и **Б2**) сопровождалось преобразованием ментальной модели смыслопорождения, все более приближаясь к современному – метафорическому. О «современном» здесь сказано по инерции: сегодня метафорический перенос не осуществляется творчески; сегодня умельцы просто штампуют готовые клише по типу традиционных метафор. Можно полагать, что именно поэтому сегодня у нас нет поэзии. Между прочим, такой тип «метафоризации» напоминает средневековый тип «метафоризации по образцам», извлеченным из переводных текстов, когда-то сложенных на риторических основаниях византийскими «отцами».

Напротив, особую ценность обсуждаемого цикла монографий **Б1** и **Б2** можно видеть в том, что здесь интуитивно происходит преодоление теоретически навязываемых схем и шаблонов, показано реальное развитие семантики. Правда, не раскланиваться с авторитетами в **диссертационном тексте невозможно** – отчего и возникает несколько внутренних противоречий в изложении, на которых остановимся.

Верная позиция автора внешне выражена в четком разграничении материала, извлеченного из памятников XI–XIV вв. и отдельно – из текстов после XV в. «Метафорических наименований в целом становится больше» после XV в. (с. 70, также 76 и др.). Это верно. С XV в. метафорический

перенос действительно развивался в русском языке, отражается в текстах, но не во всех: П.И. Мельников показал, что у Аввакума (вообще у «традиционалистов») еще в XVII в. господствовала древнерусская метонимичность; то же прекрасно описано в трудах А.С. Дёмина. Св. Матхаузерова раскрыла смысл смены семиотических парадигм – от метонимической к метафорической – как раз на разломе XV–XVI вв. Это **ментальные основания произошедшего в XVII в. разрыва** между новой и старой «верой».

Л.В. Балашова согласна с тем, что в древнеславянском «образном сознании» существовал известный семантический синкретизм; именно синкретизм, а не «диффузность значений», как полагает автор: неслиянно-нераздельный смысл словесного знака, в соответствии с «магической формой сознания» представляя всё во всё. Это и показано Л.В. Балашовой в **Б2** на самой «открытой» (и «самой динамичной в диахронии», с. 353) системе обозначений социальных отношений. *Братъ* – одновременно и родовой, и социальный, и этический, и мало ли еще какой «термин», явленный каждый раз в особом своей «значении» в результате контекстной актуализации – **если иметь в виду конкретное лицо**, называемое в таком контексте. Именно в контекстах и происходило разрушение исходного семантического синкретизма – но не путем сравнения по сходству признаков (метафора в узком смысле термина), а путем уподобления по цельности «вещи» (метонимия или синекдоха, часто опирающаяся на сравнительный оборот). Прекрасные страницы **Б1** посвящены описанию «пространственных метафор», но ведь сопоставления по смежности – не метафора? Почти все такие «метафоры» сохранились в нашей речи и широко представлены в словарях – а словари обычно фиксируют только метонимический перенос или «мертвые» метафоры, исходную метафоричность которых еще следует обосновать.

Не будем говорить о философских основаниях подобной актуализации со-значений, словесно фиксированных на основе концептуального смысла славянского слова (это и есть проявление средневекового «реализма» – неоплатонизм господствовавшей тогда философии). Но что важно отметить – это несомненную древность со-вещенности всех потенциальных со-значений в цельности «вещного» знака (точнее, **имени, а не знака**). Поэтически архаическое сознание еще и сегодня представляет, будто «слово – то же, что вещь», и даже больше вещи, потому что «направляет вещь» (Марина Цветаева).

Уподобление «по образу и подобию» вещи вовсе не есть сходство ее признаков. По-видимому, Л.В. Балашова это понимает (ее материал буквально вопиет об этом), но подчеркнуть это необходимо. Метафорический тип мышления, как показал Д.С. Лихачев, возникает и развивается (и не только в словесном творчестве) не ранее, чем уподобление по тождеству сменяется сходством-сравнением отвлеченных признаков, а кроме того происходит и связанная с тем серия языковых изменений (разло-

жение синкретизма субъект-объектных отношений, разрушение устойчивых словесных формул при одновременной эмансипации слова от узкого контекста и пр.).

Сказанное можно конкретизировать несколькими примерами.

Один из признаков метафоры для Л.В. Балашовой – ее стабильность во времени: *морская губа, ложе реки, устье реки* и пр. Типичное сопоставление «вещей» **по функции**, исключающее представление о метафоре по сравнению признаков сходства. Сходства нет, как нет его и в названии напольной стены псковского детинца – *пърси*: ничего общего с женской грудью (или даже с грудью воина, закованного в латы) нет, если принять во внимание исконный смысл слова («внутренний его образ»): крепкая и твердая, выдающаяся вперед часть «тела». Многие, особенно глагольные, метафоры на самом деле представляют ту же нерасчлененность исходного смысла. *Живет (дорога в осень живет по рекам), кипит (да въскипит земля жабами), рокошет, рассыпались* (воины по степи), даже *идет* в отношении к тем, кто буквально (с современной точки зрения) «идти» не может (*дымъ исходе*), и пр. – вряд ли метафоры в общепринятом смысле, это скорее непривычные для нашего времени контекстные употребления слов, десигнат которых (по происхождению) шире, чем в нынешнем языке.

Олицетворение также не является признаком метафоризации (с. 33 и след.) – она основана на уподоблении, а не на сходстве; вообще в последующих исследованиях следовало бы различать языковые процессы (предмет исследования) и художественные приемы создания образности, несомненно заимствованные из переводной литературы. Многие примеры, привлеченные к описанию, на самом деле суть кальки с греческого. Достаточно просмотреть любой **древне-русский** перевод греческого текста (например, большое «Житие Николы Чудотворца» XI в.), чтобы увидеть там множество «метафор», дошедших до нашего времени: там и *сердце жжет*, и *совесть грызет*, хотя современное понимание «совести» у нас развивается не ранее XVI в.; то же относится к примерам типа *глава* как купол церкви, *колѣно* как изгиб, *лице* как передняя часть предмета и пр. – тоже кальки.

Согласно библейскому тексту, «по образу и подобию» Бога создан человек. «По образу и подобию» божеской Правды жили люди Средневековья, основной содержательной формой их мышления был символ подобия. «Образ вещи у Абельяра есть синоним подобия вещи... но это подобие – не образ, а понятие (*intellectus*), которое сознание производит само по себе и на которое направлены усилия разума» (С.С. Неретина).

Мы вступаем на зыбкую почву проблем метафорического познания. Сотни работ толкуют о метафоре, составляя «теории метафоры». Из споров, возникающих между специалистами, вытекают постулаты, согласно которым «сравнение не есть метафора» (это текстовое образование), «оли-

цветворение не есть метафора» (персонифицируется вся ситуация целиком), «существуют понятия «тождества» и «подобия», которые представлены на разных хронологических срезах, и т. д.

Думается, пора внести поправку в частые утверждения, будто метафоры в языке существуют изначально и вообще присущи человеческому сознанию; забывают, что само человеческое сознание изменялось. Это недоразумение основано на том, что а) под метафорой понимали всякий перенос значения (в соответствии с греч. *μεταφορά* 'перенос'; б) за русские метафоры принимали удачные кальки с греческих текстов (таких особенно много в ранних памятниках); в) смешивали метафору «как вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону интеллекта» (Н.Д. Арутюнова) с исходным синкретизмом представлений. Иными словами, **становящееся подменяли ставшим, не различая исторических преобразований** и сводя всю наличную систему в точку *теперь*. Интеллект как проявление аналитических способностей есть порождение более позднего времени, это «зона» понятий логического мышления. А до того перенос происходил по законам метонимии, путем удвоения близкочуждых слов типа *житьё-бытьё, чудо-диво, стыд и срам*. Сложность анализа и в том, что возможно переплетение сразу нескольких типов переноса, откладываявшихся в слове исторически, как это показал Потенба на выражении *горючее сердце*.

Таким образом, необходимо различать современное понятие сходства и средневекового представления о подобии. «*Подобие* есть единство, *утверждаемое* разумом, чувством истины и *отрицаемое* воображением; оно есть единство, *кажущееся* различием, *призрачное представление*, не говорящее прямо ни да, ни нет» (Л. Фейербах). Подобие есть предтеча современного метафорического мышления, уподоблявшее две вещи с целью установить их **внешнее** сходство.

В **Б1** Л.В. Балашова описывает исторический ход сложения метафор; воспользуемся ее текстом для суждений о значении метафоры для концептологии. Автор и сама понимает, что «в основе концептуализации лежит антропоцентрический принцип метафоризации», что верно: движение концептума начинается с образа – **подобия** действительности в преломлении слова-знака. Метафора описывается «как способ создания новых концептов с помощью уже имеющихся в языке знаков», «с концептуализацией наших представлений о мире». Понятие «концепт» не поясняется, но из контекста ясно, что имеется в виду одно только понятие. Автор полагает, что метафоры в древнеславянском языке уже выступали во всей их силе. Основания, по которым это заявляется, состоят в следующих аргументах:

1. В период XI–XV вв. бытовых текстов было мало, поэтому метафоры «могли функционировать в языке значительно раньше». Но в 20-томном академическом издании древнерусских текстов первые 14 томов

представляют тексты именно этого периода, а все приводимые в книге примеры как раз относятся к переводным текстам, иногда даже церковного содержания с **калькированными** метафорами.

2. «Сопоставительный анализ подобных метафорических образований в современных славянских языках» также сомнителен по диагностирующей силе: сходство реакций может быть результатом одинакового движения мысли при общности концептума, который направляет эту мысль. Тем более, что и «в современных славянских языках можно обнаружить значительное число различий».

Согласно разработкам ученых, выделяются три типа метафор:

1) **идентифицирующие** с контекстным **предметным** переносом (номинативные: *ножка стола, устье реки, подошва горы*) «для именования некоторого класса предметов»; исторически это наиболее ранние «метафоры», построенные по принципу **символического уподобления на метонимической основе**; они связаны с определенным денотатом и **представляют** собой новые понятия символического ряда;

2) **когнитивные**, «наиболее стабильные в диахронии» метафоры с контекстным непредметным значением (*железная логика*), которые отягощены контекстом и потому не могут включаться в словари – сочетаясь с любым денотатом, не связанным с ним по смыслу, свободным в употреблении, этот признак служит «для **создания** новых понятий» (**образные** понятия);

3) **образные** оценочные, постоянно возникающие в речи образные понятия (*квадратный подбородок*) – соотносятся с **образом** как содержательной формой концепта – это уже собственно троп, служащий для выражения эмоций и оценки.

По нашему суждению, все три типа укладываются в исходное распределение содержательных форм концепта, соответственно, **понятие – символ – образ**.

На этой основе Л.В. Балашова строит свою типологию древнерусских метафор, которая всё же вызывает сомнения.

Во-первых, как уже говорилось, надежных примеров действительно **русских** по сложению метафор ранее XV в. нет: приводимые общим списком слова типа *грива* ‘поросшая лесом гора’, *ложе* (реки), *крыло* ‘сторона’, *рыло* (свиньи), *лапа* ‘комель ствола’ и т. д., суть, скорее, **уподобления** на метонимической основе, а даже **не сравнения** метафорического характера. За это говорят основные особенности таких ранних «метафор»: они представлены в тех же словах, в которых сохраняется номинативное значение, причем вне контекста. Подобное удвоение значений есть признак символа. Вдобавок, такие значения сохраняются в словарных определениях, которых у метафор быть не положено. Г.Н. Складаревская удачно назвала такие «метафоры» «символом метафоры»: слитность прямого и переносного значений, воспринимаемая как словообразовательное средст-

во («семантическое словообразование»). Еще сомнительнее ранние примеры глагольных и адъективных «метафор», которые и создают когнитивные метафоры; тут синкретизм значений лежит на поверхности, он раскрывается из контекста. Например, в Изборнике 1076 г., составленном русским автором на основе переводов греческих изречений, можно встретить такие словесные формулы: *мечь бо си судьнии готовають; не отвръзи свѣта моего; егда ся родять утръ в сердце лукавьни помысли* и под. Обязательно должен присутствовать денотатный объект в виде самостоятельного имени. Но мы уже знаем, что текст создает смысл, а не значение. Вдобавок, иллюзию метафоры формирует органическое развертывание концептума во всех его внутренних смыслах. Пример приводит Балашова – слово *время* (*веремя*). Контексты (не всегда безупречные) дают основание для выделения «значений» ‘одна из форм существования материи’ (!) – ‘период, эпоха’ – ‘неопределенный отрезок времени’ – ‘определенный отрезок времени’ – ‘время года’ – ‘возраст’. Вывод: «в самой семантике базового существительного заложено представление о двух взаимосвязанных категориях – о бытии кого- или чего-либо во времени... и о длительности или периодичности чего-либо». Налицо исходный синкретизм имени, определяемый исходным смыслом концептума, который постепенно актуализирует их по мере необходимости в определенных словесных формулах. «Внутренняя форма» слова, отражающая смысл концептума, указывает на это: *вертун*. Отнюдь не метафора, а исходный образ.

Метафорой признается, например, и глагольная форма *живут* (*дорога живет по рекамъ, ключи церковные у него живут*); глагол *жити* в старом значении ‘существовать’ до сих пор известен говорам, да и в сказочном зачине отражен (*жили-были*, ср. *житьё-бытьё*). Подавляющее большинство ранних квазиметафор крепится на глаголах движения, из числа которых глагол *идти* особенно распространен. Это опять-таки объясняется синкретичностью исходного концептума, способного создавать самые разные образы в словесных формулах, и это не «расплывчатость понятий», как иногда полагают, а естественное проявление «предпонятийного» мышления. Для древнерусского языка характерна символически образная метафора, еще не развившаяся в понятийно когнитивную. Это символ, а не метафора. Вообще, синкретичный состав концептума позволял выделять самые разные признаки в момент актуализации концептума в тексте, ср. *сон железный* – признак ‘крепкий’, создается образ, *железная логика* – ‘твердая (убедительная)’, появляется символ, *железная дорога* – признак ‘из железа’, возникает понятие.

Во-вторых, действительные метафоры отражаются в текстах не ранее XV–XVI вв. (*кирпичный, желѣзныи, пѣсочныи, серебро не боится мокра* и т. д.), т. е. тогда, когда возникла возможность их появления в результате развивающегося процесса идеации. «Один из магистральных путей

метафорического переноса, – указывал В.Г. Гак, – от конкретного к абстрактному, от материального к духовному» соответствует ситуации, сложившейся в русском обществе только к XV в.

Вернемся к проблеме уподобления. Н.Д. Арутюнова в метафорических переносах различает тождество и подобие. Это удачное разграничение позволяет отличить современную метафору тождества от средневековой квазиметафоры подобия (по функции). Последняя субъективно воспринимается, градуальна и может варьироваться. В отличие от этого, метафора тождества объективна, постоянна и не имеет степеней, почему и возможны отождествления несходных явлений в оксюморонах вроде *железный пух* или *белое безмолвие*; ср. современную поэзию, доведшую метафоричность до ребусов, возвращающих мысль к древним катахрезам, а иногда и к кеннингам (см. ниже). Понятно, что жизнь «по образу и подобию» в субъективном восприятии градуальных оппозиций есть примета средневекового быта.

Г.Н. Складаревская также описывает историческую последовательность метафоризации. Исходные номинативные метафоры представляют связь между цельными объектами реальной действительности – это отражение древнерусского номинализма, ср. *устье реки* – в чем сходство с устами? Что общего у трех имен одинакового звучания *губа*, которые в речи различаются ударением, но к «губе» не имеют никакого отношения два переносных значения – ‘залив’ и ‘административная единица налогообложения’? Это «метафоры» не по сходству признаков, а по **подобию** функций. Троп обязательно образ, а где граница между образом и подобием? Образ похож на представляемое, а подобие эквивалентно ему. В подобии – смысл, в образе кроется значение. Отличие подобия от катахрезы в том, что для его проявления необходим минимальный контекст (*устье реки*), тогда как катахреза действует в большом контексте и требует особого внимания. Сжатие контекстов приводило к сужению смысла в значение, и тогда стало возможным появление «настоящих» метафор.

Позже развивается связь с другими денотатами на основе общности десигнатов – выделенных сознанием отдельных признаков; это уже проявление реализма позднего Средневековья. «Денотативная лексика в целом имеет тенденцию к семантическому расширению», – верно указывает Л.В. Балашова, на основе общего десигната, т. е. уже выделенного сознанием признака различения. Но «денотативная определенность создается за счет контекста», а «изменения определяются действием экстралингвистических факторов». Все эти суждения возвращают к уже отмеченному результату: перед нами метонимическое средство обобщения классов предметов на основе общего контекстного смысла, а не значений отдельного, автономного от текста слова.

Итак, номинативное поле символов порождает метафорическое поле в глагольных формах предикации (включая сюда прилагательные и

причастия), которые актуализируют признак метафоризации, ср. в Изборнике 1076 г. *всьяко дѣло коньць прѣдѣ началѣмъ распытаи... к коньчьному бо дѣни въззираи възину* (всегда). Глагол *коньчавати* употребляется так же часто.

Учитывая принципиальную позицию концептологии, которая утверждает последовательность в осознанно последовательном осмыслении тропов, необходимо рассмотреть традиционную точку зрения на метафору (в узком смысле термина) как на древнейший тип переносов.

Из 75 представленных Л.В. Балашовой в **Б1** имен – номинальных метафор раннего времени, 53 не относятся к периоду XI–XIV вв., поскольку, согласно историческим словарям, метафорический перенос в них отмечается только с XV в. К примеру, это такие имена (дата указывает первую фиксацию в текстах): *быкъ* 1675, *воронецъ* 1669, *глазь* 1534, *грудь* 1608, *дѣвица* 1682, *жила* XVI в., *искра* 1589, *коза* 1639, *колобокъ* 1647, *коникъ* 1422, *рѣка* 1583, *носокъ* 1509, *ножка* 1586, *овень* XV в. и др. Впечатление такое, будто автор под древнерусскими признает все изменения допетровского времени.

Остальные имена числом 22 выделяют три группы примеров: а) исходные (древние) метонимии, б) калькированные метафоры с греческих текстов («мистические библейские метафоры», по остроумному замечанию одного исследователя), в) исходная дублетность имен, создающих иллюзию метафоричности.

К первой группе относятся 9 имен, действительно, уже в древнерусских текстах представленных с переносным значением, но это – метонимический перенос денотата, а не метафорический десигнатного признака:

- *вѣньць* ‘символ почета’ и ‘украшение’ в XII в., ‘венчание’ 1436;
- *въздухъ* ‘воздух’ и ‘ветер’ XII в., связанные метонимическим отношением, остальные переносы с конца XV в.;
- *голова / глава* ‘убитый человек’ 913 и ‘человек’ 1174 согласно метонимии, метафоры ‘главный’ 1499 и ‘начальник, руководитель’ 1577;
- *крыло* ‘крыло’ 1057 и ‘боковая сторона’ в XII в., ‘лопатка (в подвздошь)’ 1364, метафора ‘покровительство, защита’ 1499;
- *луспа* ‘шелуха’ и ‘чешуя’ уже у Иоанна Экзарха в X в. (всякая чешуя – шелуха);
- *носъ* ‘нос’ 1073 и ‘передняя часть судна’ 1152 как метонимия, но ‘носовая стрелка у шлема’ 1589, ‘мыш’ XV в. и ‘птичий клюв’ 1653;
- *перо* ‘перо’ и ‘крыло’ в XII в., ‘плавник’ XIV в., ‘перо для письма’ 1307, но ‘пластинка шестопера (оружие)’ 1588, ‘деталь ружья’ 1691, ‘украшение’ 1672;
- *свинья* ‘животное’ 1057, ‘дикий кабан’ 1308, ‘дельфин’ XIV в., а также ‘войско в строю’ 1242 (перенос по функции, а не по сходству);
- *уста* ‘рот’ и ‘орган речи’ 1057, ‘слова, свидетельство’ XII в.

Ко второй группе относятся одиннадцать имен, определенно отражающих метафору греческого текста, а не сознательное «сложение» оригинального образа:

- *корень* 'подземная часть растения' и 'источник, начало' XII в. в переводном тексте (греч. ρίζα), собственные образы 'корни волос' XIV в. и 'корень в медицине' 1669;

- *море* в метафорическом выражении «море житейское» 1096, о большом количестве чего-либо только с XVI в.;

- *око*: от *единого очеси источника течение* *изначала приимъ* буквальный перевод ἐξ ενός ὀφθαλμοῦ τῆς πηγῆς, собственное обозначение чего-то круглого с 1499;

- *рогъ* 'заостренный конец' 1186 перевод греч. τὸ κέντρον 'колющее орудие', а выражение «рог спасения» (с XI в.) – κέρασ σωτηρίας; 'сосуд из рога' в Правде Русской метонимия, равно как и 'духовой инструмент из рога' XIV в. (всё это кальки с греч. κέρασ);

- *рука* 'власть' и 'сила, мощь' в 1073, 'помощь, поддержка' 1284, 'войско, отряд' XI в., даже 'почерк' 1508 – во всех случаях точный перевод греческого слова χεῖρ с его многочисленными значениями; ср. 'сорт' 1634, 'фланг' 1647, 'сторонник' 1689 и под., уже метафоры собственного происхождения;

- *ручица* 'ручка' > 'побег винограда' XII в. – ἐλικασ, 'незрелые плоды винограда' XIV в. – ὄμφαкас;

- *улица*: все ранние переносы суть метонимии, ср. 'проход между домами' 1076, 'проход' 1074, 'ряд' 1395, и странное значение 'площадь' XII в. – перевод греч. ἐν τῷ δημοσίῳ 'на краю, на земле';

- *устие* 'устье реки' 945, 'отверстие' 1074, даже 'рукав реки' 1575 от греч. στόμα;

- *ухо* 'ухо' 1117, 'слух' 1057, 'внимание' 1096, 'ушко иглы' 1057, 'проушина' XIII в. – всё это точные переводы греческих слов ὠτα, ὠτίον, ἄκοη; ср. с этим поздние 'наушник' 1589, 'ушко стрелы' 1589;

- *чело* 'лоб' и 'налобник (женский убор)' 1327 в метонимической связи, но метафора 'голова передового строя' и 'передняя часть корабля' – перевод греч. μέτωπον 'чело, лоб', 'развернутый строй', 'лицевая сторона'.

- *шеломя* в значении 'гора, холм' 1151 связано с герм. Helm (теперь обозначает шлем, каску), в древневерхненемецком имело значение 'вышешность', ср. заимствование в славянском *холм*.

Не исключено, что и в других случаях имеем дело с влиянием иноземных источников, а иллюзия метафоры объясняется современными представлениями о метафоре как переносном значении слова.

Примерами третьей группы имен являются слова *волна* и *губа*. *Волна* обладает двумя значениями 'шерсть' и 'морской вал'. «Волны житейские» – библейский образ, отсюда устанавливаемое словарное значение 'смятение' 1152, это не органическая метафора. Значение 'шерсть' извест-

но с 980 г., но, вероятно, это другое слово, как можно судить по старым текстам, в которых противопоставлены *волна* 'шерсть' и *вълна* 'морская'. Слово *губа* также подозрительно двоятся по употреблению корневого гласного: *гѣба* 'губка' 1205, далее 'гриб' 1493 и т. д. с ударением на корне, но *губá* 'залив' 1391, 'территория' 1456 и т. д. Различия по ударению играли большую роль в старом языке, ср. *кльѣка* 'хитрость, обман' – *кльѣка́* 'палка', *сѣра* 'сера' – *сѣра́* 'смола', *ху́ла* 'оскорбление' – *хула́* 'ругань и пр. Возможно, это расходящиеся результаты развития концептума с внутренней формой 'изгиб'. Во всяком случае, подобные примеры следует рассматривать с осторожностью.

Таким образом, у нас нет надежных свидетельств наличия осознанного метафорического переноса по крайней мере до XV в.

Ссылка на «Слово о полку Игореве» как на памятник метафорического сложения представляет собою недоразумение. Признать наличие метафор в этом тексте значит согласиться с поздним его созданием. Основной троп, представленный здесь, есть символ метонимического сложения. Вот как высказывались тонкие исследователи древнерусской литературы об этом памятнике:

Историческая справка

Древнерусский перевод византийского сочинения Георгия Хировоска «О образѣхъ» был руководством по раскрытию символов, которыми так богаты христианские тексты. Весь список тропов и фигур, представленный в трактате, сводится именно к **символу**, герменевтически раскрываемому посредством различных типов **метонимии**. Сам термин **метафора** – обозначает просто 'перенос'. Искусствовед Г.К. Вагнер специально оговорил это, на многих примерах показав, что в средневековых текстах под **метафорой** понимали не метафору в современном узком смысле термина, а «метафору-символ – **уточненный образ**». Именно символ обобщенно именуется **образом**.

Средневековый символизм часто подменяет метафору символом. То, что мы принимаем за метафору, во многих случаях оказывается скрытым символом, рожденным поисками тайных соответствий мира материального и мира духовного... Преобладающий троп в Слове – не сравнение и не метафора, а метонимия или синекдоха... Таким образом, не только сама метонимия, но «метонимический способ мышления» могут считаться характерными для Слова о полку Игореве... Принцип двойного воспроизведения действия... (вызвал) символическое значение образа... В Слове ясно ощущается широкое и ясное дыхание устной речи... Автор Слова о полку Игореве поэтически развивает существующую образную систему деловой речи и существующую феодальную символику... и не стремится к созданию совершенно новых метафор, метонимий, эпитетов, оторванных от идейного содержания всего произведения в целом (Д.С. Лихачев).

– Средневековая литература насыщена метонимической образностью и символикой образа (Б.А. Ларин). – Слово – произведение затрудненного, сокровенного, приточно-иносказательного стиля, овладевшего на исходе XII в. и в начале XIII в. русской и западной поэзией (Р.О. Якобсон).

Другие специалисты придерживались того же мнения: Слово – памятник, широко использующий «символические уподобления», А.А. Потебня описывает в основном символику, уподобление и образный символизм. Поскольку этот специальный вопрос выходит за рамки основного содержания книги, отсылаю к статьям в Энциклопедии «Слова о полку Игореве», где эти проблемы основательно разработаны. Теперь же отметим следующее.

Необходимо помнить, что в древнерусских текстах все образные средства определялись возможностями самого языка и проявлялись в близком контексте словесной формулы. Эти средства служили не для украшения (не были собственно тропами), а для смыслового наполнения текста (семантической конденсации) в условиях наличия синкрет и для создания нужного символа. Такие тексты отражали не индивидуально авторское видение мира, а объективно существующие связи признаков, в обратной перспективе представленных в самых разных объектах, также всем хорошо известных. Семантическое несоответствие слова его контексту становилось причиной перехода основного, номинативного, значения к **его же образному** (таковы все ранние «метафоры» у Балашовой), в принципе – к метафорическому значению, но осознанное восприятие действительной метафоры долгое время было трудноисполнимым делом из-за устойчивости средневековых поэтических формул, как заимствованных (переводили кальками), так и созданных на славянской почве. Связанность переносного значения слова с ближайшим контекстом препятствовала выделению этого значения и восприятию его как авторской метафоры в условиях, когда авторство было своеобразным. Всё это – типичное для средневековых текстов средство передачи отсутствующих еще в языке каузальных связей между реально существующими объектами путем намека, значимого опущения или замены одного другим, также хорошо понятным читателю. Такова именно вся образность Слова о полку Игореве, целиком «произрастающая» из языка.

Что осознанное образование метонимии предшествовало созданию метафор, показано на примерах в § 19, 20. **Осознание** восприятия, по-видимому, связано с «открытием» прямой перспективы, тогда как неосознанное действие этими тропами характеризуется существованием обратной перспективы, при которой «вещь» во всей совокупности признаков сама целиком предстает перед наблюдателем. **«Бессознательное не мыслит»**, – справедливо полагает Поль Рикёр. Необходимо «переобосновать понятие **сознания**, чтобы бессознательное могло стать его “другим”, чтобы оно стало способным на это “другое”» – иными словами, выстроить

симметричность дуальной оппозиции, а это достаточно позднее достижение культуры. Такую же вторичность метафоры по сравнению с метонимией можно показать на определенных классах имен, например на существительных женского рода с суффиксом *-к-* вторичного образования. Все такие имена создают метафорическое значение не ранее XV в. и притом на основе осознанной метонимии:

- *Вилка* – ‘вилы’ – ‘предмет с раздвоением на конце’ 1533 – ‘столовая вилка’ 1670.
- *Водка* – ‘водичка’ – ‘лекарственная настойка’ 1533 – ‘водка’ 1666 – ‘кислота’ 1669.
- *Головка* – ‘маленькая голова’ – ‘луковая голова’ XVI в. – ‘выступ; шишечки на вышивке’ 1608 – ‘передняя часть сапог’ 1668 и т. д.
- *Дорожка* – ‘узкая дорога’ XVI в. – ‘бороздка’ 1668.
- *Ложка* – ‘ложка’ 1156 – ‘ложечка (низ груди)’ 1629 – ‘широкая лопасть’ 1649 – ‘узор с углублением’ 1696.
- *Ножка* – ‘маленькая нога’ 1547 – ‘мех с ног животных’ 1567 – ‘узкая полоска земли в чужих пределах’ 1586 – ‘подставка’ 1629.
- *Ручка* – ‘маленькая рука’ XVII в. – ‘каждая половинка поперечника креста’ 1642 – ‘рукоятка, рычаг’ 1663.
- *Чашка* – ‘маленькая чаша’ 1327 – ‘надстрочный знак в письме’ XVI в. и т. д.

В некоторых случаях, когда метафорических значений не возникало по причине отсутствия соответствующих реалий, производное слово оставалось при своем номинативном значении, ср. *дырка* ‘маленькая дыра’ 1534, *миска* ‘маленькая миса’ 1682, *соломинка* ‘маленькая соломка’ 1563, *чарка* ‘маленькая чара’ 1509 и т. д.

Таким образом, в древнерусском языке возможны были переносы «часть – целое» (*бервь* ‘настил’ > ‘плот’), «отвлеченное – конкретное» (*гной* ‘навоз’ > ‘скверна’), а также по функции (*полкъ* ‘толпа’ > ‘бой’, *порты* ‘ткань’ > ‘одежда’, *пруть* ‘ветвь’ > ‘палка’) и подобное в метонимическом (в широком смысле) обобщении. Гиперонимизация останавливала развитие переносных значений слова, поскольку тем самым завершалось создание символа, и накопление содержательных форм слова заканчивалось.

Нужно иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что в основе каждого переносного значения лежит сравнение или противопоставление **двух** – конкретная метонимическая связь по эквиполентной смежности (метонимия), по градуальной смежности синекдохи (род – виды) и по привативному признаку сходства – предметов мысли. Тропы генетически выходят один из другого, постепенно проявляясь в сознании как развитие мышления. Именно мышления, а не чувства красоты и стиля: «Красота метафоры начинает сиять тогда, когда кончается ее истинность» (Э. Кассирер), т. е. когда она опускается на уровень риторического тропа.

Заключая рассмотрение роли тропов в порождении содержательных форм концепта, припомним слова Ф. де Соссюра: запретить тропы – «значит объявить себя обладателем всех истин, иначе вы окажетесь совершенно не в состоянии сказать, где начинается и где кончается метафора». Приведенные примеры доказывают справедливость этих слов.

Историческая справка

Когнитивная метафора стала предметом широкого обсуждения в американской лингвистике. Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем» представили метафору как механизм познания в **понимании**, поскольку «истинность связана с пониманием» – это «метафорическое понятие» («метафоры по своей основе понятийны»), метафора «объединяет разум и воображение», а «понятийная система человека в сущности метафорична», даже «идеологии формируются на основе метафор»; метафоры – это «**воображаемая рациональность**», «метафоры с первую очередь связаны с мышлением и деятельностью, а связь с языком вторична». Авторы вслед за Аристотелем полагают, что метафора создается в результате сопряжения контекстных проявлений **анафоры** (повторений в начале высказывания) и **эпифоры** (повторений в конце высказывания) путем образования **диафоры** (от греч. διαφορά 'различие') как смыслового различия повтора от значений составных элементов. Диафора – прототип метафоры. Таков механизм создания метафор: на основе выявленных сходств организуется различие. Здесь осуществляется процесс, который мы назвали «смысл оформляется», и в результате этих ментальных операций уже язык получает новые формы выражения. Многие исследователи показывают, что метафоры не отражают сходства, а именно **создают** их на фоне реальных различий. Наши авторы выделяют курсивом основное определение: «*Суть метафоры – это понимание о перенесение сущности [thing – вещи, предмета] одного вида в терминах сущности [предмета] другого вида*». В контексте (в образном гештальте) это порождает новый символ. Поскольку Дж. Лакофф и М. Джонсон описывают только один путь создания символических уподоблений – предикацией типа «время – это деньги», можно сказать, что перед нами выявление денотатов на основе предикации. Пути метафорического проявления десигнатов они не касаются, будучи номиналистами и особенно напирая на опыт. В квадратных скобках показано расхождение в квалификации основных моментов процесса: *сущностью* именуются *вещи*, данные в оригинале. Эта вольность переводчика вполне понятна, как понятны и постоянные колебания в выражении английских слов *concept* 'концепт' и 'понятие', *causality* 'причина', 'причинная связь' и даже 'причинность'. Относительно концептов сказано, что они «не определяются исключительно на основе их ингерентных (внутренних) свойств; наоборот, они в первую очередь определяются на основе интерактивных (междейственных)

характеристик» – «концепты определяются прототипами и типами связей с ними»; с этим согласиться нельзя, если концепт понимать не как простое понятие, а как совокупность содержательных форм языка. Ценным является указание на то, что метафоры возникают на метонимической основе, т. е. вторичны по образованию.

Историческая справка

Мы рассмотрели реальное движение переносных значений в **обратной перспективе** – от самого явления по направлению к нашему времени. То же можно показать и в **прямой перспективе** со стороны состоявшейся (в наше время) законченной метафоры, рассматривая переносы с точки зрения «предметафор» – катахрезы вместо метафоры и металепсиса вместо синекдохи. Это необходимо сделать хотя бы для того, чтобы показать, какой долгий путь проделала мысль в деле освобождения от вещности метонимии к свободной метафоре.

Катахреза (древнерусская калька *napotrѣбие*, в историческом словаре переводится как 'неправильное употребление метафоры') – семантически **неоправданное** сочетание слов, используемое в художественных целях; это средство семантической конденсации текста с помощью слов данной культуры, не «неправильное употребление метафоры», а своего рода «предметафора». Например, в Слове о полку Игореве, где **нет достойных метафор**, встречается много катахрез. Здесь характерны семантические сопряжения на основе дружинных представлений о стали и оружии, что выражается посредством общности глагола (это основная переменная текста). Ср.: *Игорь истягну умь крепостию своєю и поостри сердца своего мужествомъ*, т. е. опять-таки крепостью, поскольку ум, сердце и сталь соединяются через возможные (в быту) сочетания с глаголом *поострити*. Примеры катахрезы представляют и частые сочетания с эпитетом, многозначность которого определяется его неопределенностью к опорному слову: *мысленно древо* как *древо мысли, мыслимое древо, древо из мысли* и т. п. Таким образом, катахреза выступает как средство поиска признаков сходства путем сравнения *с цельным предметом*, еще не «раздерганным» сознанием на отдельные признаки (сущность метафоры) – поскольку внутренние свойства сравниваемых объектов еще не известны. «Совмещение» в мысли души, сердца и панциря с «телом» (= в теле, на теле) показывает, что такой перенос осуществляется по метонимии и синекдохе. Катахреза, таким образом, представляет собою средство **наведения** на искомые признаки, впоследствии образовавшие метафорический (образный) перенос.

Металепсис (древнерусская калька *приятие* 'сопричастие') – замена одного слова другим, которое выступает как эмблема заменяемого (*Гефест* вместо *огонь*); одновременно это и уподобление (в Слове о полку Игореве люди уподобляются стрелам, узам-путам и т. п.). Если катахреза –

«злоупотребление» словом ради сокращения текста, то металеписис имено «видоизменение» – иное обозначение того же денотата, следовательно, одно из проявлений метонимического способа мышления «часть ~ целое»: синекдоха. Как и катахреза, металеписис – средство семантического сгущения высказывания, два объекта соединяются возможной (предполагаемой) между ними связью, чаще всего случайной, нетипичной и несущественной. Оба тропа построены на сравнении признака, но в синтагматически опущенном (катахреза) или предполагаемом (металеписис) третьем члене сравнения. Одно понимается через другое, а это принцип действия не метафоры, а символа. Чтобы назвать металеписис или катахрезу метафорой, недостаточно только того, что они «наталкивают» мысль на искомый признак – при его явном отсутствии. Катахреза и металеписис – не риторический прием, а сознательная игра словесными образами на формах естественного языка. Иногда их называют фигурами речи, отказывая им в качестве тропов.

Движение от исходной точки сложения метафорического сознания показывает, что оно основано на пространственном сопряжении **смежностей** – цельных предметов, и метонимично в своей основе: «почти всякое именование имеет основу в метонимии», но метафоризация стала ментальной революцией. «Железный инвентарь языка», как называл тропы С.Н. Булгаков, пополнился важным средством дальнейшего развития концептумов в текстах.

Определим типологическую последовательность формирования ранних средств образного выражения.

Наиболее древним средством передачи образного значения слова был, несомненно, **кеннинг**, который сохранился в поэзии скальдов, но у славян, за некоторыми подозрительными остатками в архаических загадках, не представлен – на историческую арену славяне вышли позже, их словесное творчество более нового происхождения. Смысл кеннингов описал М.И. Стеблин-Каменский. Кеннинг выделяется тем, что значение его никогда не бывает отвлеченным понятием. Он всегда обозначает определенное существо или предмет (женщину, мужчину, животное, корабль). Его связь между значением и конкретной формой, выражающей это значение, в нем также условно, как и в аллегории... Вне поэтики он (термин *кеннинг*) употребляется в значении 'примета' (например, герой именуется по его подвигу. – В. К.)... Кеннинг – это скорее условный знак, эмблема, символ или идеограмма, чем живописный образ или метафора. Он выражает сущность явления, его типическое свойство, его идею, которые не связаны с конкретной формой явления... Это попытка обобщения или отвлечения, неубедительная для нашего сознания, но которая, по-видимому, была закономерным этапом развития поэтического мышления на его пути от первобытной к современной поэтической образности... Кеннинг обобщает, а не индивидуализирует (например, ворон описывается так:

сокол смерти или причудливо *лебедь пота шипа ран. – В. К.)*... Он не должен содержать в себе никакого сравнения. Он не должен вскрывать ничего нового по сравнению с тем, что дано в существительном, которое он заменяет... Он больше напоминает загадку... в бесконечной изменчивости и новизне словесного выражения...

Таким образом, кеннинг отражает синкретизм мышления в тексте, для которого важно только **указать** на предмет любым словом в их метонимическом сопряжении, тогда как катахреза и металеписис уже **сравнивают различающиеся** предметы, но сопоставляют их также целиком, в отличие от метафоры (она сменяет катахрезу) и синекдоху (она сменяет металеписис), которые ищут сходства в одном изолированном предмете, сосредотачиваясь на конкретном слове. Метафора в узком смысле (не просто как образность) нацелена на выделение автономного признака конкретного предмета. Это возможно уже в достаточно развившемся художественном сознании. Заметно сужение творческого задания: от неразборчивого владения обилием слов, каждое из которых может послужить «эмблемой» предмета в кеннинге – до четкого выделения самого типичного признака этого предмета в метафоре. Обратная перспектива сознания сужалась до точки на горизонте в перспективе прямой. Обилие отдельных предметов сменялось парными сопоставлениями эквивалентного типа с завершением в градуальном ряду признаков у метафоры. Человек всё пристальней вглядывался в окружающий его мир, совершенствуя формы познания этого мира. Но важно одно: поиски таких форм искали поэты, а не физики. Это значит, что всегда «открывает интуиция, логика только доказывает» (Ж.А. Пуанкаре)

Аналогично понимал дело и С.А. Аскольдов в своей работе «Аналогия как основной метод познания» (1922), предшествовавшей его статье о концепте (1928). Всё дело в смене точки зрения с логической на «поэтическую», но не только. Аналогия сравнивает две вещи на уровне денотатов, тогда как метафора – только по отдельным признакам на уровне десигнатов. В этом смысле мнение Лакана о том, что «аналогия не метафора», справедливо только с внешней стороны, как разные точки зрения на один предмет. Гартман не случайно аналогию именовал «внешней аналогией». Это действительно логическое сопоставление на уровне «вещей», а не их признаков.

Представление о близости метафоры и аналогии существовало давно и, видимо, поэтому с высоты сегодняшнего дня все аналогии воспринимаются как «метафоры», Е.С. Рахилина пишет: «Механизм метафоры... сродни аналогии... Собственно, метафора и есть принцип аналогии, только действующей в семиотике», – отчего метафора и занимает в наши дни «центральное место» в системе сравнений. В частности, «это рабочий инструмент описания полисемии». Каждая наука использует один из «синонимов»: литературоведение и стилистика – метафора, языкознание – **аналогия**, и т. д.

«Разница между истинной и ложной верой *подобна* разнице между замужней женщиной и старой девой: в случае истинной веры существует факт, к которому имеет определенное отношение, а в случае ложной – нет». Этот пример Б. Рассела дает представление об аналогии, связанной с метафорической ассоциацией. Аналогии Рассел посвящает целую главу своей книги «Человеческое познание» («что-то, что может быть довольно неопределенно названо *аналогией*»), нигде не говоря о метафоре и тем более об ассоциации. Научная ценность аналогии сомнительна: «Аналогия отличается от индукции... тем, что вывод по аналогии, когда он выходит за пределы опыта, не может быть проверен... Ясно, конечно, что такое знание более или менее сомнительно», как, конечно, сомнительны случайная ассоциация или авторская метафора. Всё это то, что «неосознанно делает обычный здравый смысл» (о котором у Рассела много суждений). И даже «причинность (представлена) как принцип аналогии».

По-видимому, выбор терминов для обозначения (собирательно) тропов определялся и научными установками времени. Для рационалистов XVIII в. это были **анalogии**, для сторонников психологических воззрений в XIX в. это были **ассоциации**, теперь это **метафоры**. Так, Н.В. Крушевский в «Очерке науки о языке» (1883) говорил об **ассоциациях по сходству**, создающих возможности творчества в языке (заметим это) и об **ассоциациях по смежности**, создающих системность «рядов слов». Совместно эти две ассоциации важны для *понимания* как психических явлений, так и явлений языка. При этом ассоциация по сходству (а это **метафора**) *создает* множество соотнесенных «гнёзд», а ассоциация по смежности (т. е. **метонимия**) строит их в системные ряды; без ассоциации по сходству невозможно **производство** слова, а без ассоциации по смежности – его **воспроизводство**. В целом, сходство создает слово, а смежность придает ему **значение**. Не удивительно, что в истории русского языка «производство слов» достигло невероятной активности именно после XV в., когда «ассоциации по сходству» стали обычным делом. Неопределенность состава наличных элементов языка вызывает постоянные изменения в стремлении к возможно полному соответствию «мира слов миру понятий». «Законы ассоциаций» создают беспредельный объем изменяемости, никогда не прекращающейся, что Крушевский объясняет символическим характером слова, которое требует истолкования. Между прочим, мысли Крушевского отнюдь не случайно имеют некоторое сходство с известными положениями Ф. де Соссюра, чуть позже выступившего в своих лекциях с законченными результатами рефлексии: источник идей у обоих общий – И.А. Бодуэн де Куртене.

Обобщим сказанное. Мы отметили исторически сменяющиеся термины для обозначения одного и того же, данного в **сравнении**. Но это поверхностный уровень номинации, следующий за основными пристрастиями своего времени: последовательно логическое – психологическое –

лингвистическое. На глубинном уровне сознания такое следование определяет самый важный для момента интерес исследователей, а именно: сначала вещный денотат, затем десигнат признака и, наконец, построение понятия на основе сложившихся его элементов. За этим скрывается уже знакомая нам последовательность ментализации – идеации – идентификации (в лингвистических понятиях – номинализации). В некотором отдалении маячит последовательная смена научных программ, соответственно: номинализм – реализм – концептуализм (см. § 5, 23). Современное пристрастие к метафоре объясняется именно философской нацеленностью на язык как конечную среду сущего.

Возвращаясь к вопросу о древнерусских метафорах: как можно признать за метафору простые («натуральные») **сравнения** двух, если еще до развития научной (логической) идеи аналогии предметы сравнивали по самым общим основаниям? Поскольку «ведь всё находящееся в природе должно иметь **первоначально** какое-нибудь **полезное назначение**» (И. Кант, выделено мною. – В. К.). Такая точка зрения по меньшей мере не исторична.

Вообще, всякое «впечатление переноса» создается в связи с изменением уровня знания, со сменой исторических эпох. Родовой термин «перенос» (метафора) свободно может прикладываться к самым разным типам изменения значения. Но вряд ли метафорой в современном смысле слова является эквиполентное **сопоставление** двух равноценных вещей. Можно привести множество примеров изменения значений слова, опирающихся на исходный концептум и, тем самым, имеющих возможность постоянного появления в зависимости от возникающей необходимости опыта. Самое удивительное состоит в том, что первоначально это происходит у глагола, гибко отражающего смену общественных отношений – приставочных прежде всего.

В посмертно изданных «Трудах по языкознанию» И.Е. Аничков четко описал свое представление о метафоре, и его суждения способны закрыть многие допущения более позднего времени. Во-первых, он доказал **двойственность** термина **метафора**, обаянного неудачному калькированию греческого слова – этимологически ‘перенос’, и сложной истории его использования. Уже Аристотель в число «метафор» включал метонимию, синекдоху и «метафору в узком смысле слова». Именно так понимает «метафору» и древнеславянский переводчик сочинения Хировоска «О образѣхъ». Сочетания «метафорическое значение», «переносное значение», «фигуральное значение» и «образное выражение» надолго стали синонимами.

Во-вторых, полагал Аничков, метафоричность слова или словосочетания связана со значением его, но, как и стилистический оттенок, **не относится к существу значения**. Она **облекает значение и сходит с него**. В исторической семантике должны рассматриваться изменения значений слов и словосочетаний, происшедшие, между прочим, в результате мета-

фор. Помимо метафор – **сдвиг значения** – изменения значений могут быть результатом **сужения** или **расширения** значения.

Действительно, слово «прирастает смыслом» двояким путем: кроме метафорического сходства по **смысловым признакам** возможно также расширение значения слова с оглядкой на **вещь** целиком. И только благодаря историческому **развитию** возможны различные формы переносов. В синхроническом состоянии метафоры не образуются. Они являются результатом творческой деятельности личности; для этого творческая личность должна **появиться**. В синхронии проявляются не метафоры, а только «метафоры в узком смысле» – логически, а не метафорически. «В описательной семантике пометать слова и словосочетания как имеющие переносное значения нет надобности», – говорит Аничков. Перед нами решение реалиста, который кроме явления «узкой метафоры» выделяет еще и **идею** метафоры как собственно переноса. Именно идеей и являлась метафора в древности. В противном случае возникает подмена понятий: «метафоры языка» (сущность) подменяются «метафорами стиля» (явление), «эффектами метафоричности или образности». По-видимому, следует помнить, что «рассмотрение формы не осуществляется в отрыве от рассмотрения значений», а значения каждый раз **различаются, что возможно только во времени**. В **системе** значений «метафора – перенос с места на место, сдвиг с одного положения на другое». Это именно «как бы самочувствие пришельца... помнящего или не помнящего, когда и откуда он прибыл».

Возвращаясь к циклу монографий Л.В. Балашовой **Б1** и **Б2**, необходимо подчеркнуть (с приятным удивлением), насколько мало в тексте монографий ошибок прочтения (не всегда зависит от автора, вынужденного пользоваться не очень надежными изданиями текстов). Вряд ли, например, *глазь* = камешек: это германизм *Glas*, заимствованный в Новгороде до XIV в. (стеклянный шарик). Некоторые этимологии, представленные в работе, спорны – но всё это уже мелочи, определяемые источниками описания.

Резюмирую. Цикл монографий Л.В. Балашовой **Б1** и **Б2** исключительно точно и однозначно соединяет метод и теорию в общем поле поставленной темы и тем самым находится в зоне знания, самого актуального для современной филологии, причем не только русистики. Актуальность не просто заявленной темы, но и авторской концепции в целом не подлежит никакому сомнению. Впервые в нашей литературе появляется основательный труд, синтезирующий уже полученные результаты, предлагающий новые подходы к традиционным филологическим темам, но кроме того (что важнее) еще и ставящий в очень острой форме те вопросы, которые давно назрели и требуют своего разрешения.

Самый важный результат основательного исследования: показана глубина семантического залегания концептуальных основ русской «речемысли» (по слову А.А. Потебни): мало обилия лексем в лексиконе, мало

неисчерпаемости слов в словоупотреблении, мало даже бесконечных цепочек производных в словообразовании – система бесконечно расширяется еще и посредством семантических переносов, актуализирующих необходимые для общения и создания творческих текстов значения – по мере надобности – на основе исходных концептов. Это очень серьезная заявка на решение проблемы ментальной неисчерпаемости архетипов-прообразов словесного знака, постоянно возобновляющих семантический ресурс **живого языка**.

ON THE SIGNIFICANCE OF METAPHORS FOR CONCEPTOLOGY:

review of the cycle of monographs by L.V. Balashova

‘Russian metaphor system in development: 11th-20th centuries’

(Moscow, *Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., Znak Publ., 2014. 632 p.*

(*Studia Philologica*)); ‘Russian metaphor: past, present, future’ (Moscow,

Yazyki Slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 496 p. (*Studia Philologica*))

V.V. Kolesov

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The author of the review considers the series of monographs by L.V. Balashova from the point of view of the ‘second wave’ in the development of cognitive linguistics, when research attention has moved from the concept to the image and symbol: there is a discussion about the significance of conclusions and articles contained in the books of the cycle for solving more principal questions of historical metaphorology and conceptology. The main advantages of the monography series reviewed, according to the author's opinion, are, first of all, accurate distribution of material, from the very first classification division: metaphorical names of the realities of the objective world, on the one hand, and metaphor, ‘non-objective sphere’, on the other (thus, the analysis of ancient texts is based on the inherent time ‘realistic’ picture of the world, as a mutual conformity of the world of things and of the world of ideas); then, the recognition of ‘diffusive nature of meaning’ of many words of the ancient Russian language. The author highlights that the ancient metaphor was completely different than today's poetic or even conceptual metaphor: first of all, it could only be a subject in a situation of action natural nominalism. The author considers following facts to be disadvantages of the series of the books: it unresolved fundamental questions about if the only type of interference – metaphoric – acted in the Russian language throughout thousand years from 11th century without any changes; question that we have no reliable evidence of conscious metaphorical interference at least until the 15th century; and question that it is necessary to distinguish the modern concept of similarity and medieval ideas about the likeness. There are detailed reflections that the author offers, which illustrate these controversial questions and possible ways of solving them.

Key words: Ancient Russia metaphor, conceptual metaphor, metaphor, metaphorology, conceptology.

For citation:

Kolesov, V.V. (2018), On the significance of metaphors for conceptology: review of the cycle of monographs by L.V. Balashova 'Russian metaphor system in development: 11th-20th centuries' (Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., Znak Publ., 2014. 632 p. (Studia Philologica)); 'Russian metaphor: past, present, future' (Moscow, Yazyki Slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 496 p. (Studia Philologica)). *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 255-281. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.255-281. (in Russian)

About the author:

Kolesov Vladimir Viktorovich, Prof., Professor of the Russian Language Chair

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: prof.kolesov@gmail.com

Received: January 24, 2018

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА: ЮБИЛЕЙ УРАЛЬСКОЙ КРЕАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Л.О. Бутакова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Анализируется тематика и проблематика научных докладов прошедшей в Екатеринбурге международной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления». Автор обзора показывает, какие достижения имеются в данном направлении лингвистики и психолингвистики, отмечает широкий охват проблем, над которыми работают ученые в разных городах России, странах ближнего и дальнего зарубежья. Более подробно разбираются доклады, посвященные контролируемому изменению сознания носителей языка с целью формирования при помощи метроязыка, характерного для мегаполиса, человека глобального; разным параметрам креативности детского творчества (поэтического и драматургического); принципам описания творческой языковой способности на основе элементарной операциональной единицы – фоносиллабемы; грамматическому аспекту анализа языковых / речевых тенденций; проявлениям креативности, языковой игры в художественной и народной речи. Делается вывод о том, что проявления лингвокреативности обнаруживаются в самых различных сегментах и единицах языковой системы, речевой деятельности носителей русского языка, связаны с их языковой способностью (в том числе билингвальной), межъязыковым взаимодействием, реализуются не только в игре «на гранях языка», но и в дискурсе городского пространства (в том числе рекламного), пересекаются с проблемами лингвоэкологии, лингвобезопасности, словарным делом в интернет-пространстве и многими другими.

Ключевые слова: лингвистика креатива, лингвокреативность, язык, речь, языковая способность, творческая языковая способность, речевая деятельность.

Для цитирования:

Бутакова Л.О. Лингвистика креатива: юбилей уральской креативной лингвистики и психолингвистики // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 282–287. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.282-287.

Сведения об авторе:

Бутакова Лариса Олеговна, профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: larisabut@rambler.ru

Дата поступления статьи: 18.07.2018

27–28 апреля 2018 г. в Уральском государственном педагогическом университете (УрГПУ) состоялась очередная международная конференция «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления». Такое название было выбрано ее организаторами не случайно: конференция юбилейная. Научный коллектив кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ, Уральское психолингвистическое общество отметили десятилетний юбилей данного направления лингвистических исследований. Кажется, что 10 лет – «детский возраст» для любого научного направления, но у вдохновителей лингвистики креатива огромный опыт психолингвистических и лингвистических разысканий, что обусловило зрелость всего, что они делают, одновременно – юношеский задор и полет научной мысли.

Организаторы подошли к своему юбилею неформально: сделали себе прекрасный подарок в виде четырех чрезвычайно интересных, динамичных пленарных заседаний, состав которых был продуман до мелочей, реализован с настойчивостью и любовью к докладчикам, коллегам, темам и проблемам.

Как и положено в таком случае, юбиляры начали конференцию с творческого отчета: Н.И. Коновалова представила всё, что было сделано за эти годы: четыре коллективные монографии с аналогичным названием, авторские монографии Т.А. Гридиной по креативу в детской речи, монографии Н.И. Коноваловой по смеховому тексту народной культуры и многое другое.

Проблематика пленарных докладов точно соответствовала линии, заданной названием: авторами анализировались тенденции и перспективы развития нового научного направления.

Насыщенная программа конференции открылась лингвофилософским докладом И.А. Бубновой (доктор филологических наук, профессор; Москва) «“Контенты”, “баттлы”, “квесты”: закономерности развития языка, креативность пользователей или нечто другое?». Доклад задал тон двухдневному обсуждению тенденций изменения языка и сознания. И.А. Бубнова подняла болезненную проблему англоизации русских не как результата заимствований, а как проявления намеренного манипулирования сознанием носителей языка с целью формирования «метроэтничности» (этничности без групп) и «метрочеловека» (человека без этничности) по принципу «слова после идей». Анализ объемного речевого материала доказывает управляемость процесса, его нацеленность на создание нового

типа личности – человека глобального, формирование которого происходит при помощи метроязыка, характерного для мегаполиса. Язык Москвы представляет собой типичный метроязык, в котором отчетливо заметны скрытые связи между языковым ландшафтом мегаполиса и неуверенностью молодого поколения в своем будущем. В докладе было высказано предположение, что «метроязык, воздействуя на человека, стимулирует развитие внутреннего (осознаваемого либо скрытого) психологического конфликта, связанного с неразрешимыми противоречиями, в которые вступают навязываемый извне и реальный образы жизни подавляющей части молодежи».

Т.А. Гридиной (доктор филологических наук, профессор; Екатеринбург) в докладе «Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления» были показаны разные параметры креативности, отмечены особенности данного феномена у детей, разграничены две его разновидности – компенсаторная, обусловленная «дефицитом» имеющихся у ребенка языковых средств; осознанная, обусловленная проявлением «власти» ребенка над языком. В этих процессах мышление метафорами – естественная составляющая творчества. Для процессов детской метафоризации автором отмечена полимодальность, наличие визуальных образных эталонов, синкретизм.

«Детская» составляющая была не менее содержательно представлена в докладе Л.А. Месеняшиной (доктор филологических наук, профессор; Челябинск) «Дискурс инициативного литературного творчества ребенка». Автором были показаны особенности драматургических текстов, созданных младшими школьниками и подростками, причем акценты были сделаны на отражении в детских текстах процесса игры и смещении «фокуса авторского внимания от записывания процесса реальной игры к записыванию игры воображения». Не менее интересной является выявленная тенденция к усилению по мере взросления авторов интереса к формальной стороне произведения, расписыванию пространства, одежды персонажей и пр.

Анализ творческой языковой способности на основе элементарной операциональной единицы – фоносиллабемы – представил Г.В. Векшин (доктор филологических наук, профессор; Москва) в докладе «Фоносиллабема – элементарная операциональная единица творческой языковой способности (поэзия, детская речь, языковая игра)». С обширным материалом в руках и не меньшим методолого-методическим арсеналом автор убедительно доказал, что фоносиллабическое оперирование словом позволяет говорящему заново «группировать и перегруппировывать сегментные и значимые звенья цепи», тем самым уходить от стереотипов, «девербализовать» речь до возможных пределов, заново открывать творческие возможности и тем самым осуществить право человека на творческую речевую деятельность.

Развитие субъективной семантики было показано в докладе Л.О. Бутаковой (доктор филологических наук, профессор; Омск) «От старика Хоттабыча до Хэмингуэя: возможности психолингвистического портретирования “возрастной” лексики». Автор представила способы построения семантического портрета лексемы *старик* на основе ассоциативных экспериментов, отраженных в базе Сибирского ассоциативного словаря, показала ассоциативное значение лексемы, модель его когнитивной структуры, типологию когнитивных областей в его составе, охватывающую 9 слоев, среди которых выделяются слои субъектов, характеристики (возрастная, внешняя, эмоциональная, интеллектуальная, физическая). Немолодой человек мужского пола (старик) воспринимается молодыми носителями русского языка в первую очередь как персонаж советского детского романа и его экранизаций («Старик Хоттабыч»), а также повести американского писателя «Старик и море».

Грамматический аспект анализа языковых / речевых тенденций был реализован в докладах Б.Ю. Нормана (доктор филологических наук, профессор; Минск) «“Необязательный” дательный падеж при глаголе» и Т.И. Стекловой (доктор филологических наук, профессор; Новосибирск) «Улыбнуло: языковое творчество или безграмотность?». Лингвисты показали чрезвычайно активные феномены современной грамматики, например *Думаю себе хорошо, Улыбнуло картинка сверху поста*, требующие объяснения как со стороны причин появления, так и с точки зрения прогноза их дальнейшей жизни.

Обширным был блок докладов, посвященных разным проявлениям креативности, языковой игры в художественной и народной речи, – Н.И. Купиной (доктор филологических наук, профессор; Екатеринбург) «Лингвокреативная составляющая эссеистики Льва Рубинштейна», М.В. Десяревой (доктор филологических наук, профессор; Киров) «Грамматика переходности: креативный потенциал субстантивов в поэтическом языке Александра Блока», А.В. Петрова (доктор филологических наук, профессор; Архангельск) «Языковая игра в поэзии Ольги Фокиной», М.Э. Рут (доктор филологических наук, профессор; Екатеринбург) «Экспериментальные наблюдения за номинацией объектов замкнутой системы», С.Ю. Данилова (кандидат филологических наук, доцент; Екатеринбург) «Речезанровая лингвокреативность в коротких рассказах Линор Горалик», Н.И. Коноваловой (доктор филологических наук, профессор; Екатеринбург) «“Условная реальность” смехового текста традиционной народной культуры», Е.В. Дзюбы (доктор филологических наук, профессор; Екатеринбург) «Отражение процессов категоризации в русских загадках», Н.Н. Щербаковой (доктор филологических наук, профессор; Омск) «Конструктивные принципы языковой игры в текстах XVIII века».

Невозможно перечислить всех докладов конференции. Их названия убеждают, что проявления лингвокреативности обнаруживаются в самых

различных сегментах и единицах языковой системы, речевой деятельности носителей русского языка, связаны с их языковой способностью (в том числе билингвальной), межъязыковым взаимодействием, реализуются не только в игре «на гранях языка», но и в дискурсе городского пространства (в том числе рекламного), пересекаются с проблемами лингвоэкологии, лингвобезопасности, словарным делом в интернет-пространстве и многими другими.

Можно заключить, что конференция дала не только возможность увидеть широту и глубину современных лингвистических и психолингвистических исследований, но и толчок для дальнейших проявлений креативности в науке.

LINGUISTICS OF CREATIVITY: ANNIVERSARY OF THE URAL CREATIVE LINGUISTICS AND PSYCHOLINGUISTICS

L.O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article analyzes the topics and issues of scientific reports of the international conference ‘Linguistics of creativity: trends and perspectives of new scientific direction development’ held in the city of Yekaterinburg. The author of the review shows the achievements in this area of linguistics and psycholinguistics, notes the broad scope of problems that scientists work on in different cities of Russia, countries of near and far abroad. There is more detailed discussion about reports on controlled change in the consciousness of native speakers in order to form a global person by using metrolanguage characteristic of the metropolis; on different parameters of creativity of children's art (poetry and drama); on principles of the description of a creative language capacity based on the basic operational units – monosyllable; on grammatical aspect of analysis of language / speech trends; on manifestations of creativity, the language game in fiction and popular speech. It is concluded that the manifestations of linguacreativity found in very different segments and units of the language system, speech activity of native speakers of Russian, are related to their language ability (including bilingual), interlanguage interaction, are not only in the game ‘on the verges of language’, but in the discourse of urban space (including advertising) that intersect with the problems of linguistic ecology, linguistic safety, dictionary business in the Internet space and many others.

Key words: linguistics of creativity, linguacreativity, language, speech, linguistic ability, creative language ability, speech activity.

For citation:

Butakova, L.O. (2018), Linguistics of creativity: anniversary of the Ural creative linguistics and psycholinguistics. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 282-287. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.282-287. (in Russian)

About the author:

Butakova Larisa Olegovna, Prof., Head of the Chair of Russian Language, Slavonic and Classical Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: larisabut@rambler.ru

Received: July 18, 2018

УДК 811.161.1'271
DOI 10.25513/2413-6182.2018.4.288-292

**ЗАСЕДАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН
(20 МАЯ 2018 г., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ):
ХРОНИКА И ОСНОВНЫЕ РЕШЕНИЯ**

М.С. Картышева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Аннотация: Представлена информация о заседании Орфографической комиссии РАН 20 мая 2018 г. в Санкт-Петербурге. На заседании были представлены три доклада. В результате обсуждения материалов выступлений члены Орфографической комиссии РАН обсудили принципы кодификации норм русского правописания, особенно норм пунктуации. Отдельно обсудили ошибки участников «Тотального диктанта – 2018», а также принципы разграничения однородных определений.

Ключевые слова: орфография, принципы орфографии, современная норма, Орфографическая комиссия, правила правописания.

Для цитирования:

Картышева М.С. Заседание орфографической комиссии РАН (20 мая 2018 г., Санкт-Петербург, Россия): хроника и основные решения // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 288–292. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.288-292.

Сведения об авторе:

Картышева Мария Сергеевна, младший научный сотрудник

Контактная информация:

Почтовый адрес: 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: mariyakartysheva@gmail.com

Дата поступления статьи: 28.08.2018

Заседание Орфографической комиссии РАН 20 мая 2018 г. открыл директор Института лингвистических исследований РАН академик Российской академии наук профессор Николай Николаевич Казанский, поприветствовав членов комиссии в Санкт-Петербурге. Н.Н. Казанский обратил внимание, что необходимо сохранить независимость советов и комиссий РАН и начать взаимодействовать с другими советами и комиссиями.

ми, например, с Комиссией по орфографии языков народов России или Советом по классической филологии.

Члены Орфографической комиссии РАН заслушали три доклада. Первым выступил председатель Орфографической комиссии РАН Алексей Дмитриевич Шмелев с докладом «Теоретические основания кодификации русской пунктуации». А.Д. Шмелев отметил, что общие принципы кодификации норм правописания в области пунктуации не описаны в достаточном объеме и требуют значительного внимания. Пунктуационный раздел в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. неполный и противоречивый, на большинство вопросов не дается однозначных ответов. Впоследствии появился целый ряд справочников, которые пытались заполнить лакуны, однако рекомендации этих справочников не имеют серьезного научного обоснования, кроме того, они противоречили друг другу. В «Полном академическом справочнике» под ред. В.В. Лопатина (М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009) была сделана попытка отразить современные тенденции в практике печати, при этом рекомендации сделаны интуитивно, без опоры на общетеоретические принципы. А.Д. Шмелев также сформулировал общий подход к кодификации правописания. Нормы правописания ранее имели другой статус, так как воспринимались как нечто внешнее по отношению к языку, и вводились компетентными инстанциями. Однако в действительности разницы между нормами правописания и прочими языковыми нормами нет. Кроме того, с развитием разных технических возможностей стало затруднительным вводить и следить за соблюдением норм правописания с помощью различных репрессивных механизмов.

При кодификации правописания следует учитывать грамотный узус, т. е. те способы написания, которые образованные носители языка готовы считать правильными. В триаде «узус – норма – кодификация» можно наблюдать только узус и кодификацию (как пишут люди и как норма отражается в справочниках), а норму – нельзя. Единственный способ наблюдать норму – это опросы грамотного большинства. Кодификация, конечно, более консервативна, чем узус, и ориентирована на старую кодификацию, при этом узус в значительной степени меняется стихийно.

В качестве примера того, с какими трудностями сталкиваются при кодификации правописания, А.Д. Шмелев привел пунктуацию в деловых письмах после обращения. Была традиция ставить восклицательный знак, в настоящее время восклицательный знак часто заменяется на запятую (следующее предложение все равно начинается с новой строки и с прописной буквы). Какой вариант должен стать правилом? Главное – при кодификации опираться на мнение грамотного большинства.

Также необходимо отчетливо понимать, что кодификация состоит из двух этапов, которые до сих пор смешиваются самими кодификаторами: на первом этапе дается оценка нормативности того, что встречается

в узусе, а на втором – формулируется правило. Часто последовательность нарушается: сначала формулируют правило, а потом оценивают узус с позиции нормативности.

Кроме того, мало описано соединение и поглощение знаков препинания: например, в каких случаях один знак может следовать за другим (запятая и скобка не могут идти друг за другом в любом порядке, точка и восклицательный знак не могут соединиться, но восклицательный знак может соединиться с многоточием). Это описано в справочниках корректора и редактора, но не в академическом справочнике. Эти и другие вопросы будут решены в новом своде пунктуации.

Говоря о русской пунктуации в общем, следует отметить, что нет теоретического современного обобщающего труда, который давал бы ясные ориентиры при формулировании правил русской пунктуации и на который следует опираться. В теоретических работах по современной пунктуации преобладает дескриптивный подход (значение знака в такой-то ситуации, в каких случаях используют такой-то знак). Принято выделять три направления в изучении русской пунктуации: смысловое, грамматическое, интонационное. В последнее время развиваются коммуникативное и функциональное направления.

А.Д. Шмелев закончил доклад просьбой не только сообщать в Орфографическую комиссию о трудных случаях пунктуации, но и делиться своими соображения по этому поводу.

М.Я. Дымарский начал свое выступление на тему «Пунктуация при однородных определениях: к композиции правил» с цитаты С.Г. Ильенко, одного из старейших отечественных синтаксистов: «Ориентация на смысловый критерий нередко оборачивается ориентацией, в сущности, лишь на пунктуацию: там, где у известного писателя определения разделены запятыми, они признаются однородными – при этом подыскиваются соответствующие обоснования.

Именно в этом, думается, причина того факта, что количество условий, при которых определения должны признаваться однородными, в некоторых пособиях доходит до десяти.

В чем же дело? Правила описывают не то, что должно быть всегда, а лишь то, что может быть, а может и не быть (но в таком случае это и не правила)?» С.Г. Ильенко приводит пример из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, где в двух практически тождественных контекстах в первом случае автор поставил запятую между определениями, а в другом – нет: *...и тут же узенькая витая лестница... – Германн ее (дверь. – С. И.) отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной...* С.Г. Ильенко завершает свое рассуждение: «Безоговорочными можно считать только два следующих случая однородности определений:

1) когда определения обозначают видовые понятия, принадлежащие к одному родовому:

*Фиолетовой, белой, лиловой,
Ледяной, голубой, бестолковой*

Перед взором предстанет сирень (А. Кушнер);

2) когда определения являются синонимами:

Это дикое, бессмысленное пари состоялось (А.П. Чехов);

Мне приходилось в своей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события (А.И. Куприн)»¹.

При этом М.Я. Дымарский отметил, что примеры в каждом пункте не являются совершенными: в первом случае *фиолетовой, белой, лиловой, голубой* – прилагательные, обозначающие цвет, а *ледяной* и *бестолковой* – такими прилагательными не являются, во втором пункте прилагательное *потрашающие* не является даже контекстуальным синонимом прилагательных *ужасные* и *отвратительные*. В докладе также была рассмотрена структура правила «Знаки при однородных определениях» в «Полном академическом справочнике» под ред. В.В. Лопатина и предложена оптимизация признаков однородных прилагательных. Автор доклада исходит из принадлежности к родовому понятию. Если определения принадлежат к одному родовому понятию, то должна существовать возможность обозначить это родовое понятие словесно. Под этот критерий подходят имеющиеся формулировки правила: определения обозначают виды в рамках одного рода (*немецкой, французской...*); определения описывают предмет с одной стороны (*скучный, утомительный*); определения, которые объединяются общей оценкой (*сдержанный, мягкий...*); определения, которые обозначают некоторое единство ощущений (*ясное, теплое*); определения, хотя бы одно из которых употреблено в переносном значении (*большую, черствую*). Обоснованием подчиненности такому родовому понятию может служить возможность перифразы с превращением ряда однородных определений в ряд однородных сказуемых с обобщающим словом. Подобрать такое обобщающее слово не всегда легко:

...ясное, теплое утро → *утро было приятное: ясное, теплое;*

...протянул большую, черствую руку → *это была рука трудового человека: большая, черствая.*

Таким образом формулирование правила для школьных учебников может привести к различным трудностям.

После доклада участники заседания обсудили имеющиеся признаки однородности и композицию будущего правила, однако к единому мнению относительно способа разграничения однородных и неоднородных определений еще не пришли.

Н.Б. Кошкарева сделала краткое сообщение, в котором рассказала о частотных ошибках в «Тотальном диктанте» в 2018 г. и предложила анализ соответствующих правил (особенно, знаки препинания в бессоюзном

¹ Современный русский язык. Синтаксис / под общ. ред. С.Г. Ильенко. М.: Юрайт, 2016. С. 244–245.

сложном предложении). Это сообщение вызвало активное обсуждение среди участников заседания и привело к обсуждению проблемы вариативности знаков препинания в целом.

**THE MEETING OF THE SPELLING COMMISSION OF THE RAS
(MAY 20, 2018, St. PETERSBURG, RUSSIA):
THE CHRONICLE AND MAIN DECISIONS**

M.S. Kartysheva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract: The article presents the information about the meeting of the Spelling Commission of the RAS on May 20, 2018 in St. Petersburg. The members of the Commission listened to 3 reports and discussed the principles of the codification of the norms of Russian spelling, especially punctuation norms. Additionally, the mistakes of the participants of the ‘Total Dictation – 2018’ were discussed, as well as the existing principles for delineating homogeneous definitions.

Key words: orthography, principles of orthography, modern norm, Spelling Commission of the RAS, spelling rules.

For citation:

Kartysheva, M.S. (2018), The meeting of the Spelling Commission of the RAS (May 20, 2018, St. Petersburg, Russia): the chronicle and main decisions. *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 288-292. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.288-292. (in Russian)

About the author:

Kartysheva Maria Sergeevna, junior researcher

Corresponding author:

Postal address: 18/2, Volkhonka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: mariyakartysheva@gmail.com

Received: August 28, 2018

УДК 81-112.2:81'27
DOI 10.25513/2413-6182.2018.4.293-300

**ХРОНИКА II МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА
«РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ»
(Ялта, 8–12 июня 2018 г.)**

Е.Я. Титаренко

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

Аннотация: Представлена хроника II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», включенного в программу XII Международного фестиваля «Великое русское слово». Симпозиум состоялся 8–12 июня 2018 г. в Ялте. В научную программу симпозиума вошли пленарные и секционные заседания, круглые столы, панельная дискуссия; были подняты важные проблемы, такие как «англизация» науки и образования в России, неуместное употребление латинской графики на улицах российских городов, современные речевые практики и др. По итогам работы приняты резолюции.

Ключевые слова: русский язык, поликультурный мир, лингвокультурология, графогибридизация, социолингвистика.

Для цитирования:

Титаренко Е.Я. Хроника II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 8–12 июня 2018 г.) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 293–300. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.293-300.

Сведения об авторе:

Титаренко Елена Яковлевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин

Контактная информация:

Почтовый адрес: 295007, Россия, Симферополь, ул. Ялтинская, 20

E-mail: rusforlan@yandex.ru

Дата поступления статьи: 25.08.2018

В рамках XII Международного фестиваля «Великое русское слово» 8–12 июня 2018 г. в г. Ялта состоялся II Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире». Фестиваль организован Государственным Советом и Советом министров Республики Крым. В работе симпо-

зиума приняли участие (очно и заочно) ученые из стран дальнего и ближнего зарубежья: Беларуси, Казахстана, Польши, Италии, Сербии, Словении, Болгарии, Йемена, США, Китая и др. Среди российских участников симпозиума – филологи из шести федеральных округов, представляющие такие университеты и академические институты, как Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт языкознания РАН (ИЯ РАН), МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН, Санкт-Петербургский государственный университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского и др. Результаты своих исследований представили доктора (более 60) и кандидаты наук (более 110), а также молодые ученые: аспиранты, магистранты, студенты (более 30).

В состав крымской делегации вошли 60 филологов-русистов из Симферополя, Ялты, Алупки, Нижнегорска, Севастополя, представляющие такие учебные заведения, как Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (КФУ), Крымский индустриально-педагогический университет (КИПУ), Севастопольский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова и др.

В Научный программный комитет симпозиума вошли доктора филологических наук профессора Г.Ю. Богданович (Симферополь), И.П. Зайцева (Витебск, Беларусь), О.С. Иссерс (Омск), Е.М. Маркова (Москва), Т.В. Милларесси (Лилль, Франция), Е.Я. Титаренко (Симферополь). По докладам участников симпозиума опубликован сборник научных статей в двух томах.

Симпозиум начал свою работу 9 июня 2018 г. в актовом зале СОК «Россия». Пленарное заседание докладом «Язык, глобализация и идентичность» открыла доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики ИЯ РАН Н.В. Уфимцева. Доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, ответственный секретарь РОПРЯЛ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания РУДН В.М. Шаклеин выступил с докладом «Основные проблемы прикладной лингвокультурологии». Большой интерес участников пленарного заседания вызвали доклады профессора Университета имени Казимира Великого (Быдгощ, Польша) М. Маршалек на тему «Русское слово в польских СМИ (на материале еженедельника “NIE”)» и кандидата филологических наук, доцента Б.Н. Коваленко (СПбГУ) в соавторстве с К. Мильш (Гамбург, Германия) «Русский язык в Германии (из опыта работы на международном семинаре русского языка в Тиммендорфер Штранде)».

Во второй половине пленарного заседания с докладами выступили доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Е.В. Петрухина (доклад «Процессы десакрализации в русском языке: роль словообразовательных формантов»), доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ДонНУ (Донецк) В.И. Теркулов (доклад «Параметры описания лексической системы диффузного региолекта (на примере донецкого региолекта русского языка)») и доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, славянско-

го и общего языкознания КФУ им. В.И. Вернадского А.В. Петров (доклад «Крымские реалии в Словаре В.И. Даля»).

В тот же день состоялись заседания секций «Русский язык в Крыму и других поликультурных регионах» (заседание провела доктор филологических наук, профессор КФУ им. В.И. Вернадского Т.А. Яценко), «Социолингвистика. Медиалингвистика. Юридическая и политическая лингвистика» (руководитель секции – доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и русской литературы Белгородского государственного университета И.И. Чумак-Жунь) и заседание круглого стола «Лингвистика креатива. «Гибридизация» русской графики» (под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания РУДН Е.Н. Ремчуковой).

В работе круглого стола приняли участие ученые-лингвисты – профессора и доценты из разных регионов; молодые исследователи – магистранты и студенты факультета славянской филологии и журналистики Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и Донецкого национального университета; представители органов власти – депутаты Государственного Совета Республики Крым: Н.П. Пермякова (председатель комитета по культуре и вопросам охраны культурного наследия), Н.А. Лантух, Л.В. Чулкова (члены комитета). В выступлениях Е.Н. Ремчуковой (Москва), Е.Я. Титаренко (Симферополь), И.В. Бугаевой (Москва), В.В. Борисенко (Белград, Сербия), И.Н. Пономаренко (Краснодар), А.А. Ховалкиной (Симферополь) поднимались острые вопросы, касающиеся разрушения норм русской графики «словами-кентаврами» (Л.П. Крысин), нарушения норм орфографии, обилия уродующих облик современных российских городов вывесок коммерческих объектов с применением «графогибридизации» и др.

Участники заседания констатировали: в результате массового применения иноязычной лексики и графики нарушается **экология русского языка; размываются нормы** государственного языка (графические, орфографические, лексические и др.); развивается **пренебрежение к родному языку**, его лексике и графике; «престижным», «элитным» представляется употребление английского или любого другого иностранного языка, кроме русского. Конкретные предложения ученых по изменению ситуации изложены в Резолюции круглого стола, с которой можно ознакомиться на сайте симпозиума (<http://www.ruslan2016.cfuv.ru/>).

Секция «Русский язык в Крыму и других полилингвокультурных регионах» также привлекла внимание многих участников симпозиума, которые активно обсуждали доклады доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и литературы Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова М.К. Пак, говорившей об особенностях функционирования русского языка в Казахстане в связи с процессами глобализации и в ситуации утверждения на государственном уровне

не триединства русского, казахского и английского языков, доктора филологических наук, профессора КИПУ А.М. Эмировой, поднявшей вопросы межъязыкового взаимодействия русского и крымскотатарского языков, профессора КФУ им. В.И. Вернадского Т.А. Яценко, обосновавшей целесообразность обращения к динамике «системы ценностей» при анализе крымского краеведческого дискурса. Также с докладами на секции выступили Р.Н. Гусейнова (Симферополь), Л.С. Москаленко (Москва), А.Н. Стебунова (Донецк) и другие ученые.

10 июня состоялись заседания секций «Русский язык в современном мире: языковые контакты, вопросы лексикографирования, современные тенденции ономастических исследований» (под руководством доктора филологических наук, профессора, члена программного научного комитета симпозиума Е.М. Марковой); «Функционирование русского языка в современных дискурсах разных типов» (руководитель – доктор филологических наук, профессор В.И. Теркулов); «Вопросы организации обучения русскому языку как иностранному» (руководитель – кандидат филологических наук, доцент СПбГУ О.И. Глазунова), «Преподавание русского языка и литературы в средней и высшей школе» (под руководством доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка и истории литературы МПУ С.С. Хромова).

Среди участников симпозиума было немало представителей донецкой научной лингвистической школы. В секции «Функционирование русского языка в современных дискурсах разных типов» выступили молодые исследователи аббревиатур русского языка – ученики профессора В.И.Теркулова, объединенные работой над толково-эквивалентным словарем сложносокращенных слов, которую проводит лаборатория «ЭЛИТА» – А.И. Бровец, Е.А. Акулич, К.Ю. Емельянова.

Доклады, прочитанные на секции, затрагивали проблемы дискурсологии (в том числе рассматривался религиозный дискурс), фразеологии и словообразования русского языка, проблемы грамматики, лексики и лексикографии. Несмотря на объектную разбросанность, по словам руководителя секции В.И. Теркулова, в докладах обнаружилась и определенная «идеологическая» связанность: они были выполнены в русле методологических основ классического советского и современного русского языкознания. В качестве предложения участники заседания высказали идею создания межвузовских и межгосударственных научных объединений.

В программу II Международного симпозиума вновь был включен круглый стол «Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания» под руководством профессора Н.В. Уфимцевой (Москва). За прошедший год совместной работы по договору о научном сотрудничестве между сектором этнопсихолингвистики ИЯ РАН и факультетом славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадско-

го было проведено анкетирование более 1 000 студентов университета, появились первые результаты, о которых говорила в своем выступлении Г.А. Черкасова (ИЯ РАН, Москва). На заседании выступили также О.В. Балясникова (Москва) и И.В. Шапошникова (Новосибирск). Авторы представили свою монографию «Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния» (М.; Ярославль: Канцлер, 2017) и подарили кафедре методики преподавания филологических дисциплин КФУ им. В.И. Вернадского авторские экземпляры.

11 июня работала секция «Лингвистический и литературоведческий анализ художественного текста», собравшая большое количество заинтересованных поднимаемыми проблемами ученых. Работу секции возглавила доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых языков Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, И.П. Зайцева, постоянный член научного программного организационного комитета симпозиума. В докладах маститых ученых – профессоров И.П. Зайцевой «Интерпретация художественного текста в современный период: взаимодействие традиционного и новейшего знания», Л.А. Петровой (Симферополь, КИПУ) «Реализация семантического пространства художественного текста», Т.Е. Шаповаловой (Москва, МГОУ) «Темпоральность в поэтическом тексте Иосифа Бродского “В деревне Бог живет не по углам...”», – и молодых исследователей – кандидата филологических наук М.Н. Панчехиной (Донецк) «Компоненты языковой личности Ивана Бездомного (на материале романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”», Е.В. Кравченко (Симферополь) «Авторская стратегия в художественном тексте (на материале романа А.Ф. Писемского “Взбаламученное море”», аспиранта Ли Сюэ (Китай) «Лингвокультурологический подход к описанию эпизода пребывания Наташи Ростовой в деревне у дядюшки на фоне китайской языковой традиции» были затронуты разные аспекты анализа художественного текста. По итогам работы секции были высказаны предложения: усилить понятие «крымский контекст» и изучить его вклад в культуру других народов и других языков; пригласить на симпозиум учителей русского языка и литературы и, по возможности, организовать круглый стол с их участием; актуализировать связи с образовательными учреждениями, организовать серию отчетов симпозиума для конкретного адресата: школы, университеты, министерство.

Центральным событием дня стала панельная дискуссия «Речевой идеал и современные речевые практики», которую провела профессор О.С. Иссерс (Омск). С докладами также выступили Н.Д. Стрельникова (Санкт-Петербург) и Т.П. Чепкова, А.А. Позднякова (Москва). Дискуссия собрала почти всех участников симпозиума, вызвала неподдельный интерес и удовлетворение от состоявшегося разговора.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы и высказаны различные замечания и предложения.

Среди поднятых и рассмотренных на симпозиуме проблем наиболее значимыми стали:

– проблемы языковых контактов, влияния языков, в частности английского языка и его американского варианта, на русский и другие славянские языки, установление языковых универсалий и уникалий, обусловленных особенностями той или иной этнокультуры;

– проблемы языкового развития в свете современных глобализационных процессов, основные векторы, определяющие эволюционные процессы в языках на современном этапе: тенденции демократизации, жаргонизации, универбации, карнавализации лексиконов и унификации грамматических систем современных языков; отмечено, что эти процессы наблюдаются не только в русском, но и в других языках, однако степень их проявления в русском языке оказывается зачастую выше;

– вопросы медиалингвистики, язык средств массовой информации и рекламы, его лексические, грамматические, словообразовательные особенности; окказионализмы и неологизмы, возможности их вхождения в литературный русский язык; влияние языка СМИ и Интернета на литературный язык, его расшатывание, приводящее к колебаниям норм и сосуществованию двух, а иногда и нескольких норм, реализуемых по принципу: «норма – это выбор»;

– употребление латиницы в коммерческой номинации, смешение латиницы с кириллицей (графогибридизация), прямое включение иноязычной лексики или ее элементов в наименования городских объектов и фирм, наружную рекламу, вывески магазинов, кафе, ресторанов и др. общественных заведений, грубо нарушающих городскую языковую среду, экологию русского языка, а в некоторых случаях и нормы морали;

– необходимость противостоять принудительной «англизации» российского образования и науки, давлению на российское научное сообщество, принуждающему к публикации научных статей по всем отраслям знаний, включая русистику, на английском языке в зарубежных изданиях, что может привести к негативным последствиям как для отечественной науки, так и для ее языка;

– проблемы организации обучения русскому языку и культуре речи в филологической и нефилологической образовательной сфере, вытеснения дисциплины «Русский язык и культура речи» из образовательных стандартов и профессиональных образовательных программ;

– вопрос о роли речевых стратегий, которые используются с целью манипулирования общественным сознанием, что сегодня представляет реальную опасность для поликультурного мира;

– вопросы организации и проведения массового ассоциативного эксперимента с целью изучения языкового сознания носителей русского и других языков;

– теоретические и практические аспекты лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста.

По итогам работы симпозиума были приняты следующие решения:

- Отметить, что День русского языка в Республике Крым был провозглашен еще в 1998 г. Русской общиной Крыма в день рождения А.С. Пушкина, задолго до официального провозглашения этого праздника в России. Традиция проведения научной лингвистической международной конференции (ныне симпозиума) «Русский язык в поликультурном мире» была заложена со времени первого фестиваля «Великое русское слово» в 2007 г. За прошедшее время симпозиум приобрел большой авторитет в научном мире, активное и плодотворное взаимодействие ученых-филологов из разных стран придало этому мероприятию статус одного из ключевых научных событий русистики, фактически симпозиум стал **научным брендом** фестиваля «Великое русское слово».

- Выразить обеспокоенность принудительной «англизацией» высшего образования (в частности, требованием обязательной защиты ВКР и кандидатских диссертаций на английском языке в отдельных университетах) и научной работы (публикаций результатов научных исследований, в том числе по русскому языку и русской литературе, на английском языке).

- Осудить использование иноязычной лексики и графики в коммерческой номинации на улицах российских городов, дать профессиональную оценку явлению графогибридации и ее последствиям, обратиться к местным властям своих регионов с конкретными предложениями о возможных мерах исправления ситуации.

- Признать целесообразным объединение русистов из разных стран и регионов для разработки параметров описания «диффузного региолекта русского языка». Приветствовать создание межвузовских и межгосударственных научных объединений русистов.

- Приветствовать участие в работе симпозиума молодого поколения исследователей – аспирантов, магистрантов и студентов. Молодым ученым и их научным руководителям обратить особое внимание на подготовку устных выступлений на заседаниях секций, не допускать чтения написанных и уже опубликованных в материалах симпозиума собственных статей, а готовить доклады по этим статьям, соблюдая регламент и учитывая высококвалифицированную аудиторию слушателей.

- Признать опыт проведения панельной дискуссии и круглых столов в рамках симпозиума положительным, выразить благодарность их модераторам – профессорам О.С. Иссерс, Е.Н. Ремчуковой, Н.В. Уфимцевой.

- Провести на следующем симпозиуме круглый стол на тему «Теория и практика речетворческого образования» с участием журналистов, методистов, школьных учителей.

- Учитывая, что манипулятивные речевые стратегии в современных дискурсах (политическом, публицистическом, художественном) представ-

ляют реальную опасность для поликультурного мира и угрозу для отношений между отдельными полиэтническими группами, организовать панельную дискуссию на тему: «Манипулятивное речевое воздействие: языковая личность – текст – дискурс».

• Признать работу II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» плодотворной, прошедшей на высоком научно-методическом уровне, высказать благодарность Организационному комитету XII Международного фестиваля «Великое русское слово» и программному научному комитету симпозиума.

**CHRONICLE OF THE 2nd INTERNATIONAL SYMPOSIUM
“RUSSIAN LANGUAGE IN THE MULTICULTURAL WORLD”
(Yalta, June 8-12, 2018)**

E.Ya. Titarenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Abstract: The chronicle of the 2nd International Symposium “Russian Language in the Multicultural World”, included in the program of the 12th International Festival “The Great Russian Word”, is presented. The symposium was held on June 8-12, 2018 in Yalta. The scientific program of the symposium included plenary and sectional meetings, round tables, panel discussions. Important issues were raised, such as the ‘anglization’ of science and education in Russia, the inappropriate use of Latin graphics on the streets of Russian cities, modern speech practices and many others. Resolutions were adopted as the result of the symposium work.

Key words: Russian language, multicultural world, linguoculturology, grapho-hybridization, sociolinguistics.

For citation:

Titarenko, E.Ya. (2018), Chronicle of the 2nd International Symposium “Russian Language in the Multicultural World” (Yalta, June 8-12, 2018). *Communication Studies*, No. 4 (18), pp. 293-300. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.293-300. (in Russian)

About the author:

Titarenko Elena Yakovlevna, Prof., Head of the Chair of Methodology of Teaching Philological Disciplines

Corresponding author:

Postal address: 20, Yaltinskaya ul., Simferopol, 295007, Russia

E-mail: rusforlan@yandex.ru

Received: August 25, 2018

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Ежегодно срок подачи статей для первого номера – **до 1 февраля**; для второго – **1 апреля**; для третьего – **1 августа**; для четвертого – **до 1 октября**.

Письмо-заявка кроме самой статьи включает **отдельный файл** со сведениями об авторе.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.

2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме) (10–15 строк, отражающих основное содержание статьи); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **700–1500 знаков с пробелами**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи.

3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации).

4. Полный текст статьи на русском или английском языке.

5. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи.

6. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенные курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идёт о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка, – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации, с указанием publ. (если речь идет о книжной публикации). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объём) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений.

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно в случае «типовых» названий (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описания дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

7. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

8. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

9. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),
(Огонек. 2013. № 1),
(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),
(<http://file-rf.ru/analitics/54> 3.03.2013).

В случае использования примеров из НКРЯ допускается приводить описание источника согласно принятой в корпусе форме.

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в Международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия пер-

воисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // НЛО. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2015).

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: официальный сайт. URL: <http://www.omsu.ru> (дата обращения: 24.06.2015).

REFERENCES

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [*The General Linguistics*], Moscow, Progress Publ., 448 p. (in Russian)

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznaniiya* [*Linguistics Questions*], No. 5, pp. 223-235. (in Russian)

Часть книги: Searle, J. (1986), *Kosvennye rechevye akty* [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [*New in foreign linguistics*], Moscow, Iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian)

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), *Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt* [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [*Theory and practice of German and Romance Languages*], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian)

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), *Zametki k antropologii russkogo Interneta* [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New Literary Observer*], No. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2015). (in Russian)

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и язык, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815
Кафедра прикладной и теоретической лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна
Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskih@mail.ru)